МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Иконников Сергей Анатольевич

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВОРОНЕЖСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д. и. н., профессор М. Д. Карпачев

Воронеж – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……. 4

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА

§1. Воронежская епархия во второй половине XIX – начале XX века……..... 50

§2. Правовое положение приходского духовенства……..... 64

§3. Материальное обеспечение приходского духовенства……. 84

§4. Пенсионное обеспечение приходского духовенства. Благотворительные попечительства епархии..... 115

§5. Образование..... 127

ГЛАВА II. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ЕПАРХИИ

§1. Деятельность на поприще народного образования 169

§2. Борьба с сектами и социальными пороками……..... 194

§3. Религиозное и духовно-нравственное состояние населения Воронежской губернии…….. 215

ГЛАВА III. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА

§1. Общественно-политическая тематика в проповедях воронежского духовенства..... 229

§2. Воронежское приходское духовенство и революционное движение начала XX века……..... 247

§3. Участие детей духовенства в общественно-политическом движении. История волнений в Воронежской духовной семинарии…… 275

§4. Воронежское приходское духовенство и Государственная дума……... 301

Заключение……. 332

Список использованных источников и литературы……..... 339

Приложения……..... 368

Приложение 1. Сравнительная характеристика Воронежской епархии за 1913 г. и Воронежской и Борисоглебской епархии за 2013г. 379

Приложение 2. Правила поведения для воспитанников Воронежской духовной семинарии за 1913 г. 380
Приложение 3. Список тем письменных работ, предложенных воспитанникам Воронежской духовной семинарии в 1910-1911 учебном году..... 393
Приложение 4. Соображения Правления Воронежской духовной семинарии по вопросу об изменениях в строе духовных семинарий..... 396
Приложение 5. Численность сектантов и старообрядцев в Воронежской губернии..... 402
Приложение 6. Устав «Бюро забастовавших семинаристов» и требования воспитанников Воронежской духовной семинарии в ходе волнений в учебном заведении в 1905 и 1912 гг..... 404
Приложение 7. Список законодательных предположений, подписанных воронежскими депутатами-клириками в ходе работы Государственной думы... 409

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Выдающийся русский философ XX века, известный богослов и историк церкви протоиерей Георгий Флоровский в своем знаменитом сочинении «Пути русского богословия», резюмируя христианский взгляд на важность изучения исторического наследия, писал: «Прошлая судьба русского богословия была для меня всегда историей творимой современности, в которой нужно было найти самого себя»[1]. В этих словах выражена идея о неразрывной связи прошлого и настоящего, согласно которой изучение истории необходимо не только ради удовлетворения одному лишь любопытству и даже не потому, что в событиях минувших времен мы находим ключ к разгадке процессов, происходящих в настоящем. Прошлое представляет собой материал, формирующий образ современного человека, а значит, является не потерянным наследием, а прошлым и настоящим в одном лице, то есть вечным. Именно поэтому особенно важным представляется изучение не только определенных геополитических процессов, войн, катаклизмов и т. п., но и жизни тех, кто определяет собой историю, то есть обычных людей. В этой связи современные исследователи все большее внимание уделяют социальной истории, в задачу которой входит не столько изучение крупных внешнеполитических событий, определивших ход мировой истории, сколько рассмотрение скрытых за ними отдельных человеческих судеб. Данное исследование также посвящено изучению одного из аспектов социальной истории нашей страны, а именно истории духовенства Российской православной церкви на примере Воронежской епархии во второй половине XIX – начале XX века.

Актуальность выбранной темы обуславливается, прежде всего, тем, что, во-первых, церковь на протяжении веков играла важную роль в духовной жизни российского общества. Наша история неотделима от православия. Мысль о неразрывности светской и церковной истории для нашей страны замечательно выразил

[1] Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 3.

выдающийся отечественный богослов начала XX века архимандрит Иларион (Троицкий). В 1918 г. во время дискуссий по вопросу о восстановлении патриаршества на Поместном соборе Российской церкви он произнес следующие слова: «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце»[2]. Наше прошлое складывалось под непосредственным влиянием православия, которое во многом определило своеобразие культурного облика Российского государства. Изучение прошлого церкви позволяет понять многие вопросы не только религиозной жизни нашей страны, но и ее гражданской истории.

Во-вторых, актуальность темы связана и с недостаточной изученностью прошлого российского духовенства, прежде всего, на региональном уровне. Следует подчеркнуть, что применительно к территории Воронежской губернии рассматриваемого времени данная тема не являлась предметом самостоятельного исследования. Между тем, региональный материал позволяет проследить особенность жизни и уклада простых провинциальных священно-церковнослужителей и лучше понять процессы, происходившие в недрах сельского духовенства, наиболее тесно соприкасавшегося с крестьянским населением Российской империи.

В-третьих, необходимость исследования истории приходского духовенства обоснована также и той особой социальной ролью, которую оно играло в истории нашей страны, являясь одним из проводников государственной идеологии, а также выполняя важные культурно-просветительские задачи. Духовенство в процессе своего служения реализовывало целый ряд функций, зачастую не относящихся к священническому служению напрямую. Именно поэтому исследование его прошлого может пролить свет и на историю других, тесно связанных с ним сословий.

---

[2] Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700-2005 гг. Москва, 2006. С. 342.

Степень изученности темы

По истории приходского духовенства Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века не создано ни одного специального исследования. Тем не менее в отечественной исторической науке имеется немало работ, посвященных самым разным аспектам жизни Российской православной церкви в изучаемое время, в том числе и прошлому духовенства. В историографии темы следует выделить три четко выраженных периода: дореволюционный, советский и современный.

Начало пристальному изучению социального положения приходского духовенства в России положили преобразования императора Александра II. Реформы, инициированные правительством, явились импульсом к деятельному обсуждению целого ряда внутриполитических проблем. Не самое последнее место занимал вопрос о положении русского приходского духовенства, его правах и обязанностях, трудностях и необходимых изменениях в материальном и социальном статусе. Одним из первых, кто серьезно заговорил о необходимости перемен в жизни духовенства, был священник И. С. Беллюстин. В 1858 г. в Лейпциге вышла его книга (без разрешения автора, изданная М. П. Погодиным)[3] под названием «Описание сельского духовенства»[4]. Появление данного сочинения не было случайным. Оно олицетворяло собой всю ту совокупность трудностей, с которой приходилось сталкиваться священно-церковнослужителям в своей ежедневной деятельности. Рефреном книги послужили слова И. С. Беллюстина: «Грустно и больно смотреть, до чего унижено и подавлено у нас сельское духовенство»[5]. По мнению автора, власти следовало обратить самое серьезное внимание на материальное и социальное положения священнослужителей, инициировать ряд существенных реформ. Появление сочинения И. С. Беллюстина вызвало значительный интерес к теме русского приходского духовенства. Многим казалось, что материал, представлен-

[3] Федоров В. А. Беллюстин Иоанн Степанович // Православная энциклопедия. Т. 4. С. 531.
[4] Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1858.
[5] Там же. С. 5.

ный автором, не вполне совпадал с действительным положением дел. Оппонировать священнику вызвался Н. В. Елагин, в 1859 г. опубликовавший свое сочинение о проблемах приходского духовенства[6]. С точки зрения Н. В. Елагина, И. С. Беллюстин чрезмерно сгущал краски. Положение духовенства действительно требовало изменений, но все-таки не было столь плачевным.

Однако ни книга И. С. Беллюстина, ни труд Н. В. Елагина не являлись полноценными исследовательскими работами. В данных сочинениях изучение актуальных тем сочеталось с описанием личного опыта, проблем, с которыми сталкивались в повседневной жизни сами авторы. Именно поэтому необходимо отметить не только исследовательский, но и источниковый характер обозначенных работ. Заслуга данных сочинений заключалась в том, что они явились своего рода толчком к изучению проблем приходского духовенства.

В 1860-е годы появляется одно из первых исследований, автор которого попытался сравнить положение мирского и монашествующего духовенства в рассматриваемое время. Речь идет о сочинении профессора Санкт-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславова[7], который хотел показать те «разные беспорядки», имевшие место в жизни духовного сословия России. Серьезной критике подвергались самые разнообразные стороны жизни церкви: начиная от быта духовенства, заканчивая вопросами образования и епархиального управления.

Первым полноценным сочинением, посвященным истории приходского духовенства в России, следует считать работу профессора Казанской духовной академии П. В. Знаменского (1836 – 1917) «Приходское духовенство в России со времени реформ Петра», изданную в Казани в 1872 г.[8] В монографии рассматривается российское законодательство, касающееся церковной сферы, анализируются государственные мероприятия в отношении духовенства, а также освещаются основные аспекты жизни церковного клира и их семей в синодальную эпоху. Благодаря привлечению большого количества источников работа представляет зна-

[6] Елагин Н. В. Белое духовенство и его интересы. Берлин. 1859.
[7] Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России. Т. 1. Лейпциг, 1866.
[8] Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформ Петра. Казань, 1872.

чительный интерес для современных исследователей, несмотря на то, что она доведена лишь до середины XIX века.

В 1873 г. в свет вышел труд, представляющий немалый интерес по истории церковных преобразований эпохи Александра II. Речь идет о сочинении священника А. Ф. Лаврова-Платонова[9]. В книге рассматривается проект церковно-судебной реформы, предложенный обер-прокурором Святейшего Синода Д. А. Толстым. Достаточно внимательному историческому и богословскому изучению подвергся вопрос о соотношении светского и церковного начал в духовном суде. В историографическом плане сочинение интересно рассмотрением текущего на тот момент положения дел в духовно-судебной сфере Российской православной церкви.

В 1880-е годы появились исследования, посвященные вопросам церковной политики императора Александра II. Предпринимались попытки обобщить и проанализировать завершенные или еще только начатые преобразования в ведомстве православного исповедания. Пристальное внимание уделялось вопросам законодательства и изменениям в материальном положении духовенства, произошедшим в результате деятельности Особого присутствия по делам православного духовенства. Из подобных работ следует упомянуть о труде экстраординарного профессора Казанской духовной академии В. В. Миротворцева[10]. Небольшая работа автора представляет собой речь, произнесенную в 1880 г. в Казани на годичном выпускном акте духовной академии. На наш взгляд, интересным в сочинении Миротворцева является не столько подробный анализ мероприятий, предпринятых правительством по отношению к церкви, сколько сравнительная характеристика положения духовенства до реформ Александра II и после них.

Не менее интересной работой, посвященной мероприятиям Александра II в деле преобразования различных сторон церковной жизни, является сочинение

---

[9] Лавров-Платонов А. Ф., свящ. Предполагаемая реформа церковного суда. Санкт-Петербург Вып. 1. 1873.

[10] Миротворцев В. В. Меры правительства к преобразованию быта православного белого духовенства в царствование государя императора Александра II. Казань, 1880.

Н. П. Руновского[11]. Данное исследование в целом посвящено тем же вопросам, что и труд В. В. Миротворцева, отличаясь от последнего более подробным анализом хода преобразований и предлагаемых в то время проектов реформы.

Существенное значение для понимания правового и материального положения духовенства во второй половине XIX – начале XX века имеет очень популярный среди дореволюционных священников труд П. П. Забелина[12]. Работа состоит из трех частей и представляет собой подробный анализ всех прав и обязанностей священно-церковнослужителей по каноническому праву и светскому законодательству. Труд П. П. Забелина до революции использовался в качестве справочного пособия. Помимо сочинения П. П. Забелина вопросам гражданского и церковного законодательства, касающимся быта и правового положения духовенства, были посвящены работы Д. Андреева, Т. В. Барсова, А. М. Богословского, Я. И. Ивановского, И. О. Милованова, А. Е. Никольского, а также курсы церковного права А. С. Павлова, Н. С. Суворова, И. С. Бердникова[13].

Ввиду того что вопросы материального благополучия духовенства стояли на первом месте в программе так называемой церковной реформы, проблемам

---

[11] Руновский Н. П. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898.

[12] Забелин. П. П. Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской Церкви и по церковно-гражданским постановлениям Русской Церкви. Часть 1. Киев, 1884.

[13] Андреев Д. Сборник правил о средствах содержания духовенства и о разделе их между членами причта. Санкт-Петербург, 1906; Барсов Т. В. О судопроизводстве по проступкам и преступлениям, подвергающим духовных лиц светскому суду // Христианское чтение. 1875. №. 6. С. 450-490; Он же: Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по Ведомству православного исповедания. Т. 1. Санкт-Петербург, 1885; Он же: О собрании духовных законов // Христианское чтение. 1897. № 12. С. 754-784. Он же: К вопросу о реформе церковного управления и суда. Казань, 1906; Богословский А. М. Сборник статей судебных уставов 20 ноября 1864 года, имеющих отношение к Ведомству православного исповедания. Санкт-Петербург, 1872; Ивановский Я. И. Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству. Санкт-Петербург, 1883; Милованов И. О преступлениях и наказаниях церковных // Христианское чтение. 1888. № 1. С. 110-140; Никольский А. Е. Новые духовные законы: полное руководство для православных священно-церковнослужителей, монашествующих, настоятелей монастырей благочинных, членов консисторий, архиереев и др. монашествующих лиц, с приложением подробных узаконений для церковных старост и попечительств. Москва, 1883; Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902; Суворов Н. С. Курс церковного права Т. 1. Ярославль, 1899; Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной Греко-российской Церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права. Казань, 1888.

быта и финансового обеспечения клириков так же было посвящено немало сочинений. Среди таких работ интерес представляют исследования Н. И. Григоровича, свящ. Г. М. Любимова, А. И. Лотоцкого, прот. В. И. Кедрова[14]. В трудах этих авторов характеризовалось реальное положение материальной стороны жизни православных клириков, предлагались возможные варианты преодоления бедственного положения священно-церковнослужителей. В качестве панацеи от тяжелого финансового состояния клириков рекомендовались самые разные меры: от необходимости введения жалованья до законодательного закрепления обязательства за прихожанами обеспечивать существование своих пастырей. Немало внимания в обозначенных работах уделялось и несовершенству имперского законодательства в деле обеспечения духовенства.

Из обобщающих исследований по истории церкви синодального периода интерес представляет сочинение С. Г. Рункевича «Русская церковь в XIX веке»[15]. С. Г. Рункевич (1867-1924) был видным церковным деятелем рассматриваемого времени, занимал должность обер-секретаря Святейшего Синода, являлся членом Учебного комитета при все том же Синоде. Ввиду этого информация, собранная в книге С. Г. Рункевича носит не только исследовательский, но и источниковый характер (особенно когда речь идет о второй половине XIX века). Работа состоит из двух частей (посвященных первой и второй половинам XIX века соответственно) и рассматривает такие важные аспекты церковной истории, как материальное и социальное положение русского духовенства, основные мероприятия в законодательной сфере, просвещение и образование, ереси и расколы, миссионерское и социально-благотворительное служение. Работа позволяет проследить развитие государственного законодательства в сфере религиозной политики, основные со-

[14] Григорович Н. И. Обзор общих законоположений о содержании православного духовенства в России, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764-1863). Санкт-Петербург, 1867; Любимов Г. М., свящ. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII-XVIII века. Санкт-Петербург. 1852; Лотоцкий А. И. На повороте. Санкт-Петербург, 1907; Кедров В. И. О способах материального обеспечения духовенства // Богословский Вестник. Январь. Т. 1. 1908. С. 191-211.

[15] Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX веке. Санкт-Петербург, 1901.

бытия, повлиявшие на жизнь православной церкви в пореформенной России, а также получить сведения о ходе церковной реформы Александра II.

При рассмотрении дореволюционной историографии приходского духовенства нельзя не упомянуть и об общем курсе по синодальной истории Российской православной церкви А. П. Доброклонского[16]. Сочинение А. П. Доброклонского – это популярное учебное пособие для духовных школ, достаточно кратко и емко передающее основные события церковной и гражданской отечественной истории, в том числе события XIX века.

В 1884 г. духовенство высочайшим манифестом было призвано к энергичной деятельности на поприще народного просвещения. При приходских церквях начали в большом количестве открываться церковно-приходские школы. Светская печать, многие земские деятели обрушивались на церковные школы с критикой, отмечая их неосновательность. Православные авторы, в свою очередь, проводили исследования, в которых анализировали роль священно-церковнослужителей в повышении уровня народного образования. К таковым исследованиям можно отнести работу Ф. В. Благовидова[17].

Применительно к теме данного диссертационного исследования важными являются сочинения воронежских деятелей, активно работавших на поприще церковно-просветительского служения – П. В. Никольского, священников И. Попова, В. Васильева [18]. В работах подводится итог двадцатилетних трудов воронежского приходского духовенства по открытию школ, ведению просветительской деятельности среди населения. Представленные в сочинениях материалы интересны не

---

[16] Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. Вып. 4: 1700-1890. Санкт-Петербург, 1893.

[17] Благовидов Ф. В. Деятельность русского приходского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891.

[18] Никольский П. В. Церковно-приходские школы Воронежской епархии с 1884 года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 750–768; № 18. С. 812–823; № 20. С. 876–890; № 23. С. 1006–1024; № 24. 1072–1088; 1907. № 5. С. 179–196; № 7. С. 229–251; № 10. С. 441–456; № 15. С. 489–508; Попов И., свящ. Двадцатилетие церковно-приходских школ Воронежской епархии Нижнедевицкого уезда (1884-1909). Нижнедевицк, 1909; Васильев В., свящ. Сведения о церковных школах по Бобровскому уезду за 25-летний период времени их существования (1884–1909 г.). Бобров, 1909.

только как профессиональные исследования, но и как своеобразные исторические источники по теме, так как сами авторы стояли непосредственно у истоков школьного дела в губернии.

1890-е годы были ознаменованы выходом в свет сравнительного исследования по истории Российской православной церкви в синодальный период. Речь идет о сочинении И. В. Преображенского[19]. Работа наглядно демонстрирует, насколько существенно изменилась церковь за относительно небольшой отрезок времени в 50 лет. На основе широко используемого статистического материала И. В. Преображенский иллюстрирует основные вехи в истории церкви за указанное время. Автор пытался показать, как инициированные правительством во второй половине XIX века мероприятия сказались на состоянии церкви в целом и приходского духовенства в частности. Работа до сих пор представляет значительный интерес для исследователей истории синодального периода.

Следует заметить, что в дореволюционной историографии имеется совсем мало трудов, посвященных обзору и характеристике положения православного духовенства в годы правления императора Александра III. К подобного рода сочинениям следует отнести объемный коллективный труд под названием «Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III»[20], вышедший в свет в 1901 г. Книга является официальным изданием Святейшего Синода. Авторы предприняли попытку рассмотреть мероприятия правительства Александра III в области церковного управления, суда, материального обеспечения церквей, монастырей и православных священно-церковнослужителей. Данную работу сложно назвать полноценным исследованием ввиду отсутствия должного критического подхода к изучаемым источникам. Однако для современных ученых она, безусловно, представляет интерес, так как

---

[19] Преображенский И. В. Отечественная церковь по статистическим данным (1840-1891). Санкт-Петербург, 1897.

[20] Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. Санкт-Петербург, 1901.

позволяет взглянуть на церковную политику Александра III целостно, в едином историческом контексте.

В 1902 г. священник Ф. Титов издал небольшую работу – реферат своего выступления в Киевской духовной академии по поводу выхода в свет «Обзора деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III»[21], в котором развивал мысли официального издания. Священнослужитель полагал, что время правления Александра III навсегда войдет в историю Российской церкви как период несомненно положительных достижений в самых разных областях жизни духовенства и мирян.

Вопросам церковной политики в годы правления Александра III посвящены также труды И. Г. Айвазова[22], опубликованные в 1913 и 1914 гг. Автор внимательно рассматривал мероприятия, предпринятые в ведомстве православного исповедания в годы царствования царя-миротворца, уделяя внимание положению духовенства в указанное время. Особую ценность для современных исследователей имеет осуществленный И. Г. Айвазовым труд по систематизации и исторической интерпретации церковного законодательства эпохи Александра III, в том числе и по вопросам, связанным с жизнью приходских священно-церковнослужителей.

Начало XX века в истории России было ознаменовано оживленной дискуссией вокруг вопроса о необходимости проведения дальнейших преобразований не только в политической, но и в церковной сфере. Революционные события, всколыхнувшие страну в 1905-1906 гг., побудили мыслящую часть общества задуматься о причинах постепенного упадка авторитета духовенства не только среди интеллигенции, но и среди крестьянского населения. В прессе всерьез заговорили о необходимости серьезных изменений в положении духовенства и приходов как средоточия религиозной жизни церкви. 19 января 1906 г. было создано Предсо-

[21] Титов Ф. И., свящ. (1864-1935). Император Александр III и Русская православная церковь в его время. Киев, 1902.

[22] Айвазов И. Г. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. Москва, 1914. Он же: Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III-го. Москва, 1913.

борное присутствие – орган, в задачу которого входила подготовка проектов будущих реформ с целью их дальнейшего обсуждения на Всероссийском Поместном соборе. В богословской науке того времени появляются работы, изучавшие наиболее острые проблемы в жизни отечественной церкви и варианты их решений.

К числу такого рода сочинений можно отнести труды Н. Д. Кузнецова[23] – известного в то время в России юриста. Они были специально подготовлены для прочтения на заседаниях Предсоборного присутствия. Автор внимательно рассмотрел вопросы материального и правового положения приходского духовенства, предложил возможные пути реализации предполагавшихся преобразований в этих сферах. Аналогичные цели преследовали В. А. Кильчевский и священник А. К. Рождественский, описывавшие в своих работах все положительные и отрицательные стороны в материальном положении клириков[24].

В начале XX века материальное и правовое положение приходского духовенства не являлось единственной проблемой, волновавшей исследователей. Еще одним обсуждаемым вопросом было состояние духовного образования. Многие известные церковные деятели, первоиерархи считали необходимым проведение очередной реформы в сфере духовного академического и среднего образования. Внимание исследователей обратилось на изучение прошлого духовных школ Российской православной церкви. Из опубликованных на эту тему работ немалый интерес представляют сочинения Ф. О. Белявского, Н. Н. Глубоковского, Б. В. Титлинова[25]. Ф. О. Белявский осуществил в своем сочинении краткое описание

---

[23] Кузнецов Н. Д. Преобразования в Русской церкви: рассмотрение вопроса по официальным документам в связи с потребностями времени. Москва, 1906; Он же: К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имуществам в России: доклад присяжного поверенного Н. Д. Кузнецова IV отделу Предсоборного Присутствия. Москва, 1907.

[24] Кильчевский В. А. Богатства и доходы духовенства. Санкт-Петербург, 1908; Рождественский А. К. Улучшение положения пастыря как одно из главнейших средств к оживлению приходской жизни // Богословский вестник. Москва. 1908. № 12. С. 362-385.

[25] Белявский Ф. О. О реформе средней школы. Санкт-Петербург, 1907; Глубоковский Н. Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебной комитете при Святейшем Синоде.

прошлого средней духовной школы в России, Н. Н. Глубоковский представил интересные критические замечания по вопросу о необходимости будущих изменений, а достаточно объемный труд Б. В. Титлинова дает возможность на богатом иллюстративном материале подробно проследить историю духовного образования в империи на протяжении всего XIX века.

Проблемам истории духовного образования в Воронежской епархии уделяется внимание в хорошо известной работе П. В. Никольского «История Воронежской духовной семинарии»[26]. Свое исследование Никольский защитил в 1900 г. в Казанской духовной академии как магистерское сочинение по богословию. Работа состоит из двух частей и охватывает период с 1745 по 1874 г. Поскольку в годы Великой Отечественной войны фонд Воронежской духовной семинарии в областном архиве был уничтожен (осталось только две единицы хранения), книга П. В. Никольского стала фактически первоисточником по истории семинарии в Воронеже. До сегодняшнего дня работа П. В. Никольского является самым полным исследованием, посвященным истории Воронежской семинарии. В 2011 г. работа П. В. Никольского была переиздана с комментариями.

В целом дореволюционный период историографии характеризуется значительным вниманием к истории приходского духовенства Российской православной церкви. Особенную актуальность вопросы быта, правового, материального положения, социального служения и общественно-политической деятельности приобретали в связи с постоянной подготовкой к реформированию церкви, созыву Поместного собора и т. п.

Говоря о советском периоде историографии изучаемой темы, необходимо заметить, что проводившиеся в области церковной и религиозной отечественной истории исследования основывались на совершенно определенной идеологической установке, выраженной Ф. Энгельсом и не раз повторяемой советскими учеными: «Чтобы разделаться с религией, необходимо прежде суметь объяснить ее

Санкт-Петербург, 1907; Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX веке. Т. 1. Вильно, 1907.

[26] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. Ч. 2. Воронеж, 1898.

происхождение и ее развитие, исходя из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства. В особенности это относится к христианству»[27]. В качестве задачи для советских историков руководство страны ставило ослабление авторитета церкви, выставление ее в роли некоей темной силы, направленной на разрушение светлого будущего пролетарского государства. Естественно, что исследователи прежде всего пытались продемонстрировать чуждый контрреволюционный дух православной церкви, выраженный в борьбе с революционным движением.

К такого рода работам относятся книги Н. К. Амосова, Д. Г. Венедиктова, Б. П. Кандидова, Н. М. Лукина[28]. Конечно, сложно назвать подобные исследования научными. Скорее это антицерковные памфлеты, порочащие духовенство. Авторы для достижения своей цели замалчивали одни факты, сознательно фальсифицировали другие. Особняком среди таких работ стоят сочинения Б. В. Титлинова[29]. Сам Б. В. Титлинов до революции занимал должность профессора Санкт-Петербургской духовной академии и работал над изучением истории духовного образования. В его работах помимо идеологической мишуры можно встретить ценную информацию о студенческих волнениях в различных духовных школах, в том числе и в Воронежской семинарии.

В 1931 г. вышло в свет популярное советское «пособие» по русской церковной истории Н. М. Никольского[30], под влиянием которого, говоря словами С. Н. Гордиенко, «очень многие верующие и колеблющиеся пересмотрели свое прежнее положительное отношение к религии»[31]. Книга Н. М. Никольского много раз переиздавалась, считаясь образцом атеистического видения церковного про-

---

[27] Цит. по: Религия и церковь в истории России. Москва. 1975. С. 5.

[28] Венедиктов Д. Г. Палачи в рясах. Москва, 1923; Кандидов Б. П. Церковь и Октябрьская революция. Москва, 1929; Он же: Меньшевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции. Москва, 1931; Лукин Н. М. Революция и церковь. Москва, 1923.

[29] Титлинов Б. В. Молодежь и революция: из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860-1905 гг. Ленинград, 1924; Он же: Церковь во время революции. Петроград, 1924.

[30] Никольский Н. М. История Русской церкви. Москва, 1931.

[31] Гордиенко С. Н. Никольский и его «История Русской церкви» // Никольский Н. М. История Русской церкви. Москва, 1985. С. 5.

шлого России. В научном плане сочинение не представляет особого интереса. Используемые источники не уникальны, они были давно изучены дореволюционными историками. Сегодня работа Н. М. Никольского заслуживает внимания лишь как историографический факт.

В XX веке выходили и работы историков русской эмиграции. Некоторыми из них были проведены существенно важные исследования по истории Русской православной церкви. В эмигрантских центрах нашими соотечественниками создавались духовные учебные заведения для подготовки православных священнослужителей. Ученые составляли курсы для студентов, писали учебные пособия. Среди пособий по истории Русской церкви следует выделить работу А. В. Карташева[32]. Сегодня она представляет значительный интерес для исследователей, так как является одной из немногих работ по истории церкви в России.

Значительный вклад в изучение истории Русской церкви внес монументальный труд И. К. Смолича (1898-1970) «История Русской Церкви. 1700-1917», первый том которого был закончен в 1960 г.[33] Многие страницы своей книги И. К. Смолич отвел описанию организации церковного управления, вопросам взаимоотношения церкви и государства. Следует заметить, что им впервые в отечественной исторической науке столь подробно анализируется вся система церковного управления в период с XVIII до начала XX века. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с социальной историей православного духовенства. Отдельная (четвертая) глава первой части книги посвящена описанию положения приходского духовенства. В работе рассматриваются также вопросы, связанные с историей духовного образования, пастырским служением русских священников.

Развитию отечественной богословской науки уделяется внимание в исследованиях Н. Н. Глубоковского и протоиерея Георгия Флоровского[34]. Авторы осуществили попытку рассмотреть основные вехи в истории отечественной церков-

---

[32] Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. Париж, 1959.
[33] Смолич И. К. История Русской церкви. 1700-1917. Ч. 1. Москва, 1996.
[34] Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928; Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Минск, 2006.

ной интеллектуальной мысли, в том числе и в русле истории духовных школ XIX – начала XX века.

Несмотря на оказываемое в советские годы идеологическое давление на исследователей, немногочисленными церковными историками, работавшими преимущественно в Московской и Санкт-Петербургской духовных академиях, делались попытки изучения прошлого Русской церкви. В 1969 г. в Московской духовной академии была защищена магистерская диссертация архиепископа Херсонского и Одесского Сергия (Петрова) – единственный на сегодняшний день труд, посвященный комплексному рассмотрению истории Воронежской епархии от ее учреждения до середины XX века[35]. Достоинством исследования является привлечение огромного количества источников по истории Воронежской епархии, преимущественно опубликованных в «Воронежских епархиальных ведомостях», сборнике «Воронежская старина» и земских статистических сборниках. Автор впервые предпринял попытку обобщить значительное количество разрозненной информации в единой работе, разбив материал по хронологическому принципу. Состояние епархии анализировалось от времени святителя Митрофана (управлявшего Воронежской епархией в 1682–1703 гг.) до момента назначения на Воронежскую и Липецкую кафедру архиепископа Михаила (Чуба) в 1968 г. Особое внимание в сочинении архиепископа Сергия (Петрова) уделялось религиозному и духовно-нравственному состоянию населения епархии, мерам церковных властей по распространению начал христианского просвещения, истории расколо-сектанства, биографиям архипастырей, истории создания епархиальных административных, социальных и просветительских учреждений. Работа архиепископа Сергия (Петрова) интересна попыткой описать наиболее важные события истории Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Автор приводит статистические данные о численности населения губернии в середине XIX века, указывает количество приходов, монастырей, число приходских священно-

[35] Сергий (Петров), архиеп. История Воронежской епархии от её учреждения и до 1960-х годов. Воронеж, 2011.

церковнослужителей вместе с их семьями. Анализируется, хотя и кратко, уровень образования воронежских клириков, их участие в просветительской деятельности, особенно в работе по созданию церковно-приходских школ. Однако нужно отметить, что второй половине XIX – началу XX века в книге уделено недостаточно внимания. По данному периоду не исследуется ни один архивный документ. Автор так и не представил целостной характеристики приходского духовенства в указанное время, не осуществил попытки выяснить особенности его правового, материального и социального положения. Обращает на себя внимание и частое использование в сочинении такого «метода» работы как компиляция. Тем не менее архиерей собрал и проанализировал большое количество источников и литературы, ввиду чего его сочинение содержит важную информацию, позволяющую нам проследить основные вехи в истории Воронежской епархии рассматриваемого времени и оттолкнуться для проведения более углубленного исследования по истории приходского духовенства.

В 1970-1980-е гг. продолжают выходить работы по истории Русской православной церкви. Однако доля субъективизма в них уже значительно меньше, чем в исследованиях 1920-1930-х гг. Авторы старались привлекать все большее число источниковых материалов и помимо классических антицерковных выпадов представляли читателю довольно интересные данные по истории церкви и духовенства. К таковым можно отнести исследования П. Н. Зырянова, Л. И. Емеляха[36], коллективный труд ученых Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС под редакцией А. Н. Сахарова[37].

В целом советская историческая наука старалась не касаться заведомо запретных тем, однако, когда это происходило, работы отражали строго определенные идеологические установки.

С распадом СССР начинается новый период в изучении прошлого Русской православной церкви. Все большее число ученых обращается к ранее закрытым

[36] Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. Москва, 1984; Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Ленинград, 1984.
[37] Религия и церковь в истории России. Под общей редакцией А. М. Сахарова. Москва, 1975.

темам, привлекая для своих исследований самые разнообразные источники. 1990-е – начало 2000-х гг. ознаменованы выходом в свет целого ряда серьезных научных работ по отечественной церковной истории.

Немалый интерес представляют исследования, посвященные церковным преобразованиям 1860-1870 гг. Среди авторов, обращавшихся к этой теме, следует назвать С. В. Римского, Н. Н. Богемскую, И. В. Воробьева, А. В. Прокофьева [38]. Ученые привлекли значительный материал для анализа причин, хода и результатов реформ в сфере церковного управления, образования, положения приходского духовенства. Это дает возможность понять суть политики правительства императора Александра II по изменению социального статуса духовенства, результативность осуществленных изменений и возможные альтернативы по решению назревших проблем в духовном сословии.

Несмотря на то что к изучению прошлого пореформенной России обращается все большее число ученых, работ, посвященных положению приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века, немного. Особого внимания заслуживают исследования, в которых изучается положение церкви после реформ 1860-1870 гг. до революции 1917 г. К таковым можно отнести труды А. И. Конюченко, Т. Г. Леонтьевой и А. В. Скутнева[39]. Авторы значительное внимание уделяют рассмотрению вопросов правового положения клириков, социального облика духовенства, вопросам образования и просветительской деятельности. На значительном источниковом материале, преимущественно регионального характера, создается картина быта, повседневной жизни православных священно-церковно-

[38] Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. Москва, 1999; Богемская Н. Н. Реформа системы образования Русской православной церкви и ее влияние на последующую деятельность духовенства: 1860-1880 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук Санкт-Петербург, 2004; Воробьев И. Реформы высшего духовного образования во второй половине XIX – начале XX веков // Богословский сборник. Москва. 2001. № 9. С. 272–293; Он же: Митрополит Арсений (Стадницкий) и реформа среднего духовного образования. Там же. № 10 С. 259-278; Прокофьев А. В. Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание сельского приходского духовенства. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2010.

[39] Конюченко А. И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2006; Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX века. Москва, 2002; Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.

служителей разных епархий Российской православной церкви. Материал, представленный в исследованиях авторов, дает нам возможность сравнить положение воронежского приходского духовенства с положением клириков в других епархиях.

Следует заметить, что современные исследователи неофициально примыкают к двум своеобразным лагерям – светскому и церковному. Одни придерживаются традиционно православного видения прошлого церкви, стараясь освещать наиболее светлые стороны, подчеркивать заслуги духовенства в деле просвещения, воспитания нравственности и т.д. К таковым авторам, безусловно, можно отнести петербургского ученого С. Л. Фирсова[40], работы которого имели немаловажное значение для написания нашего исследования. Автор подробно анализирует проблему церковно-государственных отношений в начале XX века, дает развернутую характеристику правительственной политики по отношению к духовенству. На основе значительного количества источников и литературы раскрываются позиции архиереев по вопросам реформирования церкви.

Однако среди современных ученых наблюдается и другая группа исследователей, которые, оппонируя «церковным» историкам, пытаются построить свои работы на совершенно «непредвзятом» и «объективном» основании. Одним из наиболее видных представителей данного неофициального лагеря, на наш взгляд, является М. А. Бабкин[41]. Основная идея его монографий сводится к утверждению мысли о ключевой роли иерархов Российской православной церкви в подрыве авторитета царской власти и в разжигании революционных событий 1917 г. Несмотря на то что «церковные» историки стараются подчеркнуть необоснован-

---

[40] Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России Санкт-Петербург, 1996; Он же: Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). Москва, 2002; Он же: Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. Санкт-Петербург, 2007.

[41] Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). Москва, 2007; Он же: Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. Москва, 2011; Он же: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. Москва, 2006.

ность многих положений М. А. Бабкина, прямо называя их фантазиями[42], его работы заслуживают самого серьезного внимания ввиду широкого использования разнообразных архивных и опубликованных материалов, а также глубокого анализа исследуемых фактов. Работы М. А. Бабкина позволяют выяснить степень участия русского православного духовенства в общественно-политической жизни страны в начале XX века, особенно в ходе революции 1905-1907 гг. Изучается отношение клириков к Первой русской революции не только с традиционной точки зрения, выраженной в неприятии духовенством антиправительственных выступлений. Привлекая большое количество архивного материала, М. А. Бабкин показывает наличие среди духовенства другой, революционно настроенной части священно-церковнослужителей. Подобные данные представляют интерес для нашего исследования, так как позволяют понять причины участия некоторых воронежских клириков в антиправительственном движении начала XX века.

Особого внимания заслуживает работа С. В. Римского[43]. В исследовании подробно анализируется состояние Российской церкви в эпоху императора Александра II. Значительное внимание уделяется вопросам материального, правового положения духовенства. Немалую ценность представляют статистические данные о суммах Святейшего Синода, отпущенных на различные нужды местных епархий. Подробно рассматривается вопрос о деятельности Особого присутствия по делам православного духовенства. На сегодняшний день труд С. Г. Римского является наиболее полным исследованием, посвященным положению церкви в годы правления царя-освободителя, что делает ее значимой для темы нашего исследования, рассматривающего историю приходского духовенства в пореформенный период отечественной истории.

---

[42] Гайда Ф. А. Священство и царство в жанре фэнтези [Рецензия] // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. Москва. 2013. № 5. С. 131-144.

[43] Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. Москва, 1999.

Большую ценность для изучения прошлого духовного сословия представляет также двухтомный труд Б. Н. Миронова[44]. В работе рассмотрен целый ряд вопросов, освещающих социальную историю русского духовенства. Достоинство данной монографии заключается в том, что она базируется на изучении огромного количества источников и научной литературы, список которой насчитывает более 4000 названий. Однако в работе рассматривается положение духовного сословия в России в целом, без учета региональных особенностей. Тем не менее данные, представленные в труде Б. Н. Миронова, важны для нас, так как позволяют выяснить общее состояние российского духовенства во второй половине XIX – начале XX века, основные тенденции в жизни священно-церковнослужителей.

Предметом исследования современных ученых становятся самые разные аспекты социально-политической жизни православных клириков в рассматриваемое время: участие в работе Государственной думы[45], благотворительная деятельность в рамках приходских попечительств[46], участие в подготовке к Поместному собору[47], изменение социального положения жен священнослужителей под влияние реформ 1860-1870-х гг.[48], просветительское служение[49], правовое положение духовенства[50], духовное образование[51], история движения за реформирование традиционных церковных институтов[52].

---

[44] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. Санкт-Петербург, 2003.
[45] Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе. Москва, 2004.
[46] Панкрат Т. В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы. Вторая половина XIX – начал XX столетия. Москва, 2011.
[47] Ореханов Г., прот. На пути к Собору: церковные реформы и первая русская революция. Москва, 2002.
[48] Леонтьева Т. Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Сборник научных трудов. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 41-49.
[49] Гажва И. А. Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX - начале XX вв. : на материалах Владимирской и Костромской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008; Дмитриева И. А. Краеведческая деятельность московских священнослужителей (конец XIX – начало XX века) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. Москва. Москва, 2003. № 1. С. 107-120.
[50] Леонтьева Т. Г. Правовое положение приходского духовенства накануне и после Великих реформ // Из архива тверских историков. Сборник статей. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 129-135.

Постсоветский период в развитии отечественной исторической науки ознаменован выходом пособий по истории Русской православной церкви, в частности по ее синодальному периоду. Среди таких работ нельзя не упомянуть книги протоиерея Владислава Цыпина и В. А. Федорова[53]. Труд протоиерея Цыпина представляет собой учебник по истории церкви для духовных учебных заведений и интересен тем, что дает возможность взглянуть на синодальный период целостно, выявляя основные тенденции церковной жизни означенного времени. Исследование В. А. Федорова более научное, выполнено с привлечением значительного количества источникового материала, хотя и рассчитано на широкий круг читателей.

В последнее время в различных регионах страны защищаются диссертации, посвященные изучению православного приходского духовенства на материалах местных архивов. Среди таких работ следует упомянуть исследования Ю. И. Белоноговой, С. В. Васиной, А. В. Ключаревой, Д. Е. Леонова, В. Ф. Лисюнина, К. С. Степанова, А. В. Шадриной [54].

Различные аспекты истории Воронежской епархии также были подвергнуты изучению. Внимание заслуживает статья игумена Митрофана (Шкурина), посвя-

---

[51] Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884 гг.). Санкт-Петербург, 2010. Он же: Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11. С. 107-114.

[52] Ореханов Георгий, дьяк. Генезис русского церковного реформаторства (1905-1906) Богословский сборник. № 4. Москва,1999. С. 294-302.

[53] Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700-2005 гг. Москва, 2006; Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. Москва, 2003.

[54] Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века. Москва, 2010; Васина С. В. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2003; Ключарева А. В. Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881-1917 гг. (по материалам Тульской епархии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2009; Леонов Д. Е. Русская православная церковь в период революции 1905-1907 гг. (по материалам Верхнего Поволжья. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль 2010; Лисюнин В. Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX - начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006; Степанов К. С. Русская Православная Церковь в политической жизни Казанской губернии в первые десятилетия XX века. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000; Шадрина А. В. Приходское духовенство Донской епархии второй половины XIX – начала XX века. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

щенная краткому обзору истории и состояния Воронежской епархии от ее создания до современности[55]. Публикация основана на указанной выше работе архиепископа Сергия (Петрова), с добавлением сведений о состоянии епархии в 1980–1990-е годы. Существенно нового статья игумена Митрофана (Шкурина) для исследователей не дает, однако, позволяет ознакомиться с основными событиями в истории Воронежской епархии целостно, в формате одной небольшой работы.

Частично вопросы церковного землевладения исследовались в диссертации А. А. Подвигайло[56], основанной на материалах Курской и Воронежской губерний. Цель работы заключалась в рассмотрении основных изменений, произошедших в церковном землевладении в результате преобразований императора Александра II. Автор использовал архивные материалы только по Курской епархии, анализируя состояние церковного землевладения Воронежской лишь по опубликованным источникам. Сам А. А. Подвигайло объяснял это тем, что «в Государственном архиве Воронежской области документы, касающиеся церковного землевладения и землепользования пореформенного периода, отсутствуют»[57] (на самом деле таковые документы имеются, хотя и в ограниченном количестве – С. И.). Поэтому основной упор в работе сделан на рассмотрение землевладения церквей и монастырей Курской губернии. Касательно землевладения приходского духовенства Воронежской епархии автор ограничился приведением данных из опубликованных статистических сборников, сравнив основные показатели с соседней Курской епархией. Не обращается внимание на отношение крестьян к церковному землевладению причтов, частые потравы посевов, трудности, встречавшиеся в вопросе разграничения церковных и общинных владений, равно как и не освещается вопрос об отношении приходских клириков к аграрной реформе Столыпина. Впрочем таких целей автор диссертации и не ставил. На сегодняшний день работа А.

---

[55] Митрофан (Шкурин), иером. Воронежская и Борисоглебская епархия // Православная энциклопедия. Москва, 2005. Т. 9. С. 368–393.

[56] Подвигайло А. А. Церковное землевладение и землепользование в Центрально-Черноземном регионе в 60-90-е годы XIX века : на примере Курской и Воронежской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

[57] Там же. С. 10.

А. Подвигайло – единственное исследование, посвященное вопросу церковного землевладения Воронежской губернии в пореформенное время.

Попытка охарактеризовать основные черты жизни церкви в XIX веке на примере Воронежской епархии была предпринята Б. А. Ершовым[58]. Работа носит поверхностный характер. Вопросы социально-экономического положения приходского духовенства недостаточно проанализированы. Нерассмотренными остались вопросы правового положения клириков, учреждения в Воронежской епархии эмеритуры и связанных с этим споров. Данные, приводимые по проблемам образования и просветительской деятельности воронежского духовенства, в значительной степени повторяют материал, содержащийся в работе архиепископа Сергия (Петрова) и сочинениях П. В. Никольского. Начало XX века в диссертации Б. А. Ершова вообще не затрагивается (ввиду того, что исследование посвящено исключительно истории XIX века). Многие положения и данные нуждаются в проверке. Святитель Тихон Задонский почему-то назван «великим святителем конца XVIII – начала XIX века»[59], хотя, как известно, последний скончался в 1783 г.[60] В целом изучению приходского духовенства в работе не уделяется серьезного внимания. Количество привлеченных архивных документов сложно назвать исчерпывающим, да и замыслы, преследуемые автором, не сводились к характеристике духовного сословия. Данные кандидатского исследования были повторены в докторской диссертации Б. А. Ершова[61]. Однако применительно к Воронежской епархии в исследовании не предоставляется ничего нового.

Истории Воронежской епархии посвящена работа Э. В. Комоловой[62]. В исследовании подробно рассматривается возникновение Воронежской епархии и

---

[58] Ершов Б. А. Русская церковь провинции (по материалам Воронежской губернии). : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.
[59] Там же. С. 18.
[60] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 311.
[61] Ершов Б. А. Русская Православная Церковь в системе государственных отношений в XIX – начале XX вв. (на материалах Центрально-Черноземных губерний). : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2012.
[62] Комолова Э. В. Воронежская епархия в конце XVII – XVIII вв.: Образование, церковная организация, социально-политические отношения. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006;

становление ее основных институтов в XVII-XVIII веках. Ввиду того что хронологические рамки исследования ограничены указанным периодом, прошлому дореволюционного духовенства, естественно, не уделяется никакого внимания. Однако для нас труд Э. В. Комоловой интересен тем, что дает возможность проследить историю возникновения основных епархиальных учреждений и присутственных мест.

Из современных авторов, рассматривавших вопросы истории Воронежской епархии, следует выделить А. Н. Акиньшина. В его работе «Храмы Воронежа»[63] представлена история дореволюционных церквей города Воронежа и дается некоторая информация о лицах, служивших в этих храмах. А. Н. Акиньшину принадлежит также целый ряд статей в самых разных периодических изданиях. Особый интерес представляют работы биографического характера, посвященные воронежским архиереям Иосифу II (Богословскому), Серафиму (Аретинскому), Вениамину (Смирнову), Анастасию (Добрадину), Тихону (Никанорову), опубликованные в отдельном труде – историко-биографических очерках[64]. В биографиях архипастырей указываются не только вехи их жизни, но и дается краткий анализ основных мероприятий, проводимых преосвященными в епархии, прослеживается история создания просветительских и социальных учреждений, преобразования в семинарии, епархиальном женском училище. Публикации А. Н. Акиньшина на сегодняшний день являются наиболее полными биографическими описаниями жизни и деятельности многих, в том числе вышеперечисленных преосвященных Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века.

К истории приходского духовенства обращались и зарубежные ученые. Наиболее известными работами являются монографии Георга Фриза и Лори Ман-

---

Она же: Воронежская епархия в конце XVII-XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения. Воронеж, 2007.

[63] Акиньшин А. Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 2003.

[64] Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней: Историко-биографические очерки. Воронеж, 2003.

честер[65]. Георг Фриз рассматривает состояние духовного сословия в XIX веке на основе значительного количества опубликованных источников. Данное исследование похоже на труд И. К. Смолича[66]. Книга Лори Манчестер посвящена анализу взаимоотношений духовенства и интеллигенции в условиях распространявшегося революционного духа в России. Интересна попытка автора выявить причины ухода многих сыновей священно-церковнослужителей в светское звание и их участие в подпольном антиправительственном движении.

В целом, несмотря на отсутствие специальных трудов, посвященных непосредственному изучению истории воронежского приходского духовенства пореформенной эпохи, отечественная историография дает возможность в достаточной степени исследовать рассматриваемую тему.

Цель исследования состоит в обобщенном изучении социально-экономической и социокультурной истории православного приходского духовенства Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века, в создании целостной характеристики духовного сословия Российской православной церкви по материалам местной епархии.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи:**

1. Изучение особенностей правового положения приходского духовенства Российской православной церкви после проведения церковной реформы императора Александра II. Анализ церковного и светского законодательства на примере духовенства Воронежской епархии.

2. Исследование материального положения воронежского приходского духовенства, рассмотрение основных источников в формировании семейного бюджета клириков, анализ трудностей в финансовом обеспечении причтов.

---

[65] Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform.Princeton, 1983; Manchester Laurie. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Northern Illinois University Press, 2008; Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. Москва, 2015.

[66] Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 1. Москва, 1996.

3. Установление степени эффективности работы церковной пенсионной системы, эмеритурной кассы Воронежской епархии.

4. Выявление степени социально-политической активности приходского духовенства на основании изучения проповедей клириков на общественно значимые темы.

5. Анализ отношения духовенства к общественно-политическому и революционному движению в изучаемое время. Рассмотрение степени участия православных клириков в антиправительственных акциях и выступлениях в рамках революции 1905-1907 гг.

6. Характеристика образовательного уровня воронежского приходского духовенства на основе рассмотрения системы духовного образования в губернии. Выяснение социального состава учащихся семинарии и духовных училищ епархии.

7. Изучение и реконструкция общественных настроений воспитанников духовной семинарии, выявление причин недовольства учащейся молодежи, методов реагирования администрации на незаконные акции воспитанников.

8. Рассмотрение просветительской деятельности приходских священно-церковнослужителей как на поприще народного образования, так и в деле миссионерского и социального служения.

9. Установление позиции воронежского духовенства по вопросу деятельности Государственной думы. Анализ выступлений воронежских священников-депутатов в ходе заседания представительного органа власти и рассмотрение их работы по составлению законопредположений.

Методология диссертационного исследования основывается на принципах объективности, историзма, альтернативности и системности.

В процессе проведения исследования принцип объективности заключался в непредвзятом анализе и рассмотрении всех как положительных, так и отрицательных сторон деятельности приходского духовенства, в попытке воспроизведения максимально приближенного к действительности социального облика духов-

ных лиц, абстрагируясь от подчинения конечных выводов работы заведомо ангажированной цели. Все полученные результаты основаны на изучении достоверных фактов, разнообразных источников. Противоречия в данных анализировались, и преимущество отдавалось наиболее проверенному и аутентичному материалу.

Основополагающим принципом данного диссертационного исследования является принцип историзма. События и факты, подвергнутые тщательному изучению, рассматривались на фоне общероссийского исторического процесса, что помогало уяснить смысл многих реалий прошлого. Деятельность воронежского приходского духовенства изучалась не в отрыве от конкретной исторической эпохи, а в связи с ней. Положение дел в той или иной сфере, изучалось ретроспективно, путем выявления причин современных на тот момент явлений. События в работе излагались последовательно и закономерно.

Немаловажное значение для изучения прошлого воронежского духовенства имеет принцип альтернативности. Взгляды, позиции и деятельность священно-церковнослужителей анализировались путем сопоставления исторических реалий с возможными, но нереализованными подходами. Сравнение осуществленных священно-церковнослужителями решений с возможными альтернативными путями их реализации способствует взвешенной оценке значения рассматриваемых событий, выяснению степени их неизбежности, выявлению иных возможных вариантов развития прошлого.

Осуществить социокультурную характеристику духовного сословия было бы невозможно без использования принципа системности. Приводимые в диссертации данные не являются отрывочными, однобокими и разрозненными. Материал излагается целостно, подчинен определенной структуре и связан с другими элементами работы. Статистические данные дополняются воспоминаниями, архивными материалами, на основе которых выстраивается системная и структурированная картина прошлого.

Помимо традиционных для отечественной исторической науки принципов в исследовании активно применялись такие классические методы, как: сравни-

тельно-исторический, историко-генетический и метод комплексного анализа источников и литературы.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить своеобразие изучаемых явлений и событий в жизни приходского духовенства Воронежской епархии рассматриваемого времени через призму более ранних или, наоборот, более поздних эпох в истории развития епархии. Данный метод предоставил возможность выявить сходство и различия в истории духовенства изучаемого периода с реалиями более позднего времени.

Историко-генетический метод исследования способствовал изучению сути явлений путем тщательного анализа причин их возникновения. Данный методологический подход как нельзя лучше позволяет проследить причинно-следственную связь между изучаемым фактом и его историческим основанием.

При изучении истории воронежского приходского духовенства работа с данными основывалась на методе комплексного анализа источников и литературы. Исследуемое событие необходимо подвергать тщательному изучению, применяя не только собственные исследовательские навыки, но и тот опыт, который до этого уже был накоплен исторической наукой. Только комплексное изучение источников и литературы способно предоставить объективную картину прошлого.

Объектом исследования является приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века.

Предмет исследования – материальное, правовое положение; общественно-политическая, миссионерская деятельность приходских клириков Воронежской епархии рассматриваемого времени.

Хронологические и территориальные рамки исследования

Территориальные рамки исследования – это пространство одной территориально-административной единицы Российской православной церкви – Воронеж-

ской епархии. После 1799 г. епархия по решению Святейшего Синода стала соответствовать границам Воронежской губернии[67].

Хронологические рамки работы охватывают период с 1862 г. до 1917 г. В качестве начальной даты выбран год создания Особого присутствия по делам православного духовенства, положившего начало так называемой церковной реформе Александра II, в качестве конечной – Февральская революция, ознаменовавшая собой начало глубокого политического кризиса внутри Российской империи. Именно революционные события февраля 1917 года форсировали созыв Поместного собора Российской православной церкви, восстановившего 28 октября 1917 года патриаршество и тем самым завершившего синодальную эпоху в истории отечественной церкви.

Источниковая база исследования

Источники, используемые в исследовании, традиционно следует разделить на неопубликованные и опубликованные. К неопубликованным источникам относятся материалы, хранящиеся в четырех архивах: Государственном архиве Воронежской области (далее – ГАВО), Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО), Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГА РФ).

В связи с региональным аспектом темы значительную часть архивных материалов составили данные ГАВО. Определенный интерес представляют дела Воронежской духовной консистории (ф. И-84). Документы этого фонда дают информацию по различным сферам жизни священнослужителей, освещают, хотя и частично, вопросы, связанные с имущественным положением священнослужителей.

Важным историческим источником, хранящимся в фонде, являются клировые ведомости церквей Воронежской епархии. По закону[68] причт каждой приход-

[67] Митрофан (Шкурин), иером. Воронежская и Борисоглебская епархия // Православная энциклопедия. Москва, 2005. Т. 9. С. 369.

ской церкви должен был вести клировые ведомости, где указывались краткая история появления храма, основные источники доходов церкви, суммы капиталов содержащиеся в банках (если таковые имелись), количество полагавшихся священнослужителей по штату, размер кружечных сборов, количество и качество церковной земли, наличие домов для клириков, предоставлялись послужные списки священно-церковнослужителей, в которых в свою очередь указывались краткие биографические сведения о духовных лицах (год и место рождения, образование, численность семьи с краткими данными о детях и жене, наличие или отсутствие дисциплинарных взысканий по духовному или светскому суду). Форма заполнения клировых ведомостей (образец которой рассылался Святейшим Синодом по местным духовным консисториям еще в 1839 г.) была единообразной и носила обязательный характер для всех приходских церквей. Если священнослужители нарушали правила ведения ведомостей, то в таком случае могли последовать серьезные взыскания.

Данные клировых ведомостей являются важным историческим источником, позволяющим прояснить самые разнообразные стороны жизни приходских клириков, несмотря на то, что в ГАВО сохранились ведомости лишь за один 1911 г. (по 6 уездам губернии из 12 существовавших)[69]. Нами материал клировых ведомостей был использован для определения среднего возраста священников, дьяконов, псаломщиков Воронежской епархии, а также для выяснения средней численности семей православных клириков.

В фонде имеется содержащая важную информацию «Переписка с протоиереями уездных духовных управлений»[70]. Данный источник позволяет прояснить вопросы материального положения воронежского приходского духовенства рассматриваемого времени. В частности, в переписке можно найти жалобы священ-

---

[68] См.: СЗРИ. Т. IX. Ст. 1032.
[69] ГАВО. Ф И-10. Оп. 1. Д. 4; Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1951а. 1; Д. 1951а. 2; Д. 1951б; Д. 1951.1; Д. 1951.2; Д. 1952; Д. 1953.
[70] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1942.

нослужителей на злоупотребления старост, выяснить проблемы, с которыми сталкивались клирики при совершении требоисполнений.

Важное значение для характеристики материального положения приходского духовенства имеет дело о делении церковных приходов в городе Воронеже на особые приходские районы с целью более правильного распределения доходов от треб[71]. Во второй половине XIX – начале XX века делопроизводство консистории достигало очень больших размеров[72]. Однако следует заметить, что основное количество дел фонда сгорело во время Великой Отечественной войны, и поэтому для создания более полной картины жизни и деятельности воронежского приходского духовенства привлекались материалы других фондов ГАВО.

Вопросы материального быта, финансового обеспечения, хозяйственной деятельности позволяют прояснить документы фонда Воронежского губернского управления земледелия и государственных имуществ Министерства земледелия (ф. И-24). В фонде содержатся важные документы об отводе земли священно-церковнослужителям, об отводе леса или наделов на строительство церквей, устройство пасек духовенством епархии. Материалы этого фонда предоставляют немало ценной информации о механизме отвода земли в пользование священно-церковнослужителей из общинных владений. В фонде хранятся прошения клириков епархии об улучшении их материального положения путем наделения дополнительными земельными участками.

Информация об участии воронежского приходского духовенства в антиправительственном, революционном движении содержится в фондах Воронежского губернского жандармского управления (ф. И-1) и Канцелярии Воронежского губернатора (ф. И-6).

Воронежское губернское жандармское управление (далее – ВГЖУ) было создано в городе Воронеже в 1867 г. Документы данного фонда хранят в себе важные материалы о противоправительственных речах, проповедях и протестных

---

[71] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1950.

[72] Только за 1898 г. входящих бумаг насчитывалось 18 441, исходящих – 20 313, журналов – 2 509, протоколов 622. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1714. Л. 20 об.

акциях детей священно-церковнослужителей, самих клириков Воронежской епархии, а также воспитанников Воронежской духовной семинарии. Документы, использовавшиеся в нашем исследовании для освещения вопроса участия духовенства в общественном (антиправительственном) движении, представляют собой рапорты уездных исправников о беспорядках, чинимых священно-церковнослужителями; протоколы допросов, отчеты о негласном наблюдении, прошения обвиняемых с просьбой о помиловании или смягчении участи. Большую ценность представляет тот факт, что в отдельных случаях в делах можно встретить подлинники проповедей (политического содержания), речей подсудимых, подшитых к делам в качестве доказательств. Материалы фонда включают в себя и информацию, добытую тайным путем – негласным наблюдением, перехватом писем. Таково, например, «Дело о предполагаемом проведении в городе Воронеже съезда Всероссийского общесеминарского союза», которое донесло до наших дней тайную переписку между недовольными правительством семинаристами, в том числе и зашифрованные ими послания[73]. Содержащаяся в делах вышеуказанного фонда переписка архиепископа Анастасия (Добрадина) и начальника ВГЖУ позволяет выяснить, какова была реакция священноначалия на протестные действия со стороны духовенства и какие предпринимались меры к пресечению революционной активности определенных клириков епархии.

Оценка духовенства со стороны светских властей помещена в ежегодных «Политических обзорах Воронежской губернии». Начальник ВГЖУ характеризовал каждое сословие, обращая внимание на благонадежность населения, уделял внимание чрезвычайным происшествиям в Воронежской губернии. Например, в «Политическом обзоре Воронежской губернии» за 1886 г. имеется характеристика нравственного облика местного духовенства[74].

Помимо фонда ВГЖУ, материалы, позволяющие сделать вывод о степени участия местного приходского духовенства в общественно-политическом движе-

[73] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 382.
[74] Там же. Д. 2.

нии рассматриваемого времени, имеются и в фонде Канцелярии губернатора (ф. И-6). Воронежский губернатор обладал большими полномочиями, в частности, с 1866 г. имел право ревизии гражданских учреждений, право на запрет собраний и органов печати. Обо всех делах, представлявших политическое значение, нижние чины докладывали ему. Поэтому в фонде Канцелярии губернатора также имеются материалы, связанные с противоправительственной деятельностью духовенства: протоколы, допросы, отчеты местных уездных исправников.

Немало интересной информации можно встретить по вопросу о протестных акциях священно-церковнослужителей против закона 9 ноября 1906 г. В фонде Канцелярии губернатора хранятся дела о нападениях крестьян на самих клириков, о насильственном захвате крестьянами причтовых наделов, об ограблении священно-церковнослужителей и прочие дела уголовного судопроизводства.

Значительную ценность для воссоздания атмосферы ученической среды в Воронежской духовной семинарии второй половины XIX века имеет неопубликованная переписка протоиерея Алексия Спасского с его другом протоиереем Вакхом Гурьевым, хранящаяся в фонде И-44 «Коллекция писем чиновников и частных лиц». Особая ценность переписки заключается в том, что протоиерей Алексий Спасский, с 1882 г. по 1887 г. исполнявший должность инспектора, а с 1887 г. по 1900 г. – ректора Воронежской духовной семинарии, сам не понаслышке знал проблемы местной духовной школы. В переписке имеется небольшая, но, по сути, уникальная характеристика воронежских семинаристов того времени.

В работе также использовались материалы фондов: Воронежского губернского по земским и городским делам присутствия (ф. И-21), хранящего интересные дела по истории епархии рассматриваемого времени (постановления городских управ, жалобы купцов по поводу торговли свечами и т.д.); Дирекции народных училищ Воронежской губернии (ф. И-64), содержащего отчеты о религиозном состоянии учащихся церковно-приходских училищ, ведомости об успеваемости, программы изучаемых дисциплин; Землянского уездного отделения Воронежского епархиального училищного Совета, знакомящего нас с ходом учебы в

церковно-приходских школах епархии, с успехами учеников, работой учителей; а также Воронежского епархиального женского училища (ф. И-73).

Материалы, положенные в основу данного исследования, были взяты и из другого воронежского архива, а именно – ГАОПИ ВО. В частности, использовались дела фонда Истпартотдела Воронежского обкома ВКП (б) (ф. 5), содержащие сведения о революционных событиях 1905-1907 гг. в губернии. Интерес вызывают воспоминания о забастовках, противоправительственных выступлениях, представляющие информацию об участии в незаконных акциях священно-церковнослужителей и семинаристов.

Определяющее значение для изучения истории воронежского приходского духовенства имеют сведения, взятые из РГИА, где покоится большая часть дел дореволюционного архива Святейшего Синода, освещающих самые разнообразные стороны истории Российской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века, в том числе вопросы, связанные с прошлым Воронежской епархии. В данном исследовании используются, в частности, материалы фонда Особого присутствия по делам православного духовенства (ф. 804).

Особое присутствие для улучшения быта православного духовенства создано 29 июня 1862 г. Учреждение этого органа положило начало церковной реформе императора Александра II. В рамках задуманного проекта преобразований каждый причт всех епархий Российской православной церкви должен был письменно высказать свои соображения о необходимых изменениях в жизни духовенства, прежде всего, в его материальном положении. В фонде представлено богатейшее собрание дел, касающихся материальной стороны жизни церкви в Российской империи. Применительно к Воронежской епархии в фонде имеется очень важный источник, а именно «Мнение причтов Воронежской епархии об улучшении быта духовенства»[75]. Сохранились «мнения» причтов всех церквей Воронежской епархии, что дает возможность выяснить те финансовые проблемы, с которыми сталкивались священно-церковнослужители в повседневной жизни; какие преобразо-

[75] РГИА. Ф. 804. Оп.1. Д. 58; 64; 67; 96.

вания, с их точки зрения, должны были быть начаты властью в первую очередь и т.д. Помимо «мнений» причтов в этом фонде содержатся «Сведения, составленные из донесений Преосвященных с ведомостями о количестве доходов по каждой епархии»[76]. Это своего рода отчеты, ценность которых заключается в том, что в приложениях к ним помещались мнения архиереев по поводу жизни епархии в целом.

Большое значение имеют и материалы фонда Канцелярии Синода (ф. 796). В фонде хранятся ежегодные отчеты Воронежской епархии (оп. 442), представляющие особый интерес в связи с утратой фонда Воронежской духовной консистории. Епархиальные отчеты неоднородны. За каждый год можно встретить раздел, не выделенный в отчете за предыдущее время. Ценной является информация о количестве церквей, клириков, ходе миссионерской и просветительской работы, духовном состоянии населения и духовенства, наиболее характерных трудностях материального обеспечения и пастырского служения. В фонде также хранятся прошения воронежских клириков о снятии сана, увольнении за штат.

Помимо фонда Канцелярии Святейшего Синода значительный интерес представляют материалы Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (ф. 797). Канцелярия обер-прокурора являла собой важный административный орган церкви. В случае если какие-то дела нуждались в особом рассмотрении обер-прокурора, они попадали в его канцелярию. В фонде хранятся материалы особой комиссии, расследовавшей взрыв на квартире ректора Воронежской семинарии 7 мая 1881 г.[77] и деятельность подпольного кружка революционно настроенных семинаристов[78].

Историю семинарии и духовных учебных заведений Воронежской епархии в рассматриваемое время дают возможность восстановить отчеты духовной семинарии и училищ епархии, сохранившиеся в фонде Учебного комитета при Синоде (ф. 802). Документы имеют значительную ценность для данного исследования.

---

[76] РГИА. Ф. 804. Оп.1. Д. 96.
[77] Там же. Ф. 797. Оп. 51. Д. 52.
[78] Там же. Д. 49.

Отчеты хранят списки преподавателей, темы самостоятельных работ учащихся, обзоры интеллектуального и духовного уровня развития воспитанников, сведения о наиболее примечательных событиях в жизни учебных заведений. Среди материалов фонда Учебного комитета при Синоде особый интерес представляют «мнения» учебных заведений (в том числе Воронежской семинарии и училищ) о необходимых переменах в образовательном процессе, собиравшиеся в связи с намечавшейся в начале XX века реформой духовного образования[79].

Небольшое количество дел нами было взято из ГА РФ. Интерес представляет описание обрядов воронежских сектантов (хлыстов), данное синодальным чиновником С. Бондарем, побывавшим в Воронежской губернии проездом в начале XX века[80], а также распоряжения воронежского архиерея о более активном участии местного духовенства в выборах в Государственную думу[81].

Помимо архивных материалов в работе используется значительное количество опубликованных источников: статистические сборники, мемуары, материалы периодической печати, законодательные акты.

К статистическим изданиям следует, прежде всего, отнести статистические сборники, в частности, такой источник, как отчеты и извлечения из всеподданнейших отчетов обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания, публиковавшиеся во второй половине XIX – начале XX века ежегодно. В них имеется ценная информация статистического характера: указывается количество церквей и духовенства по епархиям, число учебных заведений и учащихся в них. В приложении к отчету за 1872 г. приведена ведомость о приходах, получавших жалованье от государства (в том числе и по Воронежской епархии)[82].

---

[79] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 173.
[80] ГА РФ. Ф. 1729. Оп. Д. 383.
[81] Там же. Ф. 579. Оп. 3. Д. 209.
[82] Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872.Санкт-Петербург, 1873.

Из статистических источников местного характера нами использовалась «Справочная книга для духовенства Воронежской епархии» П. В. Никольского[83]. В данном сборнике также представлена информация о количестве церквей в епархии (за 1898 г.), о числе монастырей, церковных школ, учеников и т.п. Большую ценность имеет помещенный в книге список наличного состава духовенства Воронежской епархии за 1899 г.

Данные о землевладении Воронежского духовенства содержатся в таких изданиях как: «Статистика поземельной собственности и населенных мест европейской России. Вып. I Губернии центральной земледельческой области»[84], «Главнейшие данные по земельной статистике по обследованию 1887 г. Вып. 9: Воронежская губерния»[85], а также «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Том II. Выпуск III. Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду»[86]. Названные выше издания дают возможность выяснить количество земли, которым располагало приходское духовенство Воронежской епархии во второй половине XIX века как в пользовании, так и во владении; каким образом среди церковнослужителей проходил процесс перехода на арендную обработку угодий; каков был процент пашенной земли у духовенства и многое другое касательно земельного вопроса.

Сведения о жилищных условиях духовенства нами были взяты из «Материалов по оценке недвижимых имуществ уездных городов и пригородных слобод

---

[83] Никольский П. В. Справочная книга для духовенства Воронежской епархии на 1900 год. Воронеж, 1900 (далее - Никольский П. В. Справочная книга...).

[84] Статистика поземельной собственности населённых мест Европейской России. Губернии центральной земледельческой области. Вып.1. Санкт-Петербург,1880 (далее – Статистика поземельной собственности...).

[85] Главнейшие данные по земельной статистике по обследованию 1887 г. (Статистика Российской империи). Вып. 9: Воронежская губерния. Санкт-Петербург, 1896 (далее - Главнейшие данные по земельной статистики...).

[86] Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Том II. Выпуск III. Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887 (далее - Сборник статистических сведений по Воронежской губернии...).

Воронежской губернии»[87]. В сборнике указано число домов, находившихся во владении духовных лиц, а также количество квартир, которые представители духовного сословия вынуждены были снимать. Особую значимость данных сведений составляет тот факт, что статистическая информация о жилье воронежского приходского духовенства больше нигде не издавалась.

К используемым в данной работе справочно-статистическим изданиям относятся «Памятные книжки Воронежской губернии», выпускавшиеся Воронежским губернским статистическим комитетом в 1856-1916 гг. Каждая книга была приурочена к определённому году и состояла из трёх, а затем и четырёх разделов. Ценность памятных книжек заключается в том, что они донесли до наших дней важные статистические сведения о количественном составе населения, в том числе по вероисповеданиям и сословиям; информацию, касающуюся расписания благочинических округов, числа школ и богаделен; данные о монастырях и различных попечительствах.

Важнейшие статистические данные содержатся в ежегодных «Обзорах Воронежской губернии». Данное издание позволяет проследить количество раскольников и сектантов в губернии, число и характер преступлений, наиболее значимые события в жизни губернии в рассматриваемое время. «Обзоры Воронежской губернии» – важный источник, представляющий статистические сведения в дополнение к памятным книжкам.

Помимо статистических источников в работе использовались мемуары, воспоминания, различного рода сочинения церковных авторов второй половины XIX – начала XX века. Большую ценность имеют мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского)[88] и протопресвитера Георгия Шавельского[89]. Данные воспоминания принадлежат выдающимся духовным деятелям пореформенной России, которые не понаслышке знали о бытовых и духовных проблемах в жизни священно-

[87] Материалы по оценке недвижимых имуществ уездных городов и пригородных слобод Воронежской губернии. Воронеж, 1902 (далее - Материалы по оценке недвижимых имуществ...).
[88] Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Париж, 1947.
[89] Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.

церковнослужителей. Мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского) и протопресвитера Георгия Шавельского дают возможность увидеть социальную историю Российской православной церкви изнутри, со слов современников той эпохи.

Совершено уникальным источником в ряду сочинений мемуарного характера являются воспоминания воронежского священнослужителя Александра Кременецкого[90]. В книге рассказывается о наиболее интересных событиях, встречах, историях, о которых автору приходилось слышать или самому быть очевидцем и участником. В воспоминаниях священника Александра Кременецкого можно найти рассказы о жизни воронежских священников, их бытовых проблемах, духовных исканиях, взаимоотношениях с прихожанами.

Значительный интерес представляет собой сочинение П. В. Никольского[91]. П. В. Никольский – известный воронежский историк дореволюционной поры, автор огромного количества статей в «Воронежских епархиальных ведомостях», активный деятель народного просвещения, преподаватель Воронежской семинарии. Ему не понаслышке были известны главные проблемы и трудности, с которыми сталкивалась Воронежская епархия в начале XX века. Его работа содержит описание местной религиозной жизни во всем ее многообразии. Затрагиваются в книге и вопросы школьного дела, общественно-политических настроений священно-церковнослужителей епархии. Приведены в сочинении П. В. Никольского и некоторые статистические данные о духовенстве, а именно: численность, сведения об образовании клириков с распределением по священническим степеням.

Важный материал по проповеднической деятельности духовенства содержится в книге знаменитого воронежского проповедника протоиерея Михаила Некрасова. В Воронеже священник Михаил жил много лет и занимал целый ряд ответственных должностей: преподавателя семинарии, законоучителя кадетского корпуса и др. В 1898 г. он был хиротонисан во епископа, а уже в Туле в 1906 г.

---

[90] Кременецкий Александр, свящ. Знаменательные события. Из дневника сельского священника. Воронеж, 1907.

[91] Никольский П. В. Интересы и нужды епархиальной жизни. Воронеж, 1901.

вышло его двухтомное сочинение «Дневник священнослужителя»[92]. Несмотря на название, работа не является автобиографическим произведением, а представляет собой ничто иное, как пособие по гомилетике. В книге представлено значительное количество проповедей (большая часть которых была произнесена в городе Воронеже), дающих возможность выяснить тематику поучений местных клириков.

Большое значение имеют сборники проповедей священника Александра Кременецкого, архиереев Серафима (Аретинского) и Анастасия (Добрадина)[93].

Использовался в работе и такой источник, как «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»[94]. Это известное дореволюционное издание, в котором содержатся взгляды епархиальных архиереев касательно наиболее острых проблем церковной жизни конца XIX – начала XX века. Для нас большое значение имеет отзыв архиепископа Воронежского Анастасия (Добрадина), составленный на основе дискуссий, проводившихся на благочинических съездах в начале XX века. В источнике говорится о проблемах канонического характера, епархиального управления, упадка религиозной жизни. Высказываются меры, по мнению воронежских священников, наиболее приемлемые для изменения существовавшего положения вещей.

Из материалов периодической печати использовались статьи издававшихся до революции «Воронежских епархиальных ведомостей» и сборника «Воронежская старина».

«Воронежские епархиальные ведомости» публиковались с 1 января 1866 г. по 1917 г. (по 1909 г. – дважды в месяц, а с 1910 г. – раз в неделю) [95]. Журнал состоял из нескольких частей. В официальной части публиковались постановления

---

[92] Лаврентий (Некрасов), епископ. Дневник священнослужителя. Ч. 1. Тула, 1906.

[93] Кременецкий Александр, свящ. Глас пастыря. Собрание проповедей священника Александра Кременецкого. Воронеж, 1895; Серафим (Аретинский), архиеп. Слова и речи Серафима, архиепископа Воронежского и Задонского. Т. II. Санкт-Петербург, 1876; Анастасий (Добрадин), епископ. Слова и речи Анастасия, епископа Воронежского и Задонского. 1853 – 1893. Санкт-Петербург, 1894.

[94] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть 1. Санкт-Петербург, 1906.

[95] Троицкий Александр, свящ. Воронежские епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. Москва, 2005. Т. 9. С. 400.

Синода и местного священноначалия, фамилии выбывших за штат и поступивших на новые должности клириков. В неофициальной части или прибавлениях помещался материал самого разного характера: проповеди, исторические и богословские исследования, мнения и отзывы священнослужителей по самым актуальным вопросам эпохи, местная хроника. «Воронежские епархиальные ведомости» донесли до наших дней большое количество сведений о жизни и деятельности приходского духовенства рассматриваемого времени.

Говоря об опубликованных источниках, следует отметить и сборник «Воронежская старина». Сборник издавался Воронежским церковным историко-археологическим комитетом, который занимался изучением местной церковной истории. В издании помещалась ценная информация по истории епархии. Всего с 1902 г. по 1916 г. вышло 14 выпусков данного сборника.

Проследить степень участия представителей воронежского приходского духовенства в деятельности Государственной думы дают возможность сохранившиеся стенографические отчеты заседаний представительного органа власти. Все речи депутатов, а также реакция присутствовавших на заседаниях Государственной думы нашли отражение в данном источнике. Отчеты позволяют выявить законы, за которые голосовали те или иные депутаты, а также законодательные предположения, подписанные воронежскими священниками.

При изучении прошлого воронежского духовенства важное значение имеют и опубликованные законодательные материалы. Все законы, касающиеся положения клириков Российской православной церкви, опубликованы в Полном собрании законов Российской империи, используемом в данном исследовании. В связи с региональным характером темы большой интерес имеет и сборник местных епархиальных указов[96]. В источнике отображены все наиболее значимые епархиальные распоряжения с 1883 г. по 1895 г., а также даны пояснительные комментарии к ним.

---

[96] Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства, объявленных циркулярно по епархии за 1883-1894 г. Воронеж, 1895 (далее – Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства…).

Среди нормативных источников регионального происхождения следует упомянуть и о «Правилах поведения для воспитанников Воронежской духовной семинарии»[97]. Правила были составлены на основе общероссийского устава духовных семинарий, однако, имели и местные особенности, содержавшие информацию по истории воронежской духовной школы.

Подводя итог рассмотрению используемых источников, можно сказать, что описанные выше архивные и опубликованные материалы в достаточной степени позволяют воспроизвести историю приходского духовенства Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века.

Научная новизна исследования

1. Работа является первым обобщенным исследованием жизни воронежского приходского духовенства. Впервые проанализирован уровень материального обеспечения приходского духовенства Воронежской епархии во второй половине XIX – начале XX века. Рассмотрена доля основных источников в формировании доходов православных клириков. Удалось выявить характерные трудности, с которыми священно-церковнослужители сталкивались в процессе получения доходов. На основании материалов епархиальных ведомостей представлены основные подходы духовенства к формированию эмеритурной кассы.

2. Выявлено отношение приходских клириков к своему правовому положению. На примере воронежского духовенства показано, каким образом светское и каноническое начала пересекались в законодательстве Российской империи, зачастую противореча друг другу и тем самым вводя путаницу в церковную правоприменительную практику.

3. Впервые на основании значительного количества проповедей проанализирована позиция воронежского приходского духовенства по целому ряду социально значимых событий рассматриваемого времени. Исследована общественно-политическая тематика в проповедях священно-церковнослужителей.

---

[97] Правила поведения для воспитанников Воронежской Духовной Семинарии. Воронеж, 1913.

4. Исследована степень участия приходского духовенства Воронежской епархии в революционных событиях 1905-1907 гг. Показано, что, невзирая на проправительственную позицию большинства клириков, некоторые священно-церковнослужители принимали самое деятельное участие в подпольном движении. Духовные лица не только выступали с антиправительственными проповедями, но и лично организовывали тайные кружки, призывая своих единомышленников к смене политического строя в России.

4. Впервые была предпринята попытка проанализировать уровень образованности приходского духовенства Воронежской епархии. Изучена система духовных учебных заведений губернии, характер преподавания основных предметов, сословная принадлежность учащихся семинарии и духовных училищ.

5. На основании архивных материалов реконструирована история ученических волнений в Воронежской духовной семинарии. Рассмотрены причины, приведшие к проявлению недовольства учащимися из духовного сословия. Выяснены основные требования семинаристов к администрации учебного заведения, а также проанализированы меры священноначалия к прекращению волнений в духовном учебном заведении.

6. Исследована деятельность воронежского приходского духовенства по распространению среди населения губернии просвещения посредством открытия церковно-приходских школ и школ грамоты. Изучена миссионерская работа клириков епархии по борьбе с сектами, расколом и лжеучениями, а также усилия священнослужителей по искоренению такого социального порока, как пьянство.

7. Впервые изучено отношение приходского духовенства Воронежской епархии к работе Государственной Думы. По материалам стенографических отчетов проанализированы все речи, произнесенные воронежскими депутатами-священниками в процессе заседаний представительного органа власти. Рассмотрены и представлены в виде отдельной таблицы все законопредложения, подписанные воронежскими депутатами от духовенства.

8. На основании свидетельств приходских священников и воронежских архиереев охарактеризована религиозно-нравственная атмосфера в губернии во второй половине XIX – начале XX века.

Положения, выносимые на защиту

1. Материальное состояние большинства приходских священно-церковнослужителей Воронежской епархии было неудовлетворительным. Это явилось одной из причин кризиса духовного сословия, что выражалось в нежелании выпускников семинарий идти по стопам своих отцов, посвящать свою жизнь служению церкви.

2. Пенсионная обеспеченность воронежского приходского духовенства носила явно недостаточный характер. Суммы, отпускаемые из средств Святейшего Синода, покрывали потребности малой части клириков и их семей. Собственные инициативы по созданию эмеритурной кассы не приносили предполагаемого результата ввиду нежелания и боязни священников отдавать часть от своих немногочисленных доходов в счет будущих выплат.

3. Духовное сословие было замкнутым. В ходе церковной реформы Александра II правительство предприняло попытку преодоления этой замкнутости. Однако, как показал пример Воронежской епархии, ничего существенного сделать не удалось. Духовное сословие являлось закрытым не в силу законодательных ограничений, а по причине социальных особенностей, присущих самому образу жизни священно-церковнослужителей.

4. Приходское духовенство Воронежской епархии внесло значительный вклад в дело повышения народного образования и распространения среди крестьян просвещения. Вопреки отсутствию серьезной государственной поддержки, клирики неустанно трудились на ниве просвещения, в большом количестве открывая церковно-приходские школы и школы грамоты.

5. В рассматриваемое время заметно усилилась динамика использования общественно-политических тем в проповедях воронежских приходских священников. Несмотря на существование строгих канонических ограничений, священ-

нослужители живо реагировали на самые злободневные события политической жизни страны. Большинство пастырей придерживалось официальной позиции в интерпретации социально значимых событий, но некоторые из них позволяли себе высказывать собственные, не всегда совпадающие с мнением большинства взгляды.

6. Революция 1905-1907 гг. наглядно показала, что среди воронежских священно-церковнослужителей были те, кто принимал самое деятельное участи в антиправительственных выступлениях. Однако большинство духовных лиц во главе с архиепископом Анастасием (Добрадиным) выступило на стороне правительства, призывая своих прихожан не поддаваться на провокации бунтовщиков. Сыновья священнослужителей, обучавшиеся в духовной семинарии, нередко подпадали под влияние внешней среды и активно участвовали в революционном движении, подталкивая к этому и всю остальную учащуюся молодежь Воронежа. Социальная замкнутость, материальные трудности вызывали в семинаристах чувство протеста, выливавшееся в незаконные выступления с применением оружия. Несмотря на старания администрации духовной школы, преодолеть сложившуюся ситуацию так и не удалось.

7. Избранные от Воронежской губернии во все созывы Думы (кроме второго) священнослужители считали необходимым использовать представительный орган власти для защиты интересов церкви и православия. Однако, как оказалось на практике, к мнению духовных лиц практически никто не прислушивался.

8. В религиозно-нравственном состоянии населения Воронежской губернии наблюдались определенные изменения. Социально-политические процессы, происходившие во второй половине XIX – начале XX века в стране, оказывали влияние на православную паству. Религиозная индифферентность, неуважение к святыни проявлялись все чаще. Священнослужители отмечали участившиеся случаи кражи из церквей, захваты причтовых земельных наделов крестьянами. Революция 1905-1907 гг. явилась мощным толчком к постепенному падению авторитета церкви среди простого крестьянского населения.

Научная и практическая значимость исследования выражается в том, что представленные в диссертации данные и выводы впервые позволяют воспроизвести достаточно полную картину жизни приходского духовенства Воронежской епархии во второй половине XIX – начале XX века. Данные исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении прошлого Воронежской епархии, а также при создании обобщающих курсов и учебных пособий по истории Русской православной церкви. Материалы диссертации будут полезны и при создании особых курсов по истории духовного сословия в России как в светских, так и в духовных учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Работа обсуждалась на заседаниях кафедры истории России исторического факультета ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет». Кроме того, основные положения были отражены в докладах на 6 научных конференциях (одна из них проходила в Москве, пять – в Воронеже), а также опубликованы в 1 монографии и 11 публикациях (в том числе в 5 из списка ВАК), общим объемом 24,5 авт. листа.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и 7 приложений.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА

§1. Воронежская епархия во второй половине XIX – начале XX века

Период с 1862 г. по 1913 г. вошел в историю Русской православной церкви как неоднозначный и противоречивый. Сами современники давали пореформенной эпохе отечественной истории противоположные оценки. В частности, известный богослов и проповедник епископ Иоанн (Соколов) именовал эти годы «утром России», «эпохой зарождения нового человека»; не менее известный его современник архиепископ Савва (Тихомиров), напротив, называл данный период «духовными сумерками»[98]. Многие исследователи вслед за Н. А. Бердяевым именуют начало XX века эпохой «русского религиозного ренессанса»[99], подчеркивая развитие отечественной философии, культуры и некоторый духовный подъем среди населения. В то же время признанный специалист в области отечественной церковной истории профессор М. В. Шкаровский характеризует данный временной отрезок как «кризис Русской церкви»[100], вызванный постепенным нарастанием проблем синодальной системы управления.

Сложно охарактеризовать большой хронологический период, пришедшийся на годы правления трех государей, с какой-то одной стороны. Были и светлые и темные моменты прошлого. Это в полной мере проявилось в жизни Воронежской епархии.

В рассматриваемое время Воронежская епархия являлась крупной церковно-административной единицей Российской православной церкви. Ее территория по площади равнялась территории Воронежской губернии[101]. В годы правления императрицы Екатерины II все епархии в зависимости от размеров и экономических возможностей были разделены на три категории или класса. Воронежская

---

[98] Смолич И. К. Указ. соч. С. 234.

[99] Столович Л. Н. История русской философии: очерки. Москва, 2005. С. 195.

[100] Шкаровский М. В. Доклад на конференции «Парадоксы Православия» в Амстердаме 11–14 сентября 2011 г. – URL: http://spbda.ru/news/a-1546.html

[101] Площадь Воронежской епархии составляла 65896 кв. км. См.: Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 482.

епархия относилась к третьему классу[102]. Однако следует заметить, что в 1867 г. деление епархий по степеням было упразднено.

Управление епархией осуществлял архиерей, помощь которому оказывал Острогожский викарий (Острогожское викариатство было основано в 1841 г., затем упразднено в 1853 г. и снова восстановлено при архиепископе Серафиме (Аретинском) в 1866 г.)[103]. Как правило, у викариев не имелось определенного круга обязанностей, регламентированных Святейшим Синодом, поэтому они, находясь в личном распоряжении правящего архиерея, выполняли его поручения. Лишь в некоторых случаях обязанности викариев оговаривались указами Святейшего Синода.

Центральным органом местного епархиального управления была духовная дикастерия или консистория, основанная в Воронеже в 1744 г. Консистория под непосредственным руководством епархиального архиерея выполняла административные и судебные функции. Высшей инстанцией для консистории являлся Святейший Синод. При ней имелось присутствие и канцелярия. В Воронежской епархии конца XIX века консистория состояла из четырех человек: настоятеля кафедрального собора, секретаря и двух чиновников[104]. Круг задач, входивших в ее ведение, определялся утвержденным 27 марта 1841 г. «Уставом духовных консисторий» (в 1883 г. была издана его новая редакция с незначительными изменениями). Согласно данному документу, консистория являлась особым присутственным местом, через которое архиерей управлял епархией, а также совершал в ней духовный суд. Секретарь канцелярии обладал очень серьезными полномочиями: любое решение епархиального архиерея могло быть им опротестовано, и в этом случае его исполнение приостанавливалось. Еще одним присутственным местом было Попечительство о бедных духовного звания, в задачу которого входила поддержка малоимущих семей священно-церковнослужителей.

---

[102] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 475.

[103] Митрофан (Шкурин), иером. Воронежская и Борисоглебская епархия // Православная энциклопедия. Москва, 2005. Т. 9. С. 370 (далее – Митрофан (Шкурин). Воронежская и Борисоглебская епархия…).

[104] Там же. С. 371; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 774. Л. 2.

Для более эффективного управления Воронежская епархия была разделена на благочиния (в 1874 г. их насчитывалось 62)[105]. В 4 уездных городах существовали духовные правления, подведомственные Воронежской духовной консистории, а именно в городах: Бирюч, Богучар, Острогожск и Павловск.

По состоянию на 1862-1863 гг. на территории епархии проживало 1 931 660 человек православного вероисповедания. Однако следует сразу же заметить, что в губернии жили не только православные, хотя их было подавляющее большинство. В те же годы раскольников насчитывалось 11 558 человек, христиан не православного вероисповедания: католиков – 921, протестантов – 2 079, а также представителей нехристианских религий: мусульман – 130, иудеев – 412 человек[106]. Численность населения постоянно возрастала. К 1915 г. на территории губернии, по официальным данным, проживало уже 3 776 564 человека, из них 3 744 172 православного вероисповедания[107].

Согласно «Статистическому описанию Воронежской епархии в настоящем её составе», в 1865 г. в епархии насчитывалось 838 церквей, из них в Воронеже и в Воронежском уезде – 94 церкви, а в остальных городах и их уездах соответственно: в Задонском – 62, Землянском – 73, Нижнедевицком – 41, Бобровском – 80, Коротоякском – 69, Новохоперском – 47, Бирюченском – 77, Валуйском – 57, Павловском – 46, Богучарском – 99, Острогожском – 93[108]. С течением времени количество церквей в епархии увеличивалось. Так, по состоянию на 1891 г., их насчитывалось 1 019[109], а в 1913 г. – 1 084[110]. Большинство храмов, естественно, являлось приходскими. Так, в 1871 г. в Воронежской епархии было 12 соборов, из них 1 кафедральный и 11 не имевших приходских дворов. Приходских церквей в

---

[105] Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж, 1893. Отд. II. С. 84-111.
[106] Памятная книжка Воронежской губернии на 1863-1864 гг. Воронеж, 1864. С. 98.
[107] Памятная книжка Воронежской губернии на1916 г. Воронеж, 1916. Отд. II. С. XLII.
[108] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 475.
[109] Правдин А. М. Алфавитный список церковных приходов Воронежской епархии // Памятная книжка Воронежской губернии. Воронеж, 1875. С. 977.
[110] РГИА. Ф 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 2

том же году имелось 829, при казенных учреждениях – 11, домовых – 2, кладбищенских – 8, итого – 865 (не считая 8 часовен и молитвенных домов)[111].

Несколько слов следует сказать о монастырях Воронежской епархии. В 1872 г. в ней действовали следующие мужские монастыри: Благовещенский Митрофанов (первого класса), Алексеевский Акатов – второклассный, Спасо-Преображенский Толшевский, Донецкий Предтеченский, Валуйский Успенский, Задонский Богородицкий, Тихоновский скит, Успенский Дивногорский. Женскими монастырями являлись: Покровский, Богородице-Тихоновский, Землянский Свято-Троицкий Тихоновский, Знаменский, Нижнедевицкий Варваринский. Впоследствии было основано еще несколько монастырей, а именно: в 1881 г. – женский Новохоперский Казанский, в 1882 г. – мужской Воскресенский Белогорский, в 1889 г. –женский Бирюченский Николо-Тихвинский, в 1890 г. – женский Новохоперский Успенский Лысогорский, в 1898 г. – Свято-Троицкая женская община в Острогожске[112]. Правящий архиерей Воронежской епархии являлся настоятелем и священноархимандритом Митрофанова монастыря. В свою очередь, в ведении викария епархии находился Алексеевский Акатов монастырь. Остальные обители помимо того, что управлялись собственным духовным начальством – игуменами и игуменьями, состояли также под наблюдением благочинных. Митрофанов монастырь имел в своем составе странноприимный дом для паломников, посещавших монастырь с целью поклонения мощам святителя.

В 1863 г. численность духовного сословия (то есть священников и членов их семей), проживавшего на территории Воронежской губернии, составляла 19 228 человек, из них белого духовенства с их семействами – 18 319, монашествующих – 909 (мужчин – 453, женщин – 456)[113]. К концу XIX века численность духовного сословия в Воронежской епархии сократилась до 17 491 человека (по

---

[111] Ведомость о церквях и белом духовенстве // Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода Толстого Д. о деятельности православного духовного ведомства за 1872. Санкт-Петербург, 1873. С. 14.

[112] Памятная книжка Воронежской губернии на 1913 г. Воронеж, 1913. Отд. I. С. 85.

[113] Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 гг. Воронеж, 1864. С. 92.

состоянию на 1901 г.).[114] Следует обратить внимание на то, что духовное сословие уменьшилось за счет сокращения числа белого духовенства и их семейств (количество приходских клириков с семьями в 1901 г. равнялось 14 951 человек, что на 3 368 меньше, чем в 1863 г.). При этом число монашествующих к 1901 г. в общей сложности составляло 2 540 человек, что на 1 631 человека больше, чем в 1863 г. Историки называют самые разнообразные причины значительного роста численности монашествующих. Это и особенности государственной политики в отношении монастырей, и развитие такого явления духовной жизни пореформенной России как старчество (вторая половина XIX – начало XX века дали немало известных духовных пастырей, таких, как старцы Оптиной пустыни и др.), и войны начала XX века, толкавшие многих людей, особенно женщин, искать смысл жизни в монастырском уединении.

Если говорить о том, как распределялось воронежское духовенство по священническим степеням, то в 1866 г. в епархии насчитывалось священников – 1 115, дьяконов – 644, псаломщиков – 1 998. Духовников епархии было 59, благочинных – 55[115]. В 1866 г. в самом городе Воронеже служило 98 духовных лиц, из которых: протоиереев – 4, священников – 24, дьяконов – 12, псаломщиков 48[116]. В 1901 г. число священнослужителей равнялось 1 184, дьяконов – 487, псаломщиков – 1 173[117]. Имеется информация, позволяющая выяснить численность воронежского духовенства по штатному расписанию. Например, в 1871 г. в епархии при соборах и церквях по штату было положено 12 протоиереев, священников – 1 154, дьяконов – 573, причетников – 2 120. В реальности же штат насчитывал: 12 протоиереев, 1 095 священников, 541 дьякона, 1 959 причетников[118]. Таким образом, в Воронежской епархии в 1871 г. по штату недоставало 59 священников, 32

---

[114] Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 г. Воронеж, 1903. Отд. II. С. 66 - 69.
[115] Статистическое описание Воронежской епархии в настоящем её составе // Воронежские епархиальные ведомости. 1866. № 4. С. 87.
[116] Там же. С. 88.
[117] Никольский П. В. Интересы и нужды епархиальной жизни. Воронеж, 1901. С. 20.
[118] Ведомость о церквях и белом духовенстве за 1871 // Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода Толстого Д. о деятельности православного духовного ведомства за 1872. С. 18-19.

дьякона и 161 причетника. Причина такого положения вещей крылась, как отмечал в своих отчетах архиепископ Анастасий (Добрадин), не в нехватке священнослужителей, а в нежелании потенциальных кандидатов занимать не самые лучшие с экономической точки зрения вакантные места[119]. Подробнее данный вопрос будет рассмотрен ниже.

В рамках церковных преобразований правительства Александра II происходило изменение приходских штатов. Принятый в 1869 г. закон вводил новый порядок комплектования клира. Во всех церквях по штату было положено иметь одного священника и одного псаломщика. В тех церквях, где подобный состав причта не справлялся со своими обязанностями в связи со значительной численностью прихожан, дополнительно мог быть назначен второй священник в должности помощника настоятеля. Таким образом, численность такого причта увеличивалась до трех человек.

Но возникает вопрос, неужели дьяконство полностью прекратило свое существование? Нет. В наиболее обеспеченных приходах, соборах, там, где прихожане хотели слышать благолепное богослужение с участием дьякона, таковой мог быть приглашен на сверхштатную должность. Следовательно, дьяконство становилось внештатной должностью, практически полностью исчезнув из основной массы простых приходов. Однако, после того как Святейший Синод издал указ 1884 г. о необходимости повсеместного создания церковно-приходских школ, штаты 1869 г. были пересмотрены. 16 февраля 1885 г. вводились новые штаты, согласно которым, формирование причта стало проходить по следующей схеме: в тех храмах, где численность прихожан не доходила до 700 душ муж. пола, полагался штат, состоявший из одного священника и одного псаломщика. В тех приходах, где численность верующих была более 700 душ муж. пола, полагался штат, состоявший из одного священника, одного дьякона и одного псаломщика. Дьяконство снова становилось составной частью православного клира.

---

[119] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 19.

Подобное решение Синод принял с тем, чтобы привлечь к учительской деятельности не столько настоятелей-священников, без того обремененных достаточной нагрузкой по богослужебной и приходской деятельности, сколько дьяконов. Но тогда выходило, что доходы, получаемые до введения штатов 1885 г. клиром из двух человек, теперь следовало делить на трех человек. Синод предполагал, что сам факт восстановления института дьяконства и будет являться своеобразной платой дьяконам за их будущую педагогическую деятельность (поэтому за работу в церковных школах им ничего не платили – С. И.). Таким образом, дьяконство в итоге всех дискуссий осталось штатной должностью.

Анализ сохранившихся по 6 уездам за 1911 г. клировых ведомостей показал, что средний возраст священника Воронежской епархии по состоянию на 1911 г. составлял 45 лет, дьякона – 53 года, псаломщика – 40 лет. Средний возраст жены священника по состоянию на 1911 г. равнялся 39 годам, жены дьякона – 48 годам , жены псаломщика – 36 годам[120].

Среднее время служения священника Воронежской епархии на одном приходе по состоянию на 1911 г. составляло 14,5 лет. Это свидетельствует о том, что священноначалие стремилось не перемещать священников без особой нужды, тем самым давая ему возможность хорошо узнать своих прихожан, сделаться для них родным пастырем.

Сравнительный анализ состояния Воронежской епархии за 1913 г. и 2013 г. см. в приложении 1.

В рассматриваемое в данном исследовании время Воронежской епархией управляли архиереи: Иосиф II (Богословский), Серафим (Аретинский), Вениамин (Смирнов), Анастасий (Добрадин) и Тихон IV (Никаноров).

Епископ Иосиф (Богословский) был назначен на Воронежскую кафедру 27 августа 1853 г. Архиерей родился в Рязанской губернии в семье дьячка 18 августа 1800 г. До перевода в Воронеж Иосиф исполнял ряд ответственных церковных

[120] ГАВО. Ф И-10. Оп. 1. Д. 4; Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1951а. 1; Д. 1951а. 2; Д. 1951б; Д. 1951.1; Д. 1951.2; Д. 1952; Д. 1953.

послушаний: в 1833 г. возведен в сан архимандрита, в 1834 г. избран на должность ректора Московской духовной семинарии, в 1842 г. посвящен в епископа Дмитровского, в 1849 г. был назначен главой Уфимской епархии. Когда судьба распорядилась послать архиерея на Воронежскую кафедру, его близкий друг, знаменитый иерарх Российской церкви XIX века святитель Филарет (Дроздов), направил письмо, в котором поддерживал преосвященного: «Царство небесное вашему предшественнику. Его болезненное управление, конечно, должно увеличить трудности для вас. Но вы имеете великого и сильного помощника, святителя Митрофана. Прибегайте к нему с упованием… Обратите внимание на Задонский монастырь и его нравственное благоустройство»[121].

Новый воронежский епископ обратил внимание не только на Задонский монастырь. Архипастырь почитался современниками как умудренный духовной жизнью старец. Немало трудов он положил на устроение дисциплины и благочиния в епархии. Особое внимание архиерея уделялось положению дел в духовной семинарии. Проблемы богословского образования подтолкнули его к распределению вакантных священнических мест на основании образовательного рейтинга кандидатов[122].

В 1852 г. преосвященный разослал по приходам епархии циркулярное послание, в котором призывал духовенство усилить работу по религиозному окормлению населения. В послании говорилось: «Между жителями нашего края соблюдаются обычаи старины, вредные для нравственности христианской, таковы: собрания на вечеринки, сходбища в хороводы.., что много служит поводом к растлению девиц, к разлиянию блуда»[123]. Духовенство должно было, по мысли архиерея, способствовать распространению среди населения губернии нравственности и подлинной религиозной жизни. С этой целью клирикам следовало организовы-

---

[121] Филарет (Дроздов), митрополит. Письма митрополита Филарета к преосвященному Иосифу, архиепископу Воронежскому. Москва, 1871. С. 18.
[122] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии… С. 238.
[123] Из жизни преосвященного Иосифа, бывшего архиепископа Воронежского // Воронежские епархиальные ведомости. 1896. № 9. С. 399–403. С. 400.

вать в приходах альтернативные собрания, празднование христианских памятных дат, отвлекая народ от языческих игрищ.

При епископе Иосифе много было сделано для открытия епархиального женского училища (хотя само открытие учебного заведения состоялось при архиепископе Серафиме (Аретинском))[124].

В 1860 г. священноначалие удостоило архиерея Иосифа звания архиепископа. Немало усилий первоиерарх приложил к открытию мощей глубоко почитаемого им Тихона Задонского 13 августа 1861 г. Торжество обретения мощей поражало современников. Поклониться святителю пришло огромное количество верующих. Профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин, побывавший в Задонске на праздничном богослужении, вспоминал: «Все огромное пространство в монастыре и за монастырем было покрыто народом: и стены и дома, – по евангельски, были разобраны кровли, чтобы удобнее было видеть священный гроб. По словам губернатора, при заставах насчитано 110 000 богомольцев; но, мне кажется, до 500 000 было непременно»[125].

Преосвященный испытывал проблемы со зрением, которое постоянно ухудшалось. В конце 1862 г. владыка стал сомневаться в своей способности управлять кафедрой. За советом он обратился к митрополиту Филарету (Дроздову). Последний в ноябре 1863 г. ответил: «Приглашаю вас в Москву для совещания с врачами, имеющими преимущественное знание вашей болезни и ее врачевания. Через сие откроется путь к разрешению другого вопроса, продолжать ли вам службу»[126]. Но, как оказалось, пути выхода из ситуации не нашлось. В 1864 г. архиепископ Иосиф подал прошение об уходе на покой. До своей кончины в 1892 г. архиерей жил на покое в Митрофановом монастыре.

4 января 1865 г. указом Святейшего Синода на Воронежскую кафедру правящим архиереем утвержден архиепископ Серафим (Аретинский) (1812-1886).

---

[124] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 486.
[125] Цит. по: Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни Т. 2. Сергиев Посад, 1899. С. 636.
[126] Филарет (Дроздов), митрополит. Письма митрополита Филарета к преосвященному Иосифу, архиепископу Воронежскому. Москва, 1871. С. 24.

Владыка Серафим был исключительно талантливым человеком, имел прекрасное духовное образование (учился в Орловской духовной семинарии, в Киевской духовной академии, которую окончил по первому разряду). Будущий архипастырь исполнял должность профессора богословия при Казанской духовной академии, был ректором только что утвержденной Кавказской духовной семинарии, а затем Херсонской и Тамбовской семинарий. За усердные труды его не раз удостаивали государственных наград. При владыке Серафиме в Воронежской епархии произошло немало важных событий.

В 1866 г. начали издаваться «Воронежские епархиальные ведомости», ставшие основным печатным органом, через который местное духовенство могло обсуждать свои нужды и проблемы, делиться примечательными событиями из жизни, вести дискуссии на самые разные вопросы того времени.

Немало внимания архиерей Серафим уделял духовному образованию. При нем в 1865 г. начало работу епархиальное женское училище. В 1875 г. при содействии преосвященного была создана Воронежская учительская семинария, открылись «Серафимовские четверги» – особые вечера, на которые собирались представители интеллигенции, духовенства, студенческой молодежи с целью проведения бесед на различные богословские и актуальные общественные темы. Воронежский архипастырь сам неоднократно принимал в них участие.

При архиепископе Серафиме произошла перестройка Благовещенского собора по проекту губернского архитектора Кюи, а в 1882 г. освящено новое трехэтажное здание Воронежского духовного училища. Тогда же был основан Белогорский мужской монастырь, а тремя годами позже с целью повышения общего уровня религиозного просвещения населения при Митрофановском монастыре открыли Братство во имя святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. Архиепископ Серафим (Аретинский) почил в 1886 г.[127]

---

[127] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 490; См.: Акиньшин А. Н. Вениамин (Смирнов) еп. Воронежский и Задонский // Православная энциклопедия. Москва, 2004. Т. 7. С. 647-648.

Его преемником стал епископ Вениамин (Смирнов) (1829 -1890). Владыка являлся сыном священника Калужской епархии, окончил Киевскую духовную академию, исполнял обязанности ректора в Донской семинарии. В епископа его посвятили в 1879 г. На Воронежскую кафедру епископ Вениамин был назначен в 1886 г. и пробыл на ней всего лишь 4 года, зарекомендовав себя в качестве ревностного архипастыря, стремившегося к распространению благочиния среди священно-церковнослужителей. Архиерей следил за благоговейным исполнением богослужения и пастырских обязанностей по окормлению верующих. Так, например, 21 июля 1888 г. по итогам очередного посещения церквей преосвященный распорядился обязать настоятелей и церковных старост всей епархии при составлении договоров с певчими включать в них обязательства благоговейно исполнять певческие обязанности, не разговаривать во время богослужения, не смеяться, не выходить из храма беспричинно, петь медленно, не «проглатывая» звуки и не издавать во время песнопений «бесчинных воплей». Такое постановление архипастыря было вызвано тем, что во время объездов архиерей в некоторых сельских приходах сталкивался с недостойным исполнением певчими своих обязанностей. В распоряжении говорилось: «Пение допускается очень спешное: пропускаются иногда не только слоги, не только слова, а даже целые фразы, так что трудно что-нибудь разобрать; иногда слышатся только первые и последние слова молитвы, а между ними слышится какое-то жужжание»[128].

Существенных изменений в период управления епархией епископом Вениамином не произошло. По его ходатайству Святейший Синод в 1888 г. постановил преобразовать женскую Задонскую Тихоновскую общину в монастырь[129]. Именно при епископе Вениамине началось строительство Владимирского собора в г. Воронеже, самого большого храма епархии (открытие церкви состоялось в 1918 г., а в 1931 г. она была взорвана по инициативе местных властей)[130]. При Ве-

[128] Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства… С. 107.
[129] Климент, иеромонах. Памяти почившего воронежского архипастыря, преосвященнейшего Вениамина // Воронежские епархиальные ведомости. 1890. № 13. С. 589.
[130] Акиньшин А. Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 2003. С. 22–25.

ниамине также было построено новое здание общежития для воспитанников семинарии. Умер архипастырь в 1890 г. в возрасте 58 лет.

Епископа Вениамина на Воронежской кафедре сменил выдающийся церковный деятель – Анастасий (Добрадин) (1828-1913 гг.). Он родился в Новгородской губернии в семье бедного псаломщика. Несмотря на недостаток средств, родители постарались дать своему сыну хорошее образование. Владыка окончил Новгородскую духовную семинарию, являясь одним из лучших учеников, вследствие чего был направлен на казенный кошт в Санкт-Петербургскую духовную академию. В журнале «Воронежская старина» за 1914 г. приводятся слова святителя Феофана Затворника, обращенные к одному из наставников тогда ещё юного Добрадина: «Ваш маленький воспитанник Добрадин несть маленький, он нравом и умом хорош»[131].

Будущий воронежский архипастырь окончил академию в 1853 г., успешно защитив магистерскую диссертацию. До назначения на Воронежскую кафедру Анастасий в течение долгого времени исполнял различные церковные послушания: с 1865 г. 17 лет работал законоучителем Полоцкой военной гимназии, затем был назначен на должность ректора Витебской духовной семинарии, в 1882 г. он становится епископом Выборгским, викарием Санкт-Петербургского митрополита Исидора (Никольского). Затем епископ Анастасий окормлял Старорусскую и Калужскую епархии, а с 1890 г. его переводят в Воронеж. При этом архипастыре в Воронежской епархии произошли существенные изменения. В 1899 г. была учреждена эмеритальная касса (то есть пенсионная – С. И.). В 1901 г. благодаря его попечению и непосредственному содействию открылся Воронежский церковный историко-археологический комитет, а затем было налажено издание сборника «Воронежская старина», на страницах которого помещалось немало важной историко-краеведческой информации.

---

[131] Олейников Т. М. Архиепископ Анастасий как ученик семинарии, студент духовной академии и законоучитель Полоцкой военной гимназии // Воронежская старина. Воронеж, 1914. Вып. 13. С.18.

Епископ Анастасий (с 1902 г. – архиепископ) призывал подчиненное ему духовенство достойно относиться к священным обязанностям. Для того чтобы своевременно реагировать на нужды своих священнослужителей, архиепископ Анастасий ввел в активное употребление пастырские собрания и съезды духовенства. При этом он лично принял участие в составлении правил и устава пастырских собраний. Согласно этим правилам, собрания духовенства могли быть двух типов: собрания смешанные, включавшие в себя всех членов причта, и собственно пастырские, состоявшие из одних лишь священников[132]. На этих собраниях решались вопросы, касающиеся самых разных сторон жизни Воронежской епархии тех лет. Владыка Анастасий старался лично посещать приходы епархии. За 23 года управления Воронежской кафедрой он посетил все, даже самые глухие приходы. Почил архипастырь в 1913 г.[133]

В том же году в Воронежскую епархию был назначен архиепископ Тихон (Никаноров). Архиерей родился в 1855 г. в церковной семье, его отец служил псаломщиком в селе Кирюга Новгородской губернии. Окончив курс Новгородской духовной семинарии, а затем и Санкт-Петербургской духовной академии, будущий архипастырь до своего назначения в Воронеж исполнял самые разнообразные послушания. В частности, в 1890 г. священноначалие определило его ректором Новгородской семинарии, в которой он сам когда-то учился. В 1891 г. его назначают на должность настоятеля Антониева монастыря в той же Новгородской епархии. В архиерея архимандрит Тихон (Никаноров) был хиротонисан в 1892 г. с распределением на место епископа Можайского, викария Московской епархии. Архипастырь приобрел большой управленческий опыт, поочередно возглавляя несколько епархий Российской православной церкви: Полоцкую, Пензенскую, Калужскую. В Воронеж владыка Тихон прибыл в мае 1913 г. Здесь он оставил о себе добрую память, отличаясь самым внимательным отношением к пастве и преданным ему в управление священно-церковнослужителям. Большое внимание он

---

[132] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 499.

[133] Акиньшин А. Н., Митрофан (Шкурин), иером. Анастасий (Добрадин) // Православная энциклопедия. Москва, 2001. Т. II. С. 240.

уделял устройству Воронежской семинарии, налаживанию учебного процесса. Для этого архиерей неоднократно лично присутствовал на вступительных и выпускных экзаменах, устраивал благотворительные стипендии для поддержки наиболее талантливых учеников[134]. Заботился архиепископ и об устройстве дисциплины в духовной школе, переживавшей не самые легкие времена по причине распространения социалистических идей среди учащейся молодежи. Деятельное участие он принимал и в деле борьбы с расколо-сектанством в губернии, особенно с набиравшим популярность баптизмом. С целью противодействия развитию сект и ересей по личному поручению архиерея в епархии устраивались публичные диспуты, при приходских церквях создавались специальные миссионерские библиотеки.

Архиепископу Тихону (Никанорову) суждено было возглавлять Воронежскую епархию в годы Первой мировой войны. В тяжелое для страны время духовенство епархии, благодаря заботам и умелой организаторской работе архипастыря, внесло свой посильный вклад в дело вспомоществования раненым воинам. В городе Воронеже силами священнослужителей был открыт лазарет. На добровольные взносы священников приобретались продукты и медикаменты для солдат и офицеров русской армии, клирики трудились над пастырским окормлением воинов[135].

Именно при Тихоне (Никанорове) в Воронежской епархии в 1918 г. произошло торжественное открытие одного из самых крупных храмов Российской империи – Владимирского собора. Первое праздничное богослужение в новосооруженном соборе состоялось на Лазареву субботу.

Об обстоятельствах кончины архиерея существует несколько версий. Одна из них говорит о мученической смерти праведника. В 1920 г. во время совершения богослужения вооруженные большевики повесили владыку Тихона на Цар-

---

[134] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 234. Л. 41 об.
[135] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 555-560.

ских Вратах Благовещенского собора Митрофанова монастыря[136]. Эту версию можно назвать официальной, житийной (архиепископа Тихона (Никанорова) причислили к лику новомучеников на архиерейском соборе 2000 г.). Существует и другая версия кончины воронежского архипастыря. Так, упоминавшийся выше, архиепископ Сергий (Петров), опираясь на рукописные свидетельства священника Иоанна Житяева – келейника Тихона (Никанорова), утверждал, что архиерей умер своей смертью. «В феврале 1920 г. архиепископ Тихон IV заболел тифом (в тот год в Воронеже свирепствовал «сыпняк») и 27 февраля, на 75 году жизни, тихо и спокойно почил о Господе… Наместник Митрофанова монастыря архимандрит Александр (Кременецкий), первым придя к почившему, сказал: «Звали тебя Тихоном, ты оправдал это имя жизнью своей. Тихо ты жил, тихо и скончался»[137].

Как бы то ни было, именно архиепископу Тихону (Никанорову) суждено было возглавлять Воронежскую епархию в годы завершения синодальной эпохи истории Русской православной церкви, столкнуться с последствиями глубочайшего политического и общественного кризиса начала XX века, в полной мере ощутить на себе последствия столетиями проводившейся политики обмирщения государства и церкви.

§2. Правовое положение приходского духовенства

Социальную характеристику приходского духовенства Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века следует начать с рассмотрения особенностей правового положения, так как именно оно формировало статус сословия, закрепляя за ним исключительные обязанности и привилегии.

Российская православная церковь занимала особое место в империи. Жизнь духовенства регламентировалась целым рядом норм и законов. Юридический статус клириков определялся как церковными, так и светскими постановлениями, и не всегда последние гармонично согласовывались друг с другом. Знаменитый

---

[136] Священномученик Тихон (Никаноров), архиепископ Воронежский и Задонский – URL: http: // www.vob.ru/ saints/ shmc/tix_nikanor/ main.htm

[137] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 554.

отечественный юрист пореформенной России М. А. Рейснер писал по этому поводу следующее: «Общее разделение права и нравственности, права и религии весьма мало знакомо действующему Своду Законов. Усвоенное каждым образованным юристом со школьной скамьи учение о том, что государство достигает своих целей при помощи права и правового принуждения, что право, будучи даже нравственного содержания, не может выходить из пределов внешней, формальной, принудительной нормы, что, наконец, право по самому своему существу не может предписывать ни добродетели, ни религиозные истины – все эти школьные положения встречают полное противоречие во многих частях действующего закона, унаследованного нами еще от времени идей XVIII века»[138]. С мнением выдающегося правоведа сложно не согласиться. В светском законодательстве Российской империи действительно присутствовали положения, регулирующие не только юридическую, но и религиозную сферу деятельности, что не всегда шло на пользу православному духовенству.

Правовое положение священно-церковнослужителей регламентировали законы о состояниях. Согласно последним, православное духовенство разделялось на монашествующее и белое. Монашествующее духовенство составляли: а) духовные власти – митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, игуменьи и настоятельницы женских монастырей, б) «прочая монашествующая братия»[139]. К белому духовенству принадлежали: протопресвитеры, протоиереи, иереи, протодиаконы, дьяконы и иподиаконы, а также церковные причетники в звании псаломщиков. Доказательством духовного состояния являлись акты духовного состояния, составленные на основе указанных в Своде Законов Российской империи (далее – СЗРИ) правил, а также ставленые грамоты, выдаваемые лицам духовного сана после посвящения[140].

---

[138] Рейснер М. А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону: Юридико-догматические очерки. // Вестник права. 1900. № 3. С. 9.
[139] Свод Законов Российской империи. Т. IX. Ч. 1: Законы о состояниях. Санкт-Петербург, 1899. С. 50 (далее – СЗРИ…).
[140] Там же.

Канонические нормы (совокупность которых христианские богословы XIX века стали называть церковным правом), регламентировавшие жизнь священно-церковнослужителей Российской церкви, были представлены главным образом правилами и постановлениями Вселенских и Поместных соборов, правилами святых отцов церкви. В СЗРИ отчасти были отображены идеи канонического права, продекларированные еще в раннехристианскую эпоху.

Жизнь, быт и деятельность священно-церковнослужителей определялись также и огромным количеством постановлений, указов, уставов, правил собственно Российской православной церкви. В многообразии прав и обязанностей было очень сложно разобраться. Именно поэтому во второй половине XIX века неоднократно предпринимались попытки системного изложения основных правовых положений, касавшихся приходского и монашеского духовенства. Известный отечественный канонист того времени П. П. Забелин в предисловии к одному из таких изданий прямо отмечал: «Пастырями нашей отечественной Церкви уже давно сознается настоятельная нужда в возможно полном и систематическом собрании канонических постановлений Вселенской Церкви и действующих церковно-гражданских постановлений Русской Церкви относительно всех их прав и обязанностей»[141].

Во второй половине XIX века юридический статус духовного сословия претерпел изменения. Государство пыталось поднять духовенство на должную высоту духовного призвания, сделать его способным служить церкви и государству с максимально возможной отдачей. Для этого необходимо было разрушить сословную замкнутость, препятствовавшую попаданию в духовное сословие новых талантливых людей, искренне желавших служить на благо церкви. С конца 1860-х гг. в результате церковной реформы Александра II православное приходское духовенство формально перестало оставаться наследственным и замкнутым сословием. Еще в 1865 г. был сделан один из первых шагов, направленный на ослабление замкнутости духовенства. В Устав духовных консисторий внесли изме-

[141] Забелин П. П. Указ соч. С. 3.

ненную 92 статью, согласно которой епархиальные архиереи могли увольнять из духовного звания в светское воспитанников семинарий, не обращаясь при этом за разрешением в Святейший Синод[142].

Важной мерой в деле ослабления сословной замкнутости являлся обнародованный в 1864 г. новый устав гимназий, предоставлявший духовенству возможность без каких-либо предварительных ходатайств у священноначалия отдавать своих детей в светские учебные заведения. Некоторые воронежские священнослужители использовали предоставленную возможность и отправляли своих детей в Воронежскую классическую гимназию. В качестве иллюстрации ниже приведена таблица 1, показывающая сословную принадлежность учащихся Воронежской классической гимназии за 1886 г.

Таблица 1

Сословная принадлежность учащихся Воронежской классической гимназии к 22 ноября 1886 г.[143]

Общее число учащихся	**Из общего числа**								
	по национальностям				**по происхождению**				
	русских	поляков	евреев	других национальностей	дворян	духовного сословия	купцов и мещан	крестьян	иных
377	338	11	13	15	208	27	113	15	14

По данным таблицы 1, в 1886 г. дети священнослужителей составляли 7,2 % от общего числа учащихся в Воронежской гимназии. Это достаточно большой процент, если учесть то, что до принятия устава 1864 г. выходцы из духовного сословия составляли куда меньшее число учащихся. В 1862 г. из 464 учеников Воронежской гимназии представителями духовного сословия являлись лишь 8 человек, то есть 1,7 % от общего количества[144]. Данные цифры свидетельствуют хо-

[142] Полный свод законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. Отд. 1. Санкт-Петербург. 1865. № 42507.
[143] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 21.
[144] Памятная книжка Воронежской губернии на 1863-1864 гг. Воронеж, 1864. С. 110.

тя и о незначительных, но все же произошедших изменениях в сословной замкнутости духовенства.

Благодаря реформам Александра II, в том числе и преобразованиям в ведомстве православного исповедания, была предоставлена возможность вступления в духовное звание лицам из других сословий. В дореформенный период принятие священного сана для представителей иных социальных групп являлось затруднительным. Священническое служение считалось делом исключительно сыновей духовных лиц. Экстраординарный профессор Казанской духовной академии В. В. Миротворцев сетовал на этот счет: «Церковное служение, требующее по самому своему существу полной свободы выбора и внутреннего призвания, сделалось принадлежностью одного сословия, члены которого часто по необходимости или по интересам, посторонним для церкви, должны были принимать на себя церковные должности. Очевидно, что при таких условиях духовенство не всегда могло стоять на высоте своего назначения… Мало-помалу установился такой порядок, что духовенство стало классом, чуждым для общества»[145].

Правительство, видя проблему увеличивавшегося разрыва между духовным и другими (окормляемыми) сословиями, предприняло ряд мер, направленных на расширение возможности вступления на священнический путь лиц из иных сословий[146]. По свидетельству профессора В. В. Миротворцева, когда вышеуказанные правовые изменения вступили в силу, некоторые священнослужители начали серьезно беспокоиться, полагая, что представители других сословий будут стремиться принимать сан и, следовательно, займут все имевшиеся места[147]. Переживания духовенства можно объяснить, ведь оно волновалось за будущее своих детей. Однако, как показала история и, в частности пример Воронежской епархии, никакого притока лиц из светского звания не состоялось. В 1886 г. из 572 воспитанников Воронежской семинарии лишь 27 не принадлежали к духовному сосло-

[145] Миротворцев В. В. Указ. соч. С. 7.
[146] Там же. С. 22.
[147] Там же. С. 25.

вию, то есть всего лишь 4,7 %[148]. Попытки открыть духовное сословие для свободного доступа всех желающих ни к чему кардинальному не привели. Причина замкнутости лежала не столько в формальном юридическом положении клириков, сколько в особом консервативно-традиционном характере священнического служения. Последнее не предполагало привлечения в ряды клириков широких масс населения. Духовенство так и оставалось закрытой социальной группой, если не формально, то фактически, ввиду своей традиционной замкнутости.

Во второй половине XIX – начале XX века правительство рассматривало духовенство как привилегированное сословие. Служители алтаря пользовалось некоторыми особыми правами: клирики и члены их семей освобождались от телесных наказаний, духовенству была предоставлена свобода от личных податей и рекрутской повинности, суд над духовенством по большей части дел совершался церковной властью. Члены православных причтов имели право приобретать и отчуждать дома и земли. Дома священнослужителей освобождались от постоя, поземельного сбора и большей части городских повинностей[149].

Священно-церковнослужители, являясь составной частью церковно-государственного механизма Российской империи, имели право на получение государственных наград, в частности ордена Святой Анны III степени (в качестве поощрения за усердные двадцатипятилетние труды на поприще просвещения в народных школах)[150]. По статуту право на получение ордена Святой Анны III степени имели:

1) протоиреи или иереи, в течение 12 лет усердно исполнявшие обязанности благочинных, членов духовной консистории, попечительств о бедных духовного звания, входившие в состав правления семинарии или духовных училищ;

2) представители духовенства, в течение 25 лет трудившиеся законоучителями в школах;

---

[148] ГАВО. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 22. Л. 12.
[149] Смолич И. К. Указ. соч. С. 347.
[150] Забелин П. П. Указ. соч. Ч. 3. С. 28.

3) лица, прослужившие не менее 50 лет в дьяконском сане[151].

Помимо этого, клирики, прослужившие в священническом сане не менее 50 лет, могли быть представлены и к более высокой награде – ордену Святого Владимира IV степени. Дьяконы и псаломщики, трудившиеся без нареканий в течение 10 лет учителями в сельских народных и церковно-приходских школах, получали шанс к награждению серебряной медалью на Александровской ленте[152]. Наличие в статуте правительственных наград пунктов о поощрении священно-церковнослужителей свидетельствует о глубоком сращивании церкви и государства. Пастырское служение мыслилось как часть служения государственного. Клирики, отдавшие определенное количество лет исполнению своих обязанностей, могли претендовать на поощрение со стороны светской власти, а возможность быть представленным к светским орденам говорит об определенном внимании, с которым царская власть относилась к духовенству, рассматривая последнее в качестве верного проводника имперской идеологии.

Однако, несмотря на то что в синодальную эпоху церковь занимала особое место (подтвержденное официальной формулой: «Православие, Самодержавие, Народность») в государственном механизме Российской империи, правовое положение православного духовенства не было безупречным. Священники часто высказывали недовольство и критику по целому ряду вопросов.

В начале XX века правительство, понимая необходимость перемен в жизни Российской церкви, приняло решение созвать Поместный собор с целью осуществления реформы церковной жизни страны. В епархиях (в том числе и в Воронежской) началось живейшее обсуждение наболевших проблем, одной из которых был вопрос о правовом положении духовенства. Видный воронежский протоиерей Михаил Аполлосов писал в те годы: «Ни реформы прихода, ни реорганизация духовных школ не принесут существенной пользы, если духовенство будет оставлено в прежнем положении: бесправным, забитым, разрозненным, плохо обеспе-

[151] Забелин П. П. Указ. соч. Ч. 3. С. 45.
[152] Там же. С. 46.

ченным… Должно быть улучшено правовое положение духовенства. Неся тяжелую и ответственную службу государству, составляя надежную его опору и представляя из себя полезную часть общества, духовенство не пользуется теми правами и преимуществами, какими по справедливости должно бы пользоваться. И в этом случае к духовенству не прилагается той мерки, какая существует для всех остальных членов государственной семьи»[153]. Как видно из слов воронежского священника, правовое положение духовенства было далеко не безупречным.

Что же вызывало недовольство духовенства? Прежде всего, проблемы, связанные со статусом приходов, не имевших прав юридического лица. Архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин) в 1905 г. в своем «Отзыве по вопросу о церковной реформе» отмечал необходимость скорейшего изменения статуса прихода: «Прежде всего, в представленных духовенством докладах и на совещании признано необходимым предоставить приходу права юридического лица»[154]. О том же писал и П. В. Никольский. По мнению последнего, приходы непременно должны были получить права юридического лица, а именно: наравне с другими правоспособными категориями населения приобретать недвижимую собственность, устраивать под председательством настоятелей собрания для обсуждения церковно-приходских нужд, представлять ходатайства местному епархиальному начальству по вопросу о назначении священников на свободные места и т.д.[155] «Приход – это «юридическое лицо, но не мелкая земская единица»[156].

Священник Михаил Аполлосов, как бы резюмируя мнение воронежского духовенства по этому вопросу, сетовал: «Общественные и сословные учреждения других ведомств пользуются, например, правом беспрепятственного приобрете-

---

[153] Аполлосов Михаил, свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. №4. С.149 (далее – Аполлосов Михаил, свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества…).

[154] Анастасий (Добрадин), архиеп. Соображения особого совещания по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви // Отзывы Епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Санкт-Петербург, 1906. С. 136 (далее – Анастасий (Добрадин), архиеп. Соображения особого совещания…).

[155] Никольский П. В. Записка по вопросу о церковных преобразованиях // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 7. С. 310.

[156] Там же.

ния и отчуждения недвижимой собственности; учреждения духовного ведомства этим правом не пользуется: в каждом частном случае необходимо испрашивать высочайшее соизволение»[157].

Вызывала недовольство Воронежского духовенства и 431 статья IX т. СЗРИ, налагавшая ограничения священно-церковнослужителям на занятие торговлей и некоторыми иными финансовыми операциями[158]. Очевидно, что в основание этой статьи легло 17 правило Первого Вселенского Собора, которое гласит: «Взимающий рост с данного взаем, или иной оборот дающий сему делу, или половинного роста требующий, или нечто иное вымышляющий ради постыдной корысти, таковой да будет извергаем из клира и чужд духовного сословия»[159]. Данное правило неоднократно повторялось и в постановлениях других соборов. Вошло оно и в СЗРИ в виде 431 статьи. В середине XIX века среди духовенства стали высказываться недовольства данным правилом. С точки зрения архиепископа Воронежского Иосифа (Богословского), 431 статья не могла быть не признана стеснительной, так как само правительство давало духовенству землю в количестве 33 десятин на штат[160]. По мысли архиерея, если власть предоставляла землю священно-церковнослужителям, то это само собой подразумевало возможность заниматься торговлей, например, продавать сельскохозяйственную продукцию и т.п. А если так, то почему же в СЗРИ находилось правило, запрещавшее это делать? На лицо было явное противоречие между положениями Свода Законов.

Воронежские клирики выражали недовольство и в связи с недостаточной правовой защищенностью своей служебной деятельности. Имперское законодательство не предусматривало юридической защиты священника от целого ряда возможных нарушений со стороны прихожан. Если крестьянин отказывался платить за совершенную требу, то священник не имел возможности пожаловаться на это, попытаться вернуть себе средства. Требоисполнение для многих клириков

---

[157] Аполлосов Михаил, свящ. Указ. соч. С. 150.
[158] СЗРИ. Т. IX. Ч. 1. С. 51.
[159] Никодим (Милаш), епископ. Правила Православной Церкви с толкованиями. Т. 1. Москва, 2001. С. 229.
[160] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 58. Л. 17.

являлось основным источником существования. Недостаточная прозрачность процедуры получения средств с данного вида доходов создавала существенные трудности духовенству. Протоиерей Михаил Аполлосов писал: «И частные лица и целые корпорации других ведомств имеют право требовать исполнения обязательств, данных другими лицами в пользу их, и, в случае надобности, обращаются к содействию судебной и административной власти, – духовенство этим правом не пользуется, ему воспрещено обращаться за содействием к гражданской власти в случае неисполнения прихожанами данных ими приговоров об обеспечении причтов содержанием»[161]. В условиях скудного материального состояния большинства воронежского духовенства нетрудно понять, почему данная проблема вызывала недовольство священнослужителей.

На практике клирики нередко сталкивались с тем, что определенные права духовенства, декларировавшиеся в одном законодательном источнике, в другом фактически отменялись. Так, по закону представители церковного клира имели право рубки дров в лесах, принадлежавших крестьянским обществам тех приходов, где они состояли на службе. На деле же им было воспрещено осуществлять свое право без добровольного согласия на то прихожан[162].

Еще одной проблемой, обсуждавшейся воронежскими священнослужителями, был вопрос о соответствии целого ряда канонических норм реалиям жизни Российской империи в пореформенный период. Дело в том, что многие нормы церковного права проистекали из средневековых источников, принятых в совершенно других исторических и социальных условиях. Как уже было показано выше, канонические положения нередко вступали в противоречие со светским законодательством. Воронежское духовенство на благочиннических съездах начала XX века высказывало мнение о необходимости изменений в канонической сфере церковного законодательства: «Признано необходимым, чтобы будущий собор пересмотрел канонические постановления, определяющие жизнь христиан, так

[161] Аполлосов Михаил, свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества… С. 150.
[162] Там же. С. 151.

как многие из них неприменимы к современной жизни»[163]. Предлагалось издать особый сборник законов, в котором бы содержались пересмотренные и реально действовавшие канонические нормы и правила. В сборник должны были войти пункты, точно определявшие проступки лиц духовного звания и мирян, а также основания, по которым и тех и других следовало привлекать по духовному суду[164].

В справедливости применения некоторых средневековых канонических правил в условиях второй половины XIX – начала XX века сомневались не только рядовые клирики Воронежской епархии, но и священноначалие. Так, архиепископ Воронежский Иосиф (Богословский) писал в Синод: «Духовенство должно соблюдать чистоту нравственной жизни, но много бывает случаев, что священнослужитель, полный жизни и силы, в первый же год своего служения лишается жены своей. Бывают в Воронежской епархии и такие случаи, что ищущий священства тотчас после брака отправляется для рукоположения, но по восприятии таинства священства, возвращаясь в свою квартиру, встречает письмо о смерти жены своей»[165]. Архипастырь подвергал сомнению вину данного несчастного священника, который, может быть, даже и не успел прожить с супругой ни одного дня. При этом каноническое правило, вынуждавшее священника либо принять монашество, либо сложить с себя сан, нашло, как сетовал на этот счет преосвященный, продолжение и в светском законодательстве. Статья 428 IX Т. СЗРИ ограничивала лиц, с которых даже по независящим от них причинам слагался сан, в возможности найти себе достойное место на гражданской или военной службе[166]. Поэтому архиерей предлагал пересмотреть некоторые гражданские и канонические нормы с целью улучшения правового положения духовенства.

Мысль о необходимости смягчения канонического права церкви разделяли и многие воронежские священнослужители. Это выяснилось при обсуждении на

---

[163] Анастасий (Добрадин), архиеп. Соображения особого совещания… С. 147-148.
[164] Там же. С. 148.
[165] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 58. Л. 17.
[166] Там же. Л. 21.

благочинических съездах проекта преобразований, готовившегося к будущему Поместному собору. Как отмечал архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин): «Высказано было желание, чтобы от лиц, желающих принять священный сан, не требовалось обязательное вступление в брак, по крайне мере по достижении ими канонического, то есть тридцатилетнего возраста»[167].

Значимым и вместе с тем так и не решенным до конца вопросом было правовое разграничение обязанностей старост и настоятелей приходских церквей. Между священнослужителями и церковными старостами иногда возникали конфликты, связанные с попытками последних взять управление приходом под свой единоличный контроль. Большинство старост, по отзывам благочинных, добросовестно исполняли свои обязанности, однако, как отмечалось в епархиальном отчете за 1906 г., «между ними также были и такие, которые не подчинялись требованиям означенной инструкции (имеется в виду инструкция церковным старостам 1890 г. издания – С. И.), считали себя единоличными неограниченными распределителями и хозяевами церковного имущества и позволяли распоряжаться оным в ущерб интересам церкви»[168]. Особенно ярко данная проблема проявилась в годы Первой русской революции, когда деятельность некоторых старост окончательно вышла из-под контроля духовных властей. Так, в 1905 г. в церквях сел Турово Нижнедевицкого уезда, Хреновое и Рождественская Хава Воронежского уезда, Хлевное и Пады Задонского уезда, Ливенка Бирюченского уезда, Филиппенково Павловского уезда, Сериково и Меловое Богучарского уезда старосты отказались предоставлять установленные взносы на духовно-учебные заведения и прочие епархиальные потребности. Вместо этого собранные с приходов средства они использовали на финансирование местных эсеровских крестьянских братств и союзов. После того как священноначалие издало распоряжения об увольнении их с должности, жители обозначенных селений отказались избирать на вакантные мес-

[167] Анастасий (Добрадин), архиеп. Соображения особого совещания... С. 148.
[168] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2139. Л. 9.

та новых кандидатов[169]. Иногда подобные ситуации удавалось разрешать с помощью разъяснительных бесед, а иногда и путем «временного закрытия храма для богослужений с перемещением членов клира в другие приходы»[170].

Недостаточно четкое правовое разграничение обязанностей старост и пересекающихся с ними компетенций настоятелей порой приводило к злоупотреблениям. Священник Илья Соколов в жалобе архиерею описывал ситуацию, как церковный староста его храма Сафонов однажды попытался обосновать растрату церковных средств покупкой якобы дорогих швейцарских часов фирмы Hy Moser & Cie. Когда священник увидел висевшие на стене причтового дома часы, то без труда определил, что хронометр был явно отечественного производства, тем более что на циферблате крупными буквами виднелась надпись «Братья Четуновы. Москва». Клирик сетовал: «Часы сильно подержаны. Раньше они долго висели в доме Сафонова. Оценивать их трудно. Они идут дня два, а на третий останавливаются. Чинили. Не помогает»[171]. Архиерей Анастасий (Добрадин) выступал за пересмотр полномочий церковных старост. Поместный собор, по его мнению, должен был внести в Инструкцию церковным старостам соответствующие изменения.

Противоречия светского и духовного права, содержавшиеся в СЗРИ, наглядно проявлялись и в вопросе избрания старост бесприходных церквей (например, кладбищенских). По закону старосты таких храмов должны были избираться городскими думами[172]. Кандидатуры, выдвигаемые думой, не всегда удовлетворяли интересам духовных консисторий. В Воронежской епархии был случай, когда борьба за кандидата на должность старосты переросла в скандал между городской думой и консисторией. По определению епархиального начальства от 23 сентября 1886 г. церковного старосту Митрофановской кладбищенской церкви города Бирюч Петра Петровича Крикловенского уволили в связи с истечением срока его

[169] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2139. Л. 9.
[170] Там же. Л. 9 об.
[171] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1942. Л. 27 об.
[172] Устав духовных консисторий. Санкт-Петербург, 1883. С. 98.

служебных полномочий. Благочинный, протоиерей Алексеевский, составил список кандидатов (на основании предложений духовенства кладбищенской церкви). Однако городская дума отказалась проводить выборы старосты, заявив, что они будут проведены только после того, как консистория уберет с должности настоятеля кладбищенской церкви священника Владимира Прозорского, неугодного думе. Духовная консистория решила пойти на своего рода компромисс, предложив городской управе провести совместные выборы старосты из вновь составленного списка. Никакой положительной реакции со стороны светской власти не последовало. В 1887 г. дума односторонне в качестве ктитора (то есть старосты) выбрала неизвестного духовенству отставного подпоручика Ивана Бажанова, «который между тем в списке кандидатов не значился»[173].

Началась длительная трехлетняя перепалка между духовной консисторией и Бирюченской городской управой, вылившаяся в спор о том, кого и как следовало назначать на должность церковных старост в бесприходные церкви. Спор удалось разрешить только после обращения в Воронежское губернское по городским делам присутствие, которое в конечном счете приняло сторону думы[174]. Нелепость ситуации заключалась в том, что старосту церкви выбирали без учета интересов самой церкви, однако, при этом подобное положение вещей было признано вполне законным.

Церковное и светское начала в законодательстве пересекались и в вопросе духовного суда. Священнослужители, совершавшие те или иные проступки, подвергались духовному или светскому суду в зависимости от тяжести нарушений. Ведению духовного суда подлежали преступления канонического характера, ведению светского – уголовные дела. Необходимо отметить, что случаев, когда духовные лица подвергались уголовным наказаниям, имелось крайне мало. По мнению архиерея Анастасия (Добрадина), поведение священнослужителей Воронежской епархии, их нравственный облик в целом не вызывал претензий. Большая

[173] ГАВО. Ф. И-21.Оп. 1.Д. 252. Л. 12 об.
[174] Там же. Л. 14 об.

часть проступков носила духовный характер. Так, например, из 1 249 священников, 223 дьяконов и 1 216 псаломщиков, состоявших на штатных должностях в 1912 г., подверглись духовному суду 40 священников, 12 дьяконов, 29 псаломщиков, то есть около 2,5 % от общего числа клириков. Из них признаны виновными и подвергнуты наказанию были 17 священников, 8 дьяконов, и 20 псаломщиков. Почти все обвинительные приговоры (33) касались нетрезвого образа жизни и только 12 распространялись на остальные нарушения: притязательность, грубое поведение и др.[175] В 1913 г. церковному суду подверглось 65 священников, 4 дьякона, 26 псаломщиков. Виновными, согласно произведенным расследованиям, оказались 17 священников, двое из которых за нетрезвость и «соединенное с нею неблагоповедение» подверглись низведению до должности причетника, 3 отправились в монастырь на исправление, 12 подверглись денежному штрафу, выговорам и внушению. Двое злоупотреблявших спиртным дьяконов также подверглись наказаниям: одного отправили за штат, другого низвели в псаломщики. Что касается псаломщиков, то из 12 нарушителей благочиния 1 уволили из духовного звания за нецеломудрие, 3 за нетрезвость уволили с должности, 4 за те же проступки поселили для исправления в монастыре и еще 4, менее упорных нарушителей, подвергли внушениям и выговорам[176]. Положительно отзывался о поведении воронежских клириков и архиепископ Тихон (Никаноров), в отчете за 1914 г. отмечавший: «Каких-либо особенных проступков и преступлений в жизни духовенства не наблюдалось»[177].

Если же клирики все-таки совершали тяжкие преступления, то расследование проводили как духовные, так и светские следственные комиссии. Так, например, в августе 1909 г. двое псаломщиков Бобровского уезда Валериан Орлов и Валериан Проскуряков (псаломщики были двоюродными братьями) совершили разбойное нападение на торговца кумысом татарина Хайбуллу Ченышева. Угрожая Ченышеву и его семье расправой (преступники имели револьвер), псаломщи-

[175] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 18.
[176] Там же. Д. 2572. Л. 11 об.
[177] Там же. Д. 2631. Л. 13.

ки требовали выдать им 100 руб. денег. После того как хозяева отказались отдавать деньги, псаломщики начали «бушевать», громя все, что попадалось им под руки. Крестьяне, услышав крики о помощи, обезвредили нападавших, связали, а затем передали властям[178]. Дело о псаломщиках расследовалось светским и церковным судами.

В 1912 г. псаломщик слободы Юдиной Острогожского уезда Александр Васильев во время ссоры, находясь в нетрезвом состоянии, убил крестьянина Стефана Галушкина. Духовный суд лишил его должности псаломщика. Острогожский окружной суд приговорил церковнослужителя к тюремному заключению сроком на 1 год с лишением некоторых гражданских прав[179].

В том же году псаломщик села Новая Аленка Коротоякского уезда Александр Мануйлов попытался убить своего настоятеля – священника Иоанна Попова и его жену. Преступление совершить не удалось. Дело разбиралось как духовным, так и светским судом. Выяснилось, что поступок псаломщика объяснялся крайне тяжелым материальным положением, в котором он оказался благодаря всяческим притеснениям со стороны священнослужителя. И окружной суд и духовная власть оправдали церковнослужителя. Однако духовный суд «для раскаяния и очищения совести» отправил Мануйлова на 2 месяца в монастырь[180].

Двойному суду подвергся и священник Преображенской церкви села Бутурлиновка Иоанн Игнатов. В 1911 г. клирик не выполнил свои обязанности по принятию присяги у новобранцев. Духовный и светский суды расследовали причину неявки духовного лица на мероприятие. Выяснилось, что это произошло по недоразумению (Игнатов перепутал время состоявшейся присяги). Однако духовный суд определил поставить священнику на вид «несвоевременное исполнение распоряжений благочинного с предупреждением при этом, что повторение подобных поступков повлечет за собою более строгое наказание»[181].

---

[178] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1652. Л. 3 об.
[179] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 18 об.
[180] Там же.
[181] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 5. Д. 64. Л. 12.

Для духовного лица, совершившего проступки, предусматривалась система наказаний, подразумевавшая разного рода взыскания в зависимости от тяжести совершенного нарушения. В качестве примера того, как данная система работала, ниже мы рассмотрим историю снятия сана со священника Богородицкой церкви города Воронежа Иоанна Долгополова.

В 1902 г. в храме во время богослужения клирик «тяжело оскорбил» церковного сторожа Капитона Сперу «с дозволением после того еще крайне неблаговидной сделки по укрывательству сего оскорбления, чем так сильно уронил он пред прихожанами свое пастырское достоинство»[182]. Духовный суд подверг иерея наказанию – отправке для исправления в монастырь сроком на 2 недели. После этого клирика определили на новое место служения под чуткий надзор благочинного, который каждые полгода должен был отсылать в консисторию отчет о поведении надзираемого. Но Долгополов продолжал упорствовать, не желая исправляться. Согласно отзывам благочинного, богослужение он исполнял без должного благоговения и страха Божьего, со Святыми Дарами обращался неаккуратно и «отбрасывал просфоры, подаваемые на проскомидии, если при них приложено не более копейки»[183]. После того как отрицательный отчет поступил в консисторию, священноначалие приняло решение низвести нерадивого клирика в псаломщики. Но и в должности чтеца Долгополов продолжал вести себя неподобающе священно-церковнослужителю. Епархиальное начальство провело негласное дознание и выяснило, что Долгополов грубо обращался со своей женой, настроил против нее детей и старался «всячески притеснять ее». Все это в совокупности явилось основанием для снятия со священнослужителя сана[184].

Духовный суд также рассматривал дела, связанные с добровольным желанием клириков покинуть ведомство православного исповедания. Священнослужитель, намеревавшийся сложить с себя сан и выйти из духовного сословия, должен был знать, что подобное решение могло повлечь за собой ряд значительных

[182] РГИА. Ф. 796. Оп. 185. Д. 698. Л. 2.
[183] Там же. Л. 4.
[184] Там же.

последствий: трудности в перемещении, трудоустройстве и т.д.[185] После того как желавший снять с себя сан объявлял об этом священноначалию, к нему прикреплялся отец-увещеватель, то есть священник, который в течение трех месяцев должен был испытывать, действительно ли намерение клирика вызвано серьезными духовными причинами или же являлось плодом необдуманной бравады. Если в течение трех месяцев оказывалось, что намерение духовного лица непоколебимо, то дело с разрешения архиерея отправлялось на рассмотрение в Синод. Именно так в 1906 г. поступил тридцатипятилетний священник Троицкой церкви села Краснополье Богучарского уезда Петр Федоров, решивший уйти из духовного ведомства и поступить на юридический факультет Харьковского императорского университета. Так как за время несения церковного послушания никаких нареканий клирик не имел, ему предоставили право поступления на государственную должность ранее установленного законом десятилетнего срока со дня сложения сана[186].

Существенным недостатком, мешавшим работе церковного суда, являлось отсутствие в законодательстве четко выраженного положения о порядке отводов духовных следователей. Обвиняемый мог (в Воронежской епархии такие случаи имели место) по тем или иным причинам дать отвод священнослужителю, исполнявшему должность следователя. Духовная консистория была обязана рассмотреть отвод, а это, в свою очередь, затягивало исследование обстоятельств преступления, что мешало установлению истины по делу. Рассмотрение отвода длилось минимум 2–3 месяца, в течение которых консистория приостанавливала следствие. Вот почему Воронежская духовная консистория совместно с присутственными учреждениями других епархий выступала за введение положения, по которому рассмотрение отвода не предполагало автоматической остановки дела. Святейший Синод указом от 24 октября 1886 г. принял такое постановление[187].

---

[185] СЗРИ. Т. IX. Ч. 1. С. 50.
[186] РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 1184. Л. 3 об.
[187] Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства… С. 41.

Конечно, было бы совершенно несправедливо утверждать, что светское законодательство имело лишь одни недостатки, затруднявшие нормальную деятельность приходских священников. Нередко в спорных юридических вопросах власть занимала сторону духовенства. Так произошло в споре между воронежскими купцами и настоятелями храмов по поводу прав на торговлю парафиновыми свечами. Купцы-торговцы парафиновыми свечами создавали значительную конкуренцию епархиальному свечному заводу, производившему свою продукцию из чистого воска. Духовенство нередко обращалось с просьбами о запрете продажи парафиновых свечей для богослужебного пользования убытков епархиальному свечному заводу и нанесения очевидного вреда здоровью молящихся. Городские думы, в компетенции которых находился данный вопрос, старались принимать сторону священнослужителей. 15 февраля 1888 г. Богучарская управа запретила «как местным, так ровно и со стороны являющимся торговцам производить в лавках, домах и на площадях города Богучара продажу парафиновых и с примесью других веществ свечей церковной формы, кроме приготовленных из чистого пчелиного воска, а также возжигать их пред святыми иконами и в других местах внутри церквей»[188]. Подобные решения были приняты так же Бирюченской, Бобровской, Задонской, Коротоякской и Острогожской городскими думами[189].

Естественно, что запрет на торговлю парафиновыми свечами вызвал недовольство местных купцов, которые в числе 19 человек подали жалобу на имя губернатора. Торговцы Бухонов, Попов, Мунин и др. полагали, что прекращение фабричного производства не входило в ведение городских дум, а значит являлось незаконным. Дело переросло в затянувшуюся на несколько лет тяжбу между купцами с одной стороны и духовной и светской властями с другой. Последние пригласили на свою сторону санитарного врача. Следует сказать, что врач со всей убедительностью, используя современные на тот момент достижения медицинской науки, доказывал, что «человек есть главный источник порчи воздуха, кото-

[188] ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 195. Л. 12.
[189] Там же. Д. 108. Л. 45 об.; Д. 208. Л. 3.

рый он заражает своим дыханием, испарениями и разными выделениями»[190]. В докладе санитарного врача указывалось, что «взрослый человек в час выдыхает 16 кубических футов воздуха. Две стеариновые свечки портят воздух приблизительно настолько, насколько портит его один взрослый человек… Церезин портит воздух еще сильнее. Так как воск при горении поглощает меньше кислорода, то его только и следует использовать при богослужениях»[191].

Подобные доводы показались купцам недостаточно убедительными. Они подали жалобу в Сенат. Но Сенат был непреклонен: «Обязательные для городских жителей постановления, которые изданы городской Думой с соблюдением законности, не могут подлежать обжалованию со стороны частных лиц, вследствие чего жалобы купцов не подлежат рассмотрению[192].

Преобразования, произошедшие во второй половине XIX века в стране, естественно, не могли не сказаться и на церкви. Реформы, инициированные правительством Александра II, закономерно должны были повлиять на правовое положение православного духовенства. Власть видела в священно-церковнослужителях свою идеологическую опору, инструмент, призванный проповедовать идеи уважения к монархии и традиционным для империи ценностям. Для того чтобы духовенство могло реализовывать возложенную на него миссию, следовало яснее обозначить права и обязанности последнего. Прежде всего, государство стремилось разрушить сословную замкнутость духовенства, препятствовавшую вхождению в сословие новых людей, желавших полностью посвятить себя служению православной церкви. Формально сделать это удалось. Принятые законы предоставили представителям всех сословий право поступать в духовные школы, равно как и дали возможность детям священнослужителей выходить в светское звание. Однако, несмотря на то что правовое положение воронежского (как и всего российского в целом) приходского духовенства претерпело определенные, в некотором отношении значительные, изменения во второй половине XIX века, оно все

[190] ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 195. Л. 17.
[191] Там же. Л. 17 об.
[192] Там же. Л. 50.

равно оставалось одной из проблемных сторон жизни священно-церковнослужителей. Между реальной действительностью и юридическими нормами, отраженными как в светском, так и в церковном законодательстве, существовало множество противоречий. Рядовые священнослужители сталкивались с несовершенством российского законодательства в повседневной жизни. Недостаточная правовая защищенность, несоответствие многих юридических норм новым социальным условиям пореформенного времени часто вызывали недовольство православных клириков.

§3. Материальное обеспечение приходского духовенства

Вопрос материального положения духовенства занимал одно из ключевых мест в жизни Российской православной церкви второй половины XIX – начала XX века. Следует сразу же сказать, что материальное состояние большинства православных, в особенности приходских священно-церковнослужителей, в рассматриваемое время было крайне скудным. Это очень сильно волновало, прежде всего, самих клириков, которые не могли в сложившейся финансовой ситуации полноценно исполнять свой пастырский долг. Как писал в 1863 г. Воронежский епископ Иосиф (Богословский): «Приходское, городское и сельское духовенство единодушно замечает в своих отчетах, что настоящие средства материального обеспечения его неудовлетворительны. Средства, которые имеет оно (т.е. духовенство) не соответствует быстро возрастающей дороговизне на все жизненные потребности»[193]. Вопрос материального обеспечения, будучи злободневным на протяжении всего рассматриваемого времени, очень часто обсуждался на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей». Местное духовенство как будто бы делилось своими нуждами между собой и обществом. Так, воронежский священник Григорий Лебедев замечал: «Все статьи и заметки, хотя бы сколько-нибудь касающиеся материального обеспечения, по преимуществу, сельского ду-

[193] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

ховенства, с таким жаром и вниманием всякий раз прочитываются духовенством.., что весьма острая семейная нужда на время забывается, притупляется»[194].

Если положение духовенства в материальном плане было столь неудовлетворительным, то можно совершенно справедливо задать вопрос, какие меры предпринимались и предпринимались ли вообще к разрешению сложившейся ситуации.

Российское правительство действительно видело всю плачевность материального обеспечения священно-церковнослужителей, и поэтому 28 июня 1862 года было учреждено Особое присутствие по делам православного духовенства с целью изыскания средств для улучшения быта священно-церковнослужителей. Председателем этого присутствия был назначен митрополит Исидор (Никольский)[195]. Во все епархии Российской православной церкви (в том числе и в Воронежскую) новоучрежденным органом рассылались специальные бланки, в которых местным причтам следовало указывать «причины неудовлетворительности нынешних средств содержания»[196]. Интересна сама формулировка вопроса – «причины неудовлетворительности средств», т. е. само собой подразумевалось, что материальное положение оставляло желать лучшего. Воронежское духовенство с радостью откликнулось на начинание духовных властей, откровенно указывая на все удручающие стороны своего материального положения. Однако, как известно, правительство так и не сделало никаких кардинальных шагов по существенному изменению ситуации[197].

Что же представляли собой основные источники материального обеспечения воронежского духовенства в рассматриваемое время? Главным источником доходов подавляющего большинства причтов Воронежской епархии являлись доходы от совершения треб. Это было основное средство существования священно-церковнослужителей. Сразу же следует заметить, что вознаграждение в данном

---

[194] Лебедев Григорий, свящ. На современные вопросы // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 930.
[195] Рункевич С. Г. Указ соч. С. 138.
[196] РГИА Ф. 804. Оп. 1. Д. 64. Л. 10.
[197] Смолич И. К. Указ. соч. С. 371.

случае носило «доброхотный», а значит, и необязательный характер. Несмотря на неодинаковые размеры средств, получаемых от совершения треб в приходах Воронежской епархии, в целом данный источник содержания клира сложно назвать удовлетворительным. Недовольство клириков прежде всего вызывал характер получения средств. Воронежский священник И. Корыстин сетовал по этому поводу: «Сколько всегда стоит хлопот и убеждений со стороны духовенства, чтобы прихожанин-крестьянин, хотя бы и богатый, заплатил прилично за известную требу»[198]. Священник И. Корыстин свидетельствовал об установившейся и широко распространенной в Воронежской епархии традиции заключать между церковным клиром, который должен был венчать молодых, и заказчиками так называемые «договоры за свадьбу». Дело в том, что крестьяне, обращавшиеся к духовенству с просьбой обручить молодых в вопросе оплаты исходили из того, сколько в свое время (лет 20 или 30 тому назад) отдали за свадьбу их братья или сестры. Несмотря на то что уже наступило другое время, «крестьянин желает дать и теперь за свадьбу сына своего именно столько же, сколько с его отца взяли 30 лет тому назад».[199] Но подобная практика оплаты совершенно не учитывала возрастающих цен на самые элементарные жизненные потребности. Естественно, священно-церковнослужители не были довольны подобным положением дел и, как следствие, участвовали в «договорах за свадьбу». На дом одного из представителей духовенства приглашались «просители» (те, кто заказывал требу). Духовенство, как утверждал священник И. Корыстин, старалось посильнее напоить гостя, чтобы тем самым «распоить доброту сердца мужика»[200]. Когда крестьянин стоял на своем и не хотел увеличивать цену за совершение свадьбы, священники принимались расхваливать жениха или невесту. Если невеста была красивой, то усиленно говорили о ее внешних достоинствах, о том, что ради такой невесты не жалко заплатить и 20 рублей. «Если же она или крива на глаз, или хрома, то стараются вос-

[198] Корыстин И., свящ. О настоящем положении духовенства // Воронежские епархиальные ведомости. 1871. № 6. С. 249.
[199] Там же.
[200] Там же. С. 250.

хвалить ее в работе, прибавляя при этом, что «за такую работницу не грех отдать в год 25 или 30 рублей, а ты берешь не на год, а навечно, и за свадьбу даешь только 2 рубля»[201]. Подобные убеждения могли продолжаться до 3-4 часов. Сложно представить, какие чувства унижения испытывали священнослужители, вынужденные участвовать в подобных договорах. О какой высоте духовного служения могла идти речь, когда первоочередная задача состояло в том, чтобы элементарно выжить. А если бы клирики не унижались подобным образом, фактически умоляя прихожан заплатить больше, то приличную плату хотя бы в 5 или 6 руб. за требу вовсе не получали бы[202]. Поэтому совершенно справедливо замечает автор статьи: «Смешно и вместе с тем грустно»[203].

Многие воронежские священнослужители испытывали тягостные нравственные чувства, ввиду того что им приходилось получать деньги за совершение сокровенных для христианского верующего сердца таинств. Это как бы обмирщало и прихожан и священнослужителя. Протоирей Михаил Скрябин писал о приобретаемых «стеснением совести доходах», так как зарабатывались они главным образом посредством преподания таинств за деньги. Как известно, при совершении таинств, особенно таинства покаяния, священнику «приходится говорить о бескорыстии, а после таинства он получает денежную благодарность за труд, следовательно, тотчас им разрушаются преподанные теоретические наставления и убеждения; а не делать этого нельзя, потому что ни тайносовершитель, ни причт не имеют совершенно никаких других средств добывать себе насущное пропитание»[204].

Можно подумать, что подобные унижения испытывало преимущественно сельское духовенство. Однако источники свидетельствуют о совершенно обратном. Особой, кардинальной разницы между положением дел на селе и в городе в этом вопросе не наблюдалось. Например, причт Иоанно-Богословской церкви го-

---

[201] Корыстин И., свящ. Указ. соч. С. 250.
[202] Там же. С. 251.
[203] Там же.
[204] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 67. Л. 33 об.

рода Воронежа прямо высказывал недовольство, ввиду того что требоисполнение как способ получения средств к существованию представлялось крайне тягостным для священно-церковнослужителей, так как значительная часть доходов «получалась от хождения по домам прихожан то с молитвою перед праздниками, то с праздничными поздравлениями»[205]. Подобные хождения по домам приводили к попранию духовного подтекста совершаемых священнодействий ввиду очевидной корыстной цели требоисполнителей. Естественно, прихожане, особенно те из них, кто был побогаче, понимали всю невыгодность положения священнослужителей и вполне осознавали их зависимость от подаяний. Это, в свою очередь, приводило к тому, что духовенство было «подчинено произволу богатых прихожан, их капризам и незаконным требованиям»[206]. Причт Иоанно-Богословской церкви замечал на этот счет: «Все это подрывает доверенность и должное отношение прихожан к духовенству, препятствуя их взаимному сближению и духовному общению»[207].

Клир Троицкого кафедрального собора во главе с протоиереем Михаилом Скрябиным также свидетельствовал о том, что доброхотный характер платы за требоисполнение приводил к своеволию прихожан и фактическому издевательству над духовными лицами. Протоирей заявлял о частых случаях произвола со стороны богатых прихожан. По его словам, каждый богатый и зажиточный прихожанин хорошо сознавал свой особый вклад в обеспечение причта. Это приводило к тому, что такие люди «требуют себе от священнослужителей особенных знаков уважения и отличия перед другими. Это очень часто переходит в капризы. Нередко бывает то, что прихожанин оставляет свою церковь и своего духовного отца за то только, что последний не успел ему вовремя выслать просфору или за то, что не явился к нему первому с крестом в известные праздники»[208].

Вышеприведенные примеры иллюстрируют те трудности, с которыми приходскому духовенству Воронежской епархии приходилось сталкиваться при со-

---

[205] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 64. Л. 63.
[206] Там же.
[207] Там же.
[208] Там же. Л. 35.

вершении треб – одного из основных источников существования причтов. Конечно, в таких условиях о каком-либо глубоком религиозном и нравственном влиянии священно-церковнослужителей на прихожан сложно было вести речь. Столь печальное положение дел заставляло священников жаловаться со страниц местной церковной периодической печати в надежде быть хоть кем-нибудь услышанными. Иерей Михаил Аполлосов писал: «В настоящее время плохо обеспеченное духовенство в минуту нужды принуждено бывает обращаться за помощью в том или другом виде к местным кулакам богатеям, своим же пасомым, которые всегда пользуются при этом случае учесть в желательном для себя направлении поповскую нужду… Как можно скорее разрушьте эту стену, отделяющую пастыря от паствы, уничтожьте зависимость учителя веры, пастыря душ от толстого кармана кулака и мироеда! Освободите совершителя таинства от необходимости торговаться из-за платы за его совершение»[209].

Трудно не понять священнослужителя, который таким образом описывал современную ему действительность, ведь ему самому приходилось испытывать все эти трудности. Тем более что среди православного населения Российской империи, особенно под влиянием либеральной печати, активно заработавшей после реформ 60-70 гг. XIX века, все чаще стала высказываться мысль об отсутствии у священнослужителей морального права на получение платы за совершение таинств. Основным аргументом подобной точки зрения были слова самого Христа, обращенные к апостолам: «Даром получили (подразумеваются дары Святого Духа – С. И.), даром и давайте» (Мф.10: 8).

Священник Михаил Аполлосов констатировал установившийся в современном ему обществе странный взгляд на духовенство. Всегда считалось зазорным воспользоваться чьими-либо услугами бесплатно, однако же относительно духовенства стала превалировать иная точка зрения, проповедовавшая идею об обязанности клириков трудиться даром[210]. В случае, если кто-то желал пригласить на

[209] Аполлосов Михаил, свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества... С. 128.
[210] Там же. С. 126.

дом доктора, то, несмотря на имеющийся у него оклад в 1000 руб., ни у кого не возникало даже малейшего помысла о том, чтобы не заплатить ему. Так почему же, совершенно справедливо замечал священнослужитель, духовное лицо, приглашенное совершить отпевание умершего или молебен по случаю приведения чинов полиции к присяге, не должно получить определенного вознаграждения, хотя бы за затраченное время?[211]

При всем сказанном выше, следует заметить, что характер получения доходов с требоисполнения был лишь одной стороной целого ряда проблем. При рассмотрении треб как источника доходов необходимо упомянуть и о противоречиях внутри самого духовенства, нередко конфликтовавшего друг с другом в связи с конкурентной борьбой за прихожан – заказчиков треб. Так, в 1896 г., воронежский священник Илья Соколов жаловался епископу Анастасию (Добрадину) о том, что в день, когда он вместе со своим псаломщиком должен был совершать молебное пение на железнодорожном вокзале (в этот день именно он был дежурным на этом месте, где, естественно, собиралось немало народу), заметил, что молебен уже совершал другой священнослужитель. Этот факт вызвал недовольство клирика, и поэтому он обратился к настоятелю – священнику Иоанну Оболенскому для разрешения ситуации. Но, так как настоятель не захотел прореагировать на жалобу клирика из-за напряженных с ним отношений, то просителю ничего не оставалось делать, как жаловаться архиерею. «Отец Оболенский, долго я не хотел этого высказывать, злоупотребляет своим родством с глубокопочитаемым отцом протоиереем Иоанном Адамовым, настолько злоупотребляет, что позволяет себе открыто высказывать, что некоторые хотят жаловаться на него, себя только этим потешат, а толку из их жалоб все равно не будет. Твердит одно, что его авторитет упрочен в Россоши, что скорее другие слетят с мест, чем он в Россоши, не только торговцы, но и все крестьяне знают, что у него есть, как они выражаются, руки в Воронеже»[212].

---

[211] Аполлосов Михаил, свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества... С. 126.
[212] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1942. Л. 3 об.

Пример священника Ильи Соколова показывает наличие среди духовенства напряженных, а иногда и конфликтных ситуаций из-за распределения треб между собой. Воронежское губернское земское собрание даже выступало с ходатайством к Святейшему Синоду о необходимости введения таксы за требоисполнения и о предоставлении прихожанам права избирать священников. По мнению земства, оно само должно было устанавливать размеры платы за требы, варьируя их в зависимости от экономических условий того или иного уезда. Однако Синод, 18 августа 1886 г. рассмотревший предложения губернского земства, отклонил ходатайство[213].

В городе Воронеже в начале XX века проблему распределения треб решали путем закрепления верующих за определенными приходами. В 1910 г. духовная консистория издала распоряжение о разделении города Воронежа на приходские районы. К каждой приходской церкви приписывались определенные улицы. В качестве примера ниже приводится список улиц, относившихся к району Покровской церкви города Воронежа.

Список улиц Покровского прихода города Воронежа:

1) Нееловская (обе стороны),
2) Мясная гора (вся),
3) Скорняжный переулок,
4) Поднабережная от Нееловской до церкви,
5) Логовая до Нееловской,
6) Щемиловка,
7) Острожный бугор,
8) Касаткина,
9) Вяхиревская (напротив церкви и в Покровской ограде),
10) Покровский переулок,
11) Покровская улица,
12) На Мясной площади,

[213] Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства… С. 31.

13) Мясная улица до Садовой,

14) Богоявленская (от Глухова переулка до Дворянской),

15) Воскресенская (от Б. Богоявленской обе стороны до церкви),

16) Большая Дворянская (от Семинарской горы до Садовой, левая сторона)[214].

Согласно распоряжению консистории, все лица, проживавшие на этих улицах (в том числе и приезжие квартиранты), «считаются прихожанами Покровской церкви. Все христианские требы и нужды лиц, живущих в районе Покровского прихода, будут исполняемы и удовлетворяемы причтом Покровской церкви и в Покровском храме»[215].

Проблемы, связанные с доброхотным характером платы за требы, приводили к тому, что подавляющее большинство воронежских клириков высказывало мнение о необходимости введения жалованья и обязательной платы за требы. Священник Елпидифор Попов писал на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей» о необходимости принятия правительством кардинальных мер, с тем чтобы поставить клириков в материальную независимость от паствы. Духовенство необходимо было обеспечить в финансовом отношении таким образом, чтобы оно могло смело оказывать своим прихожанам не только религиознонравственную поддержку, но и призывать к участию в общественной молитве, не опасаясь при этом быть заподозренным в личной корыстной заинтересованности[216]. Автор статьи предлагал установить твердое и достойное жалованье духовным лицам из правительственных средств, а именно: священнику – 1 100 руб. в год, дьякону – 800 руб. в год и псаломщику – 400 руб. в год[217]. Подобные пожелания высказывало подавляющее большинство воронежских священно-церковнослужителей в рамках опросов, проводимых Особым присутствием по делам православного духовенства в 1863 г. Это неудивительно, ведь в том же году, по данным

[214] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1950. Л. 17.
[215] Там же.
[216] Попов Елпидифор, свящ. Относительно способов содержания духовенства и желательных изменений в них // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 7. С. 323.
[217] Там же.

благочинических опросов, в Воронежской епархии имелись приходы, в которых плата за требы, составлявшая основной источник содержания клира, нередко не доходила и до 200 руб. в год на весь штат[218].

Можно подумать, что трудности испытывало лишь сельское духовенство, а те, кто служил в городе, с такими проблемами не сталкивались. На самом деле условия несения послушания в городе также вызывали критику со стороны клира. Священно-церковнослужители Покровской церкви города Воронежа утверждали в опросных книгах, что обязательных треб, за которые прихожане обязаны давать вознаграждение, было немного. «Да и за такие требы не полагается определенной суммы. Нередко случается, что вознаграждение далеко не соответствует трудам»[219].

В Воронежской епархии рассматриваемого времени бытовало мнение, согласно которому городские причты жили вполне обеспеченной и беззаботной жизнью, ни в чем себе не отказывая, радовались тому, что судьба определила их в городские приходы. Как показывают архивные документы, ситуация была если не противоположной, то, по крайней мере, далеко не такой. Основным источником доходов в городских храмах, как и в сельских, была все та же плата (естественно, носившая доброхотный характер) за совершение треб. Настоятель Троицкого кафедрального собора протоирей Михаил Скрябин в 1863 г. писал, что священники самого главного храма епархии со всех источников дохода, в том числе и за совершение треб, получали не более 450 рублей серебром в год. Но в городе были очень высокие цены. Вследствие недостаточности средств, по свидетельству протоирея, духовенство города Воронежа изыскивало посторонние источники доходов, например, давало уроки в частных домах или «занималось мастерствами». В качестве подтверждения своих слов о затруднительном материальном положении городского духовенства протоирей Михаил приводил следующий пример: «Образ несчастных осиротевших семейств, оставшихся после смерти соборного протои-

[218] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.
[219] Там же. Д. 64. Л. 144.

рея Эсманского и священника Миртова, говорят еще лучше о жизни и средствах соборного духовенства. Несчастные сироты наследовали после смерти отцов одну только бедность и нищету. Если бы не участие некоторых добрых прихожан в их незавидной участи, то, можно сказать с уверенностью, что они должны были бы переносить голод и нужду, хотя отцы их занимали самые видные и почетные места в духовенстве вообще и в частности в соборе»[220]. Завершал свое сетование протоирей Скрябин утверждением о неестественности подобного состояния большинства духовных лиц, источником содержания которых являлись добровольные приношения и платы за требоисполнение, ставившие духовенство в рабскую зависимость от прихода.[221]

Средний размер доходов, получаемых воронежскими клириками с треб по состоянию на 1883 г., равнялся 388 руб. в год на причт[222]. Подобную сумму, конечно же, сложно назвать значительной.

Имея в виду все вышесказанное, становится вполне понятным, почему воронежские священно-церковнослужители в начале XX века, по свидетельству архиепископа Анастасия, настойчиво поднимали вопрос (в рамках обсуждения предстоявших реформ и созыва Поместного собора Российской православной церкви) о необходимости введения нового основного источника материального обеспечения. В качестве последнего воронежское духовенство рассматривало жалованье. В 1863 г. из 863 приходских церквей епархии жалованье получали лишь в двух соборных храмах: Крестовоздвиженском (город Новохоперск) и Преображенском (город Павловск) (жалованье клириков составляло 112 руб. в год)[223]. Следовательно, можно сказать, что жалованье практически никто не получал. К началу XX века ситуация стала постепенно меняться. В 1901 г. в Воронежской

[220] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 64. Л. 32 об.
[221] Там же. Л. 35.
[222] Церковно-общественный вестник. 1883. № 107. С. 2.
[223] РГИА Ф. 804 Оп. 1. Д. 58 Л. 1.

епархии жалованье выплачивалось причтам 203 церквей (всего в том же году в епархии насчитывалось 1 043 церкви)[224].

Хотя размер жалованья был небольшой (в среднем священник получал 300 руб., дьякон – 150 руб., причетник – 100 руб. в год.)[225], но именно в нем воронежским священно-церковнослужителям виделось решение многих материальных проблем. По поводу введения жалованья проводились дискуссии, высказывались мнения как за, так и против. Со слов воронежского архипастыря Анастасия, главным основанием для некоторых воронежских священников защищать существовавший на тот момент порядок являлось опасение, «как бы духовенство, перешедшее на жалованье не порвало установившихся связей с прихожанами и не обратилось в чиновников»[226]. Некоторые клирики указывали на случаи сближения, духовного единения пастырей с населением во время совершения треб в домах у прихожан. По мнению же других, подобные хождения по домам, особенно в праздники, когда за три дня обходилось 100-200 домов, не несли в себе ничего духовного. «При таких условиях, целью посещения прихожан со стороны пастыря является не столько моление и назидание, сколько собирание причтовых доходов»[227]. На практике наблюдались не столько случаи сближения, сколько противоречия между священниками и прихожанами. Большинство воронежских священников рассматривало жалованье как способ избавления духовенства от подобных «визитаций» ко всем подряд прихожанам.

В итоге обсуждений данного вопроса на благочинных собраниях 1904-1905 гг. удалось выработать официальное мнение, сводившееся к декларированию необходимости введения определенного содержания от приходов за исполнение обязательных треб. В качестве обязательных назывались таинства крещения и

---

[224] Ведомость о церквях, причты коих получают содержание из сумм государственного казначейства за 1901 г. // Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. Санкт- Петербург, 1905. С. 33.
[225] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Петроград, 1916. С. 155.
[226] Анастасий (Добрадин), архиеп. Соображения особого совещания… С. 136.
[227] Там же.

миропомазания, причащения, покаяния, брака и последование погребения. Размер содержания следовало ставить в зависимость от количества верующих, закрепленных за приходом. Причем сумма доходов должна была входить в общую раскладку сельских подушных окладов и земских городских сборов и выдаваться в порядке, установленном для сельских должностных лиц[228].

Несмотря на то что требоисполнение являлось одним из основных источников существования воронежского духовенства, оно не было единственным способом материального обеспечения. Другим источником доходов являлось пользование церковной землей. Сразу же следует заметить, что понятие «церковные земли» имело несколько значений. Оно включало в себя две основные категории земель:

– во-первых, земли, принадлежавшие собственно церквям и составлявшие оброчные статьи для них;

– во-вторых, земли, непосредственно находившиеся во владении священно-церковнослужителей.

Земли, находившиеся во владении воронежского духовенства, в свою очередь, подразделялись на усадебные и полевые. К усадебным наделам относились земли, располагавшиеся при церковных домах клириков епархии. Под полевыми следует понимать сенокосы и пашни, отводившиеся церквям на основании межевых законов[229]. По Своду Законов Российской империи во второй половине XIX – начале XX века количество земли, составлявшее надел для представителей духовного сословия, должно было быть не менее 33 десятин. В тексте закона говорилось, что если в селе имелась церковная земля, то «оную измерять, и когда окажется не менее тридцати трех десятин в бесспорном владении церковнослужителей, тогда… церковную землю отделить от владельческих дач особыми межами»[230]. С целью улучшения быта православного духовенства еще при императоре Николае I в 1829 г. в рамках «Положения о способах к улучшению состояния ду-

[228] Анастасий (Добрадин), архиеп. Соображения особого совещания… С. 136.
[229] Забелин. П. П. Указ. соч. С. 329.
[230] СЗРИ. Т. IX. Ч. III. Ст. 462.

ховенства» на землях государственных крестьян предполагалась возможность увеличения церковного надела. Размер наделов зависел от местных условий, а именно от количества земли, находившейся во владении таких крестьян. В тех приходах, где крестьяне владели землей в размере более 15 десятин, там церкви полагался надел в 99 десятин. Если крестьяне располагали от 12 до 15 десятинами земли, то церковь должна была наделяться 66 десятинами. При наличии в собственности крестьян от 8 до 10 десятин, церквям предусматривалось выделение земли в количестве так называемой полуторной пропорции, то есть 49 ½ десятин. Если у крестьян имелось меньше 8 десятин, то священнослужители могли рассчитывать либо на увеличение церковного земельного надела из казенных дач или из причтовых владений соседних более обеспеченных приходов, либо на денежное вспомоществование, в зависимости от местных условий[231].

За обеспечение причтов наделами на землях государственных крестьян отвечала Палата государственных имуществ. Священнослужители, испытывавшие необходимость в пересмотре своего земельного надела или вообще в наделении церковной землей, могли обратиться в Воронежскую губернскую Палату государственных имуществ, которая должна была решить, из каких источников следовало произвести наделение землей. Как правило, она давала разрешение на строительство новой приходской церкви, заранее заручившись обязательством крестьян обеспечить будущий причт землей из крестьянских дач. На сельском сходе крестьяне решали, какую землю отдать в пользование своим священно-церковнослужителям и затем извещали об этом чиновников.

Так, например, в 1862 г. государственные крестьяне хутора Криницы Евдаковской волости Острогожского уезда писали в Палату о том, что после обсуждения на сельском сходе вопроса о строительстве Троицкой церкви «с общего всех согласия учинили приговор в том, что мы согласились отвести таковую землю из дач наших в урочище, называемом Великий шпиль, в котором будет заключаться

[231] СЗРИ. Т. IX. Ч. 3. Ст. 462; Забелин. П. П. Указ. соч. С. 329.

удобной земли тридцать три десятины»[232]. По аналогичной схеме в 1866 г. причту выделили землю жители хутора Коверье Землянского уезда[233]. С такими же просьбами в Палату обращались и священники других приходов епархии[234].

В Воронежской епархии духовенство, естественно, принимало участие в землевладении и землепользовании. Число землевладельцев из духовного сословия в Воронежской губернии не превышало в 1877 г. 58 человек, что составляло немногим более 5% всех священно-церковнослужителей епархии, а количество земли, принадлежавшей им, равнялось 1 632 десятинам, то есть в среднем на одного владельца приходилось 28 десятин[235]. Число собственников от духовенства с течением времени увеличилось и уже в 1905 г. составляло 127, хотя это по прежнему не превышало 5% от общего числа клириков епархии, так как численность последних также выросла[236]. Но, как уже было замечено, нельзя не учитывать того, что духовенство не только владело землей, но и пользовалось неотчуждаемыми от храмов церковными землями.

Для того чтобы понять, какое количество земли реально находилось во владении воронежских приходских клириков, ниже приводится таблица 2, содержащая статистическую информацию, дающую достаточно полное представление о состоянии земельной собственности священно-церковнослужителей Воронежской епархии по состоянию на 1877 г.

Из таблицы 2 видно, что среднее количество земли, приходившееся в 1877 г. на семью воронежского священника, равнялось 22 десятинам (меньше, чем в любой другой губернии так называемой центральной земледельческой области), на семью причетника – всего лишь 11 десятин.

---

[232] ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1195. Л. 4.
[233] Там же. Д. 1288. Л. 2.
[234] Там же. Д. 1172. Л. 1; Д. 1286. Л. 3; Д. 1289. Л. 1-3 об.; Д. 1412. Л. 2; Д. 1767. Л. 1; Д. 2242. Л. 3; Д. 2343. Л. 3; Д. 2829. Л. 1; Д. 2877. Л. 3; Д. 2878. Л. 1; Д. 3399. Л. 1; Д. 3442. Л. 2.
[235] Статистика поземельной собственности... С. 26.
[236] Статистика землевладения 1905 г. Выпуск 5. Воронежская губерния, Санкт-Петербург. 1906. С. 41.

Таблица 2

Церковные земли Воронежской губернии по состоянию на 1877 г.[237]

Число церковных усадеб	Число собственников из духовенства	Количество собственной земли духовенства в десятинах		На 100 десятин личной собственности	Количество церковной земли (в десятинах)	На 100 десятин всей земли церковной и в собственности духовенства	Всей земли в пользовании приходского духовенства на семью (в десятинах)	
		абсолютное	среднее на 1 владельца				священника	причетника
801	58	1 632	28	0,1	41 908	0,77	22	11

Общее количество земли, состоявшей в пользовании и собственности духовенства Воронежской епархии равнялось в 1877 г. 43 540 десятин, и почти 74% из них находилось под пашнями. Таким образом, можно придти к выводу, что духовенство вопреки своей малоземельности являлось активным обработчиком земли (по доле пашен в землепользовании оно уступало лишь наиболее земледельческому сословию – крестьянству, в землевладении которого количество пахотной земли составляло 77 %) [238]. Большой процент пашенных земель у духовенства объясняется тяжелым материальным положением клириков, вынужденных зарабатывать на жизнь не свойственным для пастырей образом, обрабатывая землю. Для более полной картины состояния церковных земель в Воронежской губернии, в том числе с распределением ее по уездам, ниже приводится таблица 3, позволяющая выяснить количество пахотной, луговой и лесной земли.

[237] Статистика землевладения 1905 г. Выпуск 5. Воронежская губерния, Санкт-Петербург. 1906. С. 24.
[238] Статистика поземельной собственности... С. 27.

Таблица 3

Церковные земли Воронежской губернии по состоянию на 1887 г. (в десятинах) [239]

Наименование уезда:	Общее количество земли	В том числе			Остальной удобной	Неудобной	Число сдаваемых в аренду участков
		пахотной	сенокосной и пастбищной	лесной			
Воронежский	1 529	1 292	150	43	23	21	16
Бирюченский	3 372	3 052	143	26	27	124	49
Бобровский	3 870	3 711	48	6	77	28	28
Богучарский	7 948	6 398	1 400	19	64	67	8
Валуйский	2 044	1 900	53	23	16	52	27
Задонский	2 205	2 014	22	30	93	41	4
Землянский	2 703	2 573	29	19	50	32	-
Коротоякский	2 597	1 334	42	10	1 106	45	-
Нижнедевицкий	2 260	2 123	55	23	15	44	8
Новохоперский	2 768	2 543	154	18	10	43	3
Острогожский	4 938	4 352	335	110	36	105	37
Павловский	2 775	2 418	276	8	43	30	15
Итого	39 009	33 710	2 707	335	1 620	637	195

Данные таблицы показывают количество церковной земли как в губернии в целом, так и с распределением ее по уездам. Видно, что по состоянию на 1887 г. пахотная земля, принадлежавшая церквям Воронежской епархии, насчитывала 33 710 десятин (из 39 009 десятин всех наличных церковных земель), что составляло уже 86,4% от общего количества[240].

Большинство священнослужителей епархии самостоятельно занимались земледелием. Но среди клириков были и лица, отдававшие наделы в аренду. Те, кто имел возможность сдавать землю в аренду, делали это. Само по себе священническое служение все-таки предполагало получение дохода с иных источников, нежели с работы на земле. Воронежский клирик Елпидифор Попов на страницах местной периодической печати писал по этому поводу: «Спросите несчастного сельского батюшку с загорелым смуглым лицом и с мозолистыми руками, имеющего таковую (то есть землю – С. И.), вызывающую расположение к себе и даже

[239] Главнейшие данные по земельной статистики... С. 4.
[240] Там же.

сострадательность внешность: почему он так мало или даже совсем не говорит проповедей, не ведет внебогослужебных собеседований, не ходит в школу, – он ответит вам: да помилуйте, да когда же мне это делать?... Там нужно борону или соху починить, там нужно расчистить под хлеб, там зерно пересеять, там продать, там отправить на базар, а там на ярмарку, надо съездить кое за чем для хозяйства, да и лошадь прикупить или переменить»[241].

Действительно, сложно не согласиться с тем, что священник – «пастырь словесных овец», отвлекаясь на сельскохозяйственные работы, был неспособен полноценно исполнять свои служебные обязанности. Поэтому те священники, которые могли себе это позволить, старались либо сдавать землю в аренду, либо использовать наемный труд. Однако таковые составляли меньшинство. По состоянию на 1887 г. количество сдаваемой в аренду церковной земли равнялось 3 423 десятинам, то есть 9% от общей площади удобной церковной земли[242]. Рента (наемная плата за землю) за 1 десятину пахотной земли в Воронежской епархии в том же году по данным Центрального Статистического Комитета, составляла 9 рублей 66 копеек[243].

Сдавать землю в аренду, равно как и использовать наемный труд большинству клириков было не по карману. Настоятель церкви святителя Николая села Россовецкое Коротоякского уезда священник Павел Сахаров писал по этому поводу следующее: «При настоящей дороговизне на наем рабочих не представляется выгодным вести полевое хозяйство, и к улучшению материального быта духовенства можно предложить обеспечивающее безнуждное содержание – жалованье»[244]. Настоятель Космодемьяновской церкви села Ураково Коротоякского уезда священник Алексей Васильев объяснял неудовлетворительность материального положения священно-церковнослужителей своего прихода тем, что в селах все жизненные продукты приобретались путем повседневной работы на земле (осо-

[241] Попов Елпидифор. Указ. соч. С. 323.
[242] Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. Санкт-Петербург, 1900. С. 35.
[243] Там же. С. 30.
[244] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 64. Л. 268.

бенно, если священник не имел возможности сдавать землю или использовать наемный труд). Это, в свою очередь, отнимало время у священников от занятия «книжным делом», заграждало путь к образованию и даже, с точки зрения иерея Васильева, приводило к потере знаний, приобретенных за годы обучения в духовной школе. Священник сравнивал свое положение со словами из Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова (желая, очевидно, казаться более убедительным): «Ибо ярмо его – ярмо железное, и узы его – узы медные, смерть лютая – смерть его и самый ад лучше его. Не овладеет он благочестивыми, и не сгорят они в пламени его» (Сир. 28: 23-25)[245].

Причт Богоявленской церкви села Сторожевое все того же Коротоякского уезда в 1863 г. писал в Особое присутствие по делам православного духовенства: «Содержание духовенства в селе Сторожевом очень бедное… потому что прихожане живут очень бедно. Земли на ревизскую душу имеют менее тридцатной десятин, сенокос и лес в нашем приходе самый незначительный. Самому духовенству обрабатывать землю лично очень неудобно, а наймом нет средств»[246].

Нередко представители воронежского духовенства жаловались на недостаточную обеспеченность землей. В частности, настоятель Покровской церкви города Острогожска священник Иоанн Александров писал в отчете епархиальному архиерею о малом количестве подцерковной земли, неудобной «по болотному ее положению»[247]. В самые урожайные годы она приносила доходы не более 20 руб. серебром в год, а на момент написания отчета вообще не давала никакой прибыли[248].

В случае если у штата имелось менее положенной нормы земли, законодательство Российской империи предусматривало возможность отведения недостающей части. Для этого священнослужителям следовало писать прошение в Воронежское губернское управление государственных имуществ, отвечавшее за ре-

[245] Попов Елпидифор. Указ. соч. С. 324; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 923. Л. 12 об.
[246] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 64. Л. 211.
[247] Там же. Л. 31 об.
[248] Там же.

шение подобных вопросов. В фонде присутствия сохранились дела, свидетельствующие о том, что клирики нередко прибегали к подобной процедуре. Так, священно-церковнослужители Покровской церкви слободы Урыв Коротоякского уезда в 1868 г. подали прошение на имя председателя Воронежского губернского управления государственных имуществ, указывая, что при их церкви состояло менее 600 душ прихожан и лишь 33 десятины земли. Данная земля была «почти совсем неудобная, скудно наделяющая нас не только хлебом, но и кормом для домашнего скота»[249]. В связи со сложившей ситуацией причт церкви просил выделить землю из села Семидесятное Ниждевицкого уезда. «Почему по бедности положения нашего прихода покорнейше просим Управление войти в наше положение о наделении нас наравне с другими селами хотя бы половинною еще пропорцию земли»[250].

В 1867 г. священно-церковнослужители Казанской церкви села Роковцы жаловались главному землемеру Воронежской палаты государственных имуществ, что их приход получил нарезку земли по числу душ государственных крестьян данного села, а именно – 27 десятин. При постройке новой Казанской церкви крестьяне обязывались в полном количестве наделить церковный причт землей из собственной своей дачи и довести земельный надел до узаконенного минимума, то есть до 33 десятин. Духовенство сетовало, ибо крестьяне своих обязательств так и не выполнили, и поэтому оно вынуждено было пользоваться лишь 27 десятинами. «Через это при бедном приходе нашем терпим бедствие в содержании как себя, так и семейств наших, состоящих из десяти человек. Посему просим выделить нам из дач прихожан недостающее количество узаконенной пропорции земли»[251].

Факт нередкого обращения священно-церковнослужителей Воронежской епархии к властям с просьбой увеличить наделы объясняется тем, что пользование землей занимало одну из главных статей дохода церковных причтов (после

[249] ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1412. Л. 3 об.
[250] Там же.
[251] Там же. Д. 1290. Л. 31.

платы за требоисполнения). Как уже было показано выше, плата за требоисполнение носила необязательный, доброхотный характер. В связи с этим земля являлась важным источником существования причтов. Неспроста в 1896 г. в «Воронежских епархиальных ведомостях» появилась статья священника В. Харитонова «Следует ли духовенству заниматься пчеловодством?» Автор статьи отмечал, что не всегда и не везде представителям духовенства возможно обрабатывать землю, пахать, косить, хотя бы и используя наемный труд. Священник Харитонов рассматривал пчеловодство как самый оптимальный вид сельскохозяйственных занятий для духовенства. «Живем мы почти каждый на своей усадьбе, имеем садик и проч. Поставить 3-5 ульев в саду. Вот уже и пасека! И это доступно всем и псаломщикам даже»[252]. Занятие пчеловодством могло помочь священнослужителям сблизиться со своими прихожанами «посредством взаимных советов и пособий»[253]. Главное, по мнению автора, чтобы священник не уподоблялся крестьянам и не погружался в пчеловодство всем своим существом, превратившись в пасечника, тем самым окончательно теряя уважение к своему сану со стороны прихожан. Достаточно было бы, если бы работа проводилась с участием священника, под его наблюдением и руководством. В статье пчеловодство характеризовалось как очень выгодная отрасль хозяйства. Для большей убедительности клирик даже приводил пример заграничной практики. Так, «в Филадельфиии, пчеловод Гарбилон считается ныне первым пчеловодом в свете по количеству ульев и собираемого меда. Пасека его состоит из 15 тыс. ульев, при чем получаемый от них мед и воск отправляется целыми вагонами»[254]. Некоторые воронежские священники устраивали у себя пасеки и занимались пчеловодством. В случае, если священнослужителям не хватало места для размещения пасеки, они также могли обратиться в Палату государственных имуществ с просьбой о выделении мест. В 1875 г. клирик епархии

[252] Харитонов В., свящ. Следует ли духовенству заниматься пчеловодство? // Воронежские епархиальные ведомости. 1896. № 5. С. 240.
[253] Там же. С. 240.
[254] Там же. С. 244.

иерей Романовский так и поступил, подав прошение и получив землю для устройства пасеки в Валуйском уезде[255].

Если рассматривать распределение земли между городскими и сельскими церквями, то, по данным Святейшего Синода за 1890 г., картина выглядела следующим образом: см. таблицу 4.

Таблица 4

Распределение церковных земель между храмами Воронежской епархии за 1890 г. (в десятинах) [256]

Название уезда	Численность наделенных землей церквей			Количество земли у церквей	
	всего	городских	сельских	городских	сельских
Воронежский	80	8	72	2 914	42 594
Валуйский	64	3	61		
Бирюченский	75	-	75		
Бобровский	92	-	92		
Богучарский	115	3	112		
Землянский	78	2	76		
Задонский	59	-	59		
Коротоякский	74	1	73		
Нижнедевицкий	45	1	44		
Новохоперский	53	-	53		
Острогожский	98	5	93		
Павловский	48	-	48		
Итого	881	23	858		

Из таблицы 4 видно, что подавляющее большинство приходских церквей было обеспечено наделами, средний размер которых равнялся 47,7 десятинам пахотной земли на приход[257]. Вполне естественно, что землевладение играло более значимую роль в сельских храмах, нежели городских.

Таким образом, пользование землей в Воронежской епархии имело немаловажное значение, так как размер среднего дохода, получаемого семьей священнослужителя (по состоянию на 1877 г.) от пользования землей составлял 170 руб. в год и 64 рубля в год на семью причетника, что составляло от 1/5 до 1/2 всего дохода, который имели священно-церковнослужители епархии[258].

---

[255] ГАВО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1875. Л. 2.
[256] Любинецкий Н. А. Указ. соч. С. 4, 8.
[257] Там же. С. 8.
[258] Статистика поземельной собственности… С. 27.

Говоря о материальном положении воронежского духовенства второй половины XIX – начала XX века следует упомянуть такую доходную статью церквей, как кружечные и кошельковые сборы. В указе Святейшего Синода от 17 июля 1866 г. говорилось, что для сбора доброхотных приношений от благотворителей в церквях или в других «приличных местах», а именно: в часовнях, на оградных столбах - необходимо устраивать кружки, «из которых доход именуется кружечным сбором»[259]. Сохранившиеся в ГАВО клировые ведомости дают возможность утверждать, что в городе Воронеже самый значительный кружечный сбор по состоянию на 1911 г. составлял 5 375 руб. за год (Троицкий кафедральный собор), самый маленький – 174 руб. 69 коп. (Михаило-Архангельская церковь при кадетском корпусе)[260]. В 1872 г. кружечный и кошельковый сбор, собранный в целом в епархии равнялся 143 081 руб., что составляло 40,2 руб. на семью священно-церковнослужителя в год[261].

Однако сразу же следует подчеркнуть, кружечные сборы практически нигде не составляли основной статьи дохода для приходского духовенства. Получаемые средства шли на самые разнообразные нужды. Для подтверждения этого следует привести пункты расходов, указанные в приходно-расходной ведомости Покровской церкви села Тамлык Воронежского уезда. В качестве расходных сумм значились средства, собиравшиеся из кружек на следующие нужды: на сооружение храма Кавказской армии в Тифлисе, на помощь православному духовенству, а также в пользу вдов и сирот духовного звания; в пользу православных церквей и школ в Западном крае, на восстановление православия на Кавказе, на распространение Православия между язычниками империи, в пользу церкви Святого Гроба Господня, на улучшение быта православных поклонников в Палестине и т.д.[262] Как видно из ведомости, средства, полученные церквями с кружечных сборов,

---

[259] Забелин П. П. Указ. соч. С. 54.
[260] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1951а. Л. 19.
[261] Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872 г. Санкт-Петербург, 1873. С. 123.
[262] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1945а. Л. 2 об.

расходовались, как правило, на удовлетворение общецерковных, нежели местных потребностей.

Нельзя не сказать также и о том, что в Воронежской епархии существовали приходы, в которых основным средством обеспечения духовенства являлись проценты по вкладам. Так, например, в Богоявленской церкви города Воронежа главным источником содержания причта служил капитал в сумме 23 344 руб. 50 коп., хранившийся в процентных бумагах, процентов с полной суммы получалось в год 846 руб. 45 коп.[263]

Пожертвования также составляли доходную статью православных клириков. В 1878 г. на нужды духовенства Воронежской епархии было пожертвовано 29 789 руб. 32 коп., то есть в среднем по 22 рубля на штат[264]. Подобная сумма, конечно же, являлась совершенно незначительной.

Характеризуя материальное положение воронежского приходского духовенства, следует уделить внимание такому важному для того времени вопросу, как обеспечение клириков жильем. Эта проблема занимала важное место в церковно-общественной дискуссии пореформенной России. Еще в 1863 г. в рамках обсуждения вопроса о материальном положении священно-церковнослужителей в Особом присутствии по делам православного духовенства собирались мнения местных архиереев по вопросу о квартирах и домах для клириков. Воронежский епископ Иосиф (Богословский) писал в Святейший Синод: «Очень важно введение при церквях удобных церковных домов для жительства причтов с поддержкою сих домов от сельских церквей или от обществ. Для духовенства пособие это было бы очень важно, так как священно-церковнослужитель, прямо из учебного заведения поступающий на приход и не имея у себя под руками никаких средств, столько затрудняется приобретением для себя дома и всего домашнего обзаведения, что непогрешительно можно сказать, при всех своих усилиях и трудах целых

[263] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1939. Л. 3.
[264] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 774. Л. 15.

полвека убивает на то, чтобы устроиться лишь каким-нибудь домом»[265]. Преосвященный полагал, что если бы государство или высшие церковные власти решили бы вопрос с церковными домами, то перемещение священно-церковнослужителей с прихода на приход не вызывало бы никаких неприятностей и было бы «весьма удобно и легко»[266]. При не слишком больших заработках и доходах не каждый священник мог позволить себе иметь собственное жилье. Подцерковные дома существовали далеко не во всех приходах, а зачастую там, где они имелись, их состояние оставляло желать лучшего. В 1878 г. подцерковные дома числились при 186 церквях, в том числе при 152 для всех членов причта, при 24 лишь для одних священников и при 9 только для причетников[267].

Нередко священникам собственными силами и за свой счет приходилось приводить подцерковное (неотчуждаемое от церкви) жилье в порядок. Так, священник Александр Кременецкий в своих мемуарах писал о некотором воронежском иерее Петре К., назначенном вместе со своей матушкой на один из таких приходов. Ему пришлось потратить три года жизни на благоустройство уже имевшегося жилья[268].

Все городские приходы указывали в качестве одной из главных причин своего неудовлетворительного материального положения дороговизну жилья. Это естественно, так как священники, не имевшие собственного угла, вынуждены были снимать квартиры. Причт Покровской церкви города Воронеж отмечал, что, получая 880 руб. в год на штат, клирики этой церкви терпели крайнее затруднение в содержании себя и своих семейств. Причиной тому указывалась дороговизна квартир: «За неимением церковного помещения и дороговизны приобретаемых в собственность домов священникам приходится снимать жилье. Так, в частности, квартиры близ сей церкви в одну отдельную от хозяев и сколько-нибудь приличную комнату без отопления и необходимой меблировки стоит от 30 до 35 руб. сер.

[265] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 58. Л. 10 об.
[266] Там же.
[267] Там же. Ф. 796. Оп. 442. Д. 774. Л. 13.
[268] Кременецкий Александр, свящ. Знаменательные события. Из дневника сельского священника. Воронеж, 1907. С. 30.

в год, а в три комнаты от 85 до 100 руб. сер., каковая цифра составляет четвертую часть священнического дохода»[269]. Клирики Покровской церкви писали, что вследствие высокой цены на квартиры священнослужителям следовало обзаводиться собственными домами. Но приобретение домов в собственность при высоких ценах в городе возможно было или при немалом изначальном денежном накоплении («а откуда возьмется этот запас у священно-церковнослужителей, вновь поступающих на места?»), или при посредстве займа и рассрочки платежа, «с коим по большей части и приобретаются»[270]. Но это, по словам священников указанной церкви, если не на всю жизнь, то на большую ее часть подрывало благосостояние их семейств.

Нужно сказать, что с 1863 г. по начало XX века ситуация с домами, да и с материальным положением приходского духовенства, кардинально не изменилась. Имеются данные, позволяющие выяснить количество священнослужителей, владевших собственными домами или снимавших квартиры по уездным городам Воронежской губернии. Ниже приводится таблица 5 со статистическими данными за 1901 г.

Таблица 5

Сведения о количестве личного и съемного жилья приходского духовенства Воронежской епархии (по уездным городам) за 1901 г.[271]

Название уездных городов	Хозяева Духовные		Квартиранты Духовные	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Задонск	8	8	7	4
Землянск	15	3	2	-
Нижнедевицк	9	1	4	-
Коротояк	7	-	3	-
Бобров	16	11	5	-
Новохоперск	8	4	9	3
Богучар	16	5	10	3
Павловск	12	6	7	3
Бирюч	12	10	9	7
Острогожск	17		10	3
Валуйки	15		7	-

[269] РГИА.Ф. 804. Оп. 1. Д. 64. Л. 51.
[270] Там же.
[271] Материалы по оценке недвижимых имуществ... С. 86-87.

Название уездных городов	Хозяева Духовные		Квартиранты Духовные	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего	183		96	

Таблица 5 показывает, что в 1901 г. в уездных городах губернии 34 % представителей духовного сословия вынуждено было снимать жилье, что, конечно же, в значительной степени обременяло их семейный бюджет.

В целом материальное положение воронежского приходского духовенства можно назвать неудовлетворительным. Священно-церковнослужители постоянно жаловались на бытовые трудности. Финансовые вопросы считались злободневными и часто обсуждались на страницах местной периодической печати. По состоянию на 1891 г., согласно данным епархиального отчета, средний доход причта, состоящего из трех человек, со всех источников равнялся 900 руб.: священник получал 450 руб. в год, дьякон – 300 руб. в год, псаломщик – около 150 руб. в год[272].

Для того чтобы нагляднее понять насколько это значительные или незначительные суммы, мы сравним стоимость современной потребительской корзины с покупательской способностью воронежского духовенства второй половины XIX – начала XX века. Сегодня минимальный годовой набор продуктов для поддержания здорового образа жизни трудоспособного человека включает в себя: хлебные изделия в пересчете на муку – 126,5 кг, картофель – 100,4 кг, сахар и кондитерские изделия в пересчете на сахар – 23,8 кг, мясо – 58,6 кг, рыба – 18,5 кг, молочные продукты – 290 кг, яйца – 210 штук, растительное масло – 11 кг, прочие продукты (соль, специи, чай и т.д.) – 4,9 кг[273]. В таблице 6 приводится стоимость основных продуктов питания и предметов первой необходимости в городе Воронеже по состоянию на 1904 г.

[272] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1374. Л. 464.

[273] Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ О потребительской корзине в целом по Российской Федерации – URL: http://www.rg.ru/2012/12/07/korzina-dok.html

Таблица 6

Стоимость продуктов питания и предметов первой необходимости в городе Воронеже по состоянию на 1904 г.[274]

Название продукта/ предмета потребления	Количество	Цена в копейках
Мука крупитчатая, первый сорт	1 пуд	190
Мука ржаная	1 пуд	86
Печеный хлеб, пшеничный	1 фунт	4
Печеный хлеб, ржаной	1 фунт	2
Соль	1 пуд	26
Мясо говядины, 1 сорт	1 фунт	12
Мясо свинины	1 фунт	11,5
Куры	за штуку	52
Рыба свежая: окунь	1 фунт	11.5
Масло сливочное	1 фунт	40
Творог	1 фунт	5
Сметана	1 фунт	16
Яйца, первый сорт	За сотню	210
Капуста	За сотню кочанов	369
Картофель	1 мера	24
Масло подсолнечное	1 фунт	12
Сахар	1 фунт	16
Керосин	1 фунт	4
Свечи стеариновые	1 фунт	26,5
Уголь каменный	1 пуд	20
Дрова березовые	1 пуд	11,5

Если пересчитать современный набор продуктов на дореволюционный эквивалент, то минимальное количество продовольствия на одного человека выглядело бы следующим образом: мука –7,7 пуда, картофель – 5 мер, сахар – 58 фунтов, мясо – 142,9 фунта, рыба – 45,1 фунта, молочные продукты – 102,4 фунта, яйца – 2,1 сотни, растительное масло – 26,8 фунтов, соль и прочие продукты – 0,3 пуда. Согласно данным таблицы 6, сумма, израсходованная воронежским клириком на указанный набор продуктов, равнялась бы 58 руб. 11 коп. на одного человека. Средняя численность семьи воронежского священно-церковнослужителя по состоянию на 1903 г. составляла 6 человек (при расчетах нами учитывалась средняя численность семей не только священников, но и дьяконов с псаломщиками; естественно, что собственно священнические семьи являлись более многочислен-

[274] Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж, 1905. Отд. II. С. 117–118.

ными)[275]. Получается, чтобы прокормить себя и еще как минимум пятерых членов семьи, клирик должен был потратить на одну лишь только еду 348 руб. 66 коп. Но ведь необходимо было еще покупать одежду, топливо (свечи, керосин, дрова), платить за квартиру или съемный дом, вносить плату за обучение детей в училище и духовной семинарии. При доходе в 450 руб. в год сделать это было крайне затруднительно. Что уж говорить о дьяконах и псаломщиках со средним доходом в 300 руб. и 150 руб. в год соответственно.

Совершенно справедливым представляется мнение, изложенное в 1863 г. воронежским архиереем Иосифом (Богословским) в Святейший Синод, согласно которому, для хотя бы мало-мальски удовлетворительного содержания священника и его семейства (из 6 человек) требовалось от 1 000 до 1 200 руб. сер., а именно: «на пропитание семейств из 6 душ нужно не менее 300 руб. (50 на каждое лицо в год), на одежду для всего семейства 240 руб. (по 40 на лицо в год), на обувь 90 руб., на ремонт дома своего, починку и поправку мебели и посуды и разные годовые запасы 100 руб., на отопление 140 руб., на освещение 20 руб., на воду 20 руб., на содержание лошади, коровы 150 руб. на наем прислуги одного мужчины и двух женщин и пропитание им 132 руб., итого 1 192 руб.; но если и сократить на 1/3, то все равно недостаточно»[276]. Не менее 1/3 духовенства Воронежской епархии жило скудно, на грани бедности. Архиерей Иосиф (Богословский) отмечал особые трудности многодетных священнических семей: «Многосемейные причты особенно претерпевают нужду»[277]. По прошествии времени ситуация практически не изменилась, и уже другой архипастырь – Анастасий (Добрадин) писал в Синод те же самые слова: ««Материальное обеспечение духовенства можно признать вполне достаточным только в небольшой сравнительно части приходов, к числу которых относятся, между прочим, села торговые или особо численные по коли-

[275] Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 г. Воронеж, 1903. Отд. II. С. 69. Данные Памятной книжки подтверждаются материалами сохранившихся клировых ведомостей. См.: ГАВО. Ф И-10. Оп. 1. Д. 4; Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1951а. 1; Д. 1951а. 2; Д. 1951б; Д. 1951.1; Д. 1951.2; Д. 1952; Д. 1953.
[276] РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.
[277] Там же. Ф. 796. Оп. 442. Д. 206. Л. 12.

честву прихожан при малом сравнительно составе причта… В большинстве же приходов материальное обеспечение духовенства, при наблюдаемом ныне почти всюду понижении год от года доброхотных подаяний прихожан при требоисполнениях, как главного почти везде источника содержания… является далеко недостаточным, особенно для тех членов клира, которые обременены численной семьей и учащимися детьми»[278].

Материальное положение приходского духовенство Воронежской епархии было схожим с положением приходских клириков других епархий центрально-европейской части России. Приблизительно такие же цифры доходов наблюдаются, например, у духовенства Московской епархии[279]. Однако существовали и епархии с более значительным доходом у священно-церковнослужителей. Одним из наиболее обеспеченных было духовенства Донской епархии. По состоянию на 1916 г. средний доход сельского приходского священника составлял 1021 руб., сельского дьякона – 780 руб., сельского псаломщика – 326 руб.. Как совершенно справедливо указывает А. В. Шадрина данные цифры «выводили клириков Донской епархии в ранг наиболее обеспеченного духовенства Российской империи»[280].

Сравнивая доходы приходских клириков с доходами представителей иных социальных групп, в качестве примера можно привести доходы учителей. Жалованье учителя земской школы Воронежского уезда по состоянию на 1911 г. равнялось 360 руб. в год (что также считалось недостаточным)[281], жалованье учителя русского языка и литературы в гимназии по уставу 1864 г. составляло 900 руб. в

---

[278] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2445. Л. 15 об.
[279] См.: Белоногова Ю. И. Указ. соч. С. 51-70.
[280] Шадрина А. В. Приходское духовенство Донской епархии второй половины XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2013. С. 233.
[281] Бережная Е. А. Земская школа Воронежского уезда: 1866 – 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук – URL: http: // www.dissercat.com / content / zemskaya-shkola-voronezhskogo-uezda-1866-1917-gg

год (при нагрузке в 12 уроков в неделю)[282]. Однако при традиционной многодетности духовенства положение последнего едва ли можно назвать завидным по сравнению с положением учителей (за исключением небольшой части городского духовенства и духовенства богатых сел и слобод). Конечно в Российской империи можно наблюдать и еще более плачевную картину. Так, средняя заработная плата рабочего в Российской империи по состоянию на 1913 г. составляла 263,6 руб.[283] Однако, на наш взгляд, несправедливо сравнивать духовенство (в подавляющем большинстве своем имевшее хорошее образование и естественно более высокие социальные запросы) с положением рабочих крупных предприятий. Логичнее сравнивать положение духовенства именно с благосостоянием учителей. Нельзя сказать, что духовенство жило хуже учителей земских школ. Однако проблемы, связанные с самим характером получения доходов создавали для клириков дополнительные трудности в материальном обеспечении.

Реальный уровень материального благосостояния приходского духовенства часто значительно преувеличивался не только крестьянами, но и светской печатью, порой специально публиковавшей заведомо ложные компрометирующие данные о быте священнослужителей. В 1880 г. в журнале «Русский Курьер» была опубликована якобы корреспонденция из Воронежа, где сообщалось, что священнослужители Воронежской епархии, как и клирики других епархий Российской церкви, явились жертвами обмана печально известного банкира Рыкова (мошенник предлагал делать вклады под выгодный процент, заведомо зная, что никакой прибыли вкладчики не получат), чей банк разорился, а крупные вкладчики (якобы в основном из духовенства) сделались полными банкротами. По сообщению журнала, более всех воронежских священников пострадал «протоиерей С., состоявший членом духовной консистории, который потерял 20 000 руб.»[284]. Однако через год в «Церковно-общественном вестнике» появилась статья воронежского

[282] Филоненко Т. В., Шипилов А. В. Материальное положение учителей в дореволюционной России. Педагогика. № 7. 2004. С. 69.
[283] Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. Москва. 2012. С. 425.
[284] Из Воронежа // Церковно-общественный вестник. 1883. № 8. С. 4.

протоиерея, члена духовной консистории Евфимия Светозарова, где информация «Русского Курьера» опровергалась: «В воронежской консистории с буквы С. начинаются фамилии двух членов: моя – «Светозаров» и кафедрального протоиерея – «Скрябин». У меня в Скопинском банке не было ни копейки (если угодно заберите справки из этого банка), да такой громадной суммы 20 тысяч у меня никогда не было и быть не могло… Знаю хорошо, что у протоиерея Скрябина никакого вклада в Скопинский банк не было»[285]. Светской печати было свойственно завышать реальные доходы клириков. Последние нередко представлялись ей в качестве держателей крупных капиталов и недвижимых владений.

Трудности в материальном положении духовенства приводили к нежеланию сыновей клириков принимать священнический сан. Это в свою очередь вызывало ситуации, когда в епархии десятки штатных мест оставались незамещенными. Священноначалию приходилось прибегать к публикации в епархиальных ведомостях списков вакантных мест[286]. Архиепископ Анастасий предлагал молодым дьяконам замещать свободные священнические должности, призывая их принимать иерейский сан. Однако последние, по словам архиерея, «в большинстве случаев отказываются от предложенных им мест, предпочитая, очевидно, лучшим для себя служить дьяконом в приходе, достаточно обеспечивающем содержание их, чем поступать священником в скудный по содержанию приход»[287].

§4. Пенсионное обеспечение приходского духовенства. Благотворительные попечительства епархии

Вопрос пенсионного обеспечения православного духовенства в синодальный период истории Русской православной церкви занимал важное место не только в общественной дискуссии, но и в реальной повестке дня церковных преобразований второй половины XIX века. Как известно, первые попытки по созданию пенсионного фонда для православного приходского духовенства были пред-

[285] Из Воронежа // Церковно-общественный вестник. 1883. № 8. С. 4.
[286] см. например: Список вакантных священнических и псаломнических мест // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 631-634.
[287] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2445. Л. 16.

приняты еще при императрице Екатерине II, которая в 1791 г. повелела Святейшему Синоду употребить остатки от доходов синодальной типографии для составления в банке особого капитала с целью формирования материальной основы для выплат пенсий священно-церковнослужителям[288]. В реальности никаких серьезных изменений не произошло. К середине XIX века пенсии получала лишь ничтожно малая часть духовенства.

Так называемая церковная реформа, инициированная правительством императора Александра II, предполагала осуществление ряда мер по преодолению пенсионного вопроса. Но и эти меры по определенным причинам (главной из которых являлось отсутствие средств) не привели к ожидаемым результатам. Как справедливо указывал в своей монографии С. В. Римский, духовное правительство, изначально желавшее использовать в церкви принципы общего устава о пенсиях, вынуждено было отказаться от первоначальных планов, так как, «когда определили количество лиц, подпадающих под его действие, стало ясно: процентов с пенсионного капитала слишком мало»[289]. По этой причине 9 мая 1866 г. был принят не пенсионный устав Российской православной церкви, а лишь «Временные правила о пенсиях и единовременных пособиях священникам епархиального ведомства и семействам их»[290]. Согласно данным правилам, духовным лицам епархиального ведомства, прослужившим 35 лет в священном сане (речь шла только лишь о священниках), постепенно, по мере появления возможности, следовало назначать пенсии в следующих размерах: протоиереям, священникам и протодьяконам кафедральных соборов – 130 руб. в год, их вдовам, имевшим малолетних детей или детей инвалидов – 90 руб. в год, бездетным вдовам – 60 руб. в год[291].

Государство предпринимало шаги по введению полноценной системы пенсионного обеспечения духовенства. 3 июня 1902 г. указом императора Николая II

---

[288] Смолич И. К. Указ. соч. С. 369.
[289] Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. Москва. 1999. С. 416.
[290] Там же. С. 417.
[291] Ивановский Я. И. Указ. соч. С. 50.

размер пенсионных окладов, начисляемый после 35 лет службы в духовном ведомстве, стал равняться: для священника – 300 руб. в год, диакона – 200 руб. в год, псаломщика – 100 руб. в год. Конечно, эти суммы сложно назвать большими. Депутаты IV Государственной думы, в том числе и представитель воронежского духовенства протоиерей Георгий Алферов, вносили предложение (№ 184)[292] о необходимости увеличения пенсионных окладов. Однако существенных мер по изменению ситуации так и не было предпринято.

Пенсиями из средств Святейшего Синода наделялась лишь самая незначительная часть приходского духовенства. Для того чтобы улучшить существовавшее положение, местные епархиальные власти с 60-х гг. XIX века приступили к созданию специальных фондов и касс, которые способствовали бы разрешению назревших проблем. Первое церковное общество взаимопомощи появилось в 1864 г. в Орловской епархии, первая епархиальная эмеритальная (пенсионная) касса открылась в Самарской епархии[293]. Проекты касс отличались в разных епархиях, создаваясь, как правило, на добровольных началах.

В Воронежской епархии рассматриваемого времени вопрос пенсионного обеспечения занимал особое место. Достаточно сказать, что в «Воронежских епархиальных ведомостях» в период с 1866 по 1896 г. было напечатано свыше 60 статей, посвященных эмеритурным вопросам[294]. На обсуждение духовенства выдвигалось несколько десятков проектов, составленных как местными клириками, так и священниками из других епархий. Однако сразу же следует отметить, что решение пенсионного вопроса в Воронежской епархии затянулось. Священник Павел Попов, современник эмеритурных споров, сетовал по этому поводу: «В то время, когда духовенство других епархий уже много лет пользуется пенсионными пособиями из своих эмеритальных касс, когда даже такие молодые епархии как, например, Владикавказская, перенесли на себя, не мудрствуя лукаво, с чужой

[292] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. 2: (№№ 131-197). Санкт-Петербург, 1914. № 184.
[293] Смолич. И. К. Указ. соч. С. 370.
[294] Попов П., свящ. К вопросу об эмеритуре // Воронежские епархиальные ведомости. 1897. № 2. С. 69-72 (далее –Попов П., свящ. К вопросу об эмеритуре…).

почвы такие благотворные учреждения, как эмеритурная и погребальная касса, наша старейшая епархия все еще находится лишь в предрешении этих животрепещущих для духовенства вопросов. Между тем мы имеем все данные для разрешения этого вопроса в благоприятном смысле»[295].

Главная причина задержки открытия кассы в Воронежской епархии объяснялась тем, что местное священноначалие не могло привлечь всех представителей воронежского духовенства к участию в эмеритуре. Священники недоверительно относилось к финансовым операциям, связанным с пенсионными проектами. Об этом свидетельствует история с проектом протоиерея И. Иванова. После того как его проект окончательно приняли на общеепархиальном съезде отцов-депутатов 18 августа 1890 г., епископ Анастасий издал резолюцию, в которой постановил передать принятое духовенством решение на рассмотрение Святейшего Синода, но при условии участия всего духовенства епархии в учреждении взаимовспомогательной кассы. Однако на окончательном голосовании из 2 302 лиц наличного состава духовенства Воронежской епархии готовность участвовать в учреждении эмеритальной кассы изъявили 1 388 человек, а 914 выразили несогласие[296].

Серьезные споры в Воронежской епархии, особенно в период между 1873 и 1887 гг., проходили по поводу того, какой проект пенсионной кассы следует выбрать для окончательного принятия. Причем на затягивание разрешения этих споров влияли и случайные недоразумения. Так, например, в 1886 г. съезд отцов-депутатов, рекомендуя духовенству епархии рассмотреть проект священника И. Иванова, попросил духовную консисторию указать номер епархиальных ведомостей, в котором был напечатан этот проект. Консистория указала № 21 за 1886 г. На самом деле оказалось, что проект священника Иванова печатался в №№ 14 и 15 за 1887 г. В результате на голосование был вынесен другой проект[297].

Но все же главной причиной, вызывавшей эмеритурные споры, охватившие Воронежскую епархию во второй половине XIX века, являлась неспособность ду-

---

[295] Попов П., свящ. К вопросу об эмеритуре… С. 59.
[296] Там же. С. 67.
[297] Там же. С. 68.

ховенства прийти к совместному решению по нескольким ключевым для него вопросам. Одним из таких камней преткновения являлось положение о включении в эмеритурное обеспечение «завещанных прошлым вдов и сирот»[298]. По воспоминаниям современника споров, священника М. К. Чуева, воронежское духовенство делилось на «отцов филантропов» и прочих клириков. «Филантропы» считали, что средства из созданной пенсионной кассы следовало выделять всем вдовам и сиротам, заштатным священно-церковнослужителям, которые сделались таковыми не только после учреждения пенсионной кассы, но и до этого. Помощь, по мысли данной группы духовенства, должна была распространяться на всех нуждавшихся. Подобный взгляд на пенсионную проблему имел противников. Последние рассуждали: «Создавая одной рукой эмеритуру, другой они уничтожают, или, по крайней мере, обрекают ее на долгое мизерное существование»[299]. Действительно, в условиях описанного выше материального положения большинства клириков епархии сложно было бы надеяться на успешную реализацию идеи обеспечения средствами сразу всех нуждавшихся. По мнению идейных противников «филантропов», новооткрытой эмеритурной кассе следовало бы тратить средства лишь на тех, кто вносил в нее денежные суммы и являлся активным участником пенсионного проекта. «Мы не говорим, чтоб надобно было игнорировать нужду тех наших бедных, которые не позаботились о себе заблаговременно, мы только утверждаем, что они, во всяком случае, имеют права менее тех, кто своим трудом, предусмотрительностью, сами создают себе в будущем гарантию, помощь»[300].

Вопрос о категориях тех, кого следовало покрыть пенсионным обеспечением из средств эмеритурной кассы, не являлся единственной проблемой, по которой проходили споры среди местного духовенства. Существенным пунктом расхождений можно считать вопрос об источниках пополнения пенсионной кассы.

---

[298] Чуев М. К. Эмеритурный вопрос в нашей епархии // Воронежские епархиальные ведомости. 1880. № 24. С. 963.
[299] Там же. С. 984.
[300] Там же. С. 965.

Проектов уставов касс предлагалось несколько. Наибольшему обсуждению подверглись проекты священников Евграфа Базилевского и И. Иванова, Дмитрия Склобовского и Иконописцева. Обсуждался и устав кассы, учрежденной в Тамбовской епархии. Самыми разработанными представляются замыслы священников Базилевского и И. Иванова, о которых пойдет речь ниже.

Проект эмеритурной кассы священника Евграфа Базилевского интересен проработанностью пунктов о членстве в эмеритуре, размере средств и т.п. Он опубликован на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей» за 1876 г. в №№ 11-12[301]. По мысли Базилевского, «содействие эмеритальной кассы в улучшении содержания духовенства будет простираться как на членов церковного причта, так и на заштатных служителей, вдов и сирот духовного звания»[302]. Оригинальной казалась идея создания в каждом благочинническом округе особых братств для поддержки заштатных священников, вдов и сирот. Все клирики благочинического округа должны были состоять членами своего братства. Церковнослужители могли поступать по своему усмотрению. В компетенцию таких организаций входили помощь священнослужителям, нуждавшимся в устройстве причтовых домов, решение хозяйственных вопросов и т.д. Помимо этого, собственно пенсионная касса, согласно проекту Базилевского, выплачивала пенсии:

1) священнослужителям (или их вдовам и сиротам), прослужившим в сане не менее 35 лет;

2) уменьшенные пенсии священникам (и их вдовам), прослужившим менее 25 лет и т.д.

Главным источником формирования средств пенсионной кассы предлагалось считать взносы от церквей и причтов. Последние делились на «обязательные и доброхотные»[303]. Как о дополнительном источнике средств говорилось в проекте и о пожертвованиях со стороны благотворителей и монастырей губернии.

---

[301] Базилевский Евграф, свящ. Устав эмеритальной кассы духовенства Воронежской епархии // Воронежские епархиальные ведомости. 1876. № 11. С. 458–471.
[302] Там же. С. 458.
[303] Там же. С. 460.

Размеры пенсий делились на категории. Предусматривались так называемые:

1) «священнические пенсии» в размере 90 руб. в год для заштатных клириков и 15 руб. для их вдов;

2) «дьяконские» – 45 руб. в год для заштатных дьяконов и 22 руб. 50 коп. для их вдов;

3) «причетнические» – 22 руб. 50 коп. для церковнослужителей и для их вдов – 11 руб. 25 коп.[304]

В проекте Базилевского имелось, несомненно, много положительных и оригинальных идей, но за основу для утвержденного впоследствии устава эмеритурной кассы был взят иной проект – протоирея Иванова. Дело в том, что в предложениях Евграфа Базилевского наблюдалось несколько серьезных упущений, касавшихся основной проблемы эмеритурных споров, а именно источников формирования капиталов кассы. Как писал в своей критической статье другой воронежский священнослужитель Дмитрий Склобовский, главным недостатком проекта являлось то, что в качестве основного источника финансирования рассматривался «церковный кошелек»[305]. По мысли Склобовского, «церковный кошелек» мог стать источником содержания эмеритурной кассы только в случае согласования данного вопроса с «высшей инстанцией церковного управления»[306]. Это, с точки зрения Склобовского, осуществить было почти нереально. Священнослужитель язвительно замечал хитрость протоирея Базилевского, специально в своем уставе поставившего вопрос об источнике финансирования на последнее место, с тем чтобы «читатель не сразу разочаровался и на первых строках не прекратил бесполезного чтения всего устава, натолкнувшись с самого входа на непризнанный и сомнительный источник, из которого хотят черпать блага эмеритуры»[307].

---

[304] Базилевский Евграф, свящ. Указ. соч. С. 460.
[305] Склобовский Дмитрий, свящ. Заметка по поводу устава эмеритальной кассы духовенства Воронежской епархии (сост. свящ. Е.Базилевским) // Воронежские епархиальные ведомости. 1876. № 21. С. 943.
[306] Там же. С. 915.
[307] Там же.

Не нравилась священнику Дмитрию Склобовскому идея Базилевского, заключавшаяся в раздаче эмеритального капитала в частные руки духовенства с целью увеличения суммы процентов. «Несостоятельнее этой мысли трудно и представить себе что-либо, и мы ручаемся, что она будет всеми, безусловно, категорически отвергнута, так как распустить эмеритальный капитал по частным рукам значило бы не более, не менее, как расшвырять его или рассеять по всем направлениям ветра»[308].

Одним из последних по времени появления, да и наиболее проработанным и совершенным проектом устава эмеритурной кассы являлся проект священника И. Иванова (напечатан в №№ 14,15 «Воронежских епархиальных ведомостей» за 1887 г.)[309]. Похожим в проекте Иванова с проектом Базилевского было положение о выплате пенсий из кассы вне зависимости от того, получали ли лица пособия из сумм Святейшего Синода или нет. «Равное и собственное имущество лица, имеющего право на пенсию, не может служить к задержанию или уменьшению причитающейся ему пенсии»[310]. Однако предложения священника Иванова выглядят более серьезными и продуманными. Кассе следовало начать работу не сразу, как у священника Базилевского, а только через 10 лет после своего открытия. Это объяснялось необходимостью пополнить ресурсы для более эффективного оказания помощи нуждавшимся. В течение каждого года в «Воронежских епархиальных ведомостях» предлагалось публиковать отчет о суммах, приходе и расходе кассы. Это, безусловно, свидетельствует о желании священнослужителя сделать эмеритурную операцию максимально прозрачной. По истечении каждого десятилетия должны были создаваться особые комиссии по контролю за работой кассы. Участие в создании кассы являлось добровольным.

Интересна разработанная и обозначенная в уставе протоиерея Иванова схема формирования пенсионных окладов. Все оклады делились на высшие, средние

---

[308] Склобовский Дмитрий, свящ. Указ. соч. С. 946.

[309] Иванов И., свящ. Проэкт положений об эмеритальной кассе духовенства Воронежской епархии // Воронежские епархиальные ведомости. 1887. № 14. С. 597–611; № 15. С. 621–638 (далее – Иванов И., свящ. Проект...).

[310] Иванов И., свящ. Проект… С. 598

и низшие. Взносы также соизмерялись с размерами пенсий, а именно: ежегодный взнос равнялся ¼ оклада пенсии и составлял с каждых 20 руб. пенсии – 5 руб. ежегодно взноса, с 80 рублей пенсии – 20 руб. взноса и т.д. Ниже приведена таблица 7, содержащая информацию о взносах и соответствующих им размерах пенсий («окладов» в терминологии протоиерея Иванова).

Таблица 7

Схема распределения средств эмеритурной кассы по проекту протоиерея И. Иванова[311] (сумма указана в рублях за год).

Размер	Взнос	Оклад
Для протоиереев и священников		
Низший	20	80
Средний	40	160
Высший	80	320
Для дьяконов		
Низший	12	48
Средний	24	96
Высший	48	192
Для псаломщиков и причетников		
Низший	6	24
Средний	12	48
Высший	24	96

В создании эмеритурной кассы могли принимать участие не только священно-церковнослужители, но и лица, напрямую не относившиеся к клиру (например: служащие духовной семинарии, училищ, консисторий и т. д.).

Согласно проекту устава эмеритурной кассы, предложенному протоиереем И. Ивановым, пенсионные суммы выделялись:

1) непосредственно самим вкладчикам – священно-церковнослужителям или служащим епархии, не имевшим сана, по выходе их за штат;

2) вдовам и осиротевшим детям священнослужителей[312].

Главное достоинство его проекта заключалось в том, что вопрос об источниках формирования взаимовспомогательной кассы, являвшийся для воронежского духовенства настоящим камнем преткновения, решался на компромиссных началах. Учитывались все возможные варианты. В результате в проекте Иванова

[311] Иванов И., свящ. Проект…С. 604.
[312] Там же. С. 606.

указывалось три источника финансирования: взносы от духовенства, проценты на эти взносы, пожертвования.

Священник Кушталов, критикуя проект Иванова, высказывал мысль о недостаточности подобных взносов и о необходимости обратиться к другим ресурсам, например, к процентам от доходов епархиального свечного завода[313]. Еще одним источником мог стать 1% взнос с церковных доходов от кружечного, кошелькового и свечного сборов. Воронежских священников того времени существенно беспокоил вопрос нравственной правомочности использования свечных денег для личных нужд. Согласно Кушталову, «на этот источник духовенство имеет нравственное право, потому что увеличение церковных и свечных зависит от того или иного отношения священников к своим обязанностям»[314].

Серьезные противоречия среди духовенства возникли по поводу рассмотрения взноса от церквей в качестве возможного источника пополнения эмеритального фонда. На страницах местной церковной печати некоторыми священниками доказывалось не только нравственное, но и юридическое право воронежских пастырей на использование этого источника. Так, например, священник Кириллов в пользу права взимания денег с церквей указывал на практику Вселенской церкви, которая «от времен апостольских считала и считает помогать бедным из своих материальных средств делом для себя материнским»[315]. Споры по этому вопросу в Воронежской епархии прекратились в 1885 г., когда Святейший Синод не согласился с очередным представленным проектом из-за пункта об обязательном взносе от церквей, и так обремененных многими расходами.

Из других возможных способов финансирования предлагалось также установить определенный взнос при получении церковных наград, штрафы за неявку на благочинические, окружные и общеепархиальные съезды. Но подобные источники можно было рассматривать лишь как дополнительные, так как, по оценке современников, «надеяться на практическое применение этих источников хотя бы

---

[313] Попов П., свящ. К вопросу об эмеритуре... С. 72.
[314] Там же. С. 73.
[315] Там же. С. 74.

в виде обязательного взноса менее всего можно»[316]. По завершении всех споров и дебатов духовенство епархии выработало и представило на утверждение Святейшего Синода итоговый проект устава пенсионной кассы, который был одобрен 22 февраля 1899 г.[317]

Устав кассы опубликован в № 8 «Воронежских епархиальных ведомостей» за 1899 г.[318] В итоге участие духовенства в эмеритуре объявлялось обязательным для всех священно-церковнослужителей епархии, состоявших на действительной службе. Источниками капиталов кассы обозначались:

1) обязательные ежегодные взносы от священно-церковнослужителей;

2) «ежегодный ресурс в пять тысяч рублей от епархиального свечного завода»;

3) ежегодные пожертвования от благотворителей, монастырей, а также взносы от церковных доходов;

4) проценты, полученные за хранившийся в банке капитал кассы.

Суммы ежегодных взносов равнялись: от протоиереев и священников – по 18 рублей; от дьяконов – по 12 рублей; от псаломщиков – по 6 рублей[319].

Следует сказать, что помимо эмеритурной кассы для улучшения быта местных священно-церковнослужителей в Воронежской епархии с 1823 г. существовало Епархиальное попечительство о бедных духовного звания. Целью данной организации являлась забота о нуждавшихся заштатных священно-церковнослужителях, их вдовах и сиротах. К концу XIX века количество средств, имевшихся у попечительства, заметно увеличилось. Так, например, в 1872 г. в попечительство поступило 18 тыс. 491 руб.[320]; а в 1898 г. – уже 34 тыс. 108 руб.[321] В 1898 г. попе-

---

[316] Попов П., свящ. К вопросу об эмеритуре... С. 74.
[317] Никольский П. В. Справочная книга... С. 27.
[318] Устав эмеритальной кассы духовенства Воронежской епархии // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 8. С. 143–155.
[319] Там же. С. 145.
[320] Ведомость о состоянии сумм попечительств о призрении бедных духовного звания // Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода... С. 108.
[321] Никольский П. В. Справочная книга... С. 26.

чительство имело на своем иждивении 975 семейств, в составе 1406 человек. Размеры назначаемых пособий составляли:

- заштатные священники и их вдовы получали по 20-25 руб. в год, сироты – по 10-15 руб.;

- заштатные дьяконы – 12-15 руб., как и их вдовы, сироты – 7-10 руб.;

- заштатные псаломщики и их вдовы – по 10 руб., сироты по 7-10 руб.[322]

В таблице 8 приводится информация о количестве лиц, находившихся под призрением попечительства в 1898 г. с распределением по уездам.

Таблица 8

Количество лиц, призреваемых попечительством в 1898 г. по уездам[323]

	Наименование уезда:	**Заштат. свящ.**	**Вдов свящ.**	**Сирот свящ.**	**Заштат. дьяк.**	**Вдов дьяк.**	**Сирот дьяк.**	**Заштат. псалом.**	**Вдов псалом.**	**Сирот псалом.**	**Всего**
1.	Воронежский	-	43	64	-	18	29	2	42	58	256
2.	Бирюченский	-	6	24	-	5	6	3	12	33	89
3.	Бобровский	-	23	36	-	11	19	3	34	53	179
4.	Богучарский	-	21	22	-	11	7	5	28	35	129
5.	Валуйский	-	8	19	2	6	18	8	27	30	118
6.	Задонский	-	9	9	-	5	3	1	13	19	59
7.	Землянский	1	13	13	1	8	16	3	22	23	100
8.	Коротоякский	-	14	22	-	10	17	3	13	19	98
9.	Нижнедевицкий	-	9	21	-	8	12	-	15	22	87
10.	Новохоперский	2	11	20	-	3	7	2	23	17	85
11.	Острогожский	-	12	17	2	14	21	3	27	42	138
12.	Павловский	-	13	8	1	3	6	1	18	18	68
Всего в епархии		3	182	275	6	102	161	34	274	369	1 406

Из статистических данных видно, что суммы, отпускаемые на помощь нуждавшимся лицам, были весьма незначительными. Тем не менее при общей бедности клириков средства попечительства оказывали ощутимую помощь терпевшим нужду священнослужителям епархии.

На улучшение материального положения местного духовенства влияли и активно создаваемые во второй половине XIX века церковно-приходские попечительства – небольшие общественные организации, объединявшие усилия верую-

[322] Никольский П. В. Справочная книга... С. 27.
[323] Там же.

щих для решения назревавших экономических проблем прихода. Подобные организации помогали, особенно молодым священникам, разрешать целый ряд финансовых трудностей. Так, например, иерей Александр Попов, являвшийся в 1896 г. председателем Поповского церковно-приходского попечительства (Богучарский уезд) отмечал, что большинству молодых священников приходилось на первых порах поступать в бедный и неустроенный приход. Действенное подспорье в такой ситуации представляли церковные попечительства. Хотя их открытие сопровождалось определенными трудностями, результаты деятельности были порой весьма заметными. В доказательство клирик вспоминал, как в день коронации «их императорских величеств» после благодарственного молебна он произнес речь, в которой призывал своих прихожан открыть приходскую школу в честь торжественного события, «чтобы для грядущих поколений увековечить память и порадовать Царя Батюшку»[324]. Благодаря попечительству удалось собрать сумму в размере 1500 рублей и вскоре состоялась закладка здания, на что священник Александр Попов замечал: «Я служил и не верил, чтобы так быстро пришлось приступить к осуществлению своего идеала – иметь светлую, просторную школу вместо тесной и мокрой сторожки»[325]. В 1904 г. в Воронежской епархии имелось 243 приходских попечительства[326]. Данные общественные организации создавались на время, с тем чтобы решить определенную хозяйственную проблему. После того как попечительства выполняли свою функцию, они, как правило, прекращали работать.

§5. Образование

Для того чтобы получить как можно более полное представление о воронежском приходском духовенстве, его деятельности и интересах, необходимо обратить внимание на одну из важнейших сторон процесса подготовки и становле-

[324] Попов А., свящ. Поповское церковно-приходское попечительство // Воронежские епархиальные ведомости. 1897. №12. С. 481.
[325] Там же. С. 483.
[326] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2019. Л. 14.

ния будущих священно-церковнослужителей. Несомненно, такой стороной являлось, как и является до сих пор, духовное образование.

В христианской церкви на протяжении всей ее истории вопросам подготовки священников уделялось огромное внимание. Сам священный сан, который собирался принять на себя предполагаемый кандидат, подразумевал в качестве непременной обязанности необходимость учить и наставлять в истинной вере пасомых, обращая их «из мрака неведения». Уже 58 апостольское правило гласило: «Епископ, или пресвитер, нерадящий о причте и о людех, и не учащий их благочестию, да будет отлучен»[327]. Известный православный канонист епископ Далматинско-Истринский Никодим (Милаш) объяснял это правило как однозначное указание на долг пастырей поучать и наставлять людей. «Поучать и наставлять народ есть первая и главнейшая обязанность, которая должна предшествовать всем остальным – и священнодействию и управлению церковью»[328].

Естественно, что человек, призванный проповедовать христианское вероучение среди других, сам должен был знать его, а значит, иметь определенное образование. На это счет в православной церкви также имеется каноническое правило – 2 орос VII Вселенского собора. Согласно данному определению, епископ и священник должны не только поучать народ, но и обладать глубокими познаниями в области Священного Писания и канонического права. «Ибо сущность иерархии нашея составляют богопреданныя словеса, то есть истинное ведение Божественных Писаний»[329]. Именно этим, то есть самой сутью священнического служения, объясняется то серьезное внимание, которое в истории церкви уделялось проблемам духовного образования священно-церковнослужителей. Что же касается Русской православной церкви, то, как уже не раз было показано в целом ряде исследований, в начальный период истории нашей страны священники являлись

---

[327] Никодим (Милаш), епископ. Правила Православной Церкви с толкованиями. Т. 1. Москва, 2001. С. 131.
[328] Там же.
[329] Там же. С. 602.

чуть ли не единственными носителями книжной премудрости, хотя специальных учебных заведений для их подготовки на Руси не существовало.

В дальнейшем, особенно со времен императора Петра I, духовное образование стало приобретать более упорядоченный характер[330]. В начале XIX века при участии М. М. Сперанского и князя А. Н. Голицына создается особый комитет для подготовки проекта новой системы духовного образования в Российской империи. Составленный проект известен как устав 1808 г. (в Воронеже устав 1808 г. начал действовать с 1817 г. Задержка объяснялась трудностями с переходом на новые требования)[331]. Учебные заведения духовного ведомства, имевшие своей целью подготовку будущих священно-церковнослужителей, разделялись на духовные академии, семинарии, уездные духовные училища[332]. В целом выработанная комитетом 1808 г. структура духовных учебных заведений оставалась неизменной вплоть до 1917 г. Однако реформы императора Александра II, оказавшие колоссальное влияние практически на все стороны жизни тогдашнего общества, не могли не затронуть и вопросов духовного образования. В 1867 г. был принят новый, достаточно либеральный по тем временам, устав духовных семинарий, который упразднил административную подчиненность семинарий академиям, вводил выборность ректора, улучшил материальное обеспечение и учебный процесс в духовных школах и т. д. В 1884 г. увидел свет еще один устав духовных семинарий, по основным своим положениям повторявший содержание устава 1867 г., за исключением того, что в издании 1884 г. наблюдался отход от либерального духа устава 1867 г.

Что же касается Воронежской епархии, то в рассматриваемое время для подготовки священно-церковнослужителей в ней имелись семинария и четыре мужских духовных училища: Воронежское, Бирюченское, Задонское, Павлов-

---

[330] Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11. С. 108.
[331] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 2011. С. 228 (далее – Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии…).
[332] Сушко А. В. Указ. соч. С. 108.

ское[333]. Сразу же следует сказать, что воронежское приходское духовенство было неплохо образованным. На протяжении второй половины XIX – начала XX века практически все священнослужители имели семинарское образование, некоторые академическое: см. таблицу 9.

Таблица 9

Образовательный уровень приходского духовенства Воронежской епархии[334]

Год	В числе наличных священно-церковнослужителей состояло											
	Окончивших курс семинарии				Не окончивших курс семинарии				Окончивших курс академии			
	протоиереев	священников	дьяконов и иподьяконов	псаломщиков	протоиереев	священников	дьяконов и иподьяконов	псаломщиков	протоиереев	священников	дьяконов и иподьяконов	псаломщиков
1892	60	1 029	104	67		37	332	1 153	нет данных		-	-
1908	36	1 175	68	89		21	79	1 121	Нет данных		-	-
1911	1 144		44	95		29	135	1 126	21		-	-
1912	1 182		46	86		38	177	1 130	25		-	-
1913	1 189		46	87	45		193	1 149	21		-	-
1914	1 181		45	92		66	229	1 142	22		-	-
1916	1 183		55	120		68	240	1 110	25		-	-

Из таблицы 9 видно, что подавляющее большинство воронежских священников имело среднее семинарское образование. Доля не получивших семинарское образование иереев не превышала 5,3% (в 1916 г.). Дьяконов, окончивших семинарский курс, было значительно меньше, чем священников. В 1916 г. число не имевших среднее богословское образование дьяконов составляло 81%. Однако для прохождения дьяконской службы семинарское образование не являлось обязательным. Дьяконы могли довольствоваться и знаниями, приобретенными в стенах духовных училищ.

Воронежские архипастыри способствовали развитию образования среди священнослужителей епархии. Еще воронежский архиерей Парфений (Васильев-Чертков) в 1852 г. писал в Павловское уездное духовное правление, что он недо-

[333] Никольский П. В. Справочная книга… С. 173.

[334] РГИА Ф. 796. Оп. 440. Д. 54. Л. 7; Л. 71 об. -72; Оп. 442: Д. 2631. Л. 8-8 об; Д. 2510. Л. 9 об; Д. 2751. Л. 10 об; Д. 2572. Л. 9.

волен служебной деятельностью местного духовника священника Сланского, который исполнял свои обязанности формально, не считая нужным вразумлять исповедующихся и разъяснять им смысл высоких христианских истин. Священник, по словам архипастыря, «должен быть для приходящих к нему на исповедь примером благочестия, обязан некоторые важные предметы объяснять, чего неучившиеся, а также молодых лет по своей неопытности исполнять не могут»[335].

Епископ Иосиф (Богословский) придерживался практики назначения священников на лучшие (в материальном плане) приходы согласно образовательному рейтингу[336]. Преосвященный Анастасий (Добрадин) также стремился следовать подобной практике. «На священнические места мною, за редкими исключениями назначаются только лица, получившие законченное семинарское образование»[337]. Однако на дьяконские места, по собственному признанию архиерея, ему приходилось рукополагать кандидатов и с незавершенным образованием, но только при условии, если такие лица были не моложе 25 лет, имели свидетельство на звание учителя начальной школы и значительное время прослужили в качестве псаломщиков, зарекомендовав себя при этом с положительной стороны[338]. Архиепископ Анастасий полагал, что кандидат, получивший полное семинарское образование, в большей степени подходил для прохождения служения, нежели лицо, не окончившее курс семинарии. Архипастырь указывал на актуальность хорошего образования в новых социальных условиях, связанных с недоверием к церкви и распространением идей нигилизма. В 1912 г. он писал в Синод о том, что деревни и села стали быстро «пополняться новым элементом, появились в селах в качестве постоянных жителей врач, становой, ветеринар, агроном, ссыпщик хлебов и т.д. Большинство из них обучают прихожан если не словом, то собственным примером не ходить в храм Божий, не соблюдать посты и пр.»[339]. Крестьяне, многие из которых преклонялись перед всякого рода ученостью, естественно, следовали

[335] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1929. Л. 12 об.
[336] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии… С. 238.
[337] РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 2445. Л. 13.
[338] Там же.
[339] Там же. Д. 2510. Л 9 об.

примеру авторитетной для них новоиспеченной сельской интеллигенции. Воронежское священноначалие считало, что для того, чтобы уберечь вверенную паству от возраставшего влияния светской, антицерковной по духу интеллигенции, интеллектуальный уровень священника должен был если не превосходить, то, по крайне мере, соответствовать уровню последней. При этом, как отмечалось, наибольшее влияние на прихожан оказывали все-таки те священники, которые заслужили всеобщее уважение не столько наличием превосходного образования, сколько образом своей жизни, являя собой пример искренних и достойных пастырей. «Но это обыкновенно старцы, долгим и упорным трудом, своими личными качествами снискавшие себе любовь и влияние»[340]. Молодым же, не имевшим еще духовного авторитета иереи, по мнению архиепископа Анастасия, следовало приобретать уважение посредством полученных знаний.

Сами священнослужители также стремились дать своим детям хорошее образование, всячески старались следить за тем, как проходило воспитание и образование их детей в духовной школе. Характерным в этом отношении является письмо, написанное известным и глубоко почитаемым современниками богучарским протоиереем Александром Буниным своему внуку Ивану, воспитаннику семинарии, 1 апреля 1869 г.: «Внук мой Иван Константинович! С самого отъезда твоего из Богучара я ждал от тебя извещения о твоем житье, но ты три месяца не пишешь ни строки. Ежели за трудами и занятиями в науках, то похвально, а ежели за леностью и невниманием к родственному чинопочитанию, то не хорошо. Мое желание иметь извещение о тебе конечно происходит от того, что мне хочется знать твои успехи в науках. Трудись, трудись, трудись. Не теряй дорогого времени юности. Труд постоянный приготовит тебе счастье на земле. Платье приготовленное тебе я пришлю с случаем, а денег пришлю к празднику… С моей любовью к тебе есмь дед твой, Богучарский протоиерей Александр Бунин»[341].

---

[340] РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 18.

[341] Цит. по: Попов Павел, свящ. Пастырь-подвижник. Описание жизне-деятельности Богучарского протоиерея Александра Ивановича Бунина (1792-1871 гг.). Богучар, 1902 г. С. 66.

Основным учебным заведением, обучавшим будущих приходских священников Воронежской епархии, являлась семинария. История создания Воронежской семинарии, формирование ее внешнего облика, строительство новых корпусов и общежитий, введение новых уставов, состав преподавательского персонала и ряд других вопросов изучены в книге воронежского краеведа П. В. Никольского[342]. Однако, на наш взгляд, некоторые аспекты процесса обучения в семинарии нуждаются в более детальном рассмотрении.

В Воронежской семинарии, как и в других, весь процесс обучения согласно уставу 1867 г. разделялся на 6 классов. В первый класс принимались лица не моложе 14 и не старше 18 лет[343]. Воспитанники могли обучаться в семинарии либо за свои средства (своекоштные), либо за средства государства (казеннокоштные). Дети духовенства, имевшие желание и реальную нужду поступать на казеннокоштное содержание, предоставляли на имя ректора специальное прошение и удостоверение от местного благочинного об уровне материального состояния семьи (своего рода справку о доходах). Однако даже если их принимали на обучение с полным государственным обеспечением, родители таких воспитанников обязывались снабдить последних необходимой обувью и одеждой на первую треть учебного года. Количество своекоштных воспитанников, как правило, было больше, чем казеннокоштных. Так, например, по состоянию на 1910 г. казеннокоштных воспитанников в Воронежской семинарии числилось 173, своекоштных – 383[344].

Проживать в общежитии ученики могли как на правах полных, так и неполных пансионеров. Плата за обучение полного пансионера определялась, согласно епархиальному съезду отцов-депутатов от 26 января 1893 г., в 106 руб. за год, не-

---

[342] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 2011.

[343] Правила о приеме учеников в Воронежскую Духовную Семинарию и в общежитие семинарское // Сборник распоряжений Воронежского епархиального начальства, объявленных циркулярно по епархии за 1883-1894 г. Воронеж. Типография В.И. Исаева. 1895. С. 310 (далее – Правила о приеме учеников…).

[344] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 234. Л. 39.

полного – в 62 руб. 64 коп[345]. Причем деньги родители семинаристов вносили за полугодие вперед (в августе и январе соответственно), но для тех, кто находился в стеснительном материальном положении и не мог внести всю сумму сразу, предусматривалась рассрочка по четвертям. Лица, поступившие в семинарию на правах своекоштных воспитанников, были обязаны поселяться в общежитии. Правление семинарии разрешало таким семинаристам жить на квартирах в городе Воронеже лишь ввиду весомых на то оснований. Таковыми являлись «помещение на квартире у ближайших родственников и жизнь вместе с младшими братьями, обучающимися в духовных училищах»[346]. В качестве примера можно привести следующие цифры: в том же 1910 г. учеников, проживавших в общежитии, насчитывалось 340, на частных квартирах – 316[347]. В среднем такие цифры наблюдались во все годы, так что число проживавших в общежитии и на квартирах приблизительно соответствовало.

С родителей своекоштных воспитанников брали обязательство вносить помимо платы за содержание в общежитии сумму на приобретение необходимых для их сыновей учебных пособий исходя из того, чтобы на каждого ученика приходился один учебник ценой от 50 коп. до 1 руб. и один учебник на двоих по цене от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.[348]

В рассматриваемое время в семинарии могли учиться не только дети духовенства, но и представители других сословий (в официальных документах таких воспитанников именовали иносословными). Последние за право обучения вносили дополнительную плату в размере 40 руб. в год серебром или с рассрочкой по 20 руб. за полугодие (за первое полугодие не позже 15 сентября, за второе не позже 25 января)[349]. Тем, кто поступал в Воронежскую семинарию из податного сословия, следовало предоставлять в правление духовной школы специальный до-

[345] Правила о приеме учеников… С. 311.
[346] Там же.
[347] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 234. Л. 39.
[348] Правила о приеме учеников… С. 312.
[349] Там же. С. 310.

кумент, увольнительное свидетельство от своего общества, в котором последнее давало разрешение на обучение юноши.

Несмотря на предоставление уставом 1867 г. права поступления в семинарию представителей всех сословий, подавляющее большинство воспитанников Воронежской духовной школы составляли дети духовенства (см. таблицу 10).

Таблица 10

Социальный состав учащихся Воронежской духовной семинарии[350]

Учебный год	Количество учащихся от								итого		
	духовенства	дворян	чиновников	купцов	мещан	почетных граждан	крестьян	разночинцев	духовных	иносословных	всего
1886-1887	545	10		5		-	12	-	545	27	572
1896-1897	531	3	17	6	16	5	35	17	531	99	630
1899-1900	508	3	11	6	16	4	34	21	508	95	603
1905-1906	476	3	6	5	22	17	52	-	476	105	581

Процент детей духовенства от общего числа учащихся за указанные в таблице 10-е годы равнялся 86 %, что свидетельствует о преимущественно сословном характере учебного заведения. Однако, несмотря на принадлежность воспитанников к духовному сословию, лишь малая часть из них стремилась остаться в церкви. Подавляющее большинство мечтало о выходе в светское звание. Архиепископ Анастасий (Добрадин) в 1912 г. с горестью отмечал: «Наблюдается, особенно в последнее время, стремление немалого числа лиц из окончивших курс местной семинарии к поступлению для продолжения образования в высшие светские учебные заведения»[351].

[350] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 18; РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 9. Л. 20 об.; Ф. 802. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9 Л. 9.; Оп. 10 (Разд. X). Д. 8. Л. 11.
[351] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2445. Л. 13.

Подобное явление наблюдалось не только в Воронежской семинарии. Хрестоматийным примером служит факт из истории Благовещенской духовной семинарии, где в период с 1901 по 1911 г. ни один из выпускников не захотел рукополагаться в священный сан[352]. Вторую половину XIX – начало XX века – можно назвать временем «бегства семинаристов». Так в 1875 г. назвал свою статью известный российский публицист, один из редакторов журнала «Отечественные записки» Г. З. Елисеев. Автор замечал: «Никто из других сословий не хочет идти в духовное звание и не хочет отдавать детей своих в духовные учебные заведения. Этого мало: все лучшие воспитанники семинарий, принадлежащие по своему происхождению к духовному званию, в настоящее время бегут отсюда в высшие заведения светские»[353]. На страницах церковной периодической печати обсуждались причины такого положения дел. В качестве основных назывались: тяжелое материальное положение духовного сословия, нежелание юношей связывать себя с ответственным и налагающим множество ограничений служением, забитость и бесправность духовного сословия. Молодые люди не хотели жить так, как жили их отцы. Отсюда выходило и стремление уйти на светскую службу.

Те же, кто имел желание посвятить себя на служение церкви или же стремился получить среднее семинарское образование, а затем поступить в светское высшее учебное заведение, поступали в духовную школу. Зачисление в Воронежскую семинарию проводилось на основе вступительных экзаменов. Для детей духовенства, как и для их родителей, это были нелегкие испытания. Воспоминания о том, как проходили экзамены в Воронежской семинарии до ее реформы (в 1850-1860-е гг.), то есть до принятия нового устава 1867 г. (в Воронежской семинарии он начал действовать лишь с 1874 г.[354]), опубликованы на страницах журнала «Православное Обозрение» под заглавием «Воронежские письма» и под псевдо-

[352] История России. XX век: 1894-1939 / [отв. ред. А. Б. Зубов]. Москва, 2009. С. 103.
[353] Елисеев Г. З. Бегство семинаристов: Причины этого бегства; Как можно устранить их и чем вообще можно поднять наше духовенство. Санкт-Петербург, 1876. С. 4.
[354] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. С. 395.

нимом «Н. К. Р.»[355]. Согласно автору «Воронежских писем», мысль о возможности не сдать экзамен страшила не столько самих воспитанников, сколько их отцов – священников. «Последняя мысль, мысль, что сын не сдаст экзамена, что его вернут назад, как кошмар давит отцов, и вот они едут триста, четыреста верст, чтобы самому посмотреть, как сын сдаст экзамен, чтобы собственными глазами и ушами увидеть и услышать, что сын действительно сдал экзамен»[356].

Экзамены являлись не только психологическим, но и материальным испытанием для священнослужителей и их детей, особенно для тех, кто жил не в самом городе Воронеже, а на достаточном от него удалении. Экзамены продолжались чуть больше недели. Если поступавшие не хотели опоздать, то должны были приезжать заранее. Время проживания в городе составляло как минимум две недели. Это было недешевым удовольствием. «Да не дешево, и очень недешево обходится нашему духовенству представить сына в первый раз в семинарию»[357]. Для юношей поступление в семинарию, по мнению автора вышеозначенных воспоминаний, сопрягалось с определенными трудностями. Экзамены в Воронежскую семинарию проходили в сентябре, то есть после того, как у испытуемых, закончивших последний класс уездного духовного училища, начиналась «вакация» (то есть каникулы).

Ввиду того что вступительные испытания влекли за собой ряд и материальных и психологических трудностей, в 50-е – начало 60-х гг. XIX века некоторыми преподавателями Воронежской семинарии предлагалось вообще отказаться от проведения вступительных экзаменов и перейти на иную форму проверки знаний, а именно отправлять в уездные духовные училища профессоров семинарии, кото-

---

[355] Достоверно авторство «Воронежских писем» установить не удалось. Предположительно, они могли принадлежать известному впоследствии воронежскому протоиерею Михаилу Некрасову, который, по свидетельству П. В. Никольского, работал в семинарии преподавателем словесности с 1862 г., а также занимался устройством ученической библиотеки, в которой и был библиотекарем. В «Воронежских письмах» есть целый раздел, посвященный проблемам ученической библиотеки. Ясно, что подробно писать о ней мог только человек хорошо с ней знакомый.

[356] Н. К. Р. Воронежские письма // Православное Обозрение. 1864. Вып. 2. С. 21 (далее – Воронежские письма…).

[357] Воронежские письма… С. 21.

рые бы проводили экзамены на местах, в привычной для учеников обстановке, не травмируя тем самым ни их самих, ни их родителей. Автору «Воронежских писем» также представлялось правильным отказаться от экзаменов в семинарии, так как «радостей у нас и у наших детей слишком мало, нужно их увеличивать, а не уменьшать»[358], тем более что одно из четырех уездных духовных училищ (Воронежское) пользовалось подобной привилегией[359]. Но выезд профессоров-ревизоров практиковался лишь в одном училище из четырех, воспитанники же остальных проходили через экзамен в семинарии. «Экзамен – это слово, которое отравляет все радости мальчика; оно как тень всюду за ним следует и дома, и в церкви, и в гостях, и на гуляньи»[360].

Судя по всему, уровень подготовки юношей, поступавших в Воронежскую семинарию, был не очень высок. В сентябре 1863 г. в журнале «Православное Обозрение» были опубликованы «Заметки», в которых говорилось, что наставники некоторых духовных семинарий Российской православной церкви сталкивались в своей педагогической практике со случаями недостаточного знания учениками географии, что отражалось на понимании гражданской истории и других важных предметов гуманитарного профиля. Автор «Воронежских писем», как бы иронизируя над этим замечанием, писал: «Счастливая семинария! Счастливый наставник! У нас это не случай, а сплошь да рядом. Из 120 разве 20 (и то слишком сомневаемся) не ошибутся в склонении имен существительных, в спряжении греческих и латинских глаголов, мало-мало сносно знают правописание (о географии и говорить нечего). У нас встречаются такие господа, которые ухищряются делать по 70 ошибок против правописания только на полулисте редкого письма, по четыре ошибки в одном слове»[361].

В числе характерных ошибок, допускавшихся воспитанниками низших классов Воронежской семинарии, встречались, например, такие: слово «облака»

---

[358] Воронежские письма… С. 23.
[359] Там же. С. 24.
[360] Там же. С. 22.
[361] Там же. С. 26.

писали как «аблака»; выражение «от добрых людей» писалось слитно «отдобрых людей» и т.п. По свидетельству «Воронежских писем», поступавшие в Воронежскую семинарию не только не умели читать по-гречески и по-латыни, но и по-русски. «У нас в одном классе заведен такой порядок: после чтения Библии, поднимается один ученик и читает что-либо из хрестоматии Галахова. Вы думаете, это читается для критико-эстетического разбора? Совсем нет. Это он учится читать! Не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой; да, да с расстановкой, потому что на каждом слове останавливается, чтобы разобрать его»[362].

Однако было бы несправедливо утверждать, что уровень обучения в Воронежской семинарии являлся низким. Вышеприведенные воспоминания касаются, во-первых, учеников первых классов (ответственность за подготовку которых к обучению в семинарии лежала на духовных училищах), а, во-вторых, речь в них идет о дореформенной семинарии. По свидетельству П. В. Никольского, с принятием устава 1867 г. учебный процесс в Воронежской семинарии существенно улучшился, особенно благодаря усилиям архиепископа Серафима (Аретинского), очень много сделавшего для преобразования местной духовной школы, в том числе в плане ее материального обеспечения[363]. И хотя воспитанники, поступавшие в семинарию, были недостаточно для нее подготовлены, благодаря умелому руководству наставников и преподавателей на выходе удавалось выпускать неплохо образованных семинаристов. За период с 1841 по 1874 гг. Воронежскую семинарию окончило свыше 2 000 человек, 10 % которых затем поступила в высшие учебные заведения[364]. Это, безусловно, очень хороший показатель, особенно если учесть, что подготовка к поступлению в вузы не являлось самоцелью духовной семинарии.

Следует заметить, что об уровне образования, который дает то или иное учебное заведение, очень сложно говорить. До сих пор не выработано единой методики определения эффективности образовательного учреждения. Многие со-

[362] Воронежские письма… С. 27.
[363] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. С. 397.
[364] Там же. С. 366.

временники оценивали интеллектуальный потенциал воспитанников семинарий достаточно высоко. Так, например, один из выдающихся русских богословов середины XIX века архиепископ Никанор (Бровкович) утверждал, что по степени подготовки воспитанники семинарий не только не уступали, но и превосходили учащихся гимназий Министерства народного просвещения. Архиерей отмечал одно очень важное преимущество семинарий перед светскими гимназиями. В духовных школах не просто учили зазубривать и повторять вслух на экзамене выученный заранее материал, но и осмысливать его, логически излагая свои собственные мысли. «Несомненно, что наша школа (имеются ввиду семинарии – С. И.) дала массу дельцов для всех канцелярий, по преимуществу провинциальных, от писца до столоначальника и включительно до делопроизводителя и секретаря, потому что все эти люди умели правильно писать и мыслить и толково излагать их на бумаге»[365].

Подобную универсальность духовных школ отмечали и преподаватели Воронежской семинарии Георгий Можаров, Петр Шаров и Иван Филоновский, в 1906 г. писавшие в Синод о том, что духовная семинария как тип образовательного учреждения высоко зарекомендовала себя на протяжении всего XIX века, дав России большое количество честных тружеников, несших служение отечеству в самых разных ведомствах на различных должностях. В подтверждение этому, они приводили тот факт, что после того, как в рамках контрреформ Александра III выпускникам семинарий на некоторое время закрыли доступ для поступления в университеты, судебная палата и окружные суды стали испытывать недостаток в грамотных письмоводителях и делопроизводителях. «Раньше же этого лучшими работниками в этом ведомстве были именно семинаристы»[366].

Воспитанники Воронежской семинарии имели славу вполне способных и достойных учеников. Священник Тихон Донецкий вспоминал, как он и его друг – будущий протоиерей и смотритель Владикавказских духовных училищ Иоанн

---

[365] Никанор (Бровкович), архиеп. О значении семинарского образования. – URL: http: // www.mosjour.ru/ index. php?id=475

[366] РГИА Ф. 802. Оп. 16. Д. 173. Л 31.

Иоаннович Беляев после окончания духовной школы отправились поступать в Санкт-Петербургскую академию. В день прибытия на пороге академии их встретил ректор Петербургской семинарии архимандрит Антоний (будущий митрополит Антоний Храповицкий, один из наиболее известных церковных деятелей Российской церкви начала XX века, кандидат на патриарший престол, человек, находившийся у истоков создания Русской Православной Церкви Заграницей) и, «узнав, что мы воронежцы, он радостно приветствовал нас, сказав, что воронежцы – молодцы. В доказательство такого смелого обобщения он напомнил нам имена Д. П. Казаневского (в то время студента 4 курса), П. П. Серебрянского (3 курса), Путилина»[367].

За ходом обучения в Воронежской семинарии внимательно следила не только администрация учебного заведения, но и местные архиереи. Так, например, архиепископ Анастасий старался посещать семинарию не реже двух раз в неделю[368]. Для того чтобы возбудить в воспитанниках любовь к чтению Священного Писания и вместе с тем развить в них начала благочестия, архиерей на одной из встреч с учащимися посоветовал «внимать чтению» (1Тим. 4: 13), взяв за правило читать в день по пять или даже хотя бы по три стиха из книг Ветхого и Нового Заветов. Однако через год после этой встречи архиепископ Анастасий, поинтересовавшись у учащихся, следовали ли они его совету, «с глубоким душевным прискорбием достаточно убедился, что далеко не все воспитанники с надлежащим вниманием и усердием относились к исполнению его легчайшего в сущности требования»[369]. Священноначалие сделало из этого вывод об отсутствии в учащихся устойчивой воли. Воронежский архипастырь постоянно обращался к семинаристам с призывом проводить над собой определенную нравственную работу, так как все они призывались к высокому служению.

---

[367] Донецкий Тихон, свящ. Протоиерей Иоанн Иоаннович Беляев // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 776.
[368] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 234. Л. 38.
[369] Там же. Оп. 10. Д. 9. Л 12.

После годичных экзаменов 1900 г. архиерей обратился к воспитанникам с такими словами: «Мы скорбим при мысли, что без нравственного самовоспитания вы можете оказаться рабами разных жизненных обстоятельств и желаем предостеречь вас от этого несчастья, так как в вас юноши вся наша надежда, вам мы поручаем святое и великое служение евангельского благовествования. Мы назначаем вас апостолами, и потому вы заблаговременно должны украсить себя всеми высокими качествами»[370].

Большое внимание духовной семинарии уделяло и местное приходское духовенство, часто критикуя правление учебного заведения за неэффективность и неспособность навести порядок в учебном заведении. При этом священнослужители зачастую поддерживали своих сыновей-семинаристов в их забастовках и протестных действиях. В 1906 г. на очередном епархиальном пастырском съезде духовенство приняло акт 2-го благочиннического округа Богучарского уезда о необходимости проведения специального епархиального съезда по делам семинарии. Администрация учебного заведения откликнулась на это предложение, посчитав, что духовенство, получившее информацию о забастовке 1905 г. от своих же детей-семинаристов и поэтому, естественно, имевшее о ней довольно одностороннее представление, смогло бы наконец-то выслушать и другую сторону[371]. «Весьма вероятно, что после этого далеко не все требования, представленные учениками в петиции, будут признаны вполне основательными»[372].

Воспитание учеников семинарии составляло предмет зоркого наблюдения инспекции. Однако, несмотря на все старания администрации взять дело воспитания учеников в свои руки, влияние товарищеской среды, общей «либерально-политической атмосферы» в молодежных кругах продолжали оказывать на семинаристов определяющее влияние. Существовало несколько причин, мешавших инспекции в полной мере выполнять свои служебные обязанности. Одной из них являлась слишком широкая «разбросанность частных квартир по городу Вороне-

[370] РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 9. Л. 12 об.
[371] Там же. Оп. 10 (Разд. X). Д. 8. Л. 14 об.
[372] Там же.

жу»[373]. Инспектор и его помощники просто физически не могли посетить хотя бы раз в год всех, кто жил не в общежитии семинарии, так как «крайне затруднительно систематическое посещение более ста квартир, расположенных на окраине города»[374].

Вторая трудность была связана с незначительным штатом инспекторского состава. Священник Яков Гражданский (сам некогда бывший преподавателем в Воронежской духовной семинарии) в статье, посвященной очередным волнениям в местной духовной школе (подробнее о волнениях и беспорядках в Воронежской семинарии см. в §3 III главы) с негодованием отмечал, что педагогический персонал учебного заведения просто не в силах следить за поведением своих воспитанников. «На 600 душ воспитанников у нас в семинарии по штату положено только три воспитателя и столько, кажется, сверхштатных… Если ограничить их работу одним ведением дисциплинарного дела, то по физическим условиям – этой работы будет чересчур много»[375].

Однако, в конечном счете, все сводилось к личности педагога. Были в семинарии такие преподаватели, которые по определению внушали ученикам благоговейный трепет. Так, например, выпускник Воронежской семинарии 1890 г. священник Тихон Донецкий вспоминал, какое огромное влияние оказывал на них инспектор (впоследствии ректор) протоиерей Алексей Спасский. «Мы его боялись как огня»[376]. По свидетельству отца Тихона, однажды некоторые ученики сбросили беседку с обрыва в семинарскую яму и «грозный» Алексей Михайлович пришел к ним в класс для выяснения имен виновных. И хотя сам священник Тихон не принимал участия в низвержении беседки, но, «слушая обличительную речь инспектора, менялся в лице и в душе трепетал»[377].

---

[373] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д.234. Л. 39.
[374] Там же.
[375] Гражданский Яков, свящ. По поводу неустройств и волнений в семинарии // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. №15. С. 690.
[376] Донецкий Тихон, Указ. соч. С. 741.
[377] Там же.

Все случаи нарушения дисциплины фиксировались в особом журнале, на основании которого делались ежегодные отчеты. Ниже приводится таблица 11, содержащая информацию о дисциплинарных провинностях воспитанников за несколько учебных лет.

Таблица 11

Нарушения дисциплины воспитанниками Воронежской духовной семинарии за 1896-1897, 1899-1900 и 1910-1911 учебные годы[378]

Проступки	**Количество замеченных воспитанников**		
	1896-97 уч. год.	**1899-1900 уч. год**	**1910-11 уч. год.**
Пьянство	-	19	4
Табакокурение	-	40	78
Самовольные отлучки из корпуса	15	3	10
Дерзкое поведение с преподавателями и лицами инспекторского надзора	-	3	3
Опущение уроков	6	11	-
Шалость в занятных комнатах	40	57	-
Неблаговейное стояние в церкви и на молитве	34		-
Выход из церкви	20	31	-
Уклонение от общей молитвы и богослужения	17	34	-
Опоздания из отпуска	20	-	-
Игра на бильярде	1	-	-
Игра в карты	27	43	20
Праздношатательство	4	11	-

Как видно из таблицы 11, наиболее распространенным видом нарушения среди воронежских семинаристов являлось табакокурение. В 1910-11 учебном году курило 78 воспитанников из 556, то есть каждый седьмой. На втором месте находились «шалости в занятных комнатах». В целом правление семинарии характеризовало поведение учеников как не вызывавшее особого опасения, так как «проступки в значительном большинстве случаев не обнаруживали злой и упорной воли»[379]. Даже в годы наиболее неблагоприятные для семинарии ввиду сту-

[378] РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (Разд 1). Д. 9. Л. 19 об.; Оп. 10 (IV разд.). Д. 9. Л. 9; Оп. 15. Д. 234. Л. 38 об.
[379] Там же. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9. Л. 18.

денческого революционного движения бóльшая часть воспитанников имела достаточно высокие баллы по поведению[380].

Основными видами дисциплинарного взыскания были: выговор в инспекторской комнате, выговор в классе перед товарищами, выговор в комнате правления в присутствии лиц педагогического персонала, ограничение или временное лишение отпуска, голодный стол, помещение в карцер, понижение балла по поведению и, наконец, увольнение из семинарии[381]. Но чаще всего инспекция обходилась обычной беседой с родителями воспитанников. «Во многих случаях эта мера являлась очень полезною»[382].

Преподаватели в большинстве случаев подходили к своим обязанностям со всей ответственностью и энтузиазмом, стараясь пробуждать в учениках интерес к изучаемым дисциплинам. Однако, как отмечалось в семинарских отчетах, многие педагоги встречались с определенными трудностями, «препятствовавшими успешному выполнению программ»[383]. Подчеркивалось несоответствие учебной программы по Священному Писанию Ветхого Завета тому огромному количеству материла, которое ученикам следовало усвоить по данному предмету. На изучение обширной дисциплины выделялось слишком мало часов. То же говорилось и в отношении истории Русской православной церкви, основное пособие по которой – учебник профессора П. Знаменского (по данному учебнику учатся до сих пор), по мнению преподавательской корпорации, являлся слишком сложным для усвоения семинаристами. «Эти трудности зависят сколько от сжатости изложения учебника, требующего от ученика напряженного внимания и усиленного размышления, столько и от обилия учебного материала по курсу VI класса»[384].

Значительным препятствием к успешному усвоению курса была нехватка пособий. «При изучении Библейской истории, большие затруднения представляет ощутительное отсутствие хорошего учебника, приспособленного к программе се-

[380] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 234. Л. 38 об.
[381] Там же. Оп. 10 (Разд. X). Д. 8. Л. 8.
[382] Там же. Оп. 15. Д. 234. Л. 38 об.
[383] Там же. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9. Л. 8 об.
[384] Там же.

минарий»[385]. Преподаватели выходили из этого положения, как могли. Священник Тихон Донецкий вспоминал, как в годы его обучения иерей Г. Т. Алферов, только что назначенный преподавателем нового предмета – Библейской истории, готовил лекции собственного сочинения по Библии из-за отсутствия подходящего пособия. «Наконец один мой товарищ, как сейчас помню, С. И. Автономов, выкопал в монастырской лавке чью-то анонимную историю Ветхого и Нового Заветов, страниц в 400, с картинками, и наш почтенный отец Георгий обрадовавшись, что нашлась подходящая учебная книга, выбрал ее как учебник по Библейской истории»[386].

Несмотря на попытки изменить положение дел, адаптировать сложную программу к реальным условиям, в отчетах преподавательской корпорации духовной семинарии отмечалось, что ввиду чрезмерно обширного материала не все воспитанники успешно его усваивали, «вследствие чего они, нередко обремененные непосильными уроками, в приготовлении их обнаруживают тревожное бессилие или же прибегают к уловкам и увертками»[387]. Хотя в общем успеваемость воспитанников оценивалась как весьма неплохая. Так, например, в 1899–1900 учебном году число малоуспевающих учеников не превышало 9 % от общего числа[388]. Подобные показатели с некоторыми отклонениями наблюдаются в отчетах и за другие годы.

Срок обучения в семинарии составлял 6 лет, в течение которых ученик проходил 6 классов, условно разделенных на классы словесности (I-II), философские (III-IV) и богословские (V-VI). Распорядок дня строго нормировался. Вставали воспитанники в 6.30 утра. В 7.30 читались утренние молитвы, после чего учащиеся шли в столовую на утренний чай, где могли проводить время до 8.30. С 8.30 до 13.50 шли занятия. В 13.50 в семинарии начинался обед, а затем следовало время отдыха до 16.00, когда полагался вечерний чай, проходивший до 17.00. Промежу-

[385] РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9. Л. 8 об.
[386] Донецкий Тихон, свящ. Указ. соч. С. 746.
[387] РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9. Л. 8 об.
[388] Там же. Л. 11.

ток от 17.00 до 20.30 (с небольшим отрывом для отдыха с 18.30 до 19.00) отводился для подготовки домашнего задания. С 21.00 до 22.00 следовал ужин и немного свободного времени до общих вечерних молитв, начинавшихся в 22.00, после которых ученики ложились спать. С разрешения инспектора некоторые, наиболее старательные ученики могли получить право ложиться спать в 23.00, лишний час проводя в занятной комнате[389] (более подробный распорядок дня в обычные и праздничные дни и другие правила поведения для воспитанников Воронежской духовной семинарии см. в приложении 2). Инспекция в духовной школе имела большое, может быть, даже слишком большое значение. Интересно, что воспитанникам запрещалось даже менять место за партами по своему усмотрению, без разрешения на то инспектора[390].

Предметная составляющая программы семинарского курса отличалась разнообразностью. В числе обязательных для изучения дисциплин были: Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, Библейская история, русская словесность и история литературы, русский и латинский языки (новые языки по уставу 1884 г. стали необязательными), математика, физика, гражданская и церковная истории, логика, психология, философия, обличительное богословие, история раскола, литургика, гомилетика, основное, догматическое и нравственное богословие, практическое руководство для пастырей церкви, дидактика, церковное пение, сочинение[391]. В целях развития в учениках эстетического чувства в семинарии преподавались музыка и иконописание, имелись «гимнастические приборы для упражнения здоровья»[392]. Семинаристы с удовольствием участвовали в работе музыкального кружка, некоторые занимались иконописью, многим нравилась упражняться с гантелями. Один из видных выпускников воронежской школы протоиерей Ио-

[389] Правила поведения для воспитанников Воронежской Духовной Семинарии. Воронеж, 1913. С. 8.
[390] Там же. С. 9.
[391] РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9. Л. 21 об.
[392] Там же. Оп. 15. Д. 234. Л. 39.

анн Иоаннович Беляев в бытность свою учеником семинарии «любил заниматься упражнением своих мускулов, кстати сказать, очень сильных»[393].

В связи с новыми реалиями (распространением социалистических идей, подъемом общего протестного настроения учащейся молодежи) в Воронежской духовной семинарии в начале XX века вводился дополнительный предмет – история и обличение социализма. Задача данной дисциплины заключалась в разъяснении основных «заблуждений» социализма в свете основ христианского православного богословия. В качестве учебников по данной дисциплине в Воронежской семинарии использовались следующие сочинения: Масарика «Философия и социологические основания марксизма», Пибоди «Иисус Христос и социальный вопрос», профессора Диля «Социализм, коммунизм и анархизм», Кожевникова «Отношение социализма к религии и христианству»[394]. Преподаватель нового предмета Вячеслав Глаголев в отчете за 1910-1911 учебный год писал, что социализм не пользовался в среде воспитанников особым интересом, и «его ошибочные, антииндивидуалистические тенденции оказываются, по-видимому, прямо не по душе ученикам»[395]. В действительности (см. §3 III главы) представление молодого преподавателя о социалистических увлечениях его воспитанников были далеки от истины.

Говоря о характере обучения, следует отметить, что среди большинства преподавателей господствовал эротематический метод обучения. Этот метод предполагал во время разъяснения урока задавать ученикам наводящие вопросы, с целью «с одной стороны, поддержать внимание учеников, с другой, для большего уяснения материала»[396]. В старших классах семинарии начинал применяться акроаматический метод подачи материала, когда ученики самостоятельно, без наводящих вопросов, усваивали диктуемый материал, записывая его в тетрадях. Преподаватели для успешного развития в учащихся логического мышления старались

---

[393] Донецкий Тихон, свящ. Указ. соч. С. 739.
[394] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 234. Л. 10 об.
[395] Там же.
[396] Там же. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9. Л. 5 об.

формулировать темы самостоятельных работ – сочинений - по проблемному принципу, побуждая воспитанников к напряженной интеллектуальной работе (примеры тем сочинений см. в приложении 3).

В воспитательных целях, с тем, чтобы отвлечь учащихся духовной школы от «шалостей» и приобщить их к более осознанному участию в богослужении, ректор протоиерей Алексей Спасский в 1896 г. ввел обязательное совместное пение во время литургии и всенощного бдения ряда песнопений, «для утверждения их (учеников – С. И.) в добрых христианских навыках и приведении их к живому сознанию важности предстоящего им звания и служения»[397]. По свидетельству администрации духовной школы, эта мера имела ощутимые результаты.

Некоторые современные исследователи отмечают плохое санитарное состояние духовных семинарий в рассматриваемое время[398]. В Воронежской духовной семинарии существовала больница в главном учебном корпусе и лазарет в общежитии. Администрация духовной школы оценивала состояние здоровья своих воспитанников как удовлетворительное. Для примера ниже приводится таблица 12 со сведениями о воспитанниках, пользовавшихся лечебными учреждениями.

Таблица 12

Сведения о больных, лечившихся в больнице главного семинарского корпуса и лазарете общежития семинарии в 1896-97 учебном году[399]

Болезни	Пользовалось		Итого	Умерло
	В больнице	В лазарете		
Грипп	18	23	41	-
Крупозная пневмония	-	1	1	-
Малярия, или перем. лихорадка	129	62	191	-
Катар дыхательных органов	25	50	75	-
Воспаление плевры	-	18	18	-
Прочие болезни органов дыхания	-	10	10	-
Органическая болезнь сердца	-	12	12	-
Болезнь полости рта и зева	-	60	60	-
Болезнь желудка и кишек	28	55	83	-
Воспаление мочевых органов	-	2	2	-

[397] Там же. Л. 33 об.

[398] Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 175.

[399] РГИА Ф. 802. Оп. 10 (Разд. I). Д. 9. Л. 36.

Болезни	Пользовалось		Итого	Умерло
	В больнице	В лазарете		
Нервные болезни	15	12	27	-
Мышечный ревматизм	-	11	11	-
Хронические сыпи	4	5	9	-
Воспаление подкожной клетчатки	25	12	37	-
Болезни глаз	5	12	17	-
Болезни уха	3	12	15	-
Воспаление надкостной плевы	-	3	3	-
Перелом	-	1	1	-
Костоед	4	12	16	-
Сочленовный ревматизм	20	5	25	-
Золотуха	7	1	8	-
Анемия	-	2	2	-
Тиф	3	-	3	-
Дизентерия	7	-	7	-
Бугорчатка	4	-	4	-
Чесотка	1	-	1	-
Малокровие	9	-	9	-
Раны и ушибы	9	-	9	-
Худосочные язвы	2	-	2	-
Ожоги	2	-	2	-
Итого	320	381	701	-

Самым распространенным заболеванием в семинарии являлась малярия. Правление духовной школы старалось бороться с распространением болезни, а главное, не допускать летальных исходов. Смертельные случаи в Воронежской семинарии являлись редкостью.

Несмотря на успехи в деле образования, в 1906 г. в рамках опросов, проводимых Учебным комитетом при Синоде, большинство членов преподавательской корпорации Воронежской семинарии, возглавляемое ректором протоиереем Василием Борисоглебским, высказалось за коренное преобразование строя духовной школы. По их мнению, богословские классы семинарии следовало превратить в особое учебное заведение православного ведомства, а первые четыре класса приравнять к гимназии. Как уже было показано выше, многие семинаристы не желали по окончании семинарии поступать в духовные академии и идти по стопам своих отцов, то есть принимать священный сан. Часть выпускников старалась выйти в светское звание. Для этого администрация Воронежской семинарии предлагала отделить богословские классы (учиться в которых могли те, кто хотел

получить специальное образование, необходимое для дальнейшего церковного служения) от первых четырех общеобразовательных классов, после окончания которых выпускники могли поступать в светские вузы, как это делали выпускники гимназий. Такая точка зрения была вызвана серьезными внутренними проблемами школы (прежде всего революционными волнениями учащихся, см. §3 главы III). Однако некоторые преподаватели выражали на этот счет свое особое мнение (см. приложение 4). В частности, преподаватели Георгий Можаров, Петр Иванов, Иван Филоновский полагали неправильным отделение богословских классов и превращение их в отдельное учебное заведение. Это подрывало саму суть семинарий – учебных заведений, призванных прежде всего готовить будущих пастырей церкви.

Помимо духовной семинарии в Воронежской епархии существовало четыре духовных училища. Самым многочисленным по количеству учеников было Воронежское училище. Духовные училища представляли собой своего рода подготовительные учебные заведения, закончив которые, воспитанники могли продолжить обучение либо в гимназии, либо в семинарии. Многие выпускники, не желавшие продолжать обучение, по выходе из училищ оставались служить в церкви на псаломнических и дьяконских должностях. Как можно убедиться из таблицы 13, бóльшая часть учеников данных учебных заведений также были выходцами их духовного сословия.

За указанные в таблице годы процент выходцев из духовного сословия составлял: в Воронежском духовном училище – 83%, в Бирюченском духовном училище – 80%, в Павловском духовном училище – 78%, и лишь в Задонском духовном училище – 44%. Задонское училище в этом отношении считалось особенным, так как оно оказывало значительное влияние на все население уезда.

Таблица 13

Социальный состав учащихся духовных училищ Воронежской епархии[400]

Учебный год	Воронежское училище			Бирюченское училище			Задонское училище			Павловское училище		
	детей духовенства	иносословных	всего	детей духовенства	иносословных	всего	детей духовенства	иносословных	всего	детей духовенства	иносословных	всего
1896-1897	335	73	408	135	24	159	51	50	101	187	18	205
1899-1900	319	84	403	130	27	157	26	84	110	173	32	205
1905-1906	289	19	328	127	10	137	53	22	75	-	-	199
1910-1911	295	66	361	154	62	216	55	73	128	216	56	272
1912-1913	324	65	389	155	52	207	45	66	111	187	100	287

Когда в 1911 г. здание Задонского духовного училища оказалось непригодным для обучения, то подняли вопрос о его переводе в город Воронеж. Местные власти в лице Задонской городской управы выступили категорическими противниками подобного решения, так как «оно (то есть училище) является единственным подготовительным училищем для перехода в средние учебные заведения как духовные, так и гражданские, в которое многие жители города Задонска и его уезда стремятся определить своих детей, и, благодаря этому единственному лучшему в Задонске училищу, многие из детей жителей города – разночинцев (не духовных), окончивших в нем успешно курс, получали возможность переходить в средние и высшие духовные учебные заведения и оканчивали курс с правами на священников, а некоторые пройдя академию и выше»[401].

[400] РГИА Ф. 802. Оп. 10. (Разд. I) Д. 9. Л. 20 об.; Оп. 10 (Разд. IV) Д. 9. Л. 9; Оп. 10. (Разд. X) Д. 8. Л. 9 об; Оп. 15. Д. 235. Л. 11.; Д. 680. Л. 1.

[401] ГАВО. Ф. И-21. Оп.1. Д. 1818. Л. 10.

Обучение в училищах обходилось недешево. Плата за проживание в общежитиях духовных училищ была также довольно значительной. В 1910-11 учебном году она составляла в Воронежском училище – 90 руб. за год, в Задонском – 70 руб. для выходцев из духовного сословия и 80 руб. для иносословных. Сверх того все воспитанники вносили по 3 руб. ежегодно на обеспечение постельным бельем[402].

Приоритет при зачислении в училища (в том числе и епархиальное женское) отдавался тем детям, родители которых не имели достаточных средств к существованию. Малоимущие священнослужители или их родственники могли написать прошение с просьбой о зачислении сыновей на казеннокоштное обеспечение. В ГАВО сохранились примеры таких прошений. В 1905 г. вдова священника Сысоева писала на имя наставника Воронежского епархиального училища: «Покорнейше прошу принять моего сына Даниила Сергиева в училище. Находящийся в настоящее время при матери, не имея отца уже пять лет, не оставьте без внимания моей просьбы. Средств я не имею, а воспитать мальчика нужно»[403].

Священник Архангельской церкви села Верхне-Боровая Потудань Нижнедевицкого уезда Григорий Милованов обращался в Воронежское епархиальное женское училище с просьбой зачислить его дочь на епархиально-коштное содержание, «ввиду того что у меня уже трое детей учатся на мои средства, не получая ниоткуда никакого пособия, а также и потому, что я состою на службе в очень маленьком и бедном приходе»[404].

В рамках программы духовных училищ учащиеся изучали следующие предметы: Священную историю Ветхого и Нового Заветов, катехизис, Закон Божий, церковное пение, объяснение богослужения, русский, церковно-славянский, греческий и латинский языки, русскую церковную и гражданскую истории, арифметику, географию, природоведение, чистописание и черчение[405]. Кроме того,

---

[402] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 235. Л. 16 об.
[403] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 3. Д. 66. Л. 16.
[404] Там же. Л. 17.
[405] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 680. Л. 1 об.

программа предусматривала возможность проведения дополнительных предметов, сообразуясь с местными условиями и возможностями (своего рода региональный компонент). Так, например, в 1912-1913 учебном году в Павловском и Бирюченском духовных училищах юноши обучались «гимнастике и военному строю», а в Павловском – столярному делу, так что «к концу года многие из обучавшихся могли похвастаться своими изделиями в виде столов, шкатулок, этажерок и табуреток»[406].

Каждое училище имело свою библиотеку не с очень большим, но вполне достаточным для успешного усвоения курса, запасом книг (см. таблицу 14).

Таблица 14

Количество книг в фундаментальных библиотеках духовных училищ Воронежской епархии за 1910-1911 учебный год[407]

Название училища	Количество томов книг	Количество томов периодических изданий
Воронежское	1 138	973 (журналы)
Бирюченское	1 772 в 1 135 названиях	669
Павловское	1 719	-
Задонское	2 228 томов в 1 228 отдельных названиях	-

Несмотря на то что священноначалие старалось следить за отбором преподавательского состава в училища, уровень обучения в них оставлял желать лучшего. В таблице 15. приводятся сведения о преподавателях трех из четырех училищ.

Таблица 15

Преподавательский состав духовных училищ Воронежской епархии за 1896-97 уч. год[408]

Название училища	Количество преподавателей			
	с семинарским образованием	с академическим образованием	с университетским образованием	Всего
Воронежское	6	8	1	15
Бирюченское	4	3	1	8

[406] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 680. Л. 1 об.
[407] Там же. Д. 235. Л. 12 об.
[408] Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 39.

Название училища	Количество преподавателей			
	с семинарским образованием	с академическим образованием	с университетским образованием	Всего
Задонское	2	5	-	7

Как видно, многие из педагогов имели не только семинарское, но и академическое образование, но общее число преподавателей являлось недостаточным для формирования успешного процесса обучения. Воронежскими преосвященными отмечался низкий уровень подготовки учеников училищ, часто отличавшийся механическим зазубриванием материала, что, безусловно, не было достаточным для дальнейшего обучения в семинарии или гимназии. Ревизии духовных училищ зачастую показывали элементарное непонимание учениками положенного по программе материала. Ректор Воронежской семинарии протоиерей Алексей Спасский, в 1897 г. инспектировавший Павловское духовное училище, отмечал, что по арифметике в ответах учеников наблюдалась неспособность произвести простейшие действия. «Ученик очень твердо отвечающий, когда нужно обратить смежную дробь в простую, начинает сбиваться, как только ему предложат показать это на примере. К новым, то есть не решавшимся задачам, ученики приступают робко, ведут дело недовольно сознательно и поэтому редко успешно, даже и те задачи, которые проработали в течении года»[409]. Приблизительно такие же результаты ученики демонстрировали и по одному из основных предметов – Закону Божию. Далеко не идеально обстояли дела и со светскими предметами гуманитарного профиля. По русскому языку отмечалось неумение воспитанников училищ употреблять в письменной речи знаки препинания. «В Задонском училище встречаются грубые ошибки относительно переноса частей слова из одной стороны в другую, относительно употребления буквы ѣ, мягкого знака перед «-ся» в неопределенном наклонении»[410].

[409] РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 9. Л. 43.
[410] Там же. Л. 43 об.

Одной из причин не вполне успешного усвоения программы учащимися училищ являлось плохое санитарное состояние данных учебных заведений. В том же 1896-97 учебном году число больных детей (в основном малярией) составляло: в Воронежском училище – 123 (пропустивших по болезни в общей сложности 3 566 уроков, то есть по 30 на каждого ученика); в Павловском – 162 (пропустивших по болезни в общей сложности 6 232 урока, то есть по 38 на каждого ученика); в Бирюченском 353 (пропустивших по болезни в общей сложности 4 752 урока)[411]. Удовлетворительными в санитарном отношении признавались лишь Воронежское и Задонское училища, но и в них число пропущенных по болезни уроков было значительным.

За дисциплиной в духовных училищах следили инспекторы. В целом в отчетах отмечалось, что нарушения порядка учениками не носили злого умышленного характера (см. таблицу 16).

Таблица 16

Ведомость о нарушении дисциплины учащимися духовных училищ Воронежской епархии за 1910-11 учебный год[412]

Проступки	**Количество случаев**			
	Воронежское училище	**Бирюченское училище**	**Павловское училище**	**Задонское училище**
Нарушение тишины и порядка во время уроков	19	3	В отчете Павловского училища сказано, что все поименованные проступки 21 вида наблюдались среди учеников, но в скольких случаях	9
Нарушение тишины и порядка во время промежутков между уроками	4			
Нарушение тишины и порядка в столовой	16	7		6
Нарушение тишины и порядка во время вечерних занятий	3	18		-
Нарушение тишины и порядка в классе	6	5		-
Неблагоговейное стояние во время богослужений и во время утренних и вечерних молитв	11	12		-
Уклонение от посещения богослужения и молитв	-	5		-

[411] РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 9. Л. 42 об.
[412] Там же. Оп. 15. Д. 235. Л. 14 об.

Проступки	Количество случаев			
	Воронежское училище	Бирюченское училище	Павловское училище	Задонское училище
Отсутствие на уроках без уважительных причин	6	-	встречается каждый отдельный проступок в отчете не сказано	-
Запаздывание на уроки	-	-		-
Неисполнение приказаний преподавателей и надзирателей	3	3		1
Неисправность в исполнении домашних письменных работ	8	-		-
Отсутствие без разрешения из училищного общежития	21	4		-
Самовольные отлучки из квартиры во время занятий	-	4		2
Грубость по отношению к товарищам	20	23		3
Грубость по отношению к прислуге	10	-		-
Сквернословие	7	5		-
Порча чужих и казенных вещей	10	-		-
Присвоение чужих вещей	7	3		2
Табакокурение	1	6		-
Игра в карты	1	-		-
Упорная лень	4	-		5

Главным недостатком воспитанников духовных училищ, толкавшим их на нарушение дисциплины, была, судя по сохранившимся отзывам инспекции, лень. Самым неблагонадежным в этом отношении являлось Задонское училище, где леность «находит себе особенный простор, ввиду недостаточности надзора»[413]. Особых случаев нарушения дисциплины наставники не отмечали. Лишь в 1910 г. педагогический персонал Бирюченского духовного училища не на шутку встревожился, так как два ученика сбежали и на некоторое время пропали без вести. Позже их нашли. Как выяснилось, они решили сбежать из училища для того, чтобы посетить достопримечательности Крыма и Кавказа[414].

С целью подготовки образованных псаломщиков и преподавателей закона Божьего в церковно-приходских школах в Воронежской епархии в 1910 г. откры-

[413] РГИА Ф. 802. Оп. 15. Д. 235. Л. 18 об.
[414] Там же. Л. 15.

лась двухгодичная псаломническая школа. Для школы выделили помещение в здании Акатова монастыря.

Программа школы включала в себя дисциплины, необходимые церковнослужителю для исполнения своих богослужебных обязанностей, а также для участия в просветительской деятельности прихода в качестве законоучителя (см. таблицу 17).

Таблица 17

Расписание дисциплин двухклассной псаломнической школы[415].

Название предмета	Количество уроков	
	Первый класс	Второй класс
Церковный устав	2	2
Православный катехизис	2	2
Чтение избранных мест Священного Писания	2	2
Церковно-славянский язык	2	2
Русский язык	3	3
Краткая русская история церковная и гражданская с прибавлением сведений из географии	3	3
Арифметика	2	2
Одноголосное церковное пение	8	–
Основные положения гармонии и элементарная теория музыки	2	2
Хоровое гармоническое пение	–	7
Церковное письмоводство и канонические правила, необходимые для низших клириков	–	1
Всего	26	26

Помимо специальных учебных заведений в 1911 г. в Воронежской епархии указом архиепископа Анастасия при семинарии начала действовать специальная комиссия для проверки знаний у кандидатов, желавших поступить на дьяконские вакансии, но не имевших при этом семинарского образования. Председателем комиссии назначался ректор семинарии. Во время экзаменов в обязательном порядке присутствовал представитель от духовной консистории[416]. Это еще раз свиде-

[415] Устав псаломнических школ // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 186-187.
[416] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2445. Л. 13.

тельствует о стремлении священноначалия дать будущим клирикам максимально возможные навыки.

Для обучения дочерей священно-церковнослужителей в городе Воронеже в рассматриваемое время так же имелось особое учебное заведение – епархиальное женское училище. Оно было открыто старанием архиерея Серафима (Аретинского) в 1865 г. Начальницей училища избрали выпускницу Смольного института Надежду Алексеевну Колодкину[417].

Срок обучения в училище составлял шесть лет. В первый класс могли поступать девочки не моложе 9 лет[418]. Совет училища состоял из избираемых на трехлетний срок двух представителей от духовенства, начальницы и инспектора классов[419].

В программе женского училища имелись самые разные предметы как гуманитарного, так и естественного профилей (всеобщая и русская истории, Библейская история, катехизис, география, словесность, чистописание, педагогика, рукоделие, рисование, физика, геометрия, арифметика музыка, пение и др.)[420]. Особое внимание педагогического персонала женского училища уделялось развитию устной и письменной речи воспитанниц. Девицам старших классов давались так называемые срочные письменные сочинения (срок написания с момента получения темы от 9 до 11 дней) по всем предметам, за исключением арифметики и геометрии[421]. Преподаватели старались формулировать проблемные темы, заставлявшие учениц не только пересказывать на бумаге прочтенный материал, но и демонстрировать логику и рассуждение[422]. Для развития педагогических навыков воспи-

---

[417] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 165. Л. 3.
[418] Устав епархиальных женских училищ. Пенза. 1880. С. 47.
[419] Там же. С. 13.
[420] Там же.
[421] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 165. Л. 8 об.
[422] В качестве примера ниже приводятся темы, предложенные воспитанницам по гражданской истории и физике в 1892-1893 учебном году. По гражданской истории: в IV классе: а) Жизнь Кира и его завоевания; б) Демосфен – знаменитый греческий оратор; в V классе: а) Отношения Филиппа IV Красивого и Папы Бонифация VIII; б) Влияние Монгольского ига на русскую народную жизнь; в VI классе: а) Следствия открытия Америки; б) Детство и воспитание Петра

танниц при епархиальном женском училище имелась образцовая церковно-приходская школа. Девицы старших классов проходили в этой школе своеобразную педагогическую практику[423].

Расписание занятий предполагало достаточно серьезную работу девиц. Пять дней в неделю воспитанницы всех классов училища имели по три урока. Первый урок начинался в 8.30 утра, последний заканчивался в 11.55. Между занятиями делались перерывы: после первого урока – 10 минут, после второго – 15 минут. Расписание несколько изменялось в дни Великого Поста. В среду и пятницу, то есть в дни совершения литургии преждеосвященных Даров в училищной церкви, уроки начинались в 9.15 утра (после богослужения), а оканчивались в 11.40, с промежутком между уроками в 10 минут[424]. Работать епархиальное женское училище начинало, как правило, с 16 августа, причем до 25-27 августа проходили приемные испытания и переэкзаменовки, а с 27 августа начинались собственно учебные занятия[425].

Желающих отдать своих дочерей в училище было очень много. Казенно-коштных мест не хватало. В 1871 г. казеннокоштных мест числилось 31, подавших на них прошения составляло 72 человека. В таком случае при равных условиях кандидаток училищный совет выбирал будущих учениц по жребию[426].

В 1873-1874 учебном году число воспитанниц всех классов равнялось 199 (185 – духовного сословия, 14 – светского звания)[427]. По состоянию на 1892-1893 учебный год количество обучавшихся девиц доходило уже до 291 (290 из духовного сословия и лишь одна ученица из светского звания)[428]. В том же году на полном церковно-коштном содержании находилось 120 учениц, на половинном 2 и

Великого. По физике: в VI классе: а) Отчего происходит различие звуков? б) Чем электричество похоже на вещество? см.: РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 165. Л. 9 об.

[423] ГАВО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

[424] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 165. Л. 7.

[425] Там же. Д. 5. Л. 65.

[426] От совета Воронежского епархиального женского училища // Воронежские епархиальные ведомости. 1871. № 15. С. 656.

[427] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 5. Л. 11 об.

[428] Там же. Д. 165. Л. 6 об.

на полном своем содержании – 146 девиц (с обязательной платой за стол и одежду по 100 рублей в год и по 4 рубля за чай с белым хлебом)[429].

За поведением учениц строго следили воспитательницы, число которых соответствовало количеству классов. В отчете училища за 1873-1874 учебный год работа воспитательниц описана следующим образом: «Они находились постоянно при воспитанницах с утра до отхода их ко сну, надзирая за ними в классах, в столовой, в спальнях… Они обучали воспитанниц рукоделию и под их же руководством воспитанницы готовили уроки к следующему дню»[430].

Ввиду того что абсолютное большинство девиц происходило из духовного сословия, а значит, вероятнее всего, стало бы матушками, большое значение придавалось их религиозно-нравственному воспитанию. Для этого начальница епархиального училища каждые два месяца предоставляла в епархиальный училищный совет отчет о поведении своих подопечных. По словам начальницы Воронежского училища, «в нравственном воспитании главным руководством было постоянное внушение – охотно и ревностно исполнять свои обязанности пред Богом и ближними, напоминание воспитанницам, что как девочки они в особенности должны быть скромны, кротки, послушны, миролюбивы, дружелюбны и смиренны»[431].

Во все воскресные и праздничные дни ученицы посещали общественное богослужение. Обязательным являлось присутствие на совместных утренних и вечерних молитвах. В Воронежском женском училище существовал обычай. За 30 минут, а иногда и за 1 час до начала службы, девушки собирались в храме для того, чтобы выслушать читаемый преподавателем отрывок либо из Священного Писания, либо из сочинений Святых Отцов. По отзывам администрации учебного заведения, такая практика положительно влияла на духовное расположение питомцев, приобщая их к высокой богословской культуре христианства[432].

---

[429] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 165. Л. 6 об.
[430] Там же. Д. 5. Л. 10.
[431] Там же. Л. 8.
[432] Там же.

Тот факт, что духовному воспитанию учениц уделялось значительное внимание, способствовал достаточно спокойному преодолению тревожного времени революции 1905-1907 гг. Воспитанницы не участвовали в активных политических выступлениях, заговорах. Однако некоторые случаи непослушания замечены были. По данным училищной администрации за 1905-1906 учебный год, «тревожное время, переживаемое учащимися города Воронежа в некоторой степени отразилось и на поведении воспитанниц училища. По примеру других учащихся и они отдали дань духу времени, в некотором количестве выраженную в неосновательных протестах и требованиях. Проявления же злой воли и неповиновения училищной дисциплине у воспитанниц не замечалось»[433].

Епархиальное начальство старалось заботиться о воспитании будущих матушек. Вопрос выбора супруги в жизни семинариста – будущего священника, представлял важное значение. Архиепископ Анастасий неоднократно в беседах с учащимися семинарии советовал не делать поспешных шагов в столь ответственном деле – выборе матушки. Как отмечалось в одном из отчетов семинарии, «владыка убедительно просил воспитанников по возможности избегать браков с лицами светского происхождения, так как они по условию своего домашнего и школьного воспитания далеко не всегда соответствуют характеру и задачам деятельности православного пастыря»[434].

Уделялось внимание и обустройству быта учениц. При здании училища имелась баня, которую воспитанницы посещали раз в две недели. Стол состоял из трех блюда на обед и двух на ужин. К тому же предусматривался утренний и вечерний чай, обязательно с белым хлебом[435].

Утонченное обучение и воспитание, которое предоставляло воспитанницам епархиальное женское училище, вызывало у некоторых жен священнослужителей долю скептицизма. На страницах «Воронежских епархиальных ведомостей» возникла даже своего рода заочная полемика между матушками. Одна из них, дьяко-

[433] РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 5. Л. 27 об.
[434] Там же. Оп. 10 (Разд. IV). Д. 9. Л. 18.
[435] Там же. Оп. 15. Д. 5. Л. 28.

ница М. Белявская, выражала сомнение в целесообразности столь обходительного, тепличного характера воспитания будущих матушек. По мнению Белявской, выпускницы женского училища были обречены на разочарования в жизни, самым главным из которых, по ее мысли, являлся выбор будущего супруга. «Все хорошо, что обучают девиц разным книжным наукам, но что будет с девицами, особенно с сиротами, с настоящим образованием, когда они выйдут из училища? Как бедные не выйдут они в замужество за таких, которые обеспечили бы их будущность. Они должны быть за нашими причетниками и не более, как за дьяконами, или вообще за недостаточными людьми»[436].

К тому же, по словам Белявской, предметы, преподаваемые в учебном заведении не слишком могли помочь в сельской местности, где предстояло проходить служение подавляющему большинству будущих мужей выпускниц училища. Вместо бесполезных для православной матушки арифметики и истории девицам из духовного звания, по глубокому убеждению дьяконицы, следовало изучать «кухонное дело.., ознакомиться с уходом за скотом, знать сколько нибудь птицеводство, огородничество и вообще все домашние обиходы»[437]. Именно на приобщение к тяжелой деревенской жизни должны были настраивать выпускниц преподаватели Воронежского епархиального женского училища. «Поможет ли ей грамматика? Грамматику знай, а есть надобно; по арифметике считать будет нечего, если не умеешь и не будешь работать; а география книжная тоже не научит хозяйству, а задаст только горечи сердцу, что в других государствах есть учреждения для образования ума и есть учреждения, где учат, как питать и согревать плоть свою»[438].

Мнение о «ненужности» некоторых предметов высказывалось клириками епархии. Дьякон Муравлянский даже написал на этот счет сомнительное с литературной точки зрения стихотворение:

---

[436] Белявская М. Воронежское училище девиц духовного звания // Воронежские епархиальные ведомости. 1869. № 3. С. 98.
[437] Там же. С. 99.
[438] Там же. С. 100.

Так, если жить ей за дьячком
И может быть в худом приходе;
Когда ж вязать таким крючком
Когда ей шить по новой моде?
…По канве ли, по атласу
Ей шелком штуки мастерить?
Когда на ужин нету квасу
И завтра нечего сварить.
От скуки разве от безделья –
Идет такое рукоделье[439].

На предложенный Белявской и дьяконом Муравлянским в высшей степени странный подход к обучению откликнулась другая матушка – жена священника села Богословского Воронежского уезда М. Владимирова. В ответной статье она опровергала предложенный Белявской взгляд на воспитание девиц духовного звания. Владимирова полагала, что именно хорошее утонченное образование жен клириков позволяло привить их мужьям чувство прекрасного, хорошие манеры и т. п. Со свойственной женщинам солидарностью по отношению к мужчинам, она утверждала, что не материальные трудности являлись главными недостатками духовных лиц, а «нравственная бедность»[440]. По-настоящему образованные матушки могли оказывать на своих мужей, особенно из низших церковных должностей – причетников, самое положительное влияние. «Образованная женщина не позволит своему мужу пьянствовать с мужиками, бесчинствовать и делать всякие гадости»[441].

Конечно, позиции матушек представляют собой два крайних подхода по отношению к вопросу о положении женщин из духовного сословия, но вместе с тем

---

[439] Еще об Епархиальном женском училище (по поводу статьи дьякона Муравлянского) // Воронежские епархиальные ведомости. 1870. № 3. С. 121.
[440] Замечания по поводу суждения дьяконицы Белявской о Воронежском училище девиц духовного звания // Воронежские епархиальные ведомости. 1869. № 7. С. 284.
[441] Там же. С. 285.

свидетельствуют о наличии в среде духовного сословия разных взглядов на проблему образования девиц духовного звания.

В целом, епархиальное женское училище имело большую популярность среди духовенства. Как совершенно справедливо замечал П. В. Никольский, епархиальное женское училище являлось не просто образовательным учреждением, но «благотворительно-образовательным, так как оно дает дешевое или бесплатное образование сиротам и детям бедного духовенства и в этом образовании оканчивающие курс училища получают более или менее обеспеченный кусок хлеба, так как обычно занимают места учительниц церковных и земских школ»[442]. Ежегодно более 500 выпускниц епархиального женского училища принимались на должности учительниц земских и церковно-приходских школ[443].

Потребность в предоставлении дочерям священно-церковнослужителей образования в Воронежской епархии была настолько велика, что помещения и возможностей епархиального училища не хватало. На пастырских собраниях духовенство неоднократно выступало с предложениями об открытии филиала женского училища и даже о создании еще одного[444]. Однако планы, как известно, так и не воплотились в жизнь.

Представленный материал со всей очевидностью свидетельствует, что в Воронежской епархии образованию священно-церковнослужителей уделяли самое серьезное внимание. Семинария, четыре мужских духовных училища и епархиальное женское училище, а также специальные учебные заведения и курсы способствовали получению вполне достойного образования. Неспроста духовенство являлось одним из самых образованных сословий Российской империи.

Выводы по главе. Вторая половина XIX – начало XX века – время значительных перемен в жизни Российского государства. Преобразования, инициро-

---

[442] Никольский П. В. О положении Епархиального женского училища // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 3. С. 146.
[443] Никольский П. В. О положении Епархиального женского училища // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 3. С. 146.
[444] Там же. С. 143.

ванные правительством императора Александра II, оказали значительное влияние на положение всех сословий империи. Не было исключением и духовенство. Власть видела в церкви свою опору, призванную освящать традиционные для страны монархические устои, основанные на триединой, идеологически выверенной формуле – «Православие, Самодержавие, Народность». В рамках реформ 60-70-х годов XIX века с целью повышения статуса священно-церковнослужителей, улучшения их материального положения, предусматривалось осуществление целого ряда мер по изменению социального облика духовного сословия. Начало было положено формальным разрушением сословной замкнутости служителей церкви. В ходе преобразований правительство императора Александра II пыталось изменить правовое положение клириков. Власти упразднили формальную замкнутость духовного сословия, предоставив право свободного вступления и выхода из него. Однако, вопреки ожиданиям, оно продолжало оставаться замкнутым по причине исторической и социальной обособленности российских священнослужителей.

Официально духовенство считалось привилегированным сословием. На самом же деле, несмотря на предоставленные законодательством права и привилегии, правовое положение клириков имело ряд существенных недостатков. Светские и церковные источники права переплелись в Своде Законов Российской империи, не всегда гармонично сочетаясь, а иногда и исключая друг друга.

Материальное положение приходских священно-церковнослужителей, несмотря на организованную правительством работу Особого присутствия для улучшения быта православного духовенства, оставалось явно неудовлетворительным. В конце XIX – начале XX века средний доход рядового иерея Воронежской епархии со всех источников составлял 450 руб. в год, дьякона – 300 руб. в год, псаломщика чуть более – 150 руб. в год. Подобные суммы не могли покрыть потребности духовенства, традиционно имевшего большие семьи. Многие духовные лица выражали недовольство сложившимся положением дел. Правительство не предпринимало никаких кардинальных шагов к изменению ситуации.

Помимо исключительно финансовых проблем духовенство в своей повседневной практике сталкивалось и с трудностями социально-психологического характера. Платы за требы имели доброхотный характер, а значит, вознаграждение за их совершение не закреплялось никакими правовыми нормами. Священникам нередко приходилось унижаться, прося крестьян заплатить достойную сумму за совершенные требы. Прихожане, в свою очередь, понимая зависимость клириков, старались торговаться, снижать цену. Все это приводило к возникновению между священниками и верующими напряженных отношений, сопровождавшихся подозрительностью и недоверием. У духовенства имелись и другие источники материального обеспечения, такие как землевладение, проценты с причтовых капиталов, жалованье. Однако доля последних в формировании семейных бюджетов клириков была несущественной.

Для поддержки малоимущих священнослужителей и их семей в Воронежской епархии создали особую эмеритурную, то есть пенсионную, кассу духовенства. Появление эмеритуры сопровождалось длительными спорами, вызванными целым рядом финансовых проблем: отсутствием действенных источников финансирования, нежеланием клириков вносить свои личные средства и др. В итоге всех споров в 1899 г. Святейший Синод одобрил создание пенсионной кассы духовенства. Но работа кассы в рассматриваемый период полноценно так и не была налажена. В целом почти все клирики жаловались на свое материальное положение, что со всей очевидностью проявилось как в рамках опросов Особого присутствия по делам православного духовенства в 60-х гг. XIX века, так и в ходе обсуждений церковных преобразований в первое десятилетие XX века.

Несмотря на трудности в материальном обеспечении, воронежское священнослужители старались дать своим детям, некоторые из которых так же становились на путь служения церкви, хорошее образование. Для этого в епархии действовали: семинария, четыре мужских и одно женское духовные училища, а также несколько специальных курсов. Почти все клирики имели среднее духовное образование, некоторые высшее академическое.

Социально-экономическое и правовое положение приходского духовенства Воронежской епархии претерпело определенные изменения, но это кардинальным образом не повлияло на общественный статус духовного сословия. Оно по-прежнему оставалось недостаточно обеспеченным, лишенным должной правовой поддержки, вынужденным порой забывать о своем высоком призвании с целью прокормить себя и свои семейства. Забитость, тяжелые экономические условия, чрезмерная зависимость клириков от своих прихожан приводили к нежеланию сыновей священнослужителей продолжать служение церкви. Это, в свою очередь, свидетельствовало о кризисных процессах, постигших Российскую православную церковь в рассматриваемое время.

ГЛАВА II. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ЕПАРХИИ

§1. Деятельность на поприще народного образования

На протяжении всей истории христианства со стороны наиболее авторитетных отцов и учителей церкви особое внимание уделялось не только проблемам, связанным с духовными аспектами жизни человека, но и вопросам интеллектуального развития личности. По мысли некоторых христианских философов, верующим христианам не следует отвергать пользы и значения, которое несет в себе изучение светских наук. Один из наиболее выдающихся святых и христианских мыслителей пятого века святитель Григорий Богослов в Слове на погребение своего друга, не менее известного святого Василия Великого, поучал: «Полагаю же, что всякий, имеющий ум, признает первым для нас благом ученость, и не только эту благороднейшую нашу ученость, которая презирая все украшения и плодовитость речи, берется за единое спасение и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внешнюю, которой многие из христиан, по худому разумению, гнушаются, как злоискусной, опасной и удаляющей от Бога… Поэтому не должно унижать ученость, как рассуждают некоторые; а напротив, надо признать глупыми и невеждами тех, которые, придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе…»[445]. Как видно из вышеприведенных слов, святитель Григорий Богослов заповедовал не только не уклоняться от светских наук, но и осуждать тех, кто учит о вреде «внешней учености». Христианская церковь внесла огромный вклад в просвещение европейских народов не только «светом евангельского учения», но и посредством развития и распространения философских и естественных наук.

Не менее значимым было влияние православной церкви на распространение грамотности среди народов России. Особенно активно деятельность Российской

---

[445] Григорий Богослов, свят. Слово 43. Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской. – URL: http://www.orthlib.ru/GregoryNazianzen/ basil.htm

православной церкви на поприще народного образования проявилась после реформ Александра II, одной из задач которых (в частности, церковной реформы) являлось усиление роли духовного сословия в деле просвещения крестьянского населения империи[446]. Приходское духовенство Воронежской епархии, будучи составной частью Российской церкви, естественно, не осталось в стороне от поставленных задач, деятельно участвуя в распространении образования среди своей паствы, жителей Воронежской губернии.

Виды деятельности, посредством которых приходское духовенство Воронежской епархии выполняло свое просветительское служение, были различными. Это и создание церковно-приходских школ и школ грамоты, организация внебогослужебных собеседований, встреч, просветительских вечеров с использованием световых картинок, борьба с ересями, заблуждениями и грубым невежеством непросвещенного народа.

Одной из наиболее плодотворных сфер просветительской деятельности являлось, безусловно, широкое создание церковно-приходских школ. Церковные школы на Руси имелись всегда. Чтение, научение, да и вообще, некоторого рода интеллектуальное напряжение является неотъемлемым компонентом религиозной жизни ревностных христиан. Однако не секрет, что на протяжении всей истории Российской империи подавляющее большинство населения оставалось неграмотным. Начало к изменению ситуации положили реформы 60-70-х гг. XIX века. Превращение России в современную сильную державу, способную достойно ответить на внешние вызовы, преодолеть унижение Парижского мира, завершившего неудачную для страны Крымскую войну, невозможно было без создания жизнеспособной экономики. Ее модернизация требовала повышения грамотности населения. Забота о развитии народного образования возлагалась в первую очередь на земства, активно приступившие к созданию начальных народных школ. Духовенство, являвшееся одним из наиболее образованных сословий Российской империи, также рассматривалось правительством как сила, которая могла и должна

[446] Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. Москва, 1999. С. 238.

была взять на себя одну из основных ролей в деле повышения уровня народного образования.

12 июля 1884 г. Святейший Синод издал указ о создании во всех епархиях Российской православной церкви (кроме Рижской и Великого княжества Финляндского) церковно-приходских школ. При этом, как отмечалось в указе, задачей таких школ было «воспитывать в детях страх Божий, преподавать им знание веры, вселять в их сердца любовь к Святой Церкви и преданность Царю и Отечеству»[447].

Ярким свидетельством практически полностью отсутствовавшего среди крестьян просвещения является прошение священника Дмитриевской церкви села Богоявленского Землянского уезда Антония Алферова об открытии церковно-приходской школы. В прошении за 1895 г. клирик указывал причину, по которой следовало обратить самое пристальное внимание на развитие народного образования: «Детей школьного возраста обоего пола до 150 душ. На всю деревню один безграмотный писарь, в религиозном отношении школа тем более необходима: не только малый, но и старый не может прочитать правильно и с пониманием хотя бы краткой молитвы, а о дальнейшем и говорить нечего, что уже много проверено на практике»[448].

Большинство крестьянского населения не имело совершенно никакого представления даже об основах христианского вероучения. Клирик слободы Бутурлиновка Капитон Казьмин жаловался: «До какой степени были малосведущи – это видно из того, что большая часть из них не знала ни одной молитвы, не имела правильного понятия о Боге и Иисусе Христе… Тьма была беспросветная и нужно было много усилий со стороны законоучителей и учительниц, чтобы разогнать эту тьму»[449].

---

[447] Завьялов А. А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867-1900 гг. Санкт-Петербург, 1901. С. 191.
[448] ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 4. Л. 216.
[449] Казьмин Капитон, свящ. Воскресная школа в слободе Бутурлиновке // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 12. С. 544.

В народе были сильны непросвещенность и суеверия. Люди с легкостью поддавались слухам и религиозным предрассудкам. Характерным примером может служить слух, распространившийся в годы Первой мировой войны в уездах Воронежской губернии, связанный с ожиданием жителями пришествия антихриста. В ноябре 1916 г. в земской школе села Козловки Бобровского уезда произошел следующий случай. Среди жителей села стала распространяться информация о якобы поселившемся в селе «анчутке» (то есть антихристе), который собирался в скором времени ставить печати на лоб ученикам местной земской школы. Родители всерьез обеспокоились. Мать одного из учеников земской школы, крестьянка Малахина, пришла в училище и заявила преподавательнице о намерении забрать домой своего ребенка, так как «по училищу будет ездить анчутка и прикладывать печать ко лбу учеников»[450]. Учительница пыталась разубедить крестьянку, но безуспешно. Малахина вышла из школы и стала обсуждать «совместно с собравшимися товарищами ужасы предстоящего клеймения детей»[451].

По прошествии некоторого времени в школу ворвалось крестьяне. Один из них, размахивая палкой, закричал: «Ребята, убегайте из школы!» В школе началась паника. Шокированные происходящим ученики, не успев даже надеть на голову шапки (был конец ноября), стали выбегать на улицу. Вскоре в школу прибыла «подмога» в лице группы матерей остальных учащихся. Женщины, не долго разбираясь и указывая на учительницу, начали кричать «Бей их!» Несчастный педагог избежал смерти только благодаря помощи прибывшей на место во главе со священником другой группы крестьян. В Богучарском уезде также распространялся слух о скором приходе антихриста в школу. «Слухам поверили многие женщины и, явившись в школы, забрали своих детей»[452].

Конечно, создание школ не являлось обязанностью одного духовенства. Основная инициатива в деле начального школьного образования находилась в руках земств. Число земских или народных школ постоянно росло. В 1868 г. в губернии

[450] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2751. Л. 20.
[451] Там же.
[452] Там же. Л. 20 об.

их насчитывалось 326, в 1870 – 337[453]. В 1909 г. всех народных школ в губернии числилось 1 913, в которых обучалось 155 907 учеников обоего пола[454]. Но земских школ, несмотря на наблюдавшийся их численных рост, явно не хватало. Не стоит забывать, что земская реформа, положившая начало созданию новых местных органов самоуправления, реализовывалась с 1864 г. Воронежское губернское земское собрание провело свое первое заседание лишь 1 декабря 1865 г. Работа по открытию начальных учебных заведений только разворачивалась. Ощущалась нехватка средств, помещений для школ, преподавательского состава. В 1893 г. в Воронежской губернии число детей в пригодном для обучения в низшей школе возрасте от 7 до 14 лет составляло 343 296 (и мальчиков и девочек), из них в земской школе обучалось лишь 47 358 человек, то есть 13%[455].

К тому же земские школы имели еще одну особенность, не очень нравившуюся властям и, конечно же, церкви. Архиепископ Анастасий (Добрадин) отмечал, что во многих земских школах вместо идей уважения к государству и православной вере распространялись идеи совершенно иного порядка. «Тлетворное влияние народной земской школы проявляется, конечно, не везде и не всегда, но все-таки во многих случаях. Есть немало учителей и учительниц этих школ, начитавшихся Толстого, Маркса и Дарвина и т. п., наслушавшихся лекций в народных университетах, которые считают долгом своей педагогической деятельности стоять, как они выражаются, выше предрассудков веры и нравственности и просвещать своих учеников познаниями вроде учения о происхождении человека от обезьяны»[456]. Правительство, понимая, с одной стороны, недостаточность общего количества земских школ, с другой – отмеченный выше характер образования, решило не оставлять без внимания церковно-приходских школ.

---

[453] Статистические сведения о народных школах Воронежской губернии // Воронежские епархиальные ведомости. 1871. № 3. С. 106.
[454] Обзор Воронежской губернии за 1909 г. Воронеж, 1910. С. 61.
[455] Отчет Воронежского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Воронежской епархии за 1893-1894 учебный год. Воронеж, 1895. С. 5-9 (далее – Отчет Воронежского епархиального училищного совета… за 1893-1894 учебный год…).
[456] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 21 об.

Приходское духовенство Воронежской епархии активно включилось в процесс создания церковно-приходских школ. Многие воронежские священнослужители со всей полнотой понимали значение и важность просветительской работы среди своих прихожан. Так, священник Василий Дроздов, как бы выражая чувства большинства пастырей, писал на страницах епархиальных ведомостей: «…мне самому приходилось испытывать неприятное чувство от того, что во время хождения по приходу, например с молитвой и проч., видишь, что мало пользы делаешь для просвещения народа. Прочтешь молитву малопонятную для народа, получишь за труды и идешь в другой двор. Хотелось бы сделать более что-либо для семьи, где бываешь, чем одно чтение молитвы»[457].

Деятельность по созданию церковно-приходских школ координировалась открытым 18 ноября 1884 г. Воронежским епархиальным училищным советом, имевшим свои отделения во всех уездах губернии[458]. Поначалу воронежский архиерей Серафим (Аретинский) и само духовенство приняли решение о создании церковных школ в тех местах, где не существовало земских школ. Впоследствии, учитывая то, что учителя земских школ, как отмечалось в одном из епархиальных отчетов, «зараженные идеями атеизма и анархизма позволяют себе систематически вытравливать все то, что законоучители успевают посеять в душах детей», церковно-приходские школы стали открываться везде, в том числе и там, где уже действовали народные школы[459].

Церковные школы, предназначенные для народного образования, делились на церковно-приходские и так называемые школы грамоты. Церковно-приходские школы представляли собой более основательные учебные заведения. Преподавание происходило в соответствии с определенной программой, весь учебный курс разделялся на несколько предметов, которые часто вели разные учителя. Священнослужители Воронежской епархии были сторонниками распространения более

[457] Дроздов В., свящ. Простое слово сельского пастыря // Воронежские епархиальные ведомости. 1890. № 12. С. 549.
[458] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 537.
[459] Попов И. К, свящ. Двадцатилетие церковно-приходских школ Воронежской епархии Нижнедевицкого уезда (1884-1909). Нижнедевицк, 1909. С. 8.

серьезных учебных заведений, то есть церковно-приходских школ. Но для их открытия по закону требовалось предоставление общественного приговора о желании сельского общества открыть и содержать подобные учебные заведения.

Не всегда священникам удавалось склонить крестьян к открытию да еще и содержанию учебных заведений за свой счет. Так, например, причт Вознесенской церкви села Избища Землянского уезда, в 1894 г. писал архиерею о том, что ему не удалось убедить крестьян (как уточнялось в письме, сильно пострадавших в неурожайные годы) в целесообразности открытия церковно-приходской школы в дополнение к земской. Поэтому священники в церковной караулке открыли школу грамоты (на создание которой по закону общественного приговора не требовалось)[460].

О том, что духовенство с энтузиазмом откликнулось на призыв властей создавать церковно-приходские школы, активно приступив к их повсеместному открытию, свидетельствуют следующие цифры: с 1884 по 1910 г. число церковно-приходских школ увеличилось с 54 до 634, то есть каждый год открывалось в среднем по 22 школы. Количество детей обоего пола, обучавшихся в том же 1910 г. составляло 42 151, то есть на каждую школу в среднем приходилось по 66 учеников[461]. Наглядно численный рост церковных школ представлен в таблице 18.

Таблица 18

Церковные школы Воронежской епархии с 1893 г. по 1911 г.[462]

Уезд	Количество школ							
	1893 г.				1911 г.			
	Церковно-приходские школы	Школы грамоты	Всего церковных школ	Число детей	Церковно-приходские школы	Школы грамоты	Всего церковных школ	Число детей
Бирюченский	21	30	51	1 693	66	1	67	4 148

[460] ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.

[461] Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1909-1910 уч. год. Воронеж, 1911. С. 5.

[462] Отчет Воронежского епархиального училищного совета… за 1893-1894 учебный год… С. 6, 12.; Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1909-1910 уч. год. Воронеж, 1911. С. 3–5.

Уезд	Количество школ							
	1893 г.				1911 г.			
	Церковно-приходские школы	Школы грамоты	Всего церковных школ	Число детей	Церковно-приходские школы	Школы грамоты	Всего церковных школ	Число детей
Бобровский	23	15	38	1 467	70	4	74	4 227
Богучарский	39	56	95	3 120	116	6	122	8 369
Валуйский	22	5	27	1 225	59	5	64	3 536
Воронежский	25	16	39	1 454	49	11	60	3 542
Задонский	27	13	40	1 688	48	9	57	3 065
Землянский	18	24	42	1 481	57	6	63	3 480
Коротоякский	12	34	46	1 484	76	1	77	4 003
Нижнедевицкий	28	16	44	1 543	50	2	52	3 286
Новохоперский	20	26	46	1 206	63	2	65	4 086
Острогожский	27	41	68	2 987	85	12	97	5 530
Павловский	12	22	34	1 290	36	1	37	2 591
Итого	274	298	572	20 728	775	60	835	49 632

Несмотря на кажущийся успех в деле создания новых церковных школ, священнослужителям пришлось столкнуться с целым рядом трудностей, первая из которых заключалась в практически полностью отсутствовавшей материальной поддержке. Вся инициатива по открытию школ возлагалась исключительно на духовенство и прихожан. Воронежская консистория приняла решение установить в церквях епархии особый сбор на обеспечение школьного дела[463]. Очень часто, особенно на начальных порах, новооткрытые церковно-приходские школы размещались в тесных необорудованных помещениях, что, конечно, не могло не сказаться на качественной стороне учебного дела. Несмотря на то что в 1894 г. число церковных школ в численном отношении (572) равнялось количеству начальных народных училищ (593), детей обучавшихся в церковных школах было в два с лишним раза меньше (47 388 в земских школах и 20 728 в церковных школах)[464]. Данный факт училищный совет Воронежской епархии объяснял как раз нехваткой материальных средств на устройство приличных школьных помещений, вследст-

[463] Никольский П. В. Церковно-приходские школы Воронежской епархии с 1884 года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 762.
[464] Отчет Воронежского епархиального училищного совета… за 1893-1894 учебный год… С. 9.

вие чего «церковно-приходские школы большею частью ютятся в тесных караулках или курных крестьянских избах и скудно снабжены предметами даже первой необходимости»[465].

Учителям церковных школ, происходивших из светского звания нередко приходилось испытывать нужду. Характерным в этом отношении является прошение Александра Федоровича Попова, учителя Алексеевской церковно-приходской школы Землянского уезда. В 1893 г. он был вынужден обратиться в училищный совет за финансовой помощью в связи с нехваткой средств к элементарному существованию: «В продолжение вот уже шести лет, я состою в должности учителя церковно-приходских школ, из коих по Землянскому уезду 4-й год, а два по Воронежскому уезду, получая в год по 60 руб. жалованья. Первые четыре года я, хотя впроголодь, но мог кормиться с моим семейством, (семья состояла из 5 человек – С. И.), последние же два голодающие года довели меня с семейством до нищенского положения»[466]. Учитель просил выдать ему пособие в 25 руб., которое, по его словам, могло бы существенно облегчить жизнь.

Многие священнослужители, отмечая недостаточность средств, обращались за помощью в училищные советы. В 1893 г. священник Богородицкой церкви села Новониколаевка Всеволод Соболев обращался в Землянское уездное отделение Воронежского епархиального училищного совета: «Осенью прошлого 1892 года я начал учение в местной церковноприходской школе, но так как в школе два небольших стола, две скамьи, одна азбука, три аспидных доски, а учащихся более 50 человек девочек и мальчиков, то учение ограничивается преподаванием с голоса Закона Божьего, арифметики, устного сочинения и церковного пения»[467]. Он просил помочь ему материально, так как в сложившихся условиях дело школьного образования вести успешно ему не представлялось возможным.

Приходское духовенство обращалось за помощью к крестьянам и благотворителям, нередко оказывавшим поддержку в деле открытия новых школ. Но чаще

---

[465] Отчет Воронежского епархиального училищного совета… за 1893-1894 учебный год…С. 9.
[466] ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.
[467] Там же. Л. 8.

всего крестьяне уклонялись от деятельного участия, считая для себя совершенно ненужным тратить время на получение образования, которое, по их мнению, могло никак и не пригодиться в повседневной жизни. Клирикам приходилось проводить разъяснительную работу, объясняя населению важность грамоты. Там, где крестьяне осознавали необходимость в просвещении, серьезной преградой для их участия в открытии школ была бедность. В таких случаях священникам приходилось рассчитывать на свою инициативу и на без того незначительные материальные ресурсы. В 1891 г. священник Ендовищенской волости села Латного Землянского уезда Петр Федоров обратился к своим прихожанам (государственным крестьянам) на полном сельском сходе с заявлением о необходимости открыть для обучения детей школу грамоты, ввиду того что земские школы не вмещали всех желающих. «Заявление священника мы приняли с большой радостью, но так как мы по случаю неурожайного года и крайнего обеднения не могли оказать своей помощи, то священник объявил, что он все расходы по школе, как-то на устройство отдельной комнаты для школы в церковной караулке, на классные принадлежности и учебные пособия, а также преподавание Закона Божьего берет на себя»[468].

По причине бедности, нежелания, а иногда и некоторого недоверия к инициативам священника крестьяне отказывались помогать в устройстве церковных школ. В частности, иерей Покровского храма села Нижней Колыбельки Землянского уезда Дмитрий Нефедов 1 марта 1895 г. писал в училищный совет о том, что ему «может быть сотни раз приходилось вступать в переговоры с обществом по сему предмету. Но в результате ничего не получалось. С одной стороны – сильное отягощение общества в податном отношении, с другой – действительная нищета и бедность прихожан»[469].

Священник Иоанн Иванов вспоминал, как трудно ему давалось открытие церковно-приходской школы. Против просвещения крестьяне не имели возраже-

[468] ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
[469] Там же. Д. 4. Л. 50.

ний, но боялись, что согласие на создание школы заставит их выделять средства на ее обеспечение. Клирик несколько раз присутствовал на сходе и заявлял крестьянам, что никаких средств от них не требовалось, что он уже нашел источники содержания, а от них необходимо было одно только согласие. Лишь с третьей попытки ему удалось уговорить крестьян подписаться. «И тут смешно и больно мне было видеть жалкую трусость подписывающихся… Один даже напрямик высказался: «Господи, благослови! Двум смертям не бывать, одной не миновать! Подпишусь!.. Если же что… батюшка первый за нас ответит»[470].

Но даже когда священнику удавалось переломить ситуацию и склонить крестьян к открытию школы, все равно основные обязанности по обучению детей возлагались на клириков. Тот же иерей Дмитрий Нефедов жаловался, что с таким трудом созданная им школа после трех лет успешной работы прекратила действовать, так как он (то есть священник) перестал справляться с одновременным исполнением священнических и учительских обязанностей. Образованный караульщик, который раньше помогал ему в педагогической работе, покинул его, как следствие, учебное дело полностью остановилось[471].

Материальные трудности приводили к тому, что в некоторых церковно-приходских школах обучение велось до тех пор, пока наставник и его ученики не проходили тот или иной учебник. Преподаватели ждали, пока в школу прибудут новые учебники, и уже после продолжали занятия. В 1893 г. заведующий церковно-приходской школой для девочек протоирей Порфирий Кошелев обращался в епархиальный училищный совет с просьбой выслать в его школу дополнительные пособия. Буквари гражданской печати Лубенца, выданные из канцелярии преосвященного Владимира, были пройдены ученицами, «так что у нас является неотложная необходимость в книжках гражданской печати для первого года обучения»[472].

---

[470] Иванов И., священник. Как трудно иногда сельскому священнику бороться с невежеством // Воронежские епархиальные ведомости. 1891. №1. С. 18.
[471] ГАВО. Ф. И-70. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.
[472] Там же. Д. 3. Л. 32.

Вторая серьезная трудность, вставшая на пути воронежского духовенства, заключалась в непонимании и часто неприятии школьно-просветительской деятельности священнослужителей со стороны земств. Последние высказывали мысль о необходимости не допускать представителей клира к делу обучения детей как не имевших на то специальных навыков и необходимого образования. Воронежская губернская земская управа отмечала: «Хотя духовенство и приняло на себя труд учительства, но при первом же действительном знакомстве с училищами земские учреждения убедились, что без особо и специально приготовленных учителей училища останутся навсегда в плохом состоянии»[473].

Несмотря на обращения архиепископа Серафима (Аретинского) к земским учреждениям в 1885 г. с просьбой рассмотреть вопрос о финансовой поддержке приходов Воронежской епархии в деле создания церковно-приходских школ, земства никак не отреагировали на это, продемонстрировав полное равнодушие к просветительской деятельности духовенства. Воронежское, Коротоякское, Задонское, Павловское, Бирюченское, Землянское земства заявили, что не станут помогать церковно-приходским школам до выяснения их полезности и необходимости для народа[474]. По словам воронежского историка, активного деятеля церковно-школьного дела П. В. Никольского, остальные земства пришли на помощь церковно-приходским школам, но их участие в церковно-просветительском деле носило явно формальный характер[475]. Подобное отношение к церковно-приходским школам со стороны земств проявлялось не только в первые годы открытия школ, но и в дальнейшем.

В 1900 г. священник Павел Попов с нескрываемой досадой отмечал на страницах местной церковной периодической печати, что из двенадцати уездных земств шесть совершенно не участвовали в «пособии церковным школам», еще три (Павловское, Валуйское, Бобровское, ассигновавшие в год по 300, 210, 150

---

[473] Цит. по: Благовидов Ф. Деятельность русского приходского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891. С. 87.
[474] Никольский П. В. Церковно-приходские школы Воронежской епархии с 1884 года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 764.
[475] Там же.

руб. соответственно), оказывали незначительную поддержку, оцениваемую священником как «простой акт любезности»[476]. Лишь три земства - Богучарское, Острогожское и Коротоякское - оказывали, с точки зрения священника, ощутимую материальную помощь, ежегодно ассигнуя по 3 350, 2 250, 690 руб. соответственно[477]. Причиной нежелания земств оказывать поддержку местному духовенству, священник Павел Попов видел, в частности, в том, что земство рассматривало церковь как некую силу, пытавшуюся покуситься на его самостоятельность в деле народного образования[478].

Иногда земства вообще пытались не допустить строительство церковно-приходских школ рядом с земскими, подговаривая сельское общество не давать разрешение на их создание. Иерей И. К. Попов вспоминал, как некий земский начальник при обсуждении крестьянами вопроса об открытии церковной школы убедил их не делать этого, сказав: «Церковно-приходские школы нужны попам для получения камилавок»[479]. По свидетельству того же священника, нередкими были случаи, когда земства, не имея на то особой необходимости, специально открывали свои школы в местностях, где вполне успешно действовали школы церковно-приходские. Примером может служить история с церковной школой села Скупая Потудань Нижнедевицкого уезда. Несмотря на существование в селе церковно-приходской школы с 1885 г., в 1904 г. в нескольких шагах от нее была организована земская школа, в результате чего «церковная школа запустела»[480].

Вопрос о приоритетности земских и церковно-приходских школ не раз поднимался не только в местной, но и в центральной печати. По данному вопросу высказывались известные общественные и политические деятели. Так, например, М. Н. Катков сетовал по поводу того, что правительство и местные органы самоуправления в вопросе развития начального образования делали ставку именно на

---

[476] Попов Павел, свящ. Участие земств в содержании церковных школ // Воронежские епархиальные ведомости. 1900. № 12. С. 522.
[477] Там же. С. 521.
[478] Там же. С. 527.
[479] Попов И. К., свящ. Указ. соч. С. 15.
[480] Там же.

создание земских школ, выделяя на церковно-школьное дело самые ничтожные суммы. По мнению М. Н. Каткова, передавать основные функции по развитию народного просвещения земствам не следовало, так как последние являлись носителями либерального, нетрадиционного для православной российской монархии антиклерикального духа. «Под предлогом опасности «клерикализма» преобладающее попечение о народной школе предоставлено не духовенству, а «земцам» и «вольнопрактикующим педагогам». Эти последние к прежней науке, что «у лошади четыре ноги», присоединили новую под заглавием «Душевные качества свиньи, лягушки и пиявки»»»[481]. Тем не менее дело создания церковно-приходских школ так и не получило широкой государственной поддержки. Клирики вынуждены были открывать начальные учебные заведения для народа, исходя из самых скромных средств. Местные власти делали ставку на более организованные земские школы.

Земства Воронежской губернии не раз поднимали вопрос о необходимости предоставить право преподавания Закона Божия в земских школах представителям светского звания[482]. В 1904 г. Острогожское уездное земское собрание высказало мысль о необходимости предоставить учительскому (светскому) персоналу земских школ право преподавать Закон Божий вместо священников, но под их чутким наблюдением[483].

Ходатайство Острогожского уездного земства было отправлено на рассмотрение в Министерство народного просвещения, где удовлетворить его не сочли возможным. Власти отмечали, что в условиях быстро растущего числа земских народных училищ, нередко возникала проблема нехватки образованных священников-законоучителей. В ответе говорилось о необходимости земствам не допускать к преподаванию Закона Божьего светских учителей. Нехватку кадров советовали решать путем привлечения к законоучительству дьяконов, замещением

---

[481] Катков М. Н. Церковно-приходские школы. – URL: http: // dugward.ru / library/ katkov / katkov_cerk_prih_shkol. html
[482] ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1959. Л. 4.
[483] Там же. Д. 1369. Л. 11.

учительских вакансий лицами, получившими специальное богословское образование[484].

Между церковными и земскими школами существовала некоторого рода конкуренция, необъявленное противостояние. Наличие между учителями земских школ и священниками-законоучителями не самых добрых отношений с прискорбием констатировал воронежский архиепископ Анастасий. В 1912 г. он жаловался в Синод о трудностях, которые приходские священники нередко испытывали при преподавании Закона Божия в земских школах, так как «распоряжение и распорядки в земских училищах зависят от заведующих ими учителей и учительниц, часто настолько юных и неопытных, а главное, недоброжелательных к духовенству…»[485].

Если говорить об уровне образования, который давала церковно-приходская школа, то он был невысок. В школе предоставлялись элементарные знания по чтению, письму, счету, Закону Божию. Однако значение этого небольшого багажа знаний для поголовно неграмотного населения сложно переоценить. В 1895 г. училищный совет в своем отчете отмечал, что в большинстве церковных школ епархии преподавание благодаря ревностному отношению к делу священнослужителей велось успешно. В 205 (из 302 бывших в том году) одноклассных церковно-приходских школах выпускники получили льготы по воинской повинности[486]. В большинстве школ епархии ученики за один год обучения в школе успешно осваивали таблицу умножения, умели считать от 1 до 1000, знали четыре основных арифметических действия[487]. Иногда при школах открывались ремесленные классы[488].

В конце обучения в церковно-приходской школе, как правило, проводился экзамен, состоявший из устного ответа по Закону Божию и небольшого диктанта.

---

[484] ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1369. Л. 13 об.
[485] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 16 об.
[486] Отчет Воронежского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Воронежской епархии за 1894–1895 учебный год. Воронеж, 1896. С. 138.
[487] Там же. С. 140.
[488] ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 612. Л. 1.

В качестве примера ниже приводится текст, предложенный ученицам образцовой церковно-приходской школы при Воронежском епархиальном женском училище во время экзамена 18 мая 1898 г.

Диктант

У ленивой хозяйки стол не мыт, и изба не чиста; печь не смазана глиной, и в избе тараканов и сверчков много. Ленивая хозяйка летом избу топит и ничего не варит; птицам нет воды, коровы обходят по задворкам и по улицам, молока мало дают и телята мрут, а свиньи в огороде лазят. Ленивая хозяйка худые и сырые хлебы печет, и квасу в доме нет. При ленивой хозяйке у мужа не рубаха, а тряпка на плечах; дети глупы и избалованы хуже всех, нагишом и босиком по улицам бегают да собак дразнят[489].

Некоторые священнослужители реализовывали новаторские методы обучения детей. Учитель Засосенской церковно-приходской школы Бирюченского уезда иерей П. Мамонтов применял новый метод заучивания детьми молитв. Каждый день ученики его школы читали утренние молитвы, но не как везде (один читает, а остальные слушают), а все хором. Священноначалие отмечало: «Результат такого приема получился прекрасный: дети усвоили себе общеупотребительные молитвы, а законоучитель, не теряя времени на изучение молитв, стал изучать с детьми важнейшие события из священной истории Ветхого и Нового Завета»[490].

Клирики следили и за религиозным воспитанием учащихся. Во всех церковных школах епархии дети причащались раз в год, во многих два раза в год (на первую и последнюю седмицы Великого поста).

Дьяконство, по мысли церковных властей, должно было принять самое активное участие в школьном деле. В связи с указом об открытии церковно-приходских школ специально пересмотрели штаты духовенства, так что дьяконские вакансии, практически полностью упраздненные, снова получили право на существование. В реальности дьяконы не стремились всецело посвящать себя

[489] ГАВО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
[490] Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1909-1910 уч. год. Воронеж, 1911. С. 12.

просветительской работе. В Воронежской епархии отмечалось нежелание и неумение дьяконов заниматься образовательной деятельностью. В отчете Воронежского епархиального училищного совета за 1908-1909 учебный год читаем: «Главным затруднением относительно дьяконов было тем же, что и в прежние годы, сравнительно неусердное отношение их к учебному делу и затруднение в случае выбытия их из приходов»[491]. Иерей И. К. Попов писал: «Где учительствует дьякон там школа существуют номинально»[492].

В 1906 г. П. В. Никольский обрушился с критикой на отцов-дьяконов, обвинив их в недолжном отношении к делу просвещения. Как это уже было показано выше, одним из первых шагов церковных властей в рамках церковной реформы являлся пересмотр и, как следствие, сокращение приходских штатов. Дьяконство считалось необязательной должностью, необходимой только в тех приходах, где прихожане могли и хотели содержать ее. Однако в 1885 г. Святейший Синод ввел новые штаты, предусматривавшие более широкое создание дьяконских вакансий, чтобы использовать их не только для украшения службы, но и для работы на просветительском поприще в качестве учителей церковно-приходских школ.

П. В. Никольский, рассуждая точно так же, как это делали члены Синода, вводившие штаты 1885 г., обвинил дьяконов, не вполне усердно, по его мнению, трудившихся на ниве просвещения, в нежелании отрабатывать свое право на существование. В одной из статей он прямо писал: «Следовало бы решительно или требовать от дьяконов школьного учительства или лишать их указанного повышения доходов»[493].

Воронежская духовная консистория указом от 18 декабря 1892 г. постановила вычитать со штатных дьяконов, не занимавшихся преподаванием в церковно-приходских школах по небрежности или неспособных к этому, 1/3 с дохо-

---

[491] Отчет о состоянии церковных школ Воронежской епархии за 1908-1909 уч. год. Воронеж, 1910. С. 7.
[492] Попов И. К. Указ. соч. С. 24.
[493] Никольский П. В. Церковно-приходские школы Воронежской епархии с 1884 года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 877.

дов[494]. При этом пояснялось, что подобная мера вызвана самой сутью штатной дьяконской должности, так как «прохождение дьяконского служения, будучи естественным приготовлением к священству, соединяется, по возможности, с обязанностями законоучителя и учителя в начальных школах»[495]. Архиерей имел право уменьшить взнос или совершенно его отменить в зависимости от материального и семейного положения клириков.

Сами дьяконы, естественно, не могли на это не отреагировать. Разразилась целая полемика. Один из воронежских дьяконов Дмитрий Адамов совершенно справедливо заметил связь холодного отношения дьяконов к школьному делу с целым рядом причин, прежде всего материального характера. Никакого особого вознаграждения за учительство дьяконам не полагалось. Основным источником их содержания являлось служение на приходе. Но полноценно совмещать педагогическую работу со службой в храме часто было невозможно. В ответ на обвинения П. В. Никольского клирик Адамов возражал: «Бичующий нас просто забыл, что мы – люди без всякого определенного содержания. Мало того, что мы трудимся, но нам надо еще и добыть вознаграждения за эти труды. Теперь не тот век, когда верующие сами приносили к ногам апостолов все свое состояние. Мне нужно идти в приход, добывать себе к обеду кусок хлеба, но мне нельзя отойти от школы… Какая грубая и несносная логика»[496].

О том, что испытывали дьяконы, вынужденные жертвовать своими богослужебными обязанностями и соответственно потерянными от их исполнения доходами, свидетельствует следующий пример, приведенный дьяконом Адамовым. «Сидишь, занимаешься в школе. Входит крестьянин и начинает: «Отец-дьякон, пойдем с батюшкой на соборование! Не могу, говоришь, со мной сидит полсотни детей. Да ты им дай пока работу, ведь это ненадолго. Нет, не могу, отказываешься наотрез… проситель зачастую уходит обиженный. А между прочим, всем совер-

---

[494] Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства… С. 35.
[495] Там же.
[496] Адамов Дмитрий, дьякон. Язва церковной школы // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 8. С. 372.

шающим таинство елеосвящения, то есть священнику и псаломщику, крестьяне дарят по полотенцу и хлебу. Дьякон как отсутствующий, конечно, ничего не получает»[497].

Дьяконство не вполне справедливо было бы винить в сознательном нежелании заниматься церковными школами. Несмотря на отсутствие специального жалованья, именно дьяконы вели основную работу в церковно-приходских школах. В 1894 г. в 119 приходах епархии, где учителями являлись духовные лица, обязанности педагогов исполняли священники - в 17, дьяконы - в 67, псаломщики - в 35[498]. Как видно, большинство учителей из духовного звания составляли именно дьяконы.

Псаломщики, как и священники, также не получали совершенно никакого жалованья за работу в церковных школах (в 1894 лишь двое псаломщиков в качестве исключения получали крошечные суммы по 60 руб. в год)[499]. Светским учителям церковно-приходских школ полагалось жалованье, выплачиваемое из сумм епархиального училищного совета и Братства Митрофана и Тихона. Но суммы их жалованья были очень низкими. Учителя, имевшие семинарское образование, получали по 100 руб. в год; окончившие курс епархиального женского училища – по 60 руб. в год. Учительницам, имевшим за плечами курс женского епархиального училища или женской гимназии и при этом работавшим в школах уездных городов, назначалось жалованье в 75 руб. в год. Учителям, не окончившим курс в учебных заведениях, а только лишь обучавшихся в них, выплачивалось жалованье в размере от 30 до 60 руб. в год.

Самое большое вознаграждение платили учителям церковно-приходских школ города Воронежа – по 120 руб. в год. Наиболее оплачиваемой школой являлась школа при Митрофановом монастыре, где учитель получал 300 руб. в год, а

---

[497] Адамов Дмитрий, дьякон. Указ. соч. С. 371.
[498] Отчет Воронежского епархиального училищного совета … за 1893-1894 учебный год… С. 83.
[499] Там же.

его помощник – 180 руб. в год[500]. В отчетах Воронежского епархиального училищного совета отмечалось: «Большинство учителей трудится с замечательным усердием и хорошим успехом»[501].

Деятельность священно-церковнослужителей по открытию церковно-приходских школ, безусловно, способствовала развитию просвещения среди крестьянского населения.

В некоторых церковно-приходских школах создавались так называемые рукодельные классы. Например, в 1909 г. при церковно-приходской школе Введенской церкви города Воронежа существовали своего рода курсы кройки и шитья, открытые на средства местного приходского попечительства и на взносы от учеников (по 1 руб. в месяц)[502]. При Новорождественской школе Бирюченского уезда существовало столярно-кузнечное отделение. Воспитанниками этого отделения «изготовлялись столы, стулья, шкапы, кровати, веялки и т. п.»[503].

Вдобавок к церковно-приходским школам в середине XIX века при церквях Воронежской епархии трудами местного духовенства и прихожан создавались воскресные школы для всех желающих. Занятия в них проходили, как правило, раз в неделю и не носили обязательного и системного характера, как в церковно-приходских. В 1898 г. в слободе Бутурлиновка при Преображенской церкви открылась женская воскресная школа. Как отмечал местный священник Капитон Казьмин, прихожанок, желавших учиться в них, имелось немало. «Посмотришь, иная чуть не старушка сидит с грифелем в руках и пишет буквы на доске или заучивает азбуку»[504]. Однако следует заметить, что воскресные школы, несмотря на их необходимость, вскоре стали исчезать. Их вытеснили более организованные

---

[500] Отчет Воронежского епархиального училищного совета … за 1893-1894 учебный год… С. 83.
[501] Там же.
[502] Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1909-1910 уч.год. Воронеж, 1911. С. 29.
[503] Там же.
[504] Казьмин Капитон, свящ. Воскресная школа в слободе Бутурлиновке // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 12. С. 544.

церковно-приходские школы. В 1910 г. в епархии действовало всего лишь четыре воскресные школы.

Создание церковно-приходских школ, школ грамоты и работа в них были не единственной областью служения приходского духовенства Воронежской епархии на ниве народного образования. Немало труда клирики положили на организацию при своих приходах доступных библиотек для чтения. По состоянию на 1878 г. библиотеки действовали при 712 церквях, еще при 40 церквях имелись более расширенные благочинические библиотеки[505]. В рассматриваемое время любовь к чтению даже среди неграмотного крестьянства заметно усиливается. В 1901 г. священник Вознесенской церкви села Гремячьего Воронежского уезда Александр Давыдов писал в земскую управу: «В последнее время у моих прихожан стала проявляться охота к чтению книг. Каждый праздничный день после церковного богослужения являются ко мне по несколько человек с просьбой дать им что-либо почитать из церковной библиотеки. Но так как наша церковная библиотека очень скудна и при том состоящая большею частью из ученых богословских сочинений, то поневоле приходиться отказывать им»[506]. Далее иерей заявлял, что он своим священническим долгом считает попросить земство открыть у него в приходе библиотеку с читальней для «большей пользы народа»[507].

Архиепископ Анастасий придавал большое значение организации библиотек при церковно-приходских школах и храмах епархии. Усиливавшееся охлаждение к церкви, по его мнению, должно было побудить священнослужителей взять под свое попечение заведование библиотеками, с тем чтобы население читало не антихристианскую социалистическую литературу, а достойные христианина книги. В 1904 г. он делился своими соображения по этому вопросу с синодальным начальством: «В наше время, когда в народе начинает пробуждаться жажда знания и любовь ко чтению, более чем когда-либо необходимо позаботься о развитии народных библиотек и о заведении их при школах, под наблюдением местных

[505] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 774. Л. 15.
[506] ГАВО. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 458. Л. 117.
[507] Там же.

приходских священников, с хорошим подбором книг»[508]. Он же в 1906 г. замечал: «Рачительные священники в виде противодействия революционированию народа… учреждают церковно-приходские библиотеки и читальни, в которые выписываются по преимуществу книги и брошюры религиозного содержания, а также книги, разоблачающие политические и экономические бредни крайних партий»[509].

В целом к делу народного образования священнослужители епархии относились ревностно, часто жертвуя на создание школ свои немногочисленные средства. Совершенно справедливо священник И. К. Попов отмечал огромный вклад клириков епархии в развитие просвещения, подчеркивая, что многие из них «затрачивали свои средства на постройку школьного здания, как они на своих лошадях в страдную пору подвозили строительный материал, как они целые дни проводили на постройке под открытым небом, перенося летний жар и осенний холод и следили за работою, как они собственными руками помогали рабочим и часто сами насыпали землю под пол школы и листву и мякину на потолок ее»[510].

Несмотря на то что за работу в церковно-приходских школах клирики не получали денежного вознаграждения, они не только организовывали школы, но и чаще всего сами преподавали в них основной предмет – Закон Божий. В 1895 г. число учителей церковно-приходских школ губернии равнялось 391, из них 173 являлись священно-церковнослужители епархии[511].

Просветительское значение имела не только образовательная деятельность священнослужителей. Как уже было показано выше, многие воронежские клирики занимались земледелием и пчеловодством. Образованное духовенство старалось внедрять в свое хозяйство прогрессивные методы работы, уча тому же и крестьян. В епархии служили священники, имевшие славу образцовых хозяев. По словам архиепископ Тихона (Никанорова), тот факт, что духовные лица наставляли своих прихожан не только в вопросах веры, но и, например, земледелия, пче-

[508] РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2019. Л. 19.
[509] Там же. Д. 2139. Л. 10.
[510] Попов И. К., свящ. Указ. соч. С. 23.
[511] Отчет Воронежского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Воронежской епархии за 1894–1895 учебный год. Воронеж, 1896. С. 72.

ловодства или растениеводства, самым положительным образом влиял на взаимоотношения «пастырей» с «пасомыми». «Все это сближает пастыря с пасомыми, роднит их между собой, возвышая и укрепляя авторитет священника в своем приходе, который, видя такую отеческую заботливость о нем своего батюшки, доверчиво следует за ним»[512].

В 1916 г. в селе Красном Новохоперского уезда усилиями приходских священников и крестьян было образовано «Товарищество Пчеловодства». Уже через год оно организовало показательную кооперативную пасеку из 75 рамочных ульев системы Дадан-Блатта[513], создало пчеловодческий музей, медогонку, воскотопки, воскопресс и даже библиотеку для пчеловодов. Священнослужителями - членами товарищества в том же году два раза проводились недельные пчеловодческие курсы для всех желающих с целью повышения уровня хозяйственной грамотности[514].

Священники села Верхняя Хава Сергий Смирнов и Михаил Мешковский в 1914 г. организовали сельскохозяйственное общество, способствовавшее распространению среди крестьян прогрессивных методов землепользования и приобретению по льготным ценам необходимого инвентаря[515]. В 1910 г. священник села Рудни Богучарского уезда Константин Попов занялся пчеловодством «по последнему слову техники», тем самым «привил ученость и прихожанам, которые с благодарностью подражают новому делу, и пчеловодство в селе Рудни с каждым годом развивается»[516]. В том же селе причт организовал общество садоводства, видным членом которого являлся псаломщик Григорий Яковлев, имевший в епархии славу опытного и начитанного пчеловода.

Авторитетом среди крестьян пользовались и священники-земледельцы из слободы Криницы Острогожского уезда: Иоанн Стефанов и Александр Стефанов.

---

[512] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 11.
[513] Улей, состоящий из двух отделений: нижнего, предназначенного для пчелиного гнезда и верхнего, куда складывают мед.
[514] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2751. Л. 17.
[515] Там же. Д. 2631. Л. 12.
[516] Там же.

Оба использовали усовершенствованные орудия труда, занимались улучшением пород скота, уча тому же своих прихожан[517].

Некоторые клирики Воронежской епархии даже издавали специальную литературу по сельскому хозяйству. В 1907 г. свет увидела небольшая брошюра священника Федора Голубятникова под названием «Брошюра о хлебном жуке-кузьке: отчего он бывает и радикальном способе к его уничтожению, с предложением желательной системы рационального крестьянского землепользования»[518]. Интересен мотив, которым руководствовался автор: «Россия – страна преимущественно земледельческая; отсутствие же литературы и неимение у крестьян под руками подходящего чтения по земледелию в ближайших к деревне школьных библиотеках и желание натолкнуть крестьянина на размышление о лучшем землепользовании – все это побудило нас поделиться сведениями, добытыми личным опытом: почему крестьянская земля хлеба не родит, как поднять в ней урожайность, отчего бывают всевозможные вредители, чем от них избавиться и какова должна быть желательная система рационального крестьянского землепользования?»[519] Священнослужитель старался объяснить, каким образом можно было победить хлебного жука и что делать, если таковой не давал возможности вести хозяйство. Крестьян клирик призывал бороться с вредителями и заниматься земледелием достойно, как подобает истинному христианину. «Честное крестьянство! Не красиво и не прилично жить с клопами и тараканами, не красиво и не выгодно полевой кровавый свой труд отдавать на авось и на съедение всевозможным вредителям»[520].

Еще одним известным как в губернии, так и за ее пределами хозяйственником являлся священник слободы Старая Криуша Богучарского уезда Василий Попов. Он также решил поделиться с крестьянами своими наработками в вопросе

---

[517] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2631. Л. 12 об.
[518] Голубятников Ф. А., свящ. Брошюра о хлебном жуке-кузьке: отчего он бывает и радикальном способе к его уничтожению, с предложением желательной системы рационального крестьянского землепользования. Воронеж, 1907.
[519] Там же. С. 3.
[520] Там же. С. 26.

разведения пчел. Небольшая брошюра священника «Моя пасека в 1908 году» пользовалась популярностью и несколько раз переиздавалась, в том числе в журнале «Русский Пчеловодческий Листок» в Петербурге. Клирик призывал крестьян переходить от устаревшей дупляночной системы пчеловодства к более прогрессивной рамочной. В качестве примера автор приводил цифры, полученные им в результате использования ульев системы Дадан-Блатта. В 1907 г. от 15 ульев урожай составил 52 пуда меда, что в то время считалось значительным успехом[521].

В епархии существовало и специальное учреждение, способствующее развитию научно-просветительской деятельности приходских клириков. 31 января 1901 г. учрежден Церковный Историко-археологический Комитет. Его задача заключалось в изучении прошлого епархии, исследовании архивных и иных материалов, организации научной деятельности по сбору исторических источников. Председатель комитета А. М. Правдин так сформулировал основной принцип работы создаваемого учреждения: «Общая истина – чтобы пользоваться уроками прошедшего в настоящем, необходимо знать хорошо это прошлое»[522]. Священнослужители принимали самое деятельное участие в работе новооткрытого комитета. Из 75 действительных членов 33 являлись представителями приходского духовенства. Они не просто числились в составе организации, но и вели реальную работу по описанию церквей, монастырей, местных архивов, памятников религиозной жизни края[523]. Комитет имел свой печатный орган – сборник научных статей «Воронежская старина». Уже в самом первом номере сборника в числе прочих исследований была издана статья протоиерея Д. Я. Склобовского «Церкви города Острогожска», знакомившая читателей с ценным материалом по истории епархии[524]. Всего за 16 лет существования комитета в свет вышло 14 сборников науч-

[521] Попов В. Г., свящ. Моя пасека в 1908 году. Санкт-Петербург, 1909. С. 4.
[522] Открытие Воронежского Церковного Историко-археологического Комитета // Воронежская старина. Вып. 1. С. 13.
[523] Там же. С. 17.
[524] Склобовский Д. Я. Церкви г. Острогожска // Воронежская старина. Вып. 1. С. 225-329.

ных трудов Комитета, содержащих подчас бесценную информацию по истории Воронежского края[525].

Приведенные выше данные со всей очевидностью доказывают самое активное участие воронежского приходского духовенства в деле распространения образования среди крестьянского населения. Невзирая на трудности, отсутствие серьезной материальной поддержки, клирики открывали церковно-приходские школы, школы грамоты, просветительские библиотеки, сельскохозяйственные общества. Священно-церковнослужители старались привить своим прихожанам не только начала христианского просвещения, но и необходимые светские навыки. Благодаря деятельной работе священно-церковнослужителей епархии на ниве народного образования, в губернии действовали сотни церковных школ, библиотек и десятки просветительских курсов.

§2. Борьба с сектами и социальными пороками

Просветительское служение приходского духовенства Воронежской епархии не ограничивалось деятельностью на поприще народного образования. Важным аспектом служения священно-церковнослужителей следует считать противодействие распространению различного рода расколов, лжеучений, сект а также социальных пороков, представлявших в рассматриваемое время определенную опасность для нравственного здоровья населения.

Несмотря на принадлежность Воронежской епархии к традиционно православным территориям Российской империи, миссионерская работа священнослужителей во второй половине XIX – начале XX века была как никогда востребованной. Численность сектантов и последователей различного рода сект постоянно росла как посредством их естественного расширения, так и путем перехода верующих из православия. Причины данного явления самые разные. Прежде всего, следует учитывать непросвещенность населения, связанную с отсутствием элементарного образования, способного удержать от следования грубым предрассуд-

[525] Подробнее о деятельности и истории создания Воронежского Церковного Историко-археологического Комитета см.: Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 509-532.

кам. Еще одной причиной являлось падение авторитета православного духовенства, вызванное проблемами социального положения священно-церковнослужителей. Общая политическая нестабильность в стране, войны начала XX века, неурожаи и другие потрясения пробуждали в людях чувство страха, толкавшее к поиску ответов на сложные духовные вопросы. Лидеры сект, предлагавшие простые решения жизненных проблем, привлекали наименее утвержденных в православной вере жителей. По состоянию на 1883 г. количество сектантов и раскольников во всей губернии составляло 16260 человек (обоего пола). Ни одного случая перехода в секту замечено не было. В 1909 г. расколо-сектантов насчитывалось уже около 21 тысячи человек, 57 из которых перешли в секты, покинув православную церковь[526].

Сектанты и раскольники распределялись по губернии неравномерно. Существовали уезды наиболее зараженные расколо-сектанством. Самым неблагополучным являлся Новохоперский со своеобразным центром в селе Пески. Население села по состоянию на 1912 г. насчитывало 14 тысяч человек, при этом сектантами разных толков являлись более 2 тысяч жителей, то есть каждый седьмой[527]. Подобная плотность сектантов объяснялась тем, что село, находившееся на окраине Воронежской губернии и граничившее с Тамбовской, Саратовской губерниями, а так же с Областью Войска Донского, было излюбленным местом жительства сектантских лидеров (ввиду благоприятного для проповеди географического положения). Подробнее о численности старообрядцев и сектантов в Воронежской губернии с распределением по уездам см. в приложении 5.

В Воронежской епархии существовали специальные учреждения, призванные бороться с распространение лжеучений и суеверий среди населения. С 1870 г. действовал епархиальный комитет Православного миссионерского общества[528]. Однако его работа сводилась к сбору средств в пользу отдаленных и заграничных

---

[526] Обзор Воронежской губернии за 1909 г. Воронеж, 1910. С. 59.
[527] Носков Г., свящ. Беседа о Священном Предании и предании баптистов, веденная с баптистским лжепророком В. Степановым в с. Песках, Воронежской губернии. Воронеж. 1912. С. 1.
[528] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 532.

миссий. Серьезной деятельности по просвещению местных жителей комитет не вел. В 1885 г. начало работу Братство Митрофана и Тихона[529]. Организация выпускала религиозную литературу, проводила беседы со световыми картинками по основам христианского вероучения, старалась поддерживать и расширять библиотеки при приходских церквях. Местные власти отмечали положительное влияние братства на жителей губернии. Так, городская управа города Задонска писала губернатору: «Братство Святителей Митрофана и Тихона открыло в городе Задонске в половине 1912 года библиотеку для чтения книг духовно-нравственного содержания, которой с большой любовью и охотой пользуются как жители города Задонска, так и окружающее его уездное население и, несмотря на кратковременное существование.., выдано 150 абонементских книжек. Братство учредило воскресные чтения, организовало борьбу с хулиганством, распространявшемся за последнее время среди крестьянского населения в больших размерах, посредством чтений с волшебным фонарем и раздачей соответствующих брошюр через священников в дни престольных сельских праздников»[530].

Тем не менее Братство Митрофана и Тихона занималось не столько миссионерской деятельностью, сколько образовательно-просветительской. Для противодействия расколо-сектанству в 1897 г. в епархии учредили должность епархиального миссионера[531]. По сути, епархиальный миссионер являл собой единственный специально учрежденный для борьбы с местными сектами и раскольниками церковный институт. Конечно же, один человек не имел возможности справиться с большим количеством зараженных еретическими убеждениями жителей. Именно поэтому основная нагрузка по борьбе с сектами легла на приходское духовенство.

Одной из наиболее опасных сект, распространенных в Воронежской губернии, был «Новый Израиль»[532]. Отличительной чертой общин являлся динамич-

---

[529] Сергий (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 534.
[530] ГАВО. Ф. И-21. Оп.1. Д. 1818. Л. 11.
[531] Рождественский Т. Открытое письмо // Воронежские епархиальные ведомости. 1901. № 1. С. 12.
[532] Так называли себя хлысты. Подробнее об истории расколо-сектанства в губернии см.: Олейников Т. М. Очерки по истории расколо-сектантства в Воронежской губ. Воронеж, 1914.

ный, плясовой характер молитвенного обряда. Адепты собирались вместе и посредством танцев, громких песнопений входили в состояние измененного сознания. Обряды воронежских хлыстов сильно впечатлили синодального чиновника Семена Бондаря, побывавшего в Коротоякском, Бобровском, Богучарском и Павловском уездах проездом весной 1912 г. Увиденное чиновник описал в письме к своему близкому другу, бывшему министру внутренних дел Российской империи, князю П. Д. Святополк-Мирскому. «Особенно любопытно было собрание «новоизраильтян» в поселке Таловой, Бобровского уезда. На собрании было «гуляние в духе». Это было похоже на какой-то дикий, необузданный пляс: носились кругом, словно в вихре, криком и гиком; прыгали на 1/2 аршина и выше от земли. Получается какая-то прыгучая карусель. Прыгали под пение веселых песен или стихов, – причем в разгар пляски пение переходило в какое-то истерическое выкрикивание слов песен. Даже степенные пожилые и старые люди «гуляли в духе». Одна толстая старуха носилась легко, как перышко»[533].

Собираясь вместе, адепты секты часто пели стихи религиозного содержания. Вот некоторые из них: «Один к нам явился Бог живой, милосердный, преблагой. Он нам ангела явил, златую трубу трубил, труба труба золотая и двенадцати воротам»[534]. Или: «Здравствуйте, братцы родные, однокровные, одного отца Бога Творца, я вас породил и разум дал, заповедовал к вам, сошлю сына своего, духа истинного, а примите и радуйтесь, а кто в любви, тот и в радости, а кто во зле, тот сидит во тьме, а злых и гордых бичом поражу, кротких и смиренных со святыми упокою». «На земле Христос родился, что должно ему страдать, отца с матерью лишился сам остался сиротой, прошел голос во всю землю, что сын Божий на земле»[535].

Однако песнопения и пляски представляли собой лишь безобидную форму куда более небезопасного содержания. Секта хлыстов несла значительную социальную угрозу. Так, например, один из лидеров воронежских сектантов Григорий

[533] ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 383. Л. 59.
[534] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 714. Л. 8 об.
[535] Там же.

Абрамович Степанцев насильно обращал в свою веру некоторых жителей. В 1887 г. он совратил в хлыстовское лжеучение крестьянку Пелагею Николаевну Анохину, говоря ей, что он «приведет ее в Царство Божие»[536]. Та поначалу поверила наставнику, но впоследствии захотела выйти из хлыстовства, так как вполне убедилась в антихристианском духе еретиков. Но выйти было уже не так-то просто. Ей угрожали физической расправой, а когда дошло дело до суда, то требовали изменить показания под угрозами смерти[537].

Православное духовенство сектантские лидеры называли «зверями» и «сатанами», а Святое Причастие – «собачьим испражнением, которым священники приобщают народ»[538]. Православные священники – это не священники, а «попы». У истинно верующих, по учению хлыстов, был лишь один Священник – Христос. Он отдал свою жизнь за словесных овец, а «попы» своих жизней за прихожан не отдавали. Иван Ломакин, один из наиболее авторитетных в Воронежской губернии хлыстовских учителей, открыто говорил, что на свете существует три врага: священник, дьякон и дьячок[539]. Воронежские хлысты не стеснялись называть своих лидеров живыми «богами и «богородицами».

Как писал благочинный четвертого округа Коротоякского уезда, «сектанты внесли и теперь продолжают вносить среди православного народа полнейшую деморализацию»[540].

В докладах полицейских чинов губернскому правлению также подчеркивалась асоциальность секты. Хлысты, или как они сами называли свои общины «Новый Израиль», не стеснялись открыто проповедовать свое учение. На собраниях практиковалось расторжение совершенных по православному обряду браков. Мужчинам давали новых – «духовных» жен (предварительно разведенных), а женам других мужей. Нередко фиксировались случаи, когда перешедшие из православия мужья, не желая расставаться со своими прежними женами и при этом

[536] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 714. Л. 8 об.
[537] Там же. Л. 9 об.
[538] Там же. Л. 8 об.
[539] Там же. Л. 9 об.
[540] Там же. Л. 19.

намериваясь получить новых – «духовных», приводили последних к себе домой. Прежние жены либо уходили из дома вместе с детьми, либо оставались в качестве работниц, так как идти было просто некуда. При этом управление хозяйством переходило к новым «духовным» женам, а прежние фактически превращались в рабынь. Для несчастных женщин существовал два варианта: либо уйти из дома, либо сохранить за собой мужа путем перехода в секту. Это был один из способов «естественного» расширения «Нового Израиля»[541].

В 1909 г. сектанты попытались обратить в свою веру крестьянку – девицу Гликерию Григорьеву, по сути, выкрав ее из дома матери. Местные жители, узнав о произошедшем, изъявили намерение совершить самосуд над руководителями «Нового Израиля». Лишь благодаря вмешательству местного священника Тихона Быковского удалось избежать кровопролития[542].

По словам архиепископа Тихона (Никанорова), хлыстовская секта являлась самой сложной в плане миссионерской работы. Лидеры «Нового Израиля» официально числились православными, что делало невозможным даже выяснить точную численность общин[543].

Немалую озабоченность воронежского духовенства вызывало распространение в губернии баптизма. Под баптистами понимались представители разных протестантских движений. Воронежский архиепископ Тихон (Никаноров) писал: «Баптисты, как известно, разделяются на три партии: 1) баптисты–евангелисты, 2) просто евангелисты и 3) адвентисты»[544]. Бросались в глаза духовенства хитрые увертки, к которым прибегали сектанты, пытаясь достигнуть большей эффективности в распространении своего учения. Так, епархиальный миссионер священник Петр Сергеев в отчете за 1914 г. писал, что баптисты даже в лице своих провинциальных наставников старались не называть себя таковыми, предпочитая пред-

[541] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 714. Л. 21.
[542] Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1701. Л. 5.
[543] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 22 об
[544] Там же.

ставляться «евангельскими христианами» или «христианами, живущими по евангелию» и т.д.[545]

Воронежские миссионеры отмечали сплоченность баптистов. Когда в 1912 г. в Россоши старанием местного духовенства закрыли молитвенный дом сектантов, то их пастор Таганов, не жалея собственных средств, организовал собрания у себя дома, оказывая помощь всем нуждавшимся. Если же где-либо он видел колебание своих собратьев в убеждениях, то немедленно бросал дела и лично выезжал поддержать сомневавшихся. «Тагановым баптизм в Россоши и держится», – отмечалось в епархиальных отчетах[546].

Появление баптизма в Острогожском уезде, особенно в Россошанской и Ольховатской волостях, было связано с проживанием в этих районах обеспеченных переселенцев из Херсонской и Екатеринославской губерний. Архиерей Тихон (Никаноров) констатировал: «Обладая большими средствами, они ревностно распространяют свое лжеучение среди коренных жителей и иногда материальною помощью, иногда подкупами, а иногда и силой обращают их в свою секту»[547].

Распространению баптизма в Воронежской губернии во многом способствовало то, что в селе Пески Новохоперского уезда долгое время жил секретарь Всероссийского союза баптистов, редактор журнала «Друг молодежи» Василий Прокофьевич Степанов. Новохоперский уезд являлся своего рода центром баптистского движения. Оттуда секта проникла в другие уезды, да и в сам город Воронеж.

Преподаватель семинарии Т. М. Олейников одиним из первых побывал на собрании воронежских баптистов в доме № 6 по Богоявленской улице. Он поделился увиденным на страницах епархиальных ведомостей. «С чувством необыкновенной, серьезной боли пишу и произношу слова: воронежские сектанты-баптисты… Итак, здесь, где… жили такие ревнители православия, как Святители Митрофан и Тихон, в нашем богоспасаемом граде, появились и вьют себе гнездо

[545] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2631. Л. 26 об.
[546] Там же. Д. 2631. Л. 27.
[547] Там же. Д. 2572. Л. 23.

сектанты-баптисты»[548]. Т. М. Олейников описывал, как при входе в церковь-комнату, снимаемую в частном доме в центре города, его встретил мужчина, «который на вопрос можно ли присутствовать на собрании ответил полным согласием, добавив: «Только без возражений»[549]. На «богослужении» присутствовало около 30 человек, в основном мастеровых. Само собрание состояло из совместного пения гимнов из особого сборника «Гусли» Фетлера. Особенно не понравились Т. М. Олейникову исполнение пастором Ходасевичем (предводителем воронежских баптистов, служащим Юго-Восточной Железной дороги) харизматической молитвы. «Здесь в Воронеже «много грешников, мало праведников», измышляли баптисты во время молитв. Конечно, по всему выходило, что грешники, которых много в Воронеже, это мы, православные, а праведники, которых мало, это они, баптисты. «Пусть живущие в Воронеже познают Тебя, о милый Христос»… Какое открытие! Оказывается, что Воронеж еще совсем не познал Христа, оказывается, что Воронеж какой-то языческий город»[550].

Энергичная проповедь баптистов, по сути, застала духовенство врасплох. Воронежский священник Николай Попов писал в те годы о быстром и неожиданном распространении баптистов в губернии. «Пока мы спали, враг посеял плевелы, которые трудно истребить»[551]. Иерей адресовал молодому поколению священнослужителей свою статью, призывая обратить пристальное внимание на образование. Сектанты смущали людей своим ви́дением традиционных для православной веры истин. Многие, дотоле очевидные для простых крестьян догматические положения, ставились сектантами под сомнение уверенными «подтверждениями» из Священного Писания. Иерей Николай Попов с глубоким прискорбием отмечал неспособность большинства духовных лиц ответить сектантам, без труда ориентировавшимся в новозаветных текстах. Причина тому лежала в недостаточной подготовке клириков. В семинариях слишком много внимания уделялось ме-

[548] Олейников Т. М. На собрании у воронежских сектантов-баптистов // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 11. С. 414.
[549] Там же. С. 415.
[550] Там же. № 12. С. 428.
[551] Попов Н., свящ. Заметка // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 23. С. 752.

ханическому зазубриванию текста, нежели осознанному его усвоению. В качестве примера автор приводил историю о том, как к священнику пришел сектант и попросил разъяснить смысл 14 главы Второго Послания апостола Павла к Коринфянам. «Священник говорит сектанту: «Приходи вечером, я тебе разъясню». Тогда сектант засмеялся и сказал: «Такой и главы в Библии нет»[552].

Тем не менее воронежское духовенство старалось противостоять распространению баптизма. В селе Пески неоднократно проходили публичные диспуты между известными православными миссионерами (в село приезжали афонский иеромонах, впоследствии синодальный миссионер, Арсений, саратовский епархиальный миссионер А. Голубев, воронежский епархиальный миссионер Тихон Рождественский и др.) и местными пасторами. По мнению воронежских миссионеров, сектанты «находили в своей местной среде талантливых знатоков-ораторов и всякий раз проявляли собой довольно внушительную силу»[553]. Для того чтобы уменьшить распространение лжеучений в этом «рассаднике сектантства» архиепископ Анастасий в мае 1912 г. благословил открыть в селе краткосрочные миссионерские курсы. Заведующим курсов назначили епархиального миссионера, кандидат богословия священника М. Грацианского. В качестве обязательного компонента программы обучения вошло проведение пяти показательных бесед православных священников с лидерами местных баптистов, с тем чтобы показать пример успешного ведения диспутов.

Воронежский священник-миссионер Г. Носков вспоминал, как его попросили выступить на диспуте против «врагов Церкви Христовой» и он, несмотря на множество послушаний, согласился, воспринимая это долгом чести[554]. Беседы проводились в местном Казанском храме. «Громадный Казанский храм был переполнен народом в ожидании диспутов с врагами церкви – баптистами». Против священника выступал сам Василий Прокофьевич Степанов, в том время – секре-

[552] Олейников Т. М. На собрании у воронежских сектантов-баптистов // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 12. С. 756.
[553] Носков Г., свящ. Беседа о Священном Предании и предании баптистов, веденная с баптистским лжепророком В. Степановым в с. Песках, Воронежской губернии. Воронеж, 1912. С. 2.
[554] Там же. С. 3.

тарь Всероссийского союза баптистов, редактор журнала «Друг молодежи», считавшийся одним из самых лучших баптистских ораторов. Диспут продолжался долго. Поднималось большое количество тем, главные из которых касались вопроса о признании церковного предания. По воспоминаниям священника Г. Носкова, Степанов достойно вел полемику, однако в конце диспута был обескуражен четкими и однозначными доводами православной стороны. Беседа завершилась тем, что под вечер (около 20 часов) Степанов «со всей своей братией отказался слушать заключительную речь и, нарушив договор и тишину, поспешно удалился из храма»[555].

В начале XX века помимо баптистов и других, если можно так выразиться, «классических» сект в Воронежской губернии появились представители совершенно нового лжеучения – секты «иоаннитов». В селе Поворино того же неблагополучного Новохоперского уезда книгоноши-иоанниты распространяли среди населения сочинения, якобы написанные известным и глубоко почитаемым в то время во всей империи протоиереем Иоанном Кронштадским. Людям предлагалось купить его портреты, пояса, освященные на его могилке. Среди населения села стали ходить слухи о частых «чудесах» от принесенного иоаннитами изображения покойного протоиерея Сергиева (фамилия Иоанна Кронштадского). В скором времени в селе начали проводиться ночные молитвенные собрания. Иоаннитами произносились поучения, направленные на внушение благоговейного трепета к личности известного подвижника. На собраниях читались акафисты, за которыми лидерами секты совершалось большое количество земных поклонов (на каждом возгласе «Радуйся»), так что число их иногда доходило до тысячи и более. По окончании поклонов «духовные наставники» снимали с себя рубахи и тут же в присутствии остальных адептов выжимали из них пот. Воронежское священноначалие предостерегало православных: «Такое физическое самоизнурение импонирует на присутствующих, располагая их в пользу сектантов»[556]. Лишь благо-

[555] Носков Г., свящ. Указ. соч. С. 20.
[556] Хроника // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 8. С. 304.

даря самым решительным действиям настоятеля местной церкви священника Иоанна Иванова, прилюдно обличившего иоаннитов в ереси, удалось избежать массового оттока населения в секту. После двухмесячного пребывания в селе Поворино они были выдворены населением. Однако около десяти наиболее ревностных адептов так и продолжали совершать в селе «ночные бдения»[557].

Еще одним оппозиционным церкви течением, с которым пришлось столкнуться приходским священникам Воронежской епархии, была религиозная концепция Л. Н. Толстого. Учение знаменитого писателя преследовалось властями, за последователями устраивались наблюдения ввиду социальной опасности исповедуемых ими идей (толстовцы ставили себя в оппозицию официальной церкви, проповедовали идеи социального равенства, пацифизма, дворяне отказывались служить в армии, так как, по их мнению, настоящим христианам нельзя брать в руки оружие). Сторонники толстовства некоторое время проявляли в губернии достаточную активность во многом благодаря деятельности проживавшего в хуторе Ржевск Острогожского уезда помещика, одного из видных приверженцев толстовства – В. Г. Черткова. Полиция старалась контролировать последователей нового учения. Начальник ВГЖУ получил особое указание из столицы. В Петербурге стало известно, что отпечатанное за границей произведение графа Л. Н. Толстого «Царство Божье внутри Вас есть» уже попало в Россию и, скорее всего, распространялось среди населения. Поэтому воронежской полиции советовали усилить меры надзора, уделить личности дворянина В. Г. Черткова пристальное внимание и принять меры к ограждению населения от еретического учения[558].

Несмотря на бдительность полиции, лжеучение распространялось в губернии. Некоторые православные христиане переставали ходить в храм, причащаться, вести религиозный образ жизни. Интерес к новому религиозному учению проявляли даже воспитанники Воронежской духовной семинарии. В 1895 г. ученик V класса Николай Марков распространял идеи толстовства в духовной школе, пред-

[557] Хроника // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 8. С. 304.
[558] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 142. Л. 1.

лагая для чтения своим товарищам журнал «Эсперанто» («Esperanto») – печатный орган идей графа Л. Н. Толстого[559].

Духовенство старалось противодействовать пропаганде толстовства. В частности, в 1896 г. священнослужитель-миссионер Павел Агеев начал активную борьбу с учением у себя в уезде. Это вызвало крайнее возмущение В. Г. Черткова. Последний попытался совратить прихожан священника Павла Агеева в толстовство, но под влиянием проповедей клирика этому никто не поддавался. А когда помещик узнал о намерении прихожан отдавать в пользу ветхой и бедной церкви священника Павла весь свой воскресный заработок, вообще пошел на крайние меры: запретил таким крестьянам работать у него в имении, фактически лишив их возможности прокормиться. Но, как отмечал в письме к преосвященному Анастасию уездный исправник, ни один прихожанин не бросил храм[560]. Духовные власти включилось в борьбу с В. Г. Чертковым, стараясь оказывать клирику финансовую помощь[561].

Священник села Демина Валуйского уезда Григорий Домов предотвратил выход из православия группы крестьян, работавших на строительстве плотины в хуторе Репьевка у помещика В. Г. Черткова. Вернувшиеся к себе домой с работ по возведению плотины крестьяне перестали ходить в храм. Как оказалось, с работниками часто беседовали на религиозные темы. В частности, говорили, что «Матерь Божию называют неправильно «Пресвятою» и «Родившею Иисуса Христа от наития Святого Духа», потому что женщина не могла родить без мужчины. Крестьянам внушалось, что никакого непорочного зачатия не было, а значит, воздавать почести Богородице не следовало [562]. Священник Домов провел с крестьянами ряд разъяснительных бесед, убедив их вернуться в православие. Поражает ак-

[559] ГАВО. Ф. И-1. Оп.1. Д. 27. Л. 68.
[560] Там же. Ф. И-6. Оп 1. Д. 190. Л. 13 об.
[561] Там же. Л. 13.
[562] Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 64.

тивность священника. Он не только выяснил темы, на которые с ними беседовала Черткова, но и заставил крестьян выдать ему запрещенную литературу[563].

При обнаружении книг толстовского содержания священнослужители старались обращаться в полицию с тем, чтобы против распространителей возбуждалось дознание. Так, например, осенью 1902 г. в слободе Александровке Лизиновской волости Острогожского уезда священник Павел Иванович Попов, причащавший крестьянку Анну Тимофеевну Тюжукову, случайно обнаружил брошюру «Соборное слово» Черткова, толстовского содержания[564]. Клирик незамедлительно сообщил об этом в полицию, что послужило началом целого дела против распространителей нелегальной еретической литературы учителей слободы Александровка Николая Степановича и Ольги Степановны Трусовых[565].

Благодаря политике властей и усилиям приходского духовенства в начале XX века толстовство стало заметно терять свои позиции. В отчете за 1913 г. воронежский архиерей Тихон (Никаноров) отмечал упадок некогда популярного толстовства. Если в конце XIX века одним из центров лжеучения являлась слобода Россошь Острогожского уезда, то в 1913 г. о нем практически никто ничего не знал. «В настоящее время с толстовством можно встретиться в селе Калаче Богучарского уезда, где его пропагандирует еврей-аптекарь Шик»[566]. В Богучарском уезде среди приказчиков и небольшой части интеллигенции распространялись «Краткое Евангелие» Л. Н. Толстого и «мелкие брошюры по 2-3 копейки издательства Сытина»[567]. По словам преосвященного, результатом чтения такой литературы становятся утверждения о том, что «бессмертия нет, на могиле вырастает дерево и только. Вот и я когда помру, то хоть плетни подпирай». Или: «Евангелие – выдумка, извращено попами, все обман, ничего там нет»[568].

---

[563] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.
[564] Там же. Д. 266. Л. 11.
[565] Там же. Л. 11 об.
[566] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 24.
[567] Там же.
[568] Там же. Л. 24.

Преподаватель семинарии, активный миссионер Т. М. Олейников призывал приходское духовенство усерднее исполнять свой пастырский долг по сохранению «словесного стада» в безопасности от разного рода лжеучений и ересей. «Пастыри! Сектантство растет, ваша паства уходит от вас. Силою евангельского слова удержите свою паству около себя. Подойдите к ней ближе…»[569].

Большинство священнослужителей понимало опасность пагубного влияния сект на православную паству и предпринимало меры к противодействию.

Одной из мер по борьбе с распространением суеверий и лжеучений являлось проведение народных чтений и катехизических поучений при церквях епархии. Чтения проводились на темы, раскрывавшие основные положения христианского вероучения. Воронежские архипастыри призывали священнослужителей заниматься помимо богослужебной еще и религиозно-просветительской деятельностью. Так, архиепископ Серафим (Аретинский) лично просил священнослужителей Успенской церкви села Козловки Бобровского уезда организовать на приходе просветительские чтения, что и было сделано в 1887 г. Прихожане с большим интересом посещали их. О времени начала бесед извещал колокольный звон, на который стекалось значительное число крестьян. Двадцать чтений, проведенных с марта по декабрь, посетило свыше 7 000 человек[570]. Священники с удивлением отмечали большой интерес прихожан к проводимым беседам. Крестьянин шел на них «из дому нарочито и в непогоду, идет чуть не по колено по грязи и по воде, весной и осенью и даже в половодье, даже уделяет время для слушания чтений – невероятная вещь – в страдную пору!»[571]

С целью противостояния сектантству клириками епархии активно создавались миссионерские библиотеки. При Братстве святителей Митрофана и Тихона создали особую библиотечную комиссию для контроля за положением дел с мис-

---

[569] Олейников Т. М. К борьбе с сектами // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 11. С. 413.
[570] Несколько слов о чтениях для народа при Успенской церкви с. Козловки, Бобровского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1888. № 2. С. 75.
[571] Там же. С. 73.

сионерскими библиотеками [572]. По состоянию на 1878 г. библиотеки имелись при 712 церквях, еще при 40 церквях духовенство открыло обширные благочинические библиотеки[573].

Желая пробудить среди народа интерес к осознанному уяснению богослужения, воронежское священноначалие объявило 1912 год так называемым «певческим годом». Во многих приходах епархии священнослужители призывали прихожан к совместному исполнению основных богослужебных песнопений. «Причты глубоко проникнуты убеждением, что только этою мерою, всенародным самодеятельным участием всех богомольцев в песнопении, наилучшим образом пробуждается и поддерживается молитвенное настроение»[574]. В приходах Введенской церкви села Пироговки, Казанской церкви слободы Юнаковой и Сошествиевской церкви села Гвазды верующими совместным пением исполнялось все всенощное бдение, многие богослужебные тексты литургии. По свидетельству благочинных, практика всенародного пения благотворно влияла на прихожан, отвращая колеблющихся от ухода в секты. «Такое делание сильнее громовой проповеди, это есть лучшее миссионерское мероприятие оградить православие от натиска сектантов», – говорилось в одном из благочиннических отчетов[575].

Приходские клирики проводили в своих церквях внебогослужебные собеседования, способствовавшие распространению среди населения начал христианского просвещения. В официальных документах не указывалась численность приходов, в которых духовенство вело внебогослужебные собеседования. Это было сложно подсчитать, так как в некоторых храмах священнослужители могли проводить собеседования в течение года или нескольких лет, затем прекращать их, а по прошествии определенного времени снова возобновлять. Однако в 1912 г. архиепископ Анастасий писал в Синод, что подобные просветительские беседы ве-

---

[572] Рождественский Т. Открытое письмо // Воронежские епархиальные ведомости. 1901. № 1. С. 13.
[573] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 774. Л. 15.
[574] Там же. Д. 2510. Л. 13.
[575] Там же.

лись в большинстве приходов епархии[576]. Архиерей подчеркивал положительное влияние собеседований на прихожан, с интересом их посещавших. Чаще всего беседы подразделялись на два основных тематических направления: изучение Священного Писания и основы вероучения (объяснение Символа Веры, таинств и обрядов, краткая история церкви, иллюстрированная примерами из житий святых). В 1912 г. крестьяне села Олень-Колодезь Коротоякского уезда, выслушав на внебогослужебном собеседовании житие святителя Иоасафа Белгородского, произведшее на них глубокое впечатление, собрали из своих средств 270 рублей, с тем чтобы заказать в честь святого икону для своей приходской церкви. То же самое произошло и в Селе Круглом Коротоякского уезда, где проводились беседы о жизненном пути святителей Митрофана и Тихона. Крестьяне после этого собрали сумму в 350 рублей и приобрели иконы в честь святых для местных приходских церквей[577].

Не все клирики с одинаковым энтузиазмом относились к миссионерской работе. Некоторые священники не считали для себя необходимым обращать внимание на уклонение части своей паствы в сектантство и раскол. Павловский уездный исправник М. Булович докладывал в 1911 г. начальнику ВГЖУ о недостаточно внимательном отношении местного духовенства к проживавшим в селах Клеповке и Гвазде сектантам. «Если бы священники в этих селах были бы на высоте своего сана и долга и если бы в эти села приезжали епархиальные миссионеры и устраивали почаще собеседования с сектантами, то последние давно были бы присоединены к православию»[578].

В целом воронежская епархиальная миссия представляется недостаточно организованной и эффективной. На 20 тысяч раскольников-сектантов в 1914 г. в губернии имелось: 2 епархиальных миссионера, 6 уездных, 2 окружных миссионера и 3 книгоноши-миссионера[579], то есть всего 13 человек. Силы были явно не

[576] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 11.
[577] Там же. Л. 12 об.
[578] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 714. Л. 3.
[579] Обзор Воронежской губернии за 1914 г. Воронеж, 1915. С. 51.

равные. Тем не менее священники старались вести просветительскую работу со своими прихожанами.

Помимо борьбы с сектами приходское духовенство Воронежской епархии немало усилий прикладывало к противодействию такому активно распространявшемуся в народной среде, особенно в пореформенный период Российской истории, социальному пороку как пьянство. Клирики с горестью отмечали, что в рассматриваемое время среди преимущественно крестьянского населения пьянство становилось злой реальностью повседневной жизни. Священник третьего благочиннического округа Николай Черницын в 1912 г. с нескрываемой озабоченностью писал архиерею: « Пьют у нас много: пьют взрослые и дети и более мужчины, чем женщины, способствуют такому пьянству кабаки по хатам; почти половина прихода торгует водкой»[580]. Священник отмечал, что он и другие члены причта хотя и пытались вести разъяснительную работу среди своих прихожан, но без поддержки со стороны властей существенных изменений добиться было не возможно. «Если б хотя чуть пришло на помощь нам начальство и полиция, пьянство значительно сократилось бы»[581].

По мнению архиепископа Анастасия, развитию пьянства в Воронежской губернии способствовало несколько факторов. Одним из них являлось распространение отхожих промыслов, ведение хозяйства на отрубных участках, образованных вследствие начала проведения в жизнь аграрной реформы П. А. Столыпина. Архиерей констатировал негативные в религиозном отношении последствия этой реформы. Крестьяне, особенно молодежь, поселившись с весны на отруба с рабочим и гужевым скотом, там же проводили воскресные и праздничные дни. Так как храма рядом, как правило, не существовало, а в свой приход они не стремились, то воскресные дни проводились в праздности и распутстве[582].

Второй важный, по мнению воронежского архиерея, фактор увеличившегося пьянства заключался во влиянии на население возвращавшихся с военной

[580] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 14.
[581] Там же.
[582] Там же. Д. 2572. Л. 13.

службы «распропагандированных» социалистическими партиями солдат, которые «поучают необузданную деревню уму-разуму, как лица «бывалые»[583]. Общее охлаждение к вере и традициям, а также «прокатившаяся по России революционная волна, совершенно сбившая с толку народ возвещенными свободами» способствовали развитию этого порока[584]. С нескрываемым недовольством архиерей отмечал, что если в «доброе старое время» прихожане с охотой шли в храм на утреню, начинавшуюся в 2 часа ночи, боясь опоздать, то в его время (это писалось в 1912 г. – С. И.) «продолжительный звон в 6-7 часов утра еле-еле будит духовно спящую паству»[585].

Духовенство вело активную работу по пресечению пьянства среди своих прихожан. Способы противодействия были самыми разными: это и создание обществ трезвости, распространение специальной литературы, проведение проповедей и богослужений.

Для борьбы с пьянством в конце XIX века в губернии стали активно создаваться так называемые общества трезвости. Как правило, их организаторами становились сами приходские священники. Данные организации имели свои кассы, пополняемые за счет добровольных взносов, необходимых для закупки противоалкогольной литературы, проведения встреч, бесед и лекций. Духовенство старалось пробуждать в крестьянах интерес к обществам, объясняя всю их важность и необходимость. Так, священник В. Дроздов убеждал своих прихожан организовать общество трезвости, приводя в пример случай из собственной служебной практики. Знакомый ему крестьянин-плотник, задолжал рабочим 20 руб. Когда пришло время платить долг, то денег не оказалась, так как крестьянин их просто-напросто пропил. Рабочие начали требовать у него деньги. Плотник решил, что возвратить долг не сможет, «вышел в амбар и перерезал себе горло, вот до чего

[583] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 14.
[584] Там же. Л. 21.
[585] Там же.

довела нетрезвая жизнь»[586]. По мнению священнослужителя, общество трезвости могло бы спасти этого несчастного человека.

Население с сочувствием относилось к новооткрываемым обществам трезвости. Об этом свидетельствует опыт воронежского священника Александра Мишина, в 1904 г. открывшего общество трезвости в селе Хвощеватом Землянского уезда. Поначалу число членов не превышало 10 человек. Но уже в конце года их значилось 196, а в 1905 г. – 949 человек, причем 259 человек были воронежцами (в городе Воронеже собственного общества трезвости на тот момент не существовало)[587]. Священнослужитель со страниц епархиальных ведомостей призывал представителей молодого поколения воронежского духовенства организовывать подобные общества трезвости у себя на приходах. «Молодым же пастырям, еще полным сил, энергии и юношеской теплоты, прямо непростительно и грешно пред Богом и людьми видеть и не помочь человеку, гибнущему в пьянстве, отчаявшемуся часто в своем спасении и главное, неведущему, что есть возможность и средство для его нравственного исправления и спасения, и что их легко можно обрести чрез своего же приходского священника»[588].

В епархиальном отчете за 1912 г. отмечалось, что открытое в приходской церкви села Краснореченское Новохоперского уезда общество трезвости «произвело полное перерождение народа до неузнаваемости»[589]. Благодаря ревностной деятельности настоятеля население села высказалось за окончательное закрытие казенной пивной лавки. В результате такие общественные язвы, как кулачные бои, пьяный разгул по праздникам, отошли в прошлое. «Случайное появление пьяного на улице вызывает уже всеобщее негодование»[590].

---

[586] Дроздов В., свящ. Указ. соч. С. 551.
[587] Мишин А., свящ. Отчет об устройстве Общества Трезвости в селе Хвощеватом Землянского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 18. С. 825.
[588] Там же. С. 826.
[589] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 22 об.
[590] Там же.

В 1913 г. обществ трезвости, действовавших официально, по определенному уставу, в епархии насчитывалось 51[591].

В слободе Урыв Коротоякского уезда священник своими разъяснительными беседами с прихожанами настолько сильно повлиял на местное население, что там была пресечена деятельность «вечеринок», то есть пьяных «ночных собраний молодежи обоего пола, где являлись не для скромности и чистоты нравственной»[592].

В селе Архангельском того же Коротоякского уезда в 1912 г. местный священник произнес за богослужением настолько проникновенную проповедь, что 80 прихожан дали обещание окончательно бросить пьянство. Как свидетельствуют отчеты благочинного, они исполнили свое обещание.

В 1913 г. архиепископ Тихон (Никаноров) писал в отчете Синоду, что в Воронежской епархии служил священник (имя его не указывалось), который обладал настолько сильным даром слова и нравственным авторитетом среди своих прихожан, что жители окрестных с его церковью селений в числе пяти тысяч человек, проводившие в свое время нетрезвый образ жизни, совершенно перестали злоупотреблять спиртными напитками[593].

По состоянию на 1913 г. почти во всех приходах Воронежской епархии священнослужители выписывали специальную литературу и наглядные брошюры (такие издания, как «Трезвая жизнь», «Трезвые восходы», «Духовная беседа»), призывавшие людей отказаться от пьянства и вести здоровый, трезвый образ жизни. Практически повсеместно священники в воскресные и праздничные дни служили молебны святому Иоанну Предтече, в то время особо почитаемому в качестве помощника в деле преодоления недуга пьянства. Священники накладывали своего рода епитимьи на наиболее заядлых пьяниц, многие из которых давали

[591] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 10 об.
[592] Там же. Л. 23.
[593] Там же. Л. 10 об.

обещание прекратить прежний образ жизни. «Случаи нарушения обетов при этом, – свидетельствовали благочинные, – бывают весьма редки»[594].

Имелись среди воронежского духовенства лица, издававшие специальную противоалкогольную литературу собственного сочинения. Одним из таких был иерей Иоанн Попов. В 1901 г. в Богучаре вышла его книга под названием «Спиртные напитки по учению науки и церкви». Автор ставил своей задачей рассмотреть вредное влияние спиртных напитков на духовное и физическое здоровье человека с точки зрения церковного вероучения и современных на тот момент научных данных. С прискорбием в работе отмечалось: «Ничто в мире не преследует так настойчиво человека и ничто так не соблазняет его, как спиртные напитки»[595]. Употребление водки могло привести к самым негативным последствиям. «Чтобы видеть всю серьезность этого дела достаточно привести несколько доказательств: из числа душевнобольных в больницах средней Европы 10-15% страдают вследствие злоупотребления спиртными напитками, в Швеции 60% идиотов происходят от родителей, предавшихся пьянству»[596].

Автор старался всячески предупредить читающих о том, что безудержное пьянство могло привести к смерти. Немало людей, находившихся под действием алкогольных напитков, замерзали зимой по дороге домой и т. п.

Вполне осознавая, какой вред приносило чрезмерное употребление спиртных напитков, духовенство стало бороться с укоренившимся обычаем угощать причты водкой после совершения треб, особенно после таинства венчания. Благочинный Новохоперского благочиния в 1913 г. писал архиерею, что его священнослужители вели работу по искоренению злого обычая напиваться на духовных торжествах. «Выводится обычай угощения духовенства водкою и вином при совершении треб у прихожан, а также последующее употребление тех же напитков на поминальных обедах. Внушается прихожанам избегать затрат на водку при браках, не устраивать так называемых «девичников» на кануне венчания браков,

[594] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 10 об.
[595] Попов И., свящ. Спиртные напитки по учению науки и церкви. Богучар, 1901. С. 3.
[596] Там же. С. 11.

что бы к совершению таинства все являлись трезвыми, почему и самые браки совершаются утром до обеда. Рекомендуется прихожанам на семейных торжествах заменять водку – чаем, брагу – фруктовыми водами»[597].

Духовенство стремилось, как это показывает вышеприведенный материал, активно бороться с развивавшимися в рассматриваемое время социальными пороками. Распространение сект, пьянство, духовная непросвещенность заставляли священно-церковнослужителей реагировать открытием просветительских курсов, бесед, обществ трезвости. Подобная работа велась практически во всех приходах Воронежской епархии. Современники отмечали результативность такой деятельности. Многие прихожане задумывались над своей жизнью, возвращались из раскола в лоно православной церкви. Люди с охотой вступали в создававшиеся при церквях общества трезвости. Однако кардинальных успехов приходским священникам достичь так и не удалось, ввиду того что просветительское дело было возложено исключительно на клириков. Последние, не получая поддержки извне, в том числе и со стороны государства, могли рассчитывать только на свои силы.

§3. Религиозное и духовно-нравственное состояние населения Воронежской губернии

Важным и вместе с тем сложным представляется вопрос религиозной и духовно-нравственной характеристики населения Воронежской губернии второй половины XIX – начала XX века. Рассматриваемый период – это значительный временной отрезок, в котором наблюдается изменение общественных настроений по отношению к церкви и традиционным для России ценностям. Непросто говорить о религиозности человека, так как убеждения и переживания порой бывают скрыты в глубине души, а внешнее поведение не всегда отражает все то, что переживает и о чем думает та или иная личность. Однако, для того чтобы понять, в каких условиях приходилось нести свое послушание приходским священнослужителям, необходимо, хотя бы в самых общих чертах, попытаться воссоздать

[597] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 10.

внутренний мир их паствы. Имеющиеся материалы могут отчасти прояснить общую духовно-нравственную атмосферу, определявшую жизнь православного населения Воронежского края в указанное время.

Дошедшие до нас источники (преимущественно церковного происхождения) свидетельствуют о возраставшей религиозной индифферентности и нравственном оскудении части православной паствы. Правда в епархиальных отчетах середины и конца XIX века можно встретить вполне благоприятные характеристики духовного состояния населения. В 1898 г. воронежский архиерей Анастасий писал в Синод: «Население епархии в общем составляет народ верующий, набожный и старающийся о провождении христианской благочестивой жизни. Паства во всех особенных случаях семейной, общественной и частной жизни прибегает к Богу… на постигающие несчастия смотрит как на наказание Божие за прегрешения и как призыв к покаянию» [598]. Как показала дальнейшая история, архипастырь в значительной степени идеализировал свою паству. В его ранних оценках прослеживается желание видеть население верующим, искренне преданным православной церкви, лишенным темных начал. Уже вскоре воронежский преосвященный изменит свою позицию и с горечью будет констатировать постепенный рост духовного равнодушия населения.

В 1906 г. тот же архиерей писал в Синод, что под влиянием известных политических обстоятельств (главным образом революционных событий 1905-1907 гг.) от прежнего благочестия в народе не осталось и следа. Архипастырь с нескрываемым удивлением отмечал наступавшую духовную деградацию населения вверенной ему епархии. «За последние два года в нашем простом народе наблюдается упадок религиозности и какое-то нравственное брожение, особенно среди подрастающей молодежи, где более всего обнаруживается расшатанность нравственных устоев. А последний год показал нам столько дикостей, столько дикого необузданного произвола, что говорить что-нибудь о нравственном воспитании народа, о проведении в жизнь каких-либо христианских истин весьма затрудни-

[598] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1714. Л. 38

тельно… Из года в год все более и более усиливается безразличное отношение иных пасомых к установленным церковным постам, все более и более ослабевают брачные узы и развиваются легкие отношения полов»[599].

Официальные издания середины XIX века подчеркивали верность рядового и знатного населения православным монархическим убеждениям и ценностям. 4 апреля 1866 г., как известно, на императора Александра II произошло покушение, неудачным исполнителем которого являлся член революционного подполья Дмитрий Каракозов. Согласно одной из версий жизнь государя была спасена благодаря действиям оказавшегося рядом крестьянина Осипа Комиссарова. Для народонаселения империи произошедшее обернулось сильным шоком. По случаю избавления от смерти императора во всех губерниях служились благодарственные молебны. В городе Воронеже по этому поводу устроили специальные торжества, проходившие в апреле 1866 г. Очевидец торжеств описывал, насколько велик был в связи с этим общий патриотический подъем воронежцев. На площади города установили шатер, вокруг которого собрались тысячи воронежцев. Архиепископ Серафим (Аретинский) возглавил служение молебна, в конце которого произнес речь по случаю спасения императора от руки убийцы. После богослужения архиерей поклонился портрету царя и поцеловал его. Воронежцы, увидев изображение императора, «пришли в полный экстаз»[600]. В момент, когда портрет государя вынесли на обозрение к народу, все находившиеся на площади сняли с себя головные уборы. Один из присутствовавших при этом забыл снять с себя шапку, но она была схвачена толпой и разорвана на куски [601].

Простое крестьянское население чтило государя, испытывало трепет перед властью и старалось жить церковной жизнью. Имя императора, помазанника Божия, являлось священным для большинства населения. Священник Тихон Донецкий вспоминал, какое сильное впечатление на народ произвела трагическая кон-

[599] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2139. Л. 16.
[600] Малыхин П. Описание происходивших в Воронеже молебствий и празднества по случаю сохранения жизни государя императора Александра Николаевича от руки убийцы. Воронеж, 1866. С. 40.
[601] Там же. С. 41.

чина императора Александра II 1 марта 1881 г. Отец Тихон в то время учился в Павловском духовном училище. На всю жизнь ему запомнилось, как во время панихиды от переживания трагизма убийства государя упал в обморок генерал Бальман[602].

Но с течением времени, в том числе под влиянием либеральных настроений, вызванных освободительными реформами 60-70-х гг. XIX века, традиционные для русского человека ценности, сформированные православным мировоззрением начинали угасать. Воронежские священнослужители отмечали все большее обмирщение не только образованного общества, но и части простого крестьянского населения. В отчетах воронежских преосвященных можно проследить, насколько серьезно духовенство беспокоилось о подобной ситуации. Особенно заметно неуважение и непочтение к церкви стали проявлять себя после аграрных беспорядков Первой русской революции. Крестьяне все чаще покушались на церковные земельные участки, устраивали потравы посевов, незаконно отбирали причтовые наделы. Воронежский архиерей Анастасий писал по этому поводу в Синод: «Прихожане, даже любящие и уважающие свой причт, без зазрения совести делают у него потравы посевов, воруют снопы и проч. и проч., чего никогда не бывало в доброе старое время»[603].

В 1906 г. в Воронежской епархии крестьяне ограбили свыше 100 церквей, то есть почти каждую восьмую приходскую церковь![604] Святыня, перед которой в «старое доброе время» благоговело сердце верующего русского человека, уже переставала быть предметом почитания. Воронежское священноначалие в том же 1906 г. обратилось к губернатору с просьбой издать распоряжение полиции об учреждении в Воронежской губернии особых ночных караулов для защиты имущества церквей и монастырей епархии[605].

---

[602] Донецкий Т., свящ. Указ. соч. С. 737.
[603] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 19.
[604] Там же. Д. 2139. Л. 9 об.
[605] Там же.

Власти обращали внимание на возрастание количества тяжких правонарушений. Особенно заметным было возрастание количества преступлений против веры и церкви. Об этом говорилось даже в официальных статистических изданиях. В 1902 г. таких преступлений в губернии зафиксировали 17, в 1912 – уже 47. Ниже приводится диаграмма 1, наглядно показывающая происходившие изменения.

Диаграмма 1

Изменение численности преступлений против веры и церкви в Воронежской губернии в период с 1902 по 1912 гг.[606]

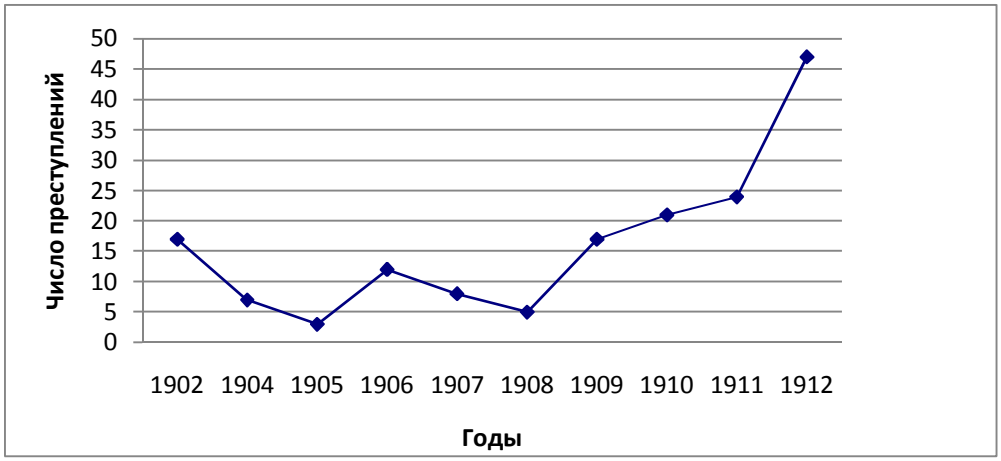

Диаграмма 1 свидетельствует о постепенном росте числа преступлений против веры и церкви в Воронежской губернии, особенно после всколыхнувших население губернии событий революции 1905-1907 гг.

Духовенство с тревогой констатировало, что предметами краж начинали становиться не только денежные средства из церковных кружек, но и даже богослужебные сосуды, предметы религиозного поклонения. При этом отмечался и новый необычный характер преступлений против церкви. «Отличительную осо-

---

[606] Обзор Воронежской губернии за 1883. Воронеж, 1884. С. 22; Обзор Воронежской губернии за 1902. Воронеж, 1903. С. 41; Обзор Воронежской губернии за 1905. Воронеж, 1906. С. 48; Обзор Воронежской губернии за 1907. Воронеж, 1908. С. 53; Обзор Воронежской губернии за 1908. Воронеж, 1909. С. 55; Обзор Воронежской губернии за 1909. Воронеж, 1910. С. 53; Обзор Воронежской губернии за 1910. Воронеж, 1911. С. 53; Обзор Воронежской губернии за 1911. Воронеж, 1912. С. 52; Обзор Воронежской губернии за 1912. Воронеж, 1913. С. 53; Обзор Воронежской губернии за 1913. Воронеж, 1914. С. 52; Обзор Воронежской губернии за 1914. Воронеж, 1915. С. 53.

бенность хулиганства составляет кажущаяся бесцельность вреда и отсутствие прямой выгоды как побудительного повода»[607].

В пореформенной России существовало мнение, иногда его можно услышать и сегодня, что русский крестьянин по природе своей являлся боголюбцем, глубоко почитавшим церковь, жившим подлинной религиозной жизнью. Крестьянство выступало в представлении многих своеобразным антиподом интеллигенции – носительницы враждебного православию либерального духа. Очевидно, что искренне верующих людей среди крестьян в России было немало. Но в глубине народного сердца замечались и другие менее светлые черты. Симптоматичной в этом отношении выглядела статья известного дореволюционного священника протоиерея Михаила Левитова «Народ и духовенство», увидевшая свет в 1907 г. Автору часто приходилось слышать такие высказывания, как «русский народ богоносец», «религиозность отличительная черта русского народа», «наш крестьянин беззаветно предан матери Православной Церкви». Однако протоиерей констатировал, что на деле он как приходской священник сталкивался с совершенно противоположными чертами русского крестьянства. «Мне кажется, во имя блага Церкви, следовало бы, наконец, признаться, что простонародье, крестьянство в особенности, враждебнее относится к духовенству, чем интеллигенция»[608].

Духовный индифферентизм проявлялся не только в явных агрессивных формах, но и в повседневной жизни простого крестьянства. Приходской священник Николай Кузьмин опубликовал в 1912 г. статью в «Воронежских епархиальных ведомостях», в которой делился с читателями своим возмущением по поводу того, как в некоторых селах Воронежской губернии крестьяне относились к кладбищам. Несмотря на то что населению этих сел неоднократно делались предупреждения как со стороны светских властей, так и со стороны духовных, крестьяне довели кладбища до запустения. «Место вечного покоя, представляет из себя «мерзость запустения», по пастбищам пасется скот, ломая незатейливые кресты, и

[607] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 21.
[608] Левитов М., свящ. Народ и духовенство. Казань. 1907. С. 7.

так-то сколоченные на живую нитку и даже роются свиньи, раскапывая могильные холмики»[609].

Автор совершенно справедливо полагал, что в данном случае не следовало оправдывать крестьян тяжелой, отнимавшей все силы и время ради прокормления семей работой на поле. По мысли иерея Николая Кузьмина, если бы селяне действительно испытывали чувство благоговения перед памятью умерших и перед священной для православного христианина обязанностью молитвенно почитать усопших родственников, то подобной картины ему бы не пришлось наблюдать. «Если бы установился у нашего мужика правильный взгляд, что грешно и стыдно неглижировать в таком деле… что это место священное, то нашлось бы и время и руки, когда бы заняться этим воистину святым делом»[610].

Воронежские благочинные также отмечали в своих отзывах заметные признаки отсутствия полноценной религиозной жизни среди народонаселения Воронежской губернии. Высказывались мнения, что «прихода как религиозного братства, в настоящее время нет: в церковь собирается для общественной молитвы публика, а не прихожане»[611]. Поэтому, с точки зрения некоторых священнослужителей, следовало реформировать весь строй приходской жизни с тем, чтобы создать приход как братство, живущее подлинной религиозной жизнью. Такое мнение разделяли практически все благочинные Воронежской епархии во главе с архиепископом Анастасием. Однако последний считал, что приходы как таковые все-таки существовали и действовали, но «приходская жизнь обнаруживается весьма слабо, в исключительных случаях» [612].

Удивительным представляется то, что́ приходское духовенство Воронежской епархии рассматривало в качестве основного средства изменения сложившегося порядка вещей. По мнению большинства причтов, первым делом необходимо

---

[609] Кузьмин Н., свящ. Печальное явление // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 38. С. 1049.
[610] Там же. С. 1052.
[611] Анастасий (Добрадин), архиепископ. Соображения особого совещания… С. 135.
[612] Там же. С. 136.

было придать приходам права юридического лица[613]. Эта мера должна была позволить возродить подлинно религиозную жизнь в православных общинах. Сегодня, по прошествии всех тех трагических событий, с которыми Русской православной церкви пришлось столкнуться в первой половине XX века, утверждение о способности юридического статуса приходов изменить характер духовной жизни общин выглядит по меньшей мере спорным. Корень проблемы находился гораздо глубже. Это был общий кризис синодальной системы, искусственно, на протяжении столетий пытавшейся сделать из церкви часть государственного механизма.

Приходскому священнику Воронежской епархии Иакову Тимофееву нередко приходилось видеть в городах губернии печальную картину: накануне воскресного или праздничного богослужения (во время благовеста перед началом всенощного бдения) в храмах практически никого не было. Многие воронежцы храмовому богослужению предпочитали посещение синематографа. «Звонят ко всенощной, к молитве благостной, и звон благовестника вопит точно в пустыне. К молитве… идут немногие. Большинство тянется в синематографы…»[614]. По мнение Тимофеева, отток и ослабление интереса городского населения к церковному богослужению следовало преодолевать законодательным путем. Государственной Думе необходимо было принять закон, запрещавший сеансы синематографа в канун праздничных и воскресных служб. Священнослужитель, как и многие другие клирики епархии, имел твердое убеждение: «Только повсюдным и одновременным, в законодательном порядке, проведением такого запрещения можно ослабить или совсем прекратить идущее по всему фронту опустошение храмов Божиих» [615]. В очередной раз приходится удивляться точке зрения многих воронежских клириков, полагавших, что с усиливавшимся равнодушием к церкви можно было справиться административными мерами, путем принятия того или иного закона.

---

[613] Анастасий (Добрадин), архиепископ. Соображения особого совещания… С. 136.
[614] Тимофеев Иаков, свящ. К вопросу об электро-театрах // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 1124.
[615] Там же. С. 1125.

Не следует, однако, полагать, что крестьянство было поголовно заражено духом ненависти к духовенству и православию. Естественно, этого не наблюдалось. Можно говорить о некоторых негативных тенденциях, сказывавшихся на общем духовном климате в государстве. В душе русского человека жили любовь и почитание к святыне. Среди приходского духовенства Воронежской епархии проходили дискуссии по поводу того, осталась ли жива вера в простом народе (который всегда выступал в качестве опоры и хранителя православия в России), или же под влиянием либеральных преобразований, революционного движения 1905-1907 гг. от прежнего благочестия не осталось и следа.

С утверждением о все еще значительной любви русского крестьянина к церкви и духовенству выступал известный воронежский священник Георгий Лебедев. В 1909 г. он поместил в Епархиальные ведомости статью с описанием торжеств, посвященных пребыванию чудотворной Дивногорской-Сицилийской иконы Божьей Матери в селе Красном Нижнедевицкого уезда. Почтить чудотворную икону пришло огромное количество народа. Это, с точки зрения священнослужителя, свидетельствовало о глубокой вере в среде простого народа.

Неправильными представлялись автору и заявления многих его современников о непросвещенности и религиозном невежестве крестьянского населения. Некоторые простолюдины знали тексты Евангелия и других книг Священного Писания наизусть. «Евангелие дает им неисчерпаемый источник для сознательного усвоения, под руководством своих пастырей, истин веры, а знания житий святых угодников – наглядное подтверждение евангельских истин»[616]. Часто же замечаемые скептиками негативные примеры в духовной жизни крестьянства следовало приписывать злонамеренной деятельности агитаторов левых социалистических партий, с неистовством набросившихся на неискушенные ум и сердце простого русского человека. Но, когда агитаторы, пытаясь убедить неграмотных мужиков в несправедливости политического строя, бессмысленности сложивших-

[616] Лебедев Георгий, свящ. Жива ли вера в народе? Пребывание Чудотворной Иконы Божией Матери в с. Красном, Нижнедев. у. // Воронежские епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 145.

ся традиций и ценностей, касались вопросов православной веры, всегда получали отпор. «Всякий агитатор, социал-ревоюционер, демократ и проч., когда касаясь религии, разглагольствовал о том, что попам нужно уменьшить плату за требы, или даже возможно и совсем не платить… получал такой решительный отпор… что впоследствии не смел и заикнуться о данном вопросе»[617].

Подобная точка зрения как бы успокаивала приходских священнослужителей, давала надежду на то, что произошедшие в 1905-1907 гг. беспорядки были явлением неосознанным, временным, и возродить авторитет духовенства еще можно. Это мотивировало многих пастырей к продолжению ревностного служения. Отчасти подобную точку зрения разделял и архиепископ Воронежский Анастасий, утверждавший, что за аграрными беспорядками и волнениями не стояло определенной сознательной деятельности крестьянства. В 1907 г. архипастырь писал в Синод: «Несомненно, что аграрные беспорядки и разгромы помещичьих владений в некоторых местах не были делом какой-либо систематической подготовки или планомерных действий со стороны самих крестьян, а разразились совершенно неожиданно. Это было какое-то стихийное движение, разыгравшееся на почве какого-то бессознательного увлечения и всеобщей растерянности, но не без влияния со стороны революционеров»[618].

Вышеприведенные слова архиерея резюмируют мнения большинства причтов епархии. Сейчас сложно судить, насколько сознательным или бессознательным было проявление всеобщего неистовства крестьянства и других слоев населения как по отношению к помещичьим имениям, так и по отношению к церкви. Но нельзя не заметить, тревожные признаки духовного упадка все чаще давали о себе знать.

В качестве одной из основных причин происходившего духовного охлаждения населения духовенство выделяло новые реалии политической и социальной жизни Российской империи начала XX века. Архиепископ Анастасий отмечал:

---

[617] Лебедев Георгий, свящ. Указ. соч. С. 147.
[618] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2139. Л. 11 об.

«Прокатившаяся по России революционная волна совершенно сбила с толку народ возвещенными свободами»[619].

Конечно, на отношение рядового крестьянского населения к приходскому духовенству влияли и другие объективные причины, одна из которых крылась в характере получения средств с основного источника доходов – требоисполнения. Сам факт финансовой зависимости священно-церковнослужителей от собственных прихожан отрицательно сказывался на духовном состоянии паствы. Священник вынужденно сочетал в себе две совершенно противоположные роли: с одной стороны – духовного пастыря, призывавшего население к нищелюбию и независимости от материальных благ, с другой – человека, требовавшего платы за оказанные услуги и потраченное на совершение требы время. Нельзя не согласиться со словами владыки Анастасия, писавшего в Синод: «Поистине нужно быть сверхчеловеком, чтобы достойно совмещать проповедование высоких истин с неприличными просьбами и напоминанием о долгах. Поэтому-то многие юноши даровитые и преданные церкви не решаются посвятить свои силы пастырскому служению и уходят на страну далече»[620].

С подобными проблемами сталкивались не только причты Воронежской, но и других епархий Российской церкви. Известный в начале XX века церковный публицист священник Михаил Левитов писал на этот счет, что простонародье нередко обвиняло приходское духовенство в корысти, совершенно не разбираясь в реальном (далеко незавидном) финансовом положении православных клириков. Протоиерей Михаил уверял, если крестьянину задали бы вопрос, почему он не расположен к духовенству, то ответ был бы однозначным: «Да дюже они хапают»[621].

Любая попытка священнослужителей взять с крестьянина за совершенную требу хотя бы на пятак больше, могла обернуться совершенно неадекватной реакцией. «Каждый клок во владении причта крестьянам представляется громадным

---

[619] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2510. Л. 21 об.
[620] Там же. Л. 19.
[621] Левитов М., свящ. Указ. соч. С. 6.

поместьем; скромный домишко – дворцом; рубль – сотней; блин, яйцо, клок холстины, краюха хлеба, полученная с них, – несметными сокровищами»[622]. По свидетельству священника, тема жадности духовенства была одной из любимых среди крестьян. Ему самому нередко приходилось слышать, как работавшие на барском поле мужики во время колокольного звона к вечерне, говорили друг другу: «Слышь, слышь, ребята! Отец Иван деньгу то кует! Ишь выковывает, ишь выковывает»[623].

Таким образом, имеющиеся источники позволяют утверждать, что во второй половине XIX – начале XX века в Воронежской епархии наблюдалась тенденция постепенного упадка религиозной жизни части крестьянского населения. Революционная волна начала XX века явилась мощным стимулом к распространению антицерковных настроений. Церковь мыслилась опорой самодержавия. Общее народное недовольство, поднявшееся против императорской власти, автоматически поднималось и против православной церкви. Тот факт, что Российская православная церковь на протяжении синодального периода своей истории находилась в полной зависимости от государства, не мог не давать о себе знать. Забитое бесправное приходское духовенство не могло сдержать упадок авторитета веры, который, в свою очередь, являлся прямым следствием конфессиональной политики самодержавия. Несмотря на активные попытки местного духовенства преодолеть сложившуюся ситуацию, новые негативные явления в духовной жизни православных приходов все чаще заявляли о себе.

Выводы по главе. Воронежское приходское духовенство проводило активную просветительскую работу среди своих прихожан – жителей губернии. Вполне естественным был призыв правительства к православным священно-церковнослужителям заняться открытием церковно-приходских школ и послужить людям на ниве народного образования. Почти все клирики имели за плечами семинарию, порой являясь единственными образованными жителями у себя на приходах. О

---

[622] Левитов М., свящ. Указ. соч. С. 9.
[623] Там же. С. 10.

деятельном участии духовенства в распространении среди населения губернии образования, свидетельствует значительный рост церковных школ. Несмотря на отсутствие серьезной финансовой поддержки со стороны государства, клирики епархии ежегодно открывали десятки народных школ, порой жертвуя собственные и без того скудные средства. В период с 1884 по 1910 г. в Воронежской епархии старанием приходских клириков число церковно-приходских школ выросло с 54 до 634. В среднем духовенство открывало по 22 школы ежегодно. Священно-церковнослужители со всей очевидностью сознавали необходимость развития народного образования. Большая работа проводилась по разъяснению крестьянам важности и значения грамоты. Конечно, знания, которые давали церковные учебные заведения, были самыми элементарными, но в условиях тотальной неграмотности переоценить их довольно сложно.

Просветительская деятельность воронежского духовенства не ограничивалась лишь созданием церковных школ. Многие клирики, обладая хорошим образованием, делились с прихожанами знаниями в области сельского хозяйства, трудились на поприще научной деятельности. Большое значение имела работа духовенства по противодействию распространению пьянства, социальных пороков. Священники выписывали антиалкогольную литературу, создавали специальные библиотеки, служили молебны и произносили проповеди, призывая верующих вести достойный христианина образ жизни. В 1913 г. в Воронежской епархии действовало 51 официально зарегистрированное общество трезвости.

Виду того, что на территории Воронежской губернии традиционно проживали раскольники различных толков, а также представители сект, приходское духовенство вело работу по борьбе с распространением ересей и лжеучений. В приходах епархии организовывались религиозные беседы, встречи. Значительное внимание духовенство уделяло созданию просветительских библиотек при церквях. По состоянию на 1878 г. библиотеки действовали при 712 приходах, еще при 40 церквях имелись более расширенные благочинические библиотеки. Епархиальный миссионер старался координировать деятельность клириков по борьбе с расколо-сектанством. Несмотря на это, распространение сект в губернии продол-

жалось. Это было вызвано целым рядом трудностей, в том числе и отсутствием должной государственной поддержки клириков, призванных собственными силами вести просветительскую работу.

Революционные события 1905-1907 гг. вскрыли долгое время незамечаемые проблемы постепенного духовного охлаждения населения, выражавшегося во все более частых проявлениях равнодушного и неуважительного отношения к церкви. Клирики старались противостоять негативным тенденциям. Однако кардинально ситуация так и не изменилась. Кризис российской монархии напрямую влиял и на положение православной церкви. Некоторые воронежские священники понимали, что негативные явления духовной жизни начала XX века являли собой признаки надвигавшейся катастрофы.

ГЛАВА III. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА

§1. Общественно-политическая тематика в проповедях воронежского духовенства

Проповедь в православной церкви всегда являлась неотъемлемым компонентом священнического служения. Существуют канонические правила, которые обязывали и обязывают до сих пор представителей духовного сословия участвовать в «служении слова». Так, например, 58-е Апостольское правило гласит: «Епископ или пресвитер, не радящий о причте и о людях и не учащий их благочестию, да будет отлучен»[624]. При этом канонические правила, определявшие во второй половине XIX – начале XX века и продолжающие определять сегодня отношение священнослужителей к гомилетической обязанности, предполагают целый ряд ограничений для проповедников. В 19-м правиле VI Вселенского собора указывалось, что «предстоятели Церквей должны по вся дни, наипаче же в дни воскресные, поучати весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественного Писания разумения и рассуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания Богоносных отец. И аще будет исследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учители Церкви»[625].

Из вышеприведённого правила видно, что священнослужители обязаны строить свои проповеди исключительно на основе текстов Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Даже интерпретация этих текстов должна основываться на мыслях и рассуждениях святых отцов церкви. Однако представители духовного сословия, несмотря на некоторые ограничения, всё же имели возможность высказывать с амвона собственные взгляды и идеи.

Проповеди представляют собой плод персональной работы и отражают в себе творческую индивидуальность. Поэтому слова и поучения, с которыми свя-

[624] Никодим (Милаш), епископ. Указ. соч. С. 394.
[625] Там же. С. 490.

щенники обращались к народу, являются важным историческим источником, позволяющим выявить основные тенденции в духовной и общественной жизни как прихожан, так и самих клириков.

Применительно к Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века до нас дошло значительное количество проповедей, составленных местным духовенством. Поучения систематически публиковались на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей». Например, с 1866 по 1890 г. местными епархиальными ведомостями было опубликовано 356 проповедей, составленных представителями воронежского духовенства, главным образом приходского (иереями и протоиереями). Несмотря на то что по опубликованным проповедям сложно судить об уровне гомилетической подготовки основной части священнослужителей, всё-таки можно попытаться выяснить характер поучений, особенности проповеди XIX – начала XX века, степень образованности и интеллектуальной подготовки составителей, особенно если учесть, что публиковали свои «слова» не только представители городского (наиболее образованного) духовенства, но и сельские пастыри. Но главное, мы сможем проследить, какое место среди проповедей воронежского духовенства занимали поучения на социально-политические темы, касавшиеся заметных событий в истории Российской империи рассматриваемого времени.

Из 356 проповедей, опубликованных с 1866 по 1890 г., 142 (наибольшее число) посвящены переходящим праздникам, таким как Пасха, Пятидесятница, Вознесение и др., а также неделям (то есть воскресным дням) по Пасхе и Пятидесятнице. 142 слова посвящены непреходящим праздникам (Крещение, Сретение, Благовещение, Новый год, память святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста и др.). Но церковные праздники и памятные даты не были единственным поводом, по которому местное духовенство произносило свои проповеди. Говорились поучения и в так называемые «царские дни», то есть дни, связанные с заметными событиями в жизни царственных особ (восшествие на престол Александра II, коронование и священное миропомазание их Императорских высочеств, дни рождения государей и т. д.). С 1866 по 1890 г. в «Воронежских епархиальных ве-

домостях» опубликовано 38 проповедей по поводу подобных событий, ещё 44 слова представляют собой речи, произнесенные при отпевании разных лиц (как духовного, так и светского звания).

Несмотря на достаточно жёсткие канонические рамки, представители воронежского духовенства живо реагировали на социально-политические процессы, происходившие в пореформенной России второй половины XIX – начала XX века. Почти во всех опубликованных проповедях, в том числе произнесённых на, казалось бы, сугубо церковные, не имевшие никакого отношения к государственной жизни темы, священнослужители касались наиболее актуальных, на их взгляд, вопросов, имевших политический или социально значимый характер.

Естественно, что местное духовенство не могло не обойти своим вниманием такого существенного, кардинально изменившего атмосферу общественной жизни Российской империи вопроса, как отмена крепостного права. В этом отношении примечательна проповедь воронежского священника, протоиерея Богословской церкви Петра Иванова, произнесенная им 19 февраля 1887 г. Отмена крепостного права оценивалась протоиереем Петром как одно из самых значимых событий в российской истории. Проповедь начиналась словами: «Дорогие братья и сестры! Нынешний день напоминает нам о великом и благодетельном событии, совершившемся в нашем Отечестве. 22 года тому назад провозглашено было царское слово об уничтожении крепостного права и более 20 миллионов получили свободу от векового рабства»[626]. В чём же, с точки зрения воронежского протоиерея, заключалось величие данного события? Как говорил об этом сам автор, «свобода и разум составляют главнейшие преимущества, которыми человек, отличаясь от прочих существ видимой природы, возвышается над ними как венец творения. При таком значении свободы лишение её составляет величайшее из несчастий… А если представим (очевиден намек на некоторых помещиков – С. И.) при этом злоупотребление своими правами некоторых рабовладельцев, широкий про-

[626] Иванов П., прот. Слово в день 19 февраля // Воронежские епархиальные ведомости. 1887. № 7. С. 180.

извол их в распоряжении судьбою подчиненных, презрительное и жестокое обращение с ними, непосильные требования, то печальная картина принимает ещё более мрачный вид»[627]. Далее в проповеди говорилось о великом Божьем деле императора Александра II – отмене веками укоренявшегося в сознании русского человека рабства, сросшегося с историей страны. Сам процесс отмены крепостного права священник называл чудом: «Ибо, не чудо ли, что такая великая реформа в государстве … совершилась вдруг и притом тихо и спокойно, без всяких волнений и беспорядков, которыми сопровождались подобные реформы в других государствах, так что вызвало удивление не только со стороны отечественных, но и иностранных наблюдателей»[628]. Автор поучения призывал православных христиан возблагодарить Александра II, который не побоялся взять на себя столь серьёзную ответственность и решился отменить въевшуюся в сознание не одного поколения систему крепостнических отношений.

Между тем в проповеди отмечалась не только заслуга императора Александра II как человека, покончившего с крепостной зависимостью, но также обращалось внимание на то, что он не ограничился лишь этим шагом, а провёл ещё целый ряд успешных для страны реформ. В России «отменены прежние стеснительные порядки, облегчены многие тяжести, расширена свобода общественной деятельности, ограждено и расширено личное достоинство каждого»[629]. Из проповеди можно заключить, что священнослужитель придерживался либеральных взглядов. Он неоднократно подчёркивал значение демократических прав и свобод, обращал внимание на назревшую в те годы необходимость преобразований.

Темы отмены крепостного права, внутренней и внешней политики Александра II довольно часто встречаются в проповедях воронежского духовенства. Так, в Слове в день восшествия на престол российского императора Александра Николаевича, произнесённом 19 февраля 1868 г. в Благовещенском соборе Воронежского Митрофанова монастыря, говорилось: «Александр II не только оправдал,

---

[627] Иванов П., прот. Указ. соч. С. 181.
[628] Там же. С. 183.
[629] Там же. С. 184.

но, не обинуясь можно сказать, превзошёл все добрые желания и благие надежды»[630]. Первым великим делом, которое совершил император, являлось заключение Россией Парижского мира. По мнению проповедника, главным для России было то, что «целость государства не только не подверглась каким-нибудь существенным изменениям, но, напротив, пределы его далеко расширились включением в состав России отдалённого и обширного Приамурского края»[631].

Следующим шагом Александра II, заслуживавшим, по мнению автора слова, самой высокой похвалы, явилась отмена крепостного права, так как рабство и неволя – едва ли не одно из самых тяжких зол, угнетающих человечество. Главную опасность крепостного права в России проповедник видел в привыкании людей к подчиненному состоянию. Они перестали обращать внимание на пагубность своего положения. Между тем, «дело дошло до того, что уже многие личности, забыв в себе недостатки, свойственные всем людям, стали смотреть на других людей, во всём подобным им, но обстоятельствами жизни поставленных в зависимость от них, как на существа безличные, лишённые всех человеческих прав»[632].

В проповеди неоднократно давались намёки на произвол и злоупотребления со стороны помещиков, которые, по мнению автора, присвоив одним себе права на довольство и счастье в этом мире, стали по своему личному бесконтрольному и неограниченному желанию распоряжаться не только имуществом подчиненных им людей, но и даже самим правом на жизнь. «Кому из нас, братья и сестры, не известно по нескольку примеров той плачевной участи, в которую поставлены были в нашем отечестве так называемые крепостные, участи, которая только одною слабою чертою отделяла их от неразумных животных»[633]. Но император Александр Николаевич отменил это состояние, и теперь от крестьян, которые когда-то находились в незавидном положении, «не потребуют трудов, которые вы-

[630] Слово в день восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича // Воронежские епархиальные ведомости. 1868. № 6. С. 157.
[631] Там же.
[632] Там же. С. 159.
[633] Там же.

ше их сил, не будут принуждать к работам во время усталости, а тем более во время болезни»[634].

Обе рассмотренные проповеди, как и почти все, затрагивавшие тему отмены крепостной зависимости, призывали воронежскую паству возблагодарить Бога за милость, явленную в том, что страной управляла столь великая личность как император Александр II. Поучения, произнесенные после трагической кончины государя-освободителя, содержали критику и недоумение по поводу бессмысленного покушения. К примеру, священник Пётр Иванов заявлял: «Казалось бы, что после таких славных деяний оставалось только наслаждаться плодами их и мирно почивать среди всего спокойствия и довольства… Но увы! К прискорбию и вечному стыду нашему, нашлись и среди нас недовольные и неблагодарные своим царём … явились безумные крамольники, не раз покушавшиеся на его жизнь и наконец умертвившие его»[635].

Смерть Александра II, как известно, потрясла всю Россию. Непонимание произошедшего и негодование отразились и в проповедях воронежского духовенства, некоторые представители которого даже сравнивали почившего императора со Христом. Священник Н. Марков 9 апреля 1881 г. (40-й день после кончины царя) замечал в своей проповеди: «Поистине великую четыредесятницу ужаса, негодования и скорби пережило всякое русское сердце, потрясённое страшным событием 1-го марта»[636]. Далее следовала характеристика Александра II как человека, уподобившегося истинному христианину. Содержание поучения сводилось к следующему: как Христос принёс себя в жертву человеческому роду, чтобы искупить его грехи, так и убитый император, предоставив России свободу от крепостного рабства, отдал свою жизнь на алтарь свободы и справедливости. По мысли священнослужителя, народ никогда не забудет «образ, как великий царь-освободитель пал от руки убийц, едва дыша, истекающий кровью, без шинели и

---

[634] Слово в день восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича // Воронежские епархиальные ведомости. 1868. № 6. С. 160.
[635] Иванов П., прот. Указ. соч. С. 185.
[636] Марков Н., свящ. Речь в 40-й день по мученической кончине Государя Императора Александра II // Воронежские епархиальные ведомости. 1881. № 9. С. 374.

фуражки, с обнажёнными ногами, которые были совершенно изувечены, так что тело на них висело кусками»[637]. Можно сказать, что священник придерживался официального взгляда на царя как на помазанника Божьего и поэтому восхвалял его. Но подобное замечание не будет до конца справедливым, так как в поучении совершенно чётко прослеживается акцент на реальный вклад государя в дело укрепления мощи государства, оживления общественной атмосферы в стране.

Впрочем, отмена крепостного права и трагическая смерть Александра II не единственные темы, волновавшие умы местного духовенства во второй половине XIX века. Ещё одной важной темой того времени стала русско-турецкая война 1877-1878 гг. В этом отношении примечательна проповедь воронежского священнослужителя протоиерея Михаила Некрасова, законоучителя Воронежской военной Михайловской гимназии. В 1877 г. в одном из своих слов на день памяти святого благоверного князя Александра Невского он обратился к воронежцам со словами: «Дело наше – дело святое. Россия воздвигает крест Христов, попираемый луною … Наши славные воины подвигами приобщаются страданиям Христовым, распинаются с Ним. Описать их подвиги в кратком слове нет возможности»[638].

Далее протоиерей Михаил, очевидно, для того чтобы пробудить в слушающем проповедь народе чувство сопереживания и участия, описывал подвиги русских солдат и офицеров, принимавших участие в войне 1877-1878 гг. Указывалось, например, как защитникам Шипкинского перевала пришлось на трое суток совершенно отказаться от сна, пока шло сражение с громадными полчищами турок. В эти дни у русских солдат даже не было времени сварить себе пищи. Защитники Баязета, почти месяц отбивавшиеся от неприятеля в 20 раз превосходившего их, в день получали лишь ¼, а иногда и $^1/_6$ часть фунта сухарей и по ложке гнилой воды. (Приведённые священником слова кажутся неправдоподобными, основанными на излишнем эмоциональном порыве: ¼ фунта – это приблизительно 100 гр.

---

[637] Марков Н. Указ. соч. С. 374.

[638] Некрасов М., прот. Слово в день св. благоверного в. к. Александра Невского и в день тезоименитства Благочестивейшего Государя нашего Императора Александра Николаевича всея России // Воронежские епархиальные ведомости. 1881. № 18. С. 562 (далее – Некрасов М., прот. Слово в день св. благоверного в. к. Александра Невского…).

сухарей на человека в день. Вряд ли данный пример, иллюстрирующий подвиг русских воинов, имел место в действительности, хотя упоминание о нём можно встретить и в других изданиях. Согласно Советской военной энциклопедии (Т. 1)[639], русский гарнизон Баязета (около 1650 человек) был осаждён турками (около 11 тыс человек). Осада продолжалась 23 дня. На каждого солдата приходились 1 ложка воды и 50 гр. сухарей в день). В завершении поучения автор призывал воронежцев не быть безучастными к героям той войны: «Дорогие братья и сестры, мы в долгу перед нашими славными воинами и долгу неоплатном. Война требует жертв, и жертв громадных. В одном сражении, при ужасном усовершенствовании оружия, сколько может быть искалечено людей. Эти раненые должны быть вылечены нами, им мы должны дать приют и безбедное содержание»[640].

Священнослужители Воронежской епархии неоднократно обращались к пастве с призывом оказать помощь не только военнослужащим, но и членам их семей. Так, один из местных проповедников, справедливо отмечая, что русские воины умирали ни за что иное, как за родную землю, и оставили всё ради славы своего Отечества, вопрошал: «Скажите, братья и сестры, не наша ли святая христианская обязанность – дружно и со всем усердием позаботиться и об участи бедных семейств наших воинов?!»[641]

Ещё одной темой, затрагивавшейся священнослужителями в проповедях, была тема избавления от смерти императора Александра III во время крушения царского поезда 17 октября 1888 г. Разумеется, факт избавления Помазанника Божьего от смерти трактовался воронежскими проповедниками как проявление исключительной Божьей милости. При этом подчёркивалось, что радость о благоприятном для Александра III исходе представляет собой не столько радость для самой личности правителя, сколько несомненное, очевидное благо для всего русского народа. Священник Иоанно-Богословской церкви при Воронежской духов-

---

[639] Советская военная энциклопедия в 8 т. / гл. ред. А. А. Гречко. Москва, 1976. Т. 1. С. 414.
[640] Некрасов М., прот. Слово в день св. благоверного в. к. Александра Невского… С. 562.
[641] Слово в день рождения Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны и освящения храма для раненых воинов // Воронежские епархиальные ведомости. 1881. № 16. С. 492.

ной семинарии Василий Бучнев в одной из своих проповедей на 17 октября замечал: «Не наполняется ли ныне, при этом воспоминании сердце каждого из нас самыми разнообразными чувствами: страха, удивления, любви и благодарности. Чувство страха порождается у нас от мысли, что могло случиться с нашим отечеством, если бы Господь не умилосердился над нами? Представляя грозившее несчастье и могущее произойти от него прискорбные последствия для России, сердце каждого из нас невольно содрогается»[642].

Но, по мысли иерея Василия Бучнева, страх перед неизвестностью в случае гибели императора – это не единственное чувство, возникавшее в сердцах православных подданных. Восхищение священнослужителя вызывало то обстоятельство, что и царь и царица, не мешкая, сразу после аварии приняли деятельное участие в оказании помощи пострадавшим: «В самом деле, едва можно сказать, прошла минута страшного бедствия, и Царь и Царица, забыв о страшном своём испуге, о собственных ушибах и поранениях, лишь уверившись в сохранности своих возлюбленных чад, несмотря на ненастную погоду, пострадавших они помогали переносить с места крушения, их раны они перевязывали, их кровь отирали своими руками»[643]. Поучение завершалось мыслью о том, что избавление Александра III от смерти не только безусловное чудо, но и определённый знак для тех, кто сомневался в будущем Российской империи, «великое вразумление для всех врагов Царя и России»[644].

Воронежское духовенство принимало активное участие в жизни губернии. Оно способствовало распространению образованности среди населения, совершало благотворительное социальное и патриотическое служение. Естественно, оно не могло не поддержать свою паству в годы, когда над Россией разразился страш-

---

[642] Бучнев Василий, свящ. Слово на 17-е число Октября // Воронежские епархиальные ведомости. 1890. № 24. С. 890.
[643] Там же. С. 891.
[644] Там же.

ный голод, последствия которого для страны до сих пор полностью ещё не изучены[645].

Засуха и неурожай 1891 г. побуждали местных священнослужителей обращаться к жителям Воронежской губернии с проповедями, в которых наблюдается намерение подбодрить население, уберечь его от пагубных последствий отчаяния (несмотря на то что от неурожая пострадали и сами причты, а доходы некоторых из них сократились наполовину)[646]. В словах делались попытки выявить очевидные духовные причины произошедшего. В качестве примера можно привести проповедь воронежского священника Алексеева, сказанную им по случаю засухи в 1891 г. Священник замечал, как в тот год рано началась весна, и все ожидали ранних трав и хлебов. К сожалению, надежды не сбылись, так как от начала весны и до осени почти не было дождя: «И над некоторыми частями нашего поля и совсем не было этой благодати Божьей»[647].

В чём же, с точки зрения воронежского проповедника, крылись причины печального события? Основная причина заключалась в духовном и нравственном разложении современного ему общества. В поучении давалось описание воронежской действительности того времени: «Много греха в торговле. Обман там возводится в необходимость: «не обманешь», говорят, «не продашь», а чтобы он был не так заметен, раз пять побожатся и перекрестятся. Торговые площади постоянно оглашаются… срамными, гнилыми словами. Тут языку даётся полнейший простор для сквернословия, и никто этому не стесняется… улыбка отражается на лицах слышащих, как бы в поощрение срамословам»[648].

Священнослужитель обличал и другие стороны религиозной действительности того времени: равнодушие к церкви, обмирщение молодёжи, непочтение священного сана. В итоге гомилетического дискурса проповедник пришел к заключению: «Не напрасно, а совершенно по справедливости постигла нас кара Бо-

[645] Миронов Б. Н. Указ соч. С. 257.
[646] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1374. Л. 44; Д. 1354. Л. 28.
[647] Алексеев, свящ. Поучение во время засухи и неурожая // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 17. С. 595.
[648] Там же. С. 600.

жья – засуха»[649]. Впрочем, проповедь заканчивалась на оптимистической ноте – внушением надежды на то, что всё образуется. Подобные слова, несмотря на обличительный характер, призвали население к активной деятельности, работе над собой и не впадать в отчаяние по случаю приключившейся беды.

Воронежские священнослужители в своих поучениях не могли не затронуть проблему распространения материалистических взглядов, революционных идей, непопулярности церкви среди молодёжи. Во многих проповедях, даже произнесённых исключительно на религиозные темы, так или иначе затрагивалась данная проблема. Яркой иллюстрацией этого является проповедь священника Н. Егорова, произнесённая им в день памяти Тихона Задонского. Подводя итог биографии святителя, иерей Н. Егоров замечал: «Сегодня существуют такие сыны православной церкви, которые или под влиянием неправославных учений, или под влиянием своего собственного гордого лжеименного разума, или, наконец, под влиянием своих порочных страстей разрывают всякую связь с православной церковью»[650]. Содержание поучения, безусловно, отражало реакцию местных клириков на духовный климат русской интеллигенции рассматриваемого времени.

Другой воронежский проповедник, священник Василий Бучнев, в одном из своих поучений замечал, что в его время заметно усилилось стремление к грамотности и полноценному образованию, так как повсюду открывались школы среди простого населения. Для средних и высших сословий также создавались различные учебные заведения. Однако в проповеди можно увидеть намек на неблагополучное настроение в умах определенного круга людей: «Но наблюдательный взор, рассматривая отрадную картину повсюду развивающегося образования… в недоумении перед печальным явлением, что с развитием грамотности… христианская вера, любовь и благочестие не преуспевают… от сего нередки такие явления, что

[649] Алексеев, свящ. Указ. соч. С. 601.
[650] Егоров Н., свящ. Слово в день памяти иже во святых отца нашего св. Тихона Задонского // Воронежские епархиальные ведомости. 1891. № 16. С. 588.

считающиеся образованными и сведущими в разных науках оказываются невеждами в отношении к главным истинам христианского учения»[651].

В проповедях воронежского духовенства начала XX века наблюдается озабоченность по поводу широкого распространения среди населения Российской империи, и жителей губернии в частности, тлетворных, чуждых православной традиции идей. В поучениях отмечались нездоровые, пагубные с точки зрения священнослужителей процессы как в духовной, так и в государственной жизни. Так, например, в Слове на Новый год священнослужитель Воронежской епархии Николай Егоров, обращаясь к своей пастве со словами поздравления и пожеланиями, замечал: «Желать твёрдости и убеждённости в вере православной побуждают тревожные и печальные явления в области жизни религиозной и государственной в виде разного рода лжеучений, увлекающих в свои сети малоопытных и легковерных обещаниями осуществления несбыточных мечтаний. Нужно много мужества, чтобы устоять против соблазна разума, ищущего ложные свободы»[652].

Вышеприведенные слова воронежского иерея содержали явный намек на все большую популярность социалистических утопических идей среди местного населения. Об этом говорит указание автора на «ложную свободу» и «несбыточные мечтания».

Беспокойство воронежского духовенства по поводу усиливавшегося равнодушия людей по отношению к церкви и православной вере можно встретить почти во всех проповедях второй половины XIX – начала XX века, опубликованных на страницах местной церковной периодической печати. Священнослужители даже предпринимали попытку обозначить проблему перед представителями дворянского сословия Воронежской губернии. В этом отношении примечательна проповедь протоиерея Иоанна Иванова, произнесенная им за Божественной литургией в присутствии местного дворянства в 1904 г. Автор поучения сравнивал мир обще-

---

[651] Бучнев В., свящ. Слово в неделю 25 по Пятидесятнице // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 23. С. 939.

[652] Егоров Н., священник. Слово в день восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича // Воронежские епархиальные ведомости. 1868. № 6. С. 346.

ственных отношений с миром физическим. В последнем, как известно, действуют определенные законы, изучению которых посвятила себя естественная наука. Подобно тому как состояние атмосферы, различные направления ветра могут служить людям в качестве указателей того, что следует ожидать от природы в ближайшем будущем, точно также и в обществе существуют «веяния», благодаря которым можно предположить, по какому пути будет развиваться общество в дальнейшем. По мысли священника, «веяния» его времени свидетельствовали об очевидной духовной деградации современного ему поколения. Обращаясь к дворянам, автор поучения призывал: «Судите так же праведно и о том, какие плоды придется собрать и что придется узреть в обществах и сожительствах наших, если учения «превратного ума» станут превозмогать в жизни и возобладают в суде и в управлении?»[653] Развитие подобных явлений, распространение материалистических идей должно было встретить осуждение и адекватную реакцию дворянского сословия. Иначе последствия могли бы быть самыми плачевными. Заканчивалось поучение прямо-таки пророческими словами: благодаря господству в обществе «превратного ума», наступит «власть тьмы, беззаконие как огонь разгорится, зло начнут называть добром и добро злом»[654]. Сегодня, в XXI веке, в ретроспективе известных событий 1917 г., бедствий Гражданской войны, сложно не признать если не пророческий дар, то, по крайней мере, глубокую проницательность воронежского протоиерея.

Тема распространения материалистических взглядов, секулярного подхода к жизни тесно переплеталась в проповедях воронежского духовенства с темой воспитания детей и молодежи. Местные священнослужители выражали недовольство и неудовлетворение модными на тот момент и вредными тенденциями в общеобразовательной среде. Основная проблема, с точки зрения духовенства, заключалась в отсутствии духовного, религиозного компонента в обучении. Так, в проповеди на 30 июля 1913 г. (то есть на день рождения Его императорского вы-

[653] Иванов И., протоиерей. Слово, сказанное за Божественной Литургией в присутствии дворян Воронежской губернии // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 346.
[654] Там же. С. 347.

сочества, Государя наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича) воронежский священник Т. Д. Попов сетовал, что в европейских учебных заведениях начала XX века «воспитываются «всемирные граждане» без религии и без вероисповедания»[655]. В своем поучении священнослужитель выражал недовольство по поводу окончательного обмирщения европейского образования. Во французских учебниках, предназначенных для использования детьми начальной школы, «всячески вытравляются христианские понятия и стираются священные имена: «Бог» и «Христос»[656]. В поучении приводились факты подмены религиозных понятий во французских учебниках того времени. В некоторых изданиях слово «Евангелие» заменялось названием «одна книга», иллюстрация, изображавшая храм, заменялась изображением почтово-телеграфной конторы. Вместо слова «Господи!» в одной из статей стояли слова «ох, какое несчастье»; начало рассказа, звучавшее как «было воскресенье, Павел шел из церкви», в отредактированном варианте превращалось в «был понедельник, Павел шел из школы»; заголовок рассказа «Молитва перед сном» заменялся на заголовок «Юлиан засыпает» и т.п.[657]

Как же воронежским священнослужителем оценивалось состояние российской педагогики в этом отношении? Протоиерей Т. Д. Попов отмечал наличие в России живой пламенной сердечной веры, которую уже давно потеряли западноевропейские народы. В России родители желали видеть своих детей «омытыми в благодатной купели христианского крещения»[658]. Сложно было в Российской империи начала XX века встретить такую мать, которая бы начинала воспитание своего ребенка, не причастив его в храме и не произведя над ним чина воцерковления – присоединения к православной церкви. Отмечалось распространенное и живое в то время среди русского населения обрядовое благочестие. «Пройдёт ли

---

[655] Попов Т. Д., прот. Слово на 30 июля 1913 г., в день рождения Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича // Воронежские епархиальные ведомости. 1913. № 32. С. 876.
[656] Там же. С. 877.
[657] Попов Т. Д., прот. Указ. соч. С. 877.
[658] Там же.

хотя бы один день в жизни русской женщины – матери христианки, когда бы она оставила без благодатного осенения крестным знамением дорогую колыбель своего младенца»[659].

Однако, несмотря на укорененность православных традиций в глубине души русского человека, тлетворный дух противления церкви начинал заметно проявлять себя. Проявлялось это прежде всего в образовании. «Вопросы о физическом воспитании у нас первенствуют пред вопросами о духовно-нравственном развитии»[660]. В программе учебных заведений богословию отводилось слишком мало времени. В средних учебных заведениях на Закон Божий начинали смотреть как на предмет для аттестата, а не для реальной жизни. Геометрические измерения и математические формулы стали занимать большее внимание детей, чем изучение основных нравственных и религиозных истин. В отечественной школе все чаще появлялись буквари и прописи без единого упоминания о Боге и церкви.

Священнослужитель иллюстрировал свои рассуждения примером букваря Казанцова для внешкольного образования, в котором на 112 страницах ни разу не встречалось слово «Бог», а «если что взято из лексикона веры христианской, это единственное слово (на 7 странице) грубого наименования священнослужителя («поп»)»[661]. Критиковал протоирей Тихон Попов и другие пособия. «Мельница сильна водою, а человек едою», учит наших детей одна из современных прописей, употребляемых в начальных школах (Живой Родник). «И от милости Божией погибают», трактует другая современная пропись уму и сердцу дитяти (Тулупова и Шестакова слово)»[662].

В целом проповедь священнослужителя вполне объективно отражала ту действительность, которая имела место в российском образовании начала XX века. Молодёжь прекращала интересоваться религиозными вопросами; церковь де-

---

[659] Попов Т. Д., прот. Указ. соч. С. 878.
[660] Там же.
[661] Там же.
[662] Там же. С. 879.

лалась все менее популярной, выпускники духовных семинарий, как это уже было показано выше, не хотели становиться священниками.

Важной политической темой, на которую в начале XX века воронежское духовенство нередко обращало свое внимание, являлась, конечно же, русско-японская война 1904-1905 гг. Военное столкновение между странами началось в ночь на 27 января 1904 г., когда японские миноносцы атаковали русскую эскадру на рейде Порт-Артура и вывели из строя новейшие корабли-броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан», крейсер «Паллада». 28 января Япония объявила войну России.

Воронежское духовенство, всегда принимавшее самое активное участие в жизни губернии, не могло не отреагировать на вступление Российского государства в эту войну. Проповеди местных священнослужителей первых месяцев 1904 г. отражают в себе подъем патриотического энтузиазма, который вызвала разразившаяся война с Японией. Во всех поучениях начального периода войны отмечается, во-первых, однозначная вина Японии в развязывании конфликта, а во-вторых, уверенность в неизбежной победе русского оружия (несмотря на не самое удачное начало для России).

Интересна в этом отношении проповедь воронежского священника Стефана Мясищева. Он начинал свое поучение словами: «Наше дорогое Отечество переживает теперь особенное и знаменательное время. Коварный враг – азиатский народ объявил войну русскому народу. По общему признанию, наш враг – японский народ, при своей дерзости и хитрости, храбр, силен и хорошо вооружен. Поэтому борьба с таким врагом, которая без всякого сомнения, должна завершиться полным торжеством нашего народа, потребует от нас большого напряжения сил, терпения и напряжения»[663]. Священник радовался тому, что начавшаяся война сопровождалась подъемом гражданского чувства. Военный конфликт между Россией и Японией виделся автором поучения как благоприятный момент для пастырского воздействия на вверенную священнослужителям паству. Подобная мысль

[663] Мясищев С., свящ. Несколько слов к пастырям церкви по поводу современных событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 349.

возникла у проповедника, как он сам об этом свидетельствовал, не только под влиянием распространявшегося в народе патриотического подъема, но и ввиду особенной религиозной активности. Война «вызвала среди народа особенный подъем духа, особенное религиозное возбуждение»[664]. Священник Стефан Мясищев убежден, время, когда Российская империя вступила в войну с Японией, должно было с максимальной эффективностью использоваться духовенством Российской православной церкви. Задача проповедников – «сеять семя слова Божия на столь восприимчивой и плодоносной народной почве, возбуждая верующих к попечению о душах своих и спасении их»[665].

Священнослужитель не ограничивался призывом к исключительно духовной деятельности. Ведение боевых действий, естественно, требовало значительного количества средств. В проповеди отмечалось, что на военные нужды делалось немало крупных пожертвований, но эти жертвы совершались, как правило, людьми обеспеченными – жителями крупных городов. По мнению автора, все эти пожертвования поблекнут, когда свое слово скажет весь русский народ, когда жители деревень принесут свои малые жертвы на алтарь возлюбленного отечества. Как было бы хорошо, с точки зрения священника Стефана Мясищева, если бы дом каждого воронежского клирика сделался бы своего рода мастерской, где бы, например, под руководством матушек из холста, приобретенного за счет добровольных пожертвований, деревенские женщины и девушки занимались приготовлением постельных принадлежностей для раненых и больных воинов. «Это была бы высокая и благородная жертва русской сельской матушки и вообще всякой женщины»[666].

В более поздних проповедях, ближе к окончанию 1904 г., уже не наблюдалось столь пафосной риторики, выражавшей уверенность в скорой победе. Наоборот, все чаще говорилось о ниспослании русско-японской войны Господом для испытания русского народа. Так, например, в Слове в честь дня восшествия на

[664] Мясищев Стефан, свящ. Указ. соч. С. 350.
[665] Там же.
[666] Там же. С. 351.

престол Николая II, произнесенном в 1904 г. ректором Воронежской семинарии протоиереем В. Борисоглебским, современное на тот момент состояние России сравнивалось с состоянием израильского народа. Согласно книге Судий, израильский народ предался в руки язычников – мадианитян и амаликитян, но, как только израильтяне начали исправляться, Бог послал им Гедеона, избавившего их и одержавшего победу над мадианитянами. С точки зрения священника, русский народ – «род избран, язык свят, люди обновления, люди, составляющие удел Божий, достояние Его, люди – присные Богу»[667].

Как видно из вышеприведенных слов, священнослужитель смотрел на русский народ как на народ избранный, однако, в поучении утверждалось, что за охлаждение многих людей к церкви, чрезмерное увлечение мирской суетой, Бог попустил коварному и хитрому языческому народу, японцам, напасть на Россию. Несмотря на совместные молитвенные обращения к Богу, ожидаемой развязки в войне не наступало. Прошли не дни, не недели, а уже 8-9 месяцев, но враги «не хотят смириться и признать тщету своих усилий»[668]. Проповедник явно не предполагал тогда, что война завершится поражением Российской империи, и он никак не мог понять, почему Япония не хотела смириться и признать «бессмысленное» сопротивление. Вышеприведенные слова протоиерея Борисоглебского отражают еще непоколебавшееся к тому времени ощущение имперского могущества. Клирик выражал скорбь по поводу появления в русском обществе недовольства войной: «Одни смущаются и недоумевают, другие ропщут и на Бога и на людей»[669]. Но, несмотря на некоторое переосмысление духовенством характера войны, основной лейтмотив поучений сохранялся – народ призывался к молитве и деятельному участию в оказании посильной помощи воинам.

При всём сказанном не стоит забывать, что воронежское духовенство занимало вполне определённые, но не всегда одинаковые позиции. Среди проповед-

---

[667] Борисоглебский В., прот. Слово в день восшествия на престол Государя Императора Николая Александровича 21 октября // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 854.
[668] Там же. С. 855.
[669] Там же.

ников, разумеется, были и такие, которые не соглашались с мнением большинства и придерживались оппозиционных взглядов. В полученном от 7 декабря 1883 г. указе Синода на имя архиепископа Серафима (Аретинского) прямо говорилось о злоупотреблениях некоторых, особенно городских, священнослужителей общественно-политическими темами. Церковные власти предупреждали, что таким священнослужителям следовало делать увещевания относительно правил произнесения проповедей «по поводу общественных событий или кончины общественных деятелей». Духовным лицам надлежало руководствоваться правилом: «… служитель православной церкви должен касаться явлений общественной жизни не иначе, как с православно-христианской точки зрения и с единственной целью назидания по слову Божию и церковному преданию»[670].

Материалы «Воронежских епархиальных ведомостей» не дают нам возможности проанализировать проповеди оппозиционной части духовенства ввиду объективной причины: в официальном периодическом органе епархии, естественно, существовала цензура. Однако посредством анализа даже небольшой части проповедей представителей воронежского духовенства можно смело прийти к следующему заключению: священнослужители, несмотря на достаточно ограниченные возможности, обусловленные жёсткими каноническими рамками, поднимали в своих проповедях и поучениях, помимо исключительно церковных тем, вопросы, нёсшие на себе отпечаток тех бурных социально-политических процессов, которые имели место в Российской империи второй половины XIX – начала XX века.

§2. Воронежское приходское духовенство и революционное движение начала XX века

В современных исследованиях, посвященных вопросам истории Российской православной церкви второй половины XIX, и особенно начала XX века, нередко можно встретить мысль о постепенном упадке авторитета духовенства, угасании

[670] Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства… С. 66.

веры и распространении неуважительного отношения к церкви. С этим сложно не согласиться. Воронежский историк, современник описываемых им событий П. В. Никольский замечал: «У нас, в Воронежской епархии, нет официальных язычников. У нас давно народилось новое язычество. Разумею настроения образованных классов, старающихся жить в уровень с идеалами и убеждениями западноевропейских народов, отшатнувшихся от положительной религии. Всякому известно, что образованный русский, в большинстве случаев, относится к своей вере совершенно безразлично»[671].

Постепенное обмирщение, отход от веры, традиций, естественно, породил и охлаждение к православной церкви. Уже нередко публиковались статьи в епархиальных ведомостях о проявлениях религиозного безразличия или даже святотатства со стороны простого народа. Так, например, Николай Никитин в 1890 г., в статье, посвященной историко-статистическому описанию церкви и прихода села Конь-Колодезь, писал: «Религиозное состояние прихожан Богословской церкви села Конь-Колодезь нельзя назвать удовлетворительным: неисправное посещение храма, равнодушное отношение к церковным торжествам и праздникам, неуважение к священным местам и предметам замечаются в значительной степени»[672].

Нараставшие кризисные явления в государстве и церкви в полной мере проявились в ходе революционных событий как 1905-1907 гг., так и 1917 г. Многие священники пострадали в начале XX века в России.

Для воронежского духовенства события 1905-1907 гг. явились полной неожиданностью. Архиепископ Анастасий писал в Синод, что революционная волна привела местное духовенство в замешательство. Не зная, какую позицию занять, священнослужители, по сути, были поставлены между двумя борющимися силами. «В общем, положение духовенства в настоящее тревожное переходное время нельзя не признать крайне тяжелым. Духовенство оказалось между двух огней. Прихожане, сбитые с толку всякого рода несбыточными надеждами к увеличению

---

[671] Никольский П. В. Интересы и нужды епархиальной жизни. Воронеж, 1901. С. 7.
[672] Никитин Н. Село Конь-Колодезь. Историко-статистическое описание церкви и прихода // Воронежские епархиальные ведомости. 1890. № 8. С. 375.

площади землепользования, ищут в пастырях церкви своих сторонников и защитников своих аграрных вожделений, а несогласных с их рискованными и широкими планами захвата частновладельческих земель священников подвергают разного рода притеснениям»[673].

Революционные беспорядки имели самые негативные последствия для Российской православной церкви. В годы разгула приходское духовенство ощутило на себе результаты политического хаоса в стране. В Воронежской епархии в 1905-1907 гг. было убито не менее четырех священнослужителей[674]. Дома клириков подвергались нападению со стороны почувствовавших безнаказанность преступников. В губернии некоторое время действовала банда, специализировавшаяся на разбойных нападениях на дома священнослужителей. В преступную группу, организованную в 1907 г., входили крестьяне Бобриков, Смолев, Филатов, Карпилянский, Шевченко, Прасолов. Ночью 9 июля 1907 г. они совершили нападение на дом священника Федорова в селе Хмелевце Бирюченского уезда. Нападение отличалось дерзостью и жестокостью. Перед налетом преступники несколько раз выстрелили из револьвера по окнам священника, после чего под «угрозами лишить жизни» поместили священника и его жену с детьми в погребе[675]. Из дома были украдены ценности на сумму в 700 рублей.

20 июля 1907 г. шайка совершила бандитский налет на дом священника Ефремова в селе Пятницком Бирюченского уезда. Налет проходил по заранее отработанной схеме. По окнам произвели несколько выстрелов, затем ворвались внутрь, где угрожая жене и дочери священника Ефремова револьверами, потребовали отдать имевшиеся ценности. Однако глава семейства успел выбежать из дома и поднять тревогу. В результате грабители скрылись, не успев ничего забрать[676].

---

[673] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2139. Л. 11 об; Д. 2082. Л. 24.
[674] Спасский А., прот. Милюковская выходка против Православной Церкви // Воронежские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С. 451.
[675] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1250. Л. 86 об.
[676] Там же.

В ночь на 25 июля 1907 г. та же банда совершила разбойное нападение на дом священника Мешковского в хуторе Бабичево Валуйского уезда. Последний, увидев, что его жилище собираются грабить, снял со стены старое ружье и попытался выстрелить в грабителей. Но один из преступников выстрелил в священнослужителя из револьвера, «убив его наповал» [677]. Опасаясь быть пойманными, грабители скрылись с места преступления, так ничего и не взяв.

Та же банда совершила ограбление церкви хутора Злыднево Бирюченского уезда 8 июля того же года. Грабители не только взломали свечной ящик, из которого взяли около 100 рублей, но и украли с престола серебряную дарохранительницу[678].

Организованному нападению 4 ноября 1907 г. подвергся Лысогорский Успенский женский монастырь. Среди местных жителей прошел слух, что у настоятельницы монастыря игуменьи Серафимы хранились некие сокровища. Вооруженная группа людей, ворвавшись в монастырь, стала искать якобы спрятанный в обители клад. Как докладывала игуменья Серафима архиепископу Анастасию, сестры, попытавшиеся оказать сопротивление, получили «угрозы со стороны грабителей быть убитыми». Пятеро вооруженных человек заскочили в келью настоятельницы и, обступив постель больной игуменьи, стали требовать ключи от «монастырской кассы». Получив ключи, грабители начали обыскивать монастырь. Все, что они смогли найти – около 500 рублей наличными. Этого преступникам показалось мало, и они потребовали у Серафимы выдать им «какую-то настоящую кассу»[679]. В это время одна из послушниц смогла выбежать из кельи игуменьи и «преследуемая одним из грабителей подняла тревогу». Грабители переполошились, а сестры, воспользовавшись замешательством, забрались на звонницу и ударили в большой колокол. Преступники скрылись. Архиепископ Анастасий

[677] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1250. Л. 86 об.
[678] Там же. Л. 87.
[679] Там же.

просил воронежского губернатора принять меры к ограждению обителей от подобных случаев[680].

Революция 1905-1907 гг. явилась толчком к проявлению агрессии по отношению к служителям церкви. Архиепископ Анастасий писал в Синод об участившихся случаях покушения на причтовые луга со стороны крестьян. Общественные приговоры, сделанные крестьянами до начала революции, были забыты и в дальнейшем не соблюдались. В 1905 г. жители слободы Старая Криуша Богучарского уезда стали настойчиво требовать у местных священнослужителей отдать им причтовый земельный надел. Клирики, естественно, не согласились на это. Тогда крестьяне несколько раз незаконно произвели покос церковного луга. В 1907 г. более 150 домохозяев слободы подверглись Острогожским окружным судом наказанию в виде лишения свободы от 2 месяцев до 1 года[681]. Но и это не успокоило жителей, которые, затаив злобу на местного священника Михаила Говорова, подожгли 8 принадлежавших ему стогов сена, причинив убыток на сумму около 800 руб. Эпизоды, связанные с попытками присвоения причтовых наделов, замечались и до революции. Однако они были единичными. Революция 1905-1907 гг. в значительной степени увеличила количество посягательств на церковно-причтовые владения.

В 1906 г. против причтового надела выступили крестьяне поселка Каширский Московской волости Воронежского уезда. На местном сельском сходе 22 мая было решено запахать 25 десятин церковной земли. На следующий день после собрания около 400 человек с сохами и лопатами распахали землю под озимую рожь. Прибывший на место урядник не смог остановить крестьян. Когда пристав пригрозил ответственностью за сопротивление властям, то услышал ответ: «Хоть присылай казаков, пускай постреляют всех нас, детей пускай кормит начальство, но мы решили умереть. Три года уже как мы подали прошение Обер-прокурору Святейшего Синода, но ответа никакого нет, а поп Лебедев все пользу-

[680] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1320. Л. 4.
[681] Там же. Д. 1664. Л. 3.

ется землей»[682]. Полицейские чины докладывали губернатору о намерении жителей окрестных сел отнять у своих причтов церковную землю[683].

Незаконное присвоение причтовых наделов продолжалось и после революции. В 1908 г. крестьяне слободы Данцевой Твердохлебовской волости Богучарского уезда самовольно учинили потраву церковного луга. Местный пристав в сопровождении урядника и нескольких полицейский чинов отправился в слободу, чтобы выяснить дело. Жители, вооружившись вилами и кольями, встретили представителей власти недружелюбно. Когда жандармы объявили о том, что в случае нападения откроют огонь, то крестьяне, не растерявшись, ответили: «Вас не много, а нас целое общество… Всех не перебьете»[684]. Заставить население слободы отказаться от притязаний на церковный надел удалось только после задержания наиболее активных агитаторов.

В том же 1908 г. жители слободы Подгорной Богучарского уезда пригласили священника Преображенской церкви Митрофана Курбатова на сельский сход, где объявили о желании забрать причтовый надел в свое пользование. Снова пришлось вмешиваться властям, вынужденным арестовать крестьян Михаила Блющина и Петра Талолина, призывавших остальных жителей к отобранию луга у священнослужителей[685].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о серьезном негативном влиянии событий 1905-1907 гг. на приходское духовенство Воронежской епархии. Ослабление власти приводило к беспорядкам и разбоям, к проявлению злобы, в том числе по отношению к церкви. Само духовенство иногда попросту не знало как себя вести в ситуации хаоса и отсутствия власти на местах. Архиепископ Анастасий свидетельствовал: «Растерялось на первых порах и духовенство, но вскоре же и оправилось. Освободившись от первого впечатления духовенство скоро пошло навстречу надвигавшейся опасности от всякого рода эксцессов со стороны темной

---

[682] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 271. Л. 109 об.
[683] Там же. Л. 109.
[684] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1420. Л. 5 об.
[685] Там же. Д. 1419. Л. 7.

и малокультурной массы крестьянства, повсеместно оно заговорило при своих встречах с прихожанами, предостерегая их от давления и всякого рода крайности»[686].

Приходские священники старались предостеречь людей от участия в революционных событиях, протестных акциях, погромах. С амвонов церквей верующим внушались идеи любви, милосердия и неприятия насилия. Воронежский протоиерей Дмитрий Склобовский почеркивал безбожный дух событий 1905-1907 гг.: «Издавна семена нечестия и беззакония расточаются у нас щедрою рукою на всем просторе нашего отечества, во всех классах и сословиях…. Что прежде почиталось за несомненную истину, признавалось непреложною основой государственного строя и порядка теперь без дальних справок и рассуждений подвергается произвольной переделке или вовсе отрицается»[687].

Священнослужители требовали остановить насилие, не поддаваться на провокации социалистических агитаторов. Верующим людям, по мысли проповедников, следовало не разрушать построенное, а созидать. Так, священник Стефан Ширкевич призывал: «Братья! Широкие политические права и вольности даны нам возлюбленным Государем не на разорение, а на созидание дорогого нам отечества, собиравшегося потом и кровью наших предков в течение многих веков. Мы не имеем права разорять то, что не нами создано. Довольно произвола, довольно насилия и беспорядков!»[688]

Активное распространение революционных идей среди молодежи не могло не беспокоить консервативно настроенных священнослужителей. Некоторые из них при малейшем подозрении старались проявлять бдительность. Например, в 1902 г. священник Иоанно-Богословской церкви хутора Богачки Троицкой волости Валуйского уезда Савва Автономов обратился к благочинному с просьбой проверить благонадежность временно остановившегося у него на квартире пса-

[686] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2139. Л. 11 об.
[687] Склобовский Д., прот. Новый 1906 год // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 67.
[688] Ширкевич Стефан, свящ. Слово в день Нового Года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 61.

ломщика Николая Николаевича Васильева. Беспокойство священнослужителя вызвало случайно обнаруженное письмо Васильева, в котором имелась фраза: «Костя! Я думаю поступить народником пропагандировать в народе демонстрацию»[689].

Как оказалось в ходе расследования, Васильев ни в какой предосудительной в политическом отношении деятельности не участвовал[690].

Были среди воронежского духовенства и те, кто жертвовал собой, рисковал жизнью, пытаясь остановить бунтующую толпу крестьян. Таковым являлся протоирей села Перлевки Землянского уезда Михаил Васильевич Попов. Знавший его лично священник П. Федоров в некрологе, посвященном протоиерею Попову, вспоминал, как во время революционного брожения, охватившего Перлевку, крестьяне начали вести себя агрессивно, нападать на местные власти, громить магазины, «возникло негодование на начальство и духовенство»[691]. Но священник Михаил, верный своему пастырскому делу, несмотря на уговоры, не покинул села и «даже под выстрелами ружей, причастив умирающих раненых, смело вышел навстречу озлобленной толпе и силою своего пастырского слова остановил волнение и прекратил беспорядки»[692]. Однако такой поступок не прошел бесследно. По воспоминаниям современников, в 50 лет он выглядел на 80. Вскоре после событий, которые ему пришлось пережить, начались проблемы с сердцем и протоиерей Михаил отошел в мир иной.

Православные клирики в большинстве своем не одобряли призывы к участию в антиправительственном движении, разделяя монархические убеждения. Это не означает, что священнослужители делали это, так как находились на службе монархического режима. Неповиновение власти, протестные акции не свойственны православному мировоззрению. Верующий человек, как правило, политически нейтрален.

---

[689] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 137. Л. 11 об.
[690] Там же. Л. 13 об.
[691] Федоров П., свящ. Венок на могилу священника села Перлевки Землянского уезда Михаила Васильевича Попова // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 52. С. 1552.
[692] Там же.

Однако в среде приходского духовенства имелись и такие клирики, которые и сами принимали деятельное участие в революции 1905-1907 гг. Совершенно не изученным сегодня остается вопрос о степени вовлеченности самих воронежских священно-церковнослужителей в антиправительственное движение.

В советской историографии часто высказывалось расхожее мнение, согласно которому, священнослужители, будучи представителями реакционной силы, стремились задушить революцию, всячески помогая в этом властям. Участники революционных событий, писавшие в дальнейшем мемуары, старались вспоминать лишь об «антипрогрессивном» влиянии духовенства на общественное движение тех дней. Ярким примером служит воспоминание одного из участников Первой русской революции в Воронежской губернии, записанное Елизаветой Поповой. В одно из воскресений 1906 г. мужчина пришел в храм, с тем чтобы помолиться за своих «товарищей-социалистов», пострадавших от рук «власть имущих злодеев». С этой целью им были поданы в алтарь две просфорки с записками: «Помяни Господи за упокой павших за свободу» и «Помяни Господи по тюрьмам сидящих»[693]. К поминаниям, завернутым в платочек, прилагалось 20 копеек. Когда священник, некий «отец Иван», прочел записки, то выбежал из алтаря к народу и стал расспрашивать, кто это писал, и кому принадлежал платок. Никто не ответил. Тогда клирик сказал: «Нельзя вынимать частичку у просвирки с такими записками, – это грех, эти люди – разбойники, раскольники, за них грех молиться». При этом из толпы, согласно воспоминаниям, кто-то якобы выкрикнул: «Вот, батюшка, за таких-то и надо молиться, а за святых то и молиться нечего, они и так святые»[694]. Рассказ участника революции заканчивается словами: «Платочек мне передал товарищ, а деньги поп оставил у себя»[695].

На самом деле, проблема участия приходского духовенства в событиях Первой русской революции гораздо более сложная. Ниже будет предпринята попытка показать степень вовлеченности воронежских священно-церковнослужи-

[693] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 47.
[694] Там же.
[695] Там же.

телей в общественно-политическое (прежде всего противоправительственное) движение начала XX века.

Либеральный дух преобразований, которым были пронизаны реформы Александра II, не мог не коснуться и настроений воронежского приходского духовенства, все чаще проявлявшего, особенно к концу XIX века, протестные настроения. В 1885 г. начальник ВГЖУ в «Политическом обзоре Воронежской губернии» отмечал, что, хотя в среде воронежского духовенства ничего компрометирующего в политическом отношении не замечалось, все равно приходилось думать о возможных нежелательных проявлениях политически неблагонадежного поведения. Опасение вызывал факт назначения на штатные священнические места лиц, которых не подвергали должной проверке, не оценивали их нравственных качеств. «Распущенность в Воронежской губернии бросается в глаза. Никакого надзора со стороны епархиального начальства за ними не ведется, вследствие чего лица духовного звания нередко позволяют себе выходки, доходящие до безобразия, не совместимые с пресвитерским саном»[696]. При этом местные церковные власти в рассмотрении доходивших до них дел были далеко не беспристрастны[697].

Вышеприведенное наблюдение интересно своей проницательностью. Хотя никаких серьезных фактов, позволявших думать о радикализации духовенства еще не проявилось, власти как будто бы предчувствовали что-то неладное.

В «Политическом обзоре Воронежской губернии» за следующий 1886 г. также говорится о том, что «нравственное направление духовенства губернии заставляет желать много лучшего: те же поборы и вымогательства, те же безобразия и неуважения к святыни как и в других губерниях»[698]. Преосвященный Серафим (Аретинский) характеризовался как «человек больной, слабый характером и все проступки священнические относил к человеческой слабости»[699]. В жандармском управлении возлагались надежды на занявшего епископскую кафедру преосвя-

[696] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2. Л. 4 об.
[697] Там же. Л. 4 об.
[698] Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 63 об.
[699] Там же.

щенного Вениамина (Смирнова), который, как отмечалось, был человеком святой жизни и активно принялся за исправление порядков, «но что было распущено десятками лет, исправить скоро невозможно»[700].

Оценки чинов жандармского управления выглядят категоричными и вполне определенными. Однако не стоит относиться к ним как к аксиоме. Духовенство являлось замкнутым сословием. Мало кто понимал специфику священнического служения, ежедневных трудностей и унижений, с которыми клирикам приходилось сталкиваться. Сложно назвать взяткой просьбу священника заплатить за совершение требы определенную сумму в условиях, когда (как это уже было показано выше) крестьяне порой вообще отказывались платить. Архиепископ Анастасий отмечал в своих отчетах, что власти, в том числе и жандармские чины, совершенно необъективно относились к духовенству с искусственно завышенной долей недоверия[701].

Тем не менее некоторые основания для подозрений со стороны власти, безусловно, существовали. Воронежское духовенство, будучи образованным сословием, не могло в лице определенных своих представителей не увлечься «прогрессивными» на тот момент идеями. Некоторые духовные лица открыто проповедовали свои убеждения. Так, в 1894 г. в селе Верхотишанка псаломщик села Старая Тишанка Бобровского уезда Василий Лебедев при большом скоплении народа после праздничной всенощной службы (День Святой Троицы) открыто произнес проповедь антирелигиозного и антиправительственного содержания. Проповедь начиналась словами, не предвещавшими ничего необычного. «Давно ли была зима, давно ли вся природа была в мертвящих оковах ее… не покрыты ли деревья листвой, приятно ласкающей глаза»[702]. Неожиданно для слушавших характер поучения изменился и проповедник задался вопросом о причинах того, почему, несмотря на красоту природы, человеческая жизнь остается скучной и однообразной. Главная проблема дохристианского языческого мира, по мнению церковно-

[700] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 63 об.
[701] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2139. Л. 16.
[702] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 141. Л. 2.

служителя, заключалась в делении общества на «рабов и господ»[703]. Но вот явился Христос и принес людям учение о «братстве и равенстве». Теперь все верующие стали братьями и сестрами, а значит, люди знатные и богатые должны были учить своих детей не «смотреть на людей ниже их стоящих по общественному и материальному положению как на существа низшего разряда, как на рабов и лакеев»[704].

Все люди равны, а богатые вместо того, чтобы осознать это, издевались над бедными. «Присматриваюсь к жизни частной и вижу, вот богатый домохозяин, пользуясь безысходной нуждой рабочего, изнуряет его непосильной работой, держит в голоде и холоде, не додает заработной платы ему; вот начальник и судья вместо того, чтобы защищать подчиненного, притесняет его, оправдывает за деньги виновного, осуждает невинного»[705].

Описание действительности было не единственным, чем ограничивалась проповедь. В конце автор поучения призывал действовать. «Что же мы? Заступились ли хоть раз за обиженного, чтобы сказать начальнику и судье, что они поставлены не для попрания правды и закона, а для защиты их… Должность – это не лакомое блюдо, благодаря которому можно жиреть и наживаться, да тешить свое самолюбие»[706]. С амвона прихожанам предлагалось не оставаться безгласным и бесхарактерным народом, воспитанным на началах рабства и крепостничества. Многие не способны ответить несправедливости, несмотря на явное беззаконие. Не от раболепствия ли, подчеркивал проповедник, «большинство стонет по полям и дорогам, по тюрьмам и острогам, в рудниках на железной цепи, стонет под овином и стогом, под телегой ночуя в степи, стонет в собственном бедном домишке, свету солнца Божьего не рады, стонут в каждом глухом городишке у подъезда судовых палат» (псаломщик Лебедев цитировал на проповеди слова из

[703] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 141. Л. 2.
[704] Там же.
[705] Там же. Л. 5 об.
[706] Там же.

знаменитого стихотворения Н. А. Некрасова – «Размышления у парадного подъезда» – С. И.)[707].

Присутствовавшие в храме люди, особенно земский начальник, сильно удивились. На следующий день после произнесения поучения крестьяне начали собираться и обсуждать сказанное псаломщиком. Неудивительно, что поучение вызвало такой интерес властей, ведь оно заканчивалось словами: «Встань же, проснись, поднимись на борьбу ты со злом, что досталось тебе от людей, живших 1894 года тому назад (то есть, по мысли Лебедева, от язычников – С. И.) и в борьбе ты с ним мощным будь молодцом. Глянь ты вокруг себя, ведь человек-то устал от мук, захлебнулся в крови… и Бог тебе помощник в борьбе!»[708]

Находившийся в храме земский начальник доложил священноначалию о произошедшем. Было проведено следствие. Выяснилось, что Лебедев (окончил курс семинарии в 1884 г.) специально произнес поучение не в своем, менее крупном, а в другом, соседнем приходе, с целью охвата как можно большей аудитории. Следствие запретило псаломщику произнесение проповедей в течение одного года. После истечения этого срока Лебедев должен был представить специальной комиссии 10 поучений собственного сочинения, в результате анализа которых духовная власть сделала бы вывод разрешать или не разрешать церковнослужителю заниматься проповеднической деятельностью[709].

В 1906 г. псаломщик села Ютановки Бирюченского уезда Феофан Путилин агитировал среди местных крестьян, призывая их к враждебным действиям против частных землевладельцев. После месячного заключения церковнослужителя сослали на исправление в Ахтырский уезд Харьковской губернии. Интересно, что по просьбе архиепископа Анастасия (Добрадина) и по ходатайству нескольких священников в 1907 г. псаломщику разрешили вернуться обратно в губернию и приступить к исполнению богослужебных обязанностей[710].

---

[707] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 141. Л. 2.
[708] Там же. Л. 7 об.
[709] Там же. Л. 20-22 об.
[710] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 271. Л. 45.

Активными участниками революционных событий являлись и псаломщики села Рогачевки Воронежского уезда Попов Анатолий Иванович и Рязанов Константин Михайлович (сын священника, воспитанник Воронежской семинарии), организовавшие и руководившие Рогачевским крестьянским союзом партии эсеров. Церковнослужители пользовались уважением местного населения, о чем свидетельствует тот факт, что при первом задержании псаломщиков в 1907 г. полиция со стороны местных крестьян встретила жесткое сопротивление, позволившее Рязанову скрыться. При обыске на квартире последнего были найдены рукописная тетрадь, содержавшая в себе каталог библиотеки Рогачевской подпольной организации, отметки о выдаче из библиотеки запрещенных законом книг, перечень выпущенных воззваний Рогачевской организации, прокламаций, поддельный паспорт. При обыске в доме Попова следователи обнаружили гектографированный отчет Рогачевской эсеровской кассы, воззвания, призывавшие к свержению власти и захвату помещичьей земли «в пользу лиц обрабатывающих ее»[711].

Рязанова, скрывавшегося по поддельному паспорту на имя мещанина Вадима Георгиевича Тимичива, в скором времени нашли. Был задержан и Попов. Последний, возмущенный долгим следствием и условиями содержания в тюрьме, несколько раз обращался в ВГЖУ с просьбой разрешить ему встречу с родными. «Несмотря на мои неоднократные просьбы окончить возможно скорее мое дело или передать его в руки судебной власти и разрешить мне свидание с родителями, ВГЖУ не только не удовлетворяет моих просьб, но даже не считает нужным отвечать на мои прошения. Между прочим, мое расстроенное здоровье, при скверных условиях тюремной жизни пришло в окончательный упадок, а мои семейные дела требуют немедленного свидания с родными. Я еще раз прошу жандармское управление допросить меня, разрешить свидания и передать дело в руки судебной власти»[712].

---

[711] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 46. Л. 32.
[712] Там же. Л. 3.

Вредное, с точки зрения властей, политическое влияние на крестьян оказывал так же псаломщик села Старогольского Новохоперского уезда Павел Подгоренский. В 1906 г. полиция, обратив внимание на то, что вполне обеспеченные крестьяне села Старогольского стали уклоняться от выплат денежной повинности, провела расследование и выяснила, что за уклонениями стояла агитационная деятельность церковнослужителя. Как оказалось, псаломщик уже давно призывал крестьян к срыву платежей, неповиновению властям, насильственному изъятию помещичьих земель. По словам волостного писаря Ивана Бажанова, подобная деятельность Подгоренского находила сочувствующих среди населения, особенно среди молодежи. Волостной старшина свидетельствовал: «Псаломщик прежде действовал из-под тишка, а в последнее время стал являться на сходы и говорить об этом крестьянам открыто, благодаря чему многие крестьяне с хорошим состоянием упорствуют в выплате повинностей, а многие даже говорят прямо: «Наш псаломщик говорит не платить повинностей, мы ему больше верим»[713].

Проповедями, призывавшими крестьян, да и другие слои населения «к активным действиям», грешили не только псаломщики, но и лица, имевшие священный сан. Особенно активно это стало проявляться в рамках общего брожения умов в ходе революции 1905-1907 гг. Так, например, в Воронежской губернии в агитационной деятельности был уличен священник села Новой Меловатки Митрофан Авсенев. В 1906 г. он также произнес проповедь в храме. Темой поучения являлись житие и подвиги святого мученика Иоанна Воина. Священник Митрофан справедливо заметил в начале поучения, что святой мученик Иоанн Воин жил в тяжелое для христиан время, при нечестивом царе Юлиане Отступнике. Юлиан преследовал христиан, так как был человеком жестоким и несправедливым. Он посылал своих лучших воинов разыскивать христиан и заставлять их отрекаться от веры. Тех, кто исповедовал свои убеждения до конца, солдаты должны были убивать. Однако Иоанн Воин, вместо того чтобы преследовать, начал прятать христиан и всячески помогать им. Узнав про это, царь приказал посадить Иоанна

[713] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 838. Л. 3 об.

Воина в темницу. Правда, вскоре Юлиан Отступник умер, а Иоанна Воина отпустили.

Для нас интерес представляет вывод, который священнослужитель сделал из жития. Клирик не пошел по традиционному для проповедника пути и не стал призывать народ к твердости в христианской вере, добродетельности и т. п. Вывод звучал следующим образом: «В настоящую современную жизнь и мы переживаем такое же тяжелое время, так как нам всем русским людям и истинно русским гражданам воспрещено обсуждать между собой нужды и сказать слово правды. Мы раньше считали посаженных в тюрьмы бунтовщиками и забастовщиками, но мы в этом ошиблись. Есть у этих борцов много подобных Иоанну Воину»[714].

Несмотря на присутствие большого количества людей в храме, очень немногие поняли смысл поучения. На другой день часть крестьян, собравшись около здания волостного правления, высказала мнение, что не следовало бы священнику произносить такие проповеди, при этом добавив: «Хлебом солью отца Митрофана Авсенева встретили, но как бы не пришлось провожать его палками»[715]. Богучарский уездный исправник считал, что подобные проповеди могли послужить толчком к возбуждению населения против правительства и предлагал выселить священника из села «как вредного элемента»[716].

Интересна крайне мягкая оценка произошедшего со стороны церковных властей (что неоднократно встречается в подобного рода делах). Так, архиепископ Анастасий писал губернатору о неподтвержденности духовным следствием факта именования священником Митрофаном забастовщиков «хорошими людьми»[717].

Было назначено еще одно расследование, для проведения которого в слободу Новомеловатку прибыла специальная комиссия. Священника Митрофана вызвали для разбирательства на земскую квартиру. Местные крестьяне узнали о

---

[714] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 979. Л. 1-1 об.
[715] Там же. Л. 1 об.
[716] Там же.
[717] Там же Л. 13.

приезде комиссии и начали требовать проведения следствия не где-то на земской квартире, а на их глазах в церковной караулке. Когда им сообщили, что разбирательство будет проходить там, где планировалось, то есть на земской квартире, к этому месту начали стекаться крестьяне – около 300 человек. Поднялся страшный шум, по сути, сорвавший разбирательство. «Кто-то кричал, что им такого следствия не надо, кто-то говорил, чтобы сейчас созвать сход и допросить весь сход, кто-то, что они не знали о приходе, а то их бы собралось 4000 человек, а кто: «Давай нам того, кто донес на Авсенева». При этом все кричали, что Авсенев у них хороший батюшка и на него донесли по злобе»[718]. Подобная реакция местного населения, прихожан священника Митрофана, сильно удивила и даже напугала членов комиссии. При допросе церковно- и священнослужителей, находившихся в храме во время произнесения злополучной проповеди, не удалось выяснить ничего определенного. Со слов дьякона, он по своей старости не расслышал поучительной стороны проповеди; псаломщик постоянно сбивался и путался в показаниях, пытаясь выгородить Авсенева. Хор заявил, что не слушал проповедь, так как занимался исправлением певческих ошибок, допущенных во время литургии.

Когда начали допрашивать крестьян, то все как один говорили: «Батюшка Митрофан учил нас в своей проповеди всему хорошему, доброму и общеполезному; говорил в этой проповеди, что всюду идут бунты, но просил, чтобы у нас бунтов не было, чтобы мы жили мирно»[719]. Однако дальнейшие следственные мероприятия выявили наличие среди крестьян сговора. Негативное влияние священника Авсенева на население стало для следствия вполне очевидным. У него произвели обыск, после которого клирика вызвали в Воронеж на разбирательство к архиерею.

Местные крестьяне говорили: «Надо было бы ударить во время допроса в колокол, собрать народ и всю полицию перебить»[720]. Авсенев, судя по всему, не являлся бесхитростным человеком. Во время последней перед отъездом литургии

[718] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 979. Л. 13 об.
[719] Там же. Л. 1 об.
[720] Там же. Л. 16.

он вышел на амвон в полном облачении и обратился к прихожанам с эмоциональной проповедью, в которой сказал, что он прощается с ними и может теперь никогда даже и не увидеть. Это вызвало очередной всплеск недовольства крестьян. Когда Авсенев покинул слободу, другой его сторонник, священник Книжников, после очередной службы вместо поучения сказал народу: «Братия! Теперь нам проповеди говорить нельзя, врать надобно, а не правду говорить, ведь нас за это преследуют»[721]. Священник Авсенев и его единомышленник священник Книжников имели самое серьезное влияние на своих прихожан. Это естественно, ведь в рамках общего революционного подъема слово священника, наделенного духовной властью и авторитетом, могло оказывать сильное воздействие на умы крестьян.

Среди воронежского приходского духовенства имелись и такие, кто не ограничивался лишь произнесением антиправительственных проповедей. В 1906 г. в селе Климанкове Валуйского уезда действовал священник Иоанн Мерецкий, который при помощи своих единомышленников создал и был председателем валуйского отделения «Всероссийского крестьянского союза» (партия социалистов-революционеров).

Перед праздником Рождества Христова члены крестьянского союза, соратники священника Мерецкого (среди которых были учителя, учительницы разных школ), собрались в здании местного училища на совещание. На это собрание пригласили местных сборщиков податей и старосту. Священник Иоанн Мерецкий под угрозами смерти потребовал от старосты сложить с себя свои обязанности и вернуть сейчас же знак и печать. Сборщику заявили, чтобы впредь тот все деньги, которые будет собирать, не возил в казначейство или волость, а «отдавал бы союзу на его нужды»[722].

Согласно рапорту Валуйского уездного исправника, священник Мерецкий неоднократно устраивал собрания, на которых убеждал крестьян присоединиться

---

[721] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 979. Л. 16 об.
[722] Там же. Д. 981. Л. 1.

к названному союзу, открыто призывал к неповиновению властям, насильственному изъятию земли у помещиков, отвергал присягу, советовал не платить податей, игнорировать воинскую повинность. Священником даже планировалось весной 1916 г. устроить всеобщую забастовку, ограбить местное казначейство и разгромить винные лавки. По мнению Мерецкого, императора Николая II следовало в ближайшее время свергнуть, а вместо существовавшей власти должна была быть избрана посредством Учредительного собрания, созванного в Москве, новая власть. Правительство, по словам батюшки, «состоит из воров и мошенников и совершенно не пригодно»[723]. О Николае II Мерецкий отзывался резко отрицательно. Однажды на проповеди в присутствии большого числа верующих клирик сравнил императора с царем Иродом времен евангельской истории. Как Ирод убил много младенцев, так и Николай II, по мысли священника Мерецкого, расправился над не меньшим числом народа (очевидно, имелось ввиду событие «Кровавого воскресенья»)[724].

Судя по всему, священник Мерецкий пользовался большой популярностью среди жителей не только слободы Клеменковой, но и других соседних селений, оказывая чрезвычайно сильное влияние на крестьян. После того как Мерецкого арестовали и заключили в Валуйскую тюрьму, население соседних мест в количестве 7 тысяч человек отправилось в Валуйки «выручать батюшку»[725]. Крестьяне с хоругвями собрались у здания тюрьмы через несколько дней после ареста священника. Начальнику тюрьмы поручили разогнать толпу, но он не посмел этого сделать, не имея необходимых для того сил. Крестьяне, окружившие здание исправительного учреждения, требовали отпустить арестованного Мерецкого и его соратников под угрозой разнести тюрьму. Священника пришлось отпустить. Но в скором времени казаки, прибывшие на место, разогнали толпу и снова арестовали

[723] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 981. Л. 41.
[724] Там же.
[725] Там же.

беспокойного батюшку. Духовные власти наложили на Мерецкого наказание в виде исправления в Акатовом монастыре[726].

Снова поражает реакция архиепископа Анастасия, писавшего, что «обвинение названного священника в противоправительственной деятельности не подтвердилось»[727].

Вскоре священника Иоанна выпустили и он продолжил службу на прежнем месте, но недолго. С 29 декабря 1906 г. по 1 января 1907 г. в различных селениях Александровской и Вейделовской волостей Валуйского уезда было совершено пять поджогов. Горели дома тех, кто давал показания против Мерецкого. Следователи, используя агентурную сеть, выяснили, что поджоги производились по наущению священника. В итоге Мерецкого отдали по суд и заточили в тюрьму.

В 1926 г. жена священника Мерецкого Анна Андреевна обращалась в органы советской власти с просьбой оказать ей материальную поддержку ввиду значительного вклада, который ее муж внес в дело революции. На свою просьбу матушка получила следующий ответ: «Не отрицая факта участия священника Мерецкого Ивана Васильевича в революционном движении 1905 г., а также перенесенных им в виде арестов и тюремных заключений гонений со стороны бывшего царского режима; но принимая, однако, во внимание, что означенный священник Мерецкий во время участия своего в революционном движении, остался священником, чем затемнял классовое сознание трудящихся и шедшего за ним крестьянства, представляя из себя, следовательно, либеральствующего прогрессиста-священника, а не действительного революционера, борющегося за раскрепощение трудящихся от экономического и духовного гнета, какового элемента в годы Первой российской революции было немало, в просьбе с предоставлением пенсии вдове умершего священника Мерецкого, А. А. Мерецкой – отказать»[728].

Под подозрением в принадлежности к аграрным беспорядкам также находился священник Павловского уезда Андрей Донецкий. Полиция считала, что

---

[726] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 981. Л. 41 об.
[727] Там же.
[728] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 123.

клирик имел самое серьезное влияние на своих прихожан и призывал их бороться против экономии местного помещика М. А. Палицина. 18 мая 1906 г. иерей Андрей Донецкий совершал молебен в экономии, во время которого позволил себе недостойное священного сана поведение. Один из участников молебна, местный урядник, так вспоминал об этом: «Донецкий был очень пьян и несмотря на то что находился в приличном интеллигентском обществе, держал себя крайне неприлично. Порицал присланных начальством конных стражников в слободу Михайловку и даже публично выразился так: «Если я захочу, то из этого имения ничего не останется, все разнесут в клочки». Таковое выражение, очевидно, сорвалось у пьяного священника Донецкого, но оно доказывает, что он действительно имеет влияние на крестьян и, судя по нем, можно себе представить, какое должно быть это влияние»[729].

Многие воронежские причты выступали также против столыпинской аграрной реформы. Объяснение причины можно найти в речи, произнесенной на одном из заседаний Государственной Думы четвертого созыва представителем от Воронежской губернии протоиереем Георгием Алферовым. По мнению протоиерея Алферова, «закон 9 ноября нанес решительный и окончательный удар церковному строительству»[730]. При общинном образе жизни крестьян главным источником средств для постройки церкви или наделения церковного причта землей часто являлся отвод недостающей земли из общинных владений. «Но теперь, с уничтожением общины и с переходом значительного числа крестьян в качестве собственников на хуторские и отрубные хозяйства... весьма затруднительно нашим крестьянским собственникам отводить теперь и требуемую пропорцию земли для обеспечения причта»[731]. Как уже было показано ранее, земля являлась одним из важных источников существования воронежского, особенно сельского духовенст-

[729] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 295. Л. 119 об.
[730] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1914 год, сессия вторая. Ч. 5. Санкт-Петербург, 1914. Стб. 109.
[731] Там же.

ва. Естественно, подобные последствия реформы П. А. Столыпина вызывали опасения у воронежских клириков, а у некоторых и протестные настроения.

В ГАВО имеются дела, содержащие материалы по обвинению некоторых священнослужителей в агитации крестьян против подписания закона 9 ноября. Одним из таких клириков являлся священник села Шестакова Павловского уезда Семен Иванов. Благодаря его активной агитации крестьяне бросали работу на экономии князя Васильчикова, отказывались давать луг укрепившим землю по закону 9 ноября (количество единомышленников священника было значительным, и это привело к тому, что сход I Шестаковского общества исполнил решение большинства и не дал луга укрепившим землю крестьянам). Крестьяне, находившиеся под влиянием иерея Иванова, всячески вредили экономии князя Васильчикова, ломали плотины, устраивали беспорядки.

Земский начальник I участка Павловского уезда писал губернатору, что священнику Семену Иванову в организации беспорядков принадлежала главная роль. «Агитацию среди крестьян он ведет очень искусно, через свою жену, а сам развращает учащуюся молодежь обоего пола, съезжавшуюся на каникулы в значительном числе в село Шестаково, собирая ее у себя на квартире»[732]. Несчастный земский начальник, много натерпевшийся от неблагонадежного священника, призывал власти оградить честное трудовое население путем перевода священника Иванова «подальше». Интересно, что, по мнению земского начальника, наиболее благоприятным местом перевода было бы какое-нибудь малороссийское село, так как «малороссы труднее поддаются агитации»[733].

Священник Иванов не единственный, кто агитировал крестьян против перехода на отрубные хозяйства. В том же обвинялся священник села Оскочного Задонского уезда Гермоген Лебедев. Последний на одном из крестьянских сходов открыто заявил, что закон 9 ноября приведет к обнищанию местных крестьян, так

[732] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1778. Л. 5 об.
[733] Там же.

как дробление земли на мелкие отруба, по его мнению, неминуемо способствовало бы этому. Иерей Лебедев также имел значительное влияние на население[734].

Еще одной формой антиправительственного поведения некоторых приходских священников Воронежской епархии являлся отказ от поминовения на службе имен царственных особ, которые в то время неукоснительно следовало произносить как во время совершения литургий, так и на молебных пениях. Отказ от поминовения представителей царственного дома означал некий протест против существовавшей на тот момент власти. Среди представителей духовенства, демонстративно не упоминавших имени государя, был и воронежский приходской священник села Красные Долины Землянского уезда Михаил Зоричев. При отправлении богослужения в церкви на заздравной ектенье «Рцем вси» он отказывался упоминать «имя священной особы Государя Императора»[735].

Более того, священник Зоричев не только не поминал имени государя, но и участвовал в противоправительственных кружках на квартире неблагонадежного в политическом отношении земского врача Константина Хрущева, агитировал крестьян к вступлению во «Всероссийский Крестьянский Союз» и даже «лично составлял крестьянам общественные приговоры по этому делу»[736].

Следующий пример отказа от поминовения имен царственных особ мы находим в лице священника Валуйского уезда Алексия Фирсова. 30 мая 1908 г. он отказался служить благодарственный молебен в связи с днем рождения императрицы Александры Федоровны. В деле, заведенном на священника, говорится, что после окончания литургии Фирсов должен был выйти для совершения молебна и окропления крестьянских полей. Местный псаломщик Михаил Афанасьевич Долешский сообщил священнику, что в этот день необходимо отслужить молебен и в честь рождения императрицы. Однако священник Фирсов на это ответил: «Ты еще будешь меня учить» и, не став служить молебен, отправился на поле»[737]. Это

[734] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1568. Л. 4.
[735] Там же. Д. 1459. Л. 9.
[736] Там же. Л. 9 об.
[737] Там же. Л. 31.

не единственный случай, свидетельствовавший о политической неблагонадежности священнослужителя.

5 февраля 1905 г. в здании местной школы иерей Фирсов, выступая перед детьми, в присутствии учительницы назвал убийц великого князя Сергея Александровича достойными людьми, всячески восхваляя их, а самих великих князей охарактеризовал как «казнокрадов»[738]. 7 марта 1906 г. во время выборов в Государственную Думу священник Фирсов на заседании волостного правления произнес следующие слова: «Мы в настоящее время в чиновниках видим один подкуп, хищничество и одну неправду, которые довели страну до разорения»[739].

Под негласное наблюдение в 1905 г. попал священник слободы Колодезной Острогожского уезда Семен Иванович Лященко. В 1902 г. в церкви этой слободы произошла кража. Пропало 2 250 рублей. Следователи обыскивали всех, на кого падало хоть какое-то подозрение. Обыск провели и у священника данной церкви Семена Лященко. Случайно, в процессе проведения следственных действий по делу о краже, на квартире Лященко была обнаружена нелегальная литература: литографированные воззвания «К Яковлевским типографщикам» (издание Томского Комитета Социал-демократического союза), рукописная прокламация «Бюллетень» (изданная тем же комитетом), эсеровское воззвание «К народу»[740]. При обнаружении нелегальных изданий священник Лященко стал просить следователя: «Нельзя ли это дело не возбуждать, ведь это пустяки»[741]. Однако следователь посчитал иначе. Дело о хранении революционных изданий возбудили. Клирик объяснял, что конверт с литературой ему прислали из Томска, кто, о том он якобы не знал. Формально доказать вину священника не удалось, но при допросе знавших батюшку крестьян выяснилось, что однажды по поводу происходящих в стране студенческих беспорядков он произнес фразу: «Если бы я не был священником,

[738] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1459. Л. 31 об.
[739] Там же.
[740] Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 468. Л. 11.
[741] Там же. Л. 11 об.

то так же поступил бы в борьбе за идею, как сделал мой брат» (пострадавший в Томске при участии в студенческих беспорядках – С. И.)[742].

Порой жандармам с трудом удавалось выявить участие священников в запрещенных организациях. Об этом свидетельствует дело священника слободы Лесковой Богучарского уезда Алексея Микулина. Иерей Алексей имел хорошее образование, знал иностранные языки, судя по всему, являлся хорошим проповедником. Подобные качества заставили обратить на себя внимание. По предложению митрополита Северо-Американского Платона клирик вместе с семьей был приглашен в США для прохождения священнического послушания. Но незадолго до отъезда священника богучарскому уездному исправнику поступил рапорт, в котором указывалось: «Из достоверного источника получены сведения, что священник Микулин, отличающийся крайней неблагонадежностью, предполагая убежать в Америку, подговаривает своих единомышленников из крестьян устроить ему проводы, во время которых он намерен обратиться к крестьянам с речью противоправительственного содержания и указать лиц, которые, по его мнению, доносят на «прогрессистов» с целью возбудить против них население»[743].

Священника Алексея Микулина задержали. В день задержания он дал очень путаные показания, а через некоторое время написал длинное письмо на имя губернатора, в котором заявлял о клевете на него. Раньше он действительно исповедовал некоторые антиправительственные убеждения, но «теперь вел законный образ жизни»[744].

Находясь в тюрьме, иерей Микулин жаловался, что ему очень трудно среди заключенных, невозможно молиться. Каждый, кто проходил мимо него, так и норовил подшутить над клириком, бросив ему вслед «какую-нибудь издевку вроде «Миром, Господу помолимся» или «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков»[745]. Из материалов следствия не видно, какой приговор получил

[742] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 468. Л. 11.
[743] Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1373. Л. 2.
[744] Там же. Л. 39.
[745] Там же. Л. 42 об.

священнослужитель, но очевидным становится, что за границу ему поехать не удалось, так как загранпаспорт, который уже был ему выдан, до сих пор остается подшитым к делу[746].

Часто среди наиболее ревностных революционеров оказывались выходцы из духовного сословия. Некоторые из них являлись организаторами антиправительственных обществ и комитетов. Таковой была дочь священника слободы Макашевки Новохоперского уезда Елена Яковлевна Прозоровская. Женщина возглавляла местный комитет партии эсеров. По ночам она собирала митинги в лесу, преимущественно из местной молодежи (Яковлева работала учительницей земской школы), произносила противоправительственные речи, призывая людей к вооруженному восстанию против власти. В жандармском управлении ее характеризовали как «очень способную, энергичную и пользующуюся большим влиянием революционерку»[747]. В августе 1906 г. Прозоровскую задержали и этапировали в Пензу, откуда она неоднократно подавала на имя воронежского губернатора прошение о разрешении ей вернуться на родину. Последнее письмо отправлено после 7 лет ссылки в 1913 г., когда у нее умерли отец и брат, сама же революционерка заболела туберкулезом. На последнее прошение осужденной губернатор ответил отказом[748].

В событиях Первой русской революции участвовала и Евдокия Шабашова, дочь священника села Красного Нижнедевицкого уезда. Ее неоднократно заключали под стражу за антиправительственную деятельность. Шабашова занималась агитацией среди крестьян, нередко переодеваясь в крестьянское платье. Многих жителей она настроила враждебно по отношению к духовенству и церкви. В 1906 г. женщина организовала и руководила Кочетовским и Краснянским крестьянским братством партии эсеров. За дочерью священника организовали наблюдение, от которого ей удалось скрыться. Поиски проходили в течение года. В 1907 г. по подложным документам на имя Марченко ее задержали в городе Воронеже.

---

[746] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1373. Л. 46.
[747] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 271. Л. 195.
[748] Там же. Л. 196.

Для «испытания умственных возможностей» Шабашову поместили в психиатрическое отделение губернской земской больницы, из которой ей также удалось бежать. Двое неизвестных, мужчина и женщина, вооруженные револьверами, ворвались вечером в здание больницы и потребовали у надзирательницы выдать им Шабашову, что и было сделано. Все трое скрылись. Но через год революционерку снова задержали в Москве, где она проживала по поддельному паспорту на имя Портняжной[749].

В селах Павловского, Коротоякского и Нижнедевицкого уездов в 1905-1906 гг. действовала подпольная группа (48 человек) эсеров, возглавляемая сыном священника Константином Хреновским. Последний лично организовал «Крестьянское братство» и занимался активной пропагандой против действовавшей власти. В ходе следствия Хреновской был признан виновным и выслан в Архангельскую губернию на три года[750].

Сын священника Тихон Иванович Попов так же находился под негласным надзором полиции с 1900 г. ввиду его принадлежности к Костромскому комитету социал-демократической рабочей партии, «деятельным членом» которой он являлся. Его отец, протоиерей Иоанн Попов, считался вполне достойным священнослужителем, ревностно исполнявшим свои обязанности в городе Задонске Воронежской губернии[751].

Удивительно, но священники Иоанн Мерецкий, Алексей Фирсов, Михаил Зоричев и многие другие клирики, принимавшие участие в антиправительственном движении, имели очень сильное влияние на население. Прихожане почитали их как искренних пастырей, в то время как во второй половине XIX – начале XX века среди населения (особенно образованной его части) Воронежской губернии (как и в остальных губерниях Российской империи) наблюдалось усиливавшееся недоверие и даже в отдельных случаях презрение к людям, облеченным в священный сан. Выдающийся воронежский проповедник протоирей Михаил Некра-

[749] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 271. Л. 219.
[750] Там же. Л. 77.
[751] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 142. Л. 18.

сов в своем «Дневнике священнослужителя» писал в те годы: «Невольно спросишь себя, отчего в наше время нет чудес?...Конечно, в сравнении с первыми веками христианства чудес теперь мало, кажется скоро настанет то время, о котором сказал Спаситель: «Сын человеческий пришед, обрящет ли веру на земле?» (Лк. 18: 8)[752].

При анализе вышеупомянутых дел, при рассмотрении историй, связанных с антиправительственной деятельностью приходских священников Воронежской епархии, конечно, возникает вопрос, что все-таки заставляло людей, облеченных в священный сан, призванных вести народ к «свету Христовой любви, истины и милосердия», идти на подобные, безусловно, недостойные пастырского звания выходки? Сложно назвать какую-то одну причину. Их было немало. Это и проблема материального положения духовенства, и социальные аспекты жизни. Все те люди, о которых выше велась речь, закончили Воронежскую семинарию, некоторые и духовные академии. То, что закладывалось в них на семинарской скамье, не могло не отразиться в будущем. А в духовных школах (воронежская не исключение) наблюдались серьезные проблемы. В ГАВО сохранилась переписка инспектора (в то время) Воронежской духовной семинарии протоиерея Алексея Спасского с его другом протоиереем Вакхом Гурьевым, служившим в Польше. Протоиерей Спасский в 1888 г. писал: «Теперь опять требуется усиление деятельности инспекции. Я уже сообщал вам, что в учебных заведениях города Воронежа не совсем-то спокойно. В настоящее время есть на это неопровержимые доказательства»[753]. Знаменитого воронежского протоиерея (впоследствии, с 1887 г. по 1900 г., ректора семинарии, депутата Государственной думы) сильно беспокоило вольное поведение семинаристов. По его словам, «в Воронеже труднее, чем где-либо поставить дело воспитания как хочется. Здесь слишком много соблазна, чтобы устоять против него юношеству, слишком много неудобств, чтобы семинария

[752] Лаврентий (Некрасов), епископ. Дневник священнослужителя. Тула, 1906. С. 3.
[753] ГАВО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 9. Л . 12 об.

могла считаться на хорошем счету»[754]. Воронежские семинаристы читали запрещенную литературу, вели себя довольно дерзко, особенно летом, когда они «кривляются в комнатах, смотрят на гуляющих модисток, а те, в свою очередь, выделывают самые соблазнительные сцены»[755].

Причины, о которых говорилось выше (тяжелое материальное положение, социальная несправедливость, трудности в процессе обучения в духовной школе, общий либеральный дух второй половины XIX – начала XX века) не могли не сказаться на воронежском приходском духовенстве, несмотря на законодательные, духовные и канонические препятствия, участвовавшем, пусть и в лице лишь некоторых своих представителей, в общественно-политическом, антиправительственном движении. В заключение еще раз следует подчеркнуть, что таких были единицы. Большинство не проявляло активной политической позиции. Однако тот факт, что в рассматриваемое нами время священники выражали недовольство политической и экономической ситуацией, несомненно, свидетельствует о возраставшей радикализации взглядов части духовенства Воронежской епархии.

§3. Участие детей духовенства в общественно-политическом движении. История волнений в Воронежской духовной семинарии

Важным и до сих пор практически неизученным аспектом истории воронежской духовной школы является вопрос о студенческих волнениях, происходивших во второй половине XIX – начале XX века. Нужно заметить, что в рассматриваемое время (особенно в начале XX века) духовные школы Российской империи активно включаются в общее революционное движение студенческой молодежи. Характерной чертой пореформенной России было распространение идей нигилизма, атеизма и общего равнодушия к церкви, которую в кругах студенческой молодежи нередко рассматривали как реакционную силу, служившую на страже интересов монархии. Ввиду того что тлетворные идеи стали распространяться среди образованной молодежи, митрополит Филарет (Дроздов) даже

[754] Там же. Л. 6.
[755] ГАВО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 9. Л . 6.

установил в пределах Московской епархии служение особого молебна «об обращении заблудших»[756].

Наряду с волнениями в университетской среде, серьезные беспорядки происходили в целом ряде семинарий: Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской, Иркутской, Виленской, Казанской, Ярославской, Вологодской, Пермской, Полтавской, Донской, Владимирской, Ставропольской, Тобольской, Сибирской, Тамбовской, Пензенской, Одесской[757]. Иногда дело доходило до крайне возмутительных инцидентов. Так, в 1895 г. во Владимирской семинарии ученик II класса ударил ректора архимандрита Никона (Софийского) топором по голове (его спас клобук, и он остался жив). На следующий день семинаристы пытались заколоть его помощника вилами[758].

Симптоматичным в этом отношении выглядел указ Святейшего Синода от 15 декабря 1886 г., запрещавший воспитанникам духовных семинарий хранить у себя огнестрельное оружие. В тексте указа выражалось удивление по поводу того, что семинаристам удавалось «приобретать, а иногда и долгое время хранить у себя такие опасные для жизни предметы, каковы револьверы, ружья и проч.»[759].

Воронежская семинария не была исключением. В ней также имели место волнения учащихся, целостная картина которых до сих пор не описана ни в одном исследовании. В данной работе будет предпринята попытка воссоздания истории протестного движения в Воронежской духовной семинарии.

Из материалов, хранящихся сегодня в РГИА, можно заключить, что первые сигналы о неблагополучных настроениях в среде воспитанников местной духовной школы были замечены уже в 1877 г., когда стало известно о том, что в семинарии имелся тайный кружок недовольных порядками лиц, издававших подпольную ученическую газету. При этом отмечалось влияние на данную группу учащихся извне, скорее всего со стороны социалистов, связывавшихся с семинарис-

---

[756] Никанор (Бровкович), архиеп. О значении семинарского образования – URL: http: // www.mosjour.ru / index.php?id = 465

[757] Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 2: 1902-1903. С. 197-198.

[758] Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 73.

[759] Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства… С. 59.

тами через «некоего человека в красном плаще, называвшего себя «Лютым»[760]. В числе запрещенной литературы, которую распространял кружок среди сочувствующих воспитанников, были прокламации «Земля и воля», «На смерть государя-императора».

В 1879 г. на квартире инспектора Никифора Ивановича Ляборинского прогремел небольшой по силе взрыв, организованный недовольными воспитанниками[761]. На следующий день в общежитие семинарии подбросили 11 экземпляров прокламации, содержавшей следующее обращение: «Самодурство ректора, деспотизм инспектора, уничтожение и подавление личности каждого воспитанника возвышаются прогрессивно. Факты всем известны. Но сила встречает отпор в другой силе. Всякое животное защищается, повинуясь инстинкту самосохранения. А мы, господа, неужели будем позволять до скончания века бить себя по морде и силиться строить улыбку благодарности за подобные благодеяния? Нет, наши нервы не могут дальше выносить подобного состояния. Мы предлагали обращаться с нами по-человечески. Тщетно. Теперь мы вступаем на почву фактической борьбы с нашими врагами. Объявляем, что будем пользоваться всяким удобным случаем для нанесения вреда ненавистным нам людям. Приглашаем всех оскорбленных принять участие, а таких надеемся немало»[762].

Так как взрыв был не очень мощным и к тому же никто не пострадал, правление духовной школы не стало предавать произошедшее огласке, полагая, что сможет справиться с нарастающим брожением собственными силами.

В октябре того же 1879 г. воспитанник семинарии Иваньшин разбил стекла в квартире ректора, а при попытке задержания пытался оказать сопротивление имевшимся у него оружием[763]. Новый инспектор игумен Акакий (назначенный на эту должность в 1880 г. административным путем, несмотря на то что по уставу

[760] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 52. Л. 17.
[761] Там же. Л. 34 об.
[762] Там же. Д. 49. Л. 73.
[763] Там же. Л. 5 об.

1867 г. инспекторы избирались преподавательским составом[764]) приступил к наведению порядка посредством строгих мер административного взыскания и отчисления неблагонадежных на его взгляд учеников.

22 ноября 1880 г. члены «кружка социалистов», недовольные строгостью инспекции и чрезмерно жестким на их взгляд распорядком дня в Воронежской семинарии, направили игумену Акакию письмо «от центра протестующей партии», содержащее ряд требований, основные положения которых сводились к следующему:

1) представителям администрации семинарии не следовало спрашивать воспитанников о причинах их отсутствия в церкви во время общественных богослужений, отлучек в квартирах, общежитии и т. д.;

2) одновременные наказания голодным столом[765] и уменьшение балла по поведению предлагалось отменить;

3) следовало упразднить правило, согласно которому, воспитанники, жившие на квартирах, не имели права покидать их после 5 часов вечера

4) последнее требование выражало своего рода гнев учащихся на ненавистных им преподавателей и гласило: «Уволить от должности фискала и сыщика, ревностного служителя подлости, ябеду Захарьевского» и обратить внимание на филологов Н. Орлова и А. Галицина, « за грубость, наглость и крайнее себялюбие; а также выгнать или обуздать О. М. Романовского»[766].

На это письмо инспектор семинарии игумен Акакий никак не отреагировал. Тогда, в конце декабря 1880 г., ему направили второе письмо, в котором некий аноним-семинарист выражал от лица ряда воспитанников (их имена, естественно, не назывались) недовольство грубым поведением инспектора и «слишком крутыми мерами по поводу ничтожных поступков», вызывавших «бурю негодования»[767]. При этом автор второго письма говорил, что в порыве гнева все еще раз-

---

[764] Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии… С. 422.
[765] Во время обеда ученика показательно усаживали за стол без еды.
[766] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 52. Л. 18 об.
[767] Там же. Л. 19.

думывает как лучше поступить: либо покончить с собой в знак протеста против инспектора, либо сначала убить инспектора и только потом покончить с собой.

Второе письмо вызвало у игумена Акакия предсказуемое негодование, а отреагировал он тем, что вывесил в корпусе семинарии на всеобщее обозрение объявление следующего содержания: «Если ученик настолько раздражителен, что не может владеть собою, то ему следует лечиться. Исполняющий свой долг инспектор угроз не боится. Вследствие угроз с дурными и грубыми вежливо обращаться не будет. Хорошие же и благонравные ученики сумеют правильно оценивать как деятельность инспектора на пользу учеников, так и угрожающие анонимные письма. Полученное письмо представлено будет куда следует. Если, вследствие начавших повторяться прошлогодних недозволенных ни в каком учебном заведении поступков, семинария подвергнется каре высшего начальства, то и ученикам и отцам их придется жаловаться только на производящих беспорядки»[768].

Помимо администрации, пытавшейся выяснить имена радикально настроенных воспитанников и разоблачить тайный кружок, семинаристы (благонадежно настроенная их часть) приступили к созданию группы с целью самостоятельного выявления членов «протестующей партии». 12 декабря 1880 г. игумену Акакию пришло еще одно письмо, в котором очередной аноним сообщал о наличии в Воронежской семинарии группы воспитанников, именовавшихся им «бунтовщиками»[769]. По свидетельству анонимного письма, такие неблагополучные ученики находились во всех классах семинарии, кроме VI. При этом назывались имена 8 воспитанников, имевших возможную причастность к деятельности подпольной организации. Вскоре инспекция вызвала названных «питомцев» для разъяснений. И хотя явных доказательств их участия в тайной студенческой организации выявлено не было, протестующие семинаристы, испугавшись разоблачения, на время приостановили свою деятельность. Однако, понимая, что имена конкретных членов «социалистического кружка» переданы инспекции кем-то из учащихся духов-

[768] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 52. Л. 20.
[769] Там же. Д. 49. Л. 27 об.

ной школы, «оппозиционная партия» решила отомстить несогласным с их деятельностью воспитанникам.

Через несколько дней после беседы с восемью предполагаемыми «бунтовщиками» к многострадальному игумену Акакию обратился квартирный хозяин (то есть человек, у которого снимал жилье ученик) одного из лучших воспитанников семинарии Иосифа Федорова и сообщил ему о том, что этот семинарист не посещал занятия не по болезни, о которой он официально уведомлял администрацию духовной школы, а по другой, не только не уважительной, но даже порочащей звание православного христианина причине. Данный воспитанник отсутствовал на занятиях якобы потому, что проводил время на квартире с дочерью протоирея Донской епархии (ей в то время было 15 лет), на которой собирался жениться. Молодой человек просил родителей отправить ее на обучение в Воронеж с тем, чтобы самому контролировать процесс ее воспитания[770]. Инспекция, проверив свидетельство домохозяина, пришла к выводу о явной клевете на ученика семинарии (как выяснилось позже, сочиненной при участии «центра протестующей партии»). Более того, клеветники пытались запугать Федорова, именуя его в письмах «Вы – наш рыцарь, упорно борющийся против нас»[771].

Затем на имя игумена Акакия пришла очередная анонимка, содержащая информацию о якобы порочащем поведении еще одного студента семинарии (также одного из лучших), который будто бы имел незаконные связи с некой Разсудовой. «Ходит к ней каждый день, обучает. Она социалистка. Убежала от родных, неизвестно чья»[772]. Автор послания советовал инспектору разобраться с названным учеником. «Если ты не поступишь по справедливости, мы их убьем. Мы хотели сделать им лоск еще в IV классе. Я буду подробно писать, нам теперь некогда…»[773].

---

[770] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 49. Л. 27 об.
[771] Там же. Д. 52. Л. 32.
[772] Там же. Д. 49. Л. 30.
[773] Там же.

Как выяснилось в ходе проверки, это была еще одна клевета на вполне благополучного ученика. Разсудова[774] являлась дочерью священника Саратовской епархии, приехавшей в Воронеж для сдачи экзамена в гимназию с тем, чтобы получить право поступления на высшие женские курсы. Никакой связи с социалистами и другими противоправительственными движениями она не имела. Более того, ей также приходили письма от неизвестных семинаристов. «Да, когда вы приехали в Воронеж мы от вас ожидали большой помощи, хотя, по правде сказать, очень мало имели на это оснований, но думали, что человек, два года пробывший в Петербурге, недаром их проведет. Оказывается что же? Вы сходитесь с таким человеком как Ф., который только способен за бабами ухаживать. Как хотите, это более чем возмутительно, так что, пожалуйста, не пеняйте на нас, если под влиянием нервного расстройства вам придется поплатиться. Засим, до скорого свидания. N»[775].

Постепенно инспекция духовной школы начала выходить на след предполагаемой тайной группы семинаристов. Стало известно, что некоего семинариста Ф., действительно дружившего с Разсудовой, революционеры пытались привлечь на свою сторону, но он отказался участвовать в деятельности кружка. Тогда «бунтовщики» решили дискредитировать его[776] в глазах инспекции, написав игумену Акакию ложный донос, а также в глазах его избранницы, охарактеризовав семинариста не с самой лестной стороны. Когда администрация Воронежской семинарии, вскрыв факты вышеобозначенной переписки, вышла на след «социалистической партии», члены последней задумали пойти на решительный шаг с тем, чтобы

---

[774] Ее долго пытались найти, полагая, что она действительно социалистка, скрывающаяся от полиции. Но в итоге она объявилась сама. Захотев причаститься, девушка пришла на исповедь в Митрофанов монастырь, назвав духовнику свое имя

[775] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 49. Л. 31.

[776] Согласно показаниям Ф. (имя которого в деле также не называется), он, снимая комнату в доме некоей госпожи Стрелковой под Семинарской горой, был свидетелем неоднократно проходивших на нижнем этаже того же дома в квартире акушерки Сухачевой подпольных собраний семинаристов, а значит, представлял определенную опасность для тайного кружка, так как в любой момент мог его выдать.

отвлечь инспекцию от расследования их дела. Таким решительным шагом был взрыв, произведенный на квартире ректора протоиерея Певницкого 7 мая 1881 г.

Преступление было совершено на квартире ректора в промежутке между 6.30 и 6.40 утра, когда в семинарском храме (взрыв произвели в канун храмового праздника) читалось шестопсалмие[777]. Самодельную бомбу заложили в печь, которую, несмотря на ее значительную толщину, практически полностью разворотило. Протоиерей Певницкий чудом остался жив. Согласно его собственным показаниям, во время взрыва он, по причине болезни находясь в своей квартире, а не на богослужении, сидел в кабинете, на значительном удалении от печи. К тому же около злополучной печи стояла металлическая кровать, компенсировавшая удар взрывной волны[778]. По мнению ректора, взрыв произвели для того, чтобы убить его, «так как, вероятно, некоторые из воспитанников недовольны существующим порядком в семинарии и стремятся к полной свободе и к полнейшему уничтожению дисциплины»[779].

В тот же день в корпусе семинарии обнаружили разбросанные листовки с прокламацией, составленной семинаристами-бунтовщиками по поводу произошедшего взрыва, текст которой приводится ниже.

Прокламация для учащихся

Надеемся, нет нужды освещать факт: обстоятельства, вызвавшие его ясны для знакомых с жизнью семинаристов.

При настоящих условиях мы не могли действовать с прежней постепенностью и вынуждены разом нанести решающий удар врагам. Силу силой без бою укротить нельзя! Объявляем протест, и жертвы будут, пока не удовлетворятся наши требования. Воронеж[780].

25 мая 1881 г. протоиерей Певницкий получил письмо с угрозой нового взрыва в Воронежской семинарии. В тексте говорилось о принятии твердого ре-

[777] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 49. Л. 34 об.
[778] Там же. Д. 52. Л. 15.
[779] Там же. Л. 16.
[780] Там же. Л. 25.

шения похоронить его под развалинами семинарии, для чего будто бы в корпусе учебного заведения уже заготовлено значительное количество ящиков с порохом[781].

В связи со сложившийся ситуацией в Воронежскую семинарию из Учебного комитета при Святейшем Синоде направили ревизора, тайного советника Ивана Александровича Ненарокова для проведения расследования причин, приведших к студенческим беспорядкам. На следующий по приезде день чиновнику подбросили записку: «Поведение ваше и образ действий на первых же шагах вашей ревизии ясно обнаруживают, что вы намерены вести дело в направлении для нас вовсе не желательном, и потому мы будем всеми мерами стараться отделаться от вас. Рассчитаться с вами для нас очень заманчиво, так как в лице вашем мы порешили бы одного из выдающихся рабов Великого Деспота (имелся в виду император – С. И.)»[782].

Примечательно, что, несмотря на полученные от революционно настроенных семинаристов угрозы, явную неправоту учащихся, создавших подпольную группу, петербургский чиновник пришел к выводу о частичной виновности в подобном поведении воспитанников самой администрации духовной школы. Ненароков писал в Синод: «Вообще с начала 1880 г., особенно со вступления в инспекторскую должность игумена Акакия, в действиях и распоряжениях семинарского начальства замечается более настойчивое, чем прежде, стремление дисциплинировать воспитанников семинарии, таким образом, каждое, даже неважное нарушение учениками правил об их поведении, неизбежно влекло за собою наказание»[783]. По мнению чиновника, инспекция в лице игумена Акакия своими не всегда разумно строгими мерами взыскания провоцировала молодежь. По свидетельству ревизора, «меры эти иногда были слишком строги сравнительно с проступками учеников»[784].

---

[781] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 52. Л. 46 об.
[782] Там же.
[783] Там же. Л. 54.
[784] Там же. Л. 54 об.

Так, например, воспитанники IV класса Затонский и III класса Введенский всего лишь за то, что вышли из корпуса, не взяв с собой полагавшихся для этого жетонов[785], были наказаны двухдневным заключением в карцере, лишением права покидать общежитие в течение месяца и понижением балла по поведению до 2![786] Ревизор Ненароков отмечал, что подобных случаев он зафиксировал немало. «Журналы педагогического собрания и штрафная книга поведения за этот период времени составляют собой целую летопись «преступлений и наказаний» учеников и представляют поразительные цифры подверженных наказанию (преимущественно голодному столу и заключению в карцере на несколько часов или на целые сутки и более)»[787]. В марте 1880 г. учеников, подвергнутых вышеназванным наказаниям, насчитывалось 90, за 15 учебных дней апреля – 25, в мае – 157, в сентябре – 30, в октябре – 108, в ноябре – 51, в декабре – 46, в январе (1881 г.) – 36, в феврале – 30, в марте – 54[788]. Приведенные цифры, безусловно, свидетельствуют о чрезмерно строгой политике инспекции Воронежской семинарии по отношению к своим воспитанникам.

Комиссии из Петербурга также стала известна хитрая и не совсем законная схема, с помощью которой администрация учебного заведения избавлялась от ненавистных ей учеников. Такие ученики переводились с казеннокоштного на своекоштное обеспечение за незначительные дисциплинарные проступки. Многие из тех, кто учился за счет государства, не имели возможности продолжать обучение за свои средства, а значит, совсем покидали учебное заведение. Примером служит история с учеником II класса Василием Чернецким, лишеным казенного содержа-

---

[785] В Воронежской семинарии существовала практика, согласно которой все воспитанники, желающие покинуть здание общежития, должны были брать с собой специальные жетоны, являвшиеся своего рода свидетельством о разрешении покинуть корпус, с тем чтобы по возвращении предъявлять их инспекции и таким образом обозначать время своего возвращения.

[786] Согласно законам Российской империи, ученик, имевший два балла по поведению, не мог поступить в университет. Семинаристам это грозило лишением возможности выйти из духовного сословия.

[787] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 52. Л. 54.

[788] Там же. Л. 54 об.

ния за то, что «в 12 часов ночи найден был в спальне с папиросою в зубах»[789]. Так как Чернецкого перевели в число своекоштников, то через месяц из-за отсутствия материальной возможности к продолжению обучения он подал прошение об отчислении. Такая же ситуация произошла с учеником III класса Федотовым, лишенным содержания по причине ссоры со сторожем семинарии. Еще один воспитанник V класса Николай Федотов также был вынужден подать прошение об отчислении ввиду его перевода на своекоштное содержание (юноша возвратился в семинарию с каникул с задержкой, и это послужило причиной перевода). Несмотря на неоднократные просьбы отца воспитанника, священника Федотова, оставить сына на казенном содержании, правление духовной школы не сочло нужным пойти навстречу нуждавшейся семье (невзирая на уважительную причину опоздания с каникул – болезнь).

После Пасхи 1880 г. появилось еще несколько поводов к проявлению недовольства. Во время одной из проверок член-ревизор Учебного комитета при Святейшем Синоде Сергей Иринеевич Миропольский, инспектировавший Воронежскую семинарию, высказал недовольство тем, что многие из казеннокоштных воспитанников подрабатывали репетиторством. По мнению Миропольского, это негативно влияло на успеваемость учеников, так как отвлекало их от освоения основного учебного курса. Ректор протоиерей Певницкий незамедлительно отреагировал на замечания ревизора. После Пасхи 1880 г. ввиду приближавшихся экзаменов он запретил воспитанникам подрабатывать уроками. В результате из 32 юношей, занимавшихся репетиторством, 24 полностью лишились средств к существованию[790]. Это, естественно, не могло не сказаться на общей атмосфере недовольства внутри ученической среды.

Но для негодования семинаристов имелся, как выяснилось, еще один повод. До 1880 г. каждому воспитаннику ежегодно выдавался комплект летней одежды, сделанный либо из пеньковой материи, либо из бумажного трико, а раз в два года

[789] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 52. Л. 55.
[790] Там же. Л. 58.

– так называемая «суконная пара» (сюртук, брюки и жилет). Однако из-за значительного возрастания цен на необходимые материалы правление духовной школы решило пойти по более дешевому пути, отдав заказы на пошив одежды одной воронежской еврейской семье, обещавшей выполнить условия сделки за незначительную сумму – 1 руб. 25 коп. «за пару платья»[791]. В итоге качество новой формы существенно снизилось. Воспитанники Воронежской семинарии восприняли это как знак неуважения.

Все вышеназванные обстоятельства привели к тому, что наиболее неблагополучная часть учеников Воронежской семинарии произвела взрыв на квартире ректора, сильно удивив этим и местное губернское начальство (которое ничего не знало об имевшейся в духовной школе группе недовольных воспитанников, так как правление последней не сочло для себя нужным доложить об этом) и приехавших с инспекцией чиновников Учебного комитета. В ходе расследования социалистический кружок, с помощь самих же семинаристов, был раскрыт. Его наиболее активными членами оказались семинаристы III класса: Александр Иваньшин, Яков Часовников, «отрицавший Бога и одобрявший воззрения социалистов» [792]; IV класса: Федор Попов, Григорий Яковлев, Федор Полянский, Михаил (20 лет, сын священника) и Иван (20 лет, сын священника) Воробьевские, Владимир Сцепенский, Василий Матвеев (21 год, сын священника), Алексей Иванов (21 год, сын священника); V класса: Иван Яблоновский (21 год, сын псаломщика), Минин Александр (сын дьякона, 23 года)[793]. Как оказалось, группу смутьянов вовремя разоблачили. Ее члены во главе с Яковом Часовниковым собирались устроить новый взрыв, на этот раз на квартире игумена Акакия, именуемого ими не иначе как «проклятый сыщик в рясе»[794].

Большую часть разоблаченных семинаристов исключили из учебного заведения. Некоторые из них пытались вернуться обратно, выражая раскаяние в соде-

[791] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 52. Л. 59.
[792] Там же. Л. 20.
[793] Там же. Д. 49. Л. 3 об.
[794] Там же. Д. 52. Л. 46 об.

ланных проступках. Одним из таких воспитанников являлся Василий Матвеев, 2 октября 1881 г. писавший в Синод: «Безотрадно, горько, мучительно и ужасно такое положение! Все надежы на высшее образование развеяны, все стремления к хорошему, к лучшей жизни, к честному благотворному труду, весь горящий в моей груди пламень познания чистой истины – все это погибает. А это составляло все мое существование»[795].

После увольнения наиболее неблагополучных учеников брожения в Воронежской семинарии на время прекратились. Инспекция следила за обстановкой, проверяя квартиры подозрительных учеников. Один из таких обысков произошел в ноябре 1884 г., когда инспектор и надзиратель посетили с проверкой квартиру, снимаемую воспитанниками семинарии Д. Полянским и Н. Яковлевым. Неожиданное появление начальства крайне удивило как последних, так и находившихся у них в гостях учеников семинарии Г. Михайлова и К. Колесникова. При появлении инспекции в квартире произошел переполох. Михайлов начал рвать находившие на столе бумаги, а когда их попытались у него отнять, то «клочки изорванной бумаги положил в рот и съел»[796]. Как оказалось, листы, скрываемые семинаристами, содержали воззвание к рабочим по поводу казни членов партии «Народной воли» Рогачева и Штромберга. Всех вышеназванных учеников заключили под стражу в Воронежскую тюрьму[797].

Несмотря на продолжавшееся существование некоей группы недовольных, очевидно, объединенных в подпольный кружок, значительных беспорядков в то время больше не наблюдалось. Лишь в 1902 г. правление духовной школы докладывало в Синод об имевших место 29 ноября того же года незначительных беспорядках. Поводом к их появлению явилось требование заместителя инспектора семинарии Воскресенского прекратить шумное пение, устроенное воспитанниками в занятной комнате (то есть в аудитории) в неположенное для того время, когда оставаться в ней можно было лишь тем, кто готовил домашнее задание по пись-

[795] РГИА Ф. 797. Оп. 51. Д. 49. Л. 111.
[796] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 271. Л. 14.
[797] Там же. Л. 14 об.

менным предметам. В ответ на замечания ученики, выходя из комнаты, начали вызывающе себя вести, а один из них, Тихон Орлов, «подымаясь по лестнице во второй этаж, громко и пронзительно свистнул»[798].

Через некоторое время воспитанники первого и второго отделений III класса (всего 14 человек), собравшись в спальне общежития, начали обсуждать нанесенное со стороны помощника инспектора «оскорбление». Воскресенский попытался войти к ним, на что семинаристы незамедлительно отреагировали, бросив в него табуретку. Однако этим все и ограничилось. Массового волнения учащихся не произошло. В ходе разбирательств 12 человек подвергнули дисциплинарным взысканиям, двоих – Тихона Орлова и Тихона Васильева «как не отличавшихся вообще благонравием» отчислили[799].

Новый виток волнений начался в 1905 г., когда воспитанниками Воронежской семинарии был создан очередной подпольный (теперь уже более организованный, чем в 1879 г.) орган – «Бюро забастовавших семинаристов». Причиной образования подпольного органа стала начавшаяся революция 1905-1907 гг. Семинаристы не считали для себя возможным оставаться в стороне от событий, происходивших в империи. На этот раз число участников незаконной группы было значительнее, чем при событиях конца XIX века. Бюро имело свой устав, в подпольной типографии издавались требования, обращенные к правлению семинарии, к Синоду и т. п. (текст устава и требований см. в приложении 6). Основными зачинщиками и учредителями особой подпольной организации, «Бюро забастовавших семинаристов», являлись следующие воспитанники: Мухин, Василий Смирнов, Мещеряков, Агеев, Садовский Иван, Романов, Сланский Семен, Морейский, Мамонтов, Ксенофонтов, Полудятников Сергей, Зеленский Иван[800].

Так называемая «забастовка» началась, очевидно, из-за проводимых полицией у живших на квартирах воспитанников обысков. Правление семинарии подозревало наличие в среде учащихся оппозиционной группы и пыталось ее вы-

---

[798] РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 1. Л. 4.
[799] Там же.
[800] ГАВО. Ф. И-1. Оп 1. Д. 553. Л. 1. об.

числить посредством обысков. Поводом к ним послужило дело ученика Николая Ивановича Попова.

1 мая 1905 г. в 9 час. 12 мин. помощник пристава Назаров заметил неизвестного молодого человека, проходившего несколько раз по противоположной Управлению Московской полицейской части стороне дороги. В руках у незнакомца находился подозрительный сверток, «из которого видно было что-то красное»[801]. Когда этот незнакомец снова появился, полицейский решил задержать его для установления личности. Как оказалось, это был воспитанник VI класса Воронежской семинарии, сын священника – Николай Иванович Попов. Обнаруженный сверток содержал «несколько склеенных листов красной бумаги с вырезанным на ней текстом, на одной стороне: «1 мая пролетарии всех стран соединяйтесь!», и на другой: «Да здравствует социалистическая демократическая рабочая партия!»[802]. Листы имели приспособление для установки в качестве транспаранта. В ходе начавшегося расследования на квартире у Попова обнаружили «ученическую тетрадь в синей обложке, на ярлычке верхней обложки которой написано: «Н. Попова – ученика К. Маркса»[803].

Правление духовной школы, заподозрив, что некоторые ученики семинарии, имевшие связи с партией РСДРП, устраивают маевки, при помощи полиции приступило к обыскам на квартирах подозреваемых. Одновременно усилился режим внутри самой школы. Семинаристы выражали недовольство ужесточением распорядка, что вылилось в попытку проведения совместно с учащимися других учебных заведений города Воронежа забастовки и демонстрации в сентябре 1905 г. Для этого «Бюро забастовавших семинаристов» предложило учащимся гимназии, кадетского корпуса и других учебных заведений принять участие в готовящейся акции протеста. «Прогрессивно» мыслящая молодежь, воодушевленная призывом действовать, не могла остаться в стороне. Семинаристам прислали ответ: «Товарищи! Узнав вчера вечером о том, что вы решили выразить путем за-

[801] ГАВО. Ф. И-1. Оп 1. Д. 60. Л. 3.
[802] Там же. Л. 3 об.
[803] Там же. Л. 10.

бастовки, с одной стороны, протест против действий вашего начальства, а с другой – против современного школьного режима вообще, Мы, воронежская мыслящая молодежь, шлем вам свой искренний товарищеский привет и вместе с тем считаем своим нравственным долгом, своей первой обязанностью придти вам на помощь в предстоящей борьбе, вследствие чего мы во время вашей забастовки будем:

1) вести широкую агитацию как в учебных заведениях, так и путем устройства общеученических сходок и митингов, с целью вызвать сочувствие и содействие забастовавшим семинаристам со стороны всей массы учащейся молодежи;

2) изыскивать широкие материальные средства путем устройства вечеров, лотерей и т. д., чтобы поддержать наиболее нуждающихся семинаристов»[804].

Волнения воспитанников воронежской духовной школы были настолько сильными, что правлению учебного заведения ничего не оставалось делать, как принять решение об ее закрытии. В тот же день, 20 сентября 1905 г., семинарию закрыли. Учащиеся начали разъезжаться по домам[805]. В 12 часов дня 20 числа из города Воронежа отправлялся поезд № 4, на котором покидало город значительное число отчисленных семинаристов – «революционеров». Тайные агенты полиции, внедренные в среду учащихся, докладывали, что провожать бунтовщиков пришли воспитанники других учебных заведений города Воронежа: «гимназисты и гимназистки, фельдшеры и фельдшерицы и много студентов. При отходе поезда все кричали «Ура!» и «Браво!»[806]

21 сентября 1905 г. в 17 час. 30 мин. из города на поезде, идущем в Ростов, отправилась еще одна группа семинаристов. На железнодорожной станции им местная противоправительственно настроенная молодежь (в том числе 50 семинаристами) также устроила героические проводы с криками «Ура!» и с призывами не сдаваться. Вскоре провожающие организованным шествием направились в центр города. Толпа учащейся молодежи (состоявшая из семинаристов, воспитан-

[804] ГАВО. Ф. И-1. Оп 1. Д. 553. Л. 4.
[805] Там же. Л. 1.
[806] Там же. Л. 15.

ников фельдшерской школы, реалистов), шедшая по Дворянской улице с пением революционных гимнов и песен, в том числе знаменитой «Дубинушки», была замечена унтер-офицером полицейской части, который и вызвал подкрепление. «Прибывшие полицейские старались разогнать толпу, но безрезультатно»[807]. Группа дошла до Семинарского сада, однако, «когда показались на Дворянской улице казаки, то толпа (численностью около пятисот человек) рассеялась»[808].

Как выяснилось в ходе проведенного расследования, на улицы вышли забастовавшие 20 сентября 1905 г. ученики всех классов Воронежской духовной семинарии. Мотивы забастовщиков и их требования излагались в петиции. Основные положения петиции выражали крайнее недовольство внутренними порядками в духовной семинарии, частыми обысками, просмотром личной корреспонденции, характером дисциплинарных взысканий (требовалась отмена таких видов наказаний, как карцер, голодный стол и т.п.). Имелись среди предъявленных требований и такие, которые демонстрировали в учениках явное нежелание следовать аскетической традиции церкви: введение обязательного чая перед праздничной литургией, разрешение посещать театры и балет. Не нравились молодым людям отсутствие в библиотеке прогрессивной, на их взгляд, западной литературы, а в программе основного курса недостаток новых языков и естествознания (подробнее см. в приложении 6).

Перед семинаристами испытывала восхищение местная молодежь. 21 сентября во время отъезда из Воронежа очередного поезда с отчисленными учениками на вокзале собралось большое число поклонников. При отходе поезда один из стоявших в толпе учащихся выкрикнул фразу: «Братья, требуйте свое право!» В ответ все, кто находился на перроне, сняли с себя фуражки в знак уважения перед взбунтовавшимися семинаристами[809].

После событий 1905 г. ВГЖУ стало вести пристальное наблюдение за положением дел в духовной семинарии. Внимательно читалась переписка воспитан-

[807] ГАВО. Ф. И-1. Оп 1. Д. 553. Л. 16.
[808] Там же.
[809] Там же. Л. 15. об.

ников, в среду учащейся молодежи активно внедрялись скрытые информаторы. Но установить абсолютный контроль над ученической средой власти так и не смогли. Подпольный кружок недовольных (или, как они сами называли себя, «Революционный комитет») продолжал действовать. Некоторые учащиеся Воронежской духовной семинарии вступали в ряды РСДРП, ведя активную борьбу против существовавших порядков.

В 1906 г. «Революционный комитет» семинарии обратился ко всем воспитанникам с призывом принять участие в праздновании дня 1 мая «ради поддержки рабочих»[810]. Ректор протоиерей Василий Борисоглебский, узнав об этом, выступил перед семинаристами с речью, призывая их не поддаваться на провокации. Несмотря на то что 1 мая 1906 г. в целом прошло спокойно, красный флаг на здании семинарии в знак солидарности с рабочими все-таки был вывешен[811].

21 февраля 1907 г. члены «Революционного комитета», очевидно, желая отомстить инспектору Михаилу Романовскому, деятельность которого в издаваемых ими тайных прокламациях характеризовалась как «переполненная в духе охранного отделения»[812], организовали на него покушение. Поводом явилось решение правления семинарии отчислить наиболее неуспевающих учеников. 21 февраля в 6 часов вечера в квартире инспектора, располагавшейся в здании семинарии, в присутствии значительного числа людей семинарист Александр Карманов (сын псаломщика) произвел в Романовского из револьвера системы Браунинг 4 выстрела (три из которых не попали в цель), ранив инспектора в щеку. Произошедшее настолько шокировало присутствовавших в квартире инспектора, что никто даже не попытался задержать Карманова, незамедлившего воспользоваться ситуацией и скрыться[813]. Покушение на Романовского заставило обратить на семинарию еще более пристальное внимание, усилив надзор за учебным заведением.

---

[810] ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 13.
[811] Там же.
[812] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1316.
[813] Вскоре Карманова нашли и задержали в Пензе, где он скрывался по подложному паспорту на имя Григория Ивановича Колесникова.

Предпринятые меры вскоре позволили полиции предупредить попытку созыва в Воронеже очередной сессии нелегальной российской организации, объединявшей антиправительственные силы практически всех духовных школ империи – «Всероссийского общесеминарского союза». Данная организация начала действовать в Казани еще в конце XIX века. Свою задачу она видела в консолидации борьбы против ненавистного режима, в поддержке подпольных кружков в семинариях, в проведении протестных акций, в борьбе за расширение прав воспитанников духовных школ[814].

Высшие чины полиции докладывали губернатору, что по имевшимся у них агентурным данным, в декабре 1907 г. в Воронеже «должен состояться съезд делегатов от семинарий, причастных к общесеминарским организациям «Всероссийского общесеминарского союза»[815]. Подобный вывод полиция делала на основании перехваченного шифрованного письма, отправленного воспитанником II класса Воронежской духовной семинарии Митрофаном Олейниковым в город Вильну для приглашения учеников виленской духовной школы принять участие в Воронежском съезде. Ниже приводится текст зашифрованного письма и ключ к его прочтению, составленный дешифровальщиками жандармского управления.

5 Декабря 1907 г.

В <3252 ¾ ½ 2/2 …> на Рождественские каникулы 31 го Декабря состоится <2/5 8 е 3/2 3/1 8> <3/1 ½ ¼ ½ 2/1 41238> от <2/5 ½ ¼ 6 ¾ 45 ий> Программа <2/5 8 е 3/2 3/1 8> такова: «1) Доклады от мест 2) организационный вопрос 3) выборы ЦК… желательно, чтобы по вопросам подлежащим обсуждению 2/5 8-е 3/2 3/1 4> у <3/1 ½ ¼ ½ 2/1 4 1238> были наказы от местных организаций, если таковые есть, в противном случае хоть от группы……тов. Приезжайте в 3252 ¾ 1/2 2/2 8> к 29-му или 30-му декабря, дабы успеть до открытия <2/5 8 е 3/2 3/1 4> отдохнуть. По приезде в 3252 34 1/2 3/2 8> сейчас же. Если что не будет время от 11 часов вечера до 9 часов утра (тогда придется до 7 часов утра просидеть на местном во-

[814] Титлинов Б. В. Молодежь и революция. Ленинград, 1924. С. 67.
[815] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 382. Л. 1.

кзале), поезжайте в <3/1 у 2/6 2 3 ¾><2/5 ½ 2/4 6 ¾> и здесь чрез швейцарца (обязательно чрез швейцарца) вызывайте <2/1 2 5 2/5 3/3 а то Митрофана у него все узнаете где вам остановиться. Где будет с 2/5 8 3/2> и т.п. У с 3/1 ½ ¼ ½ 2/1 4123 и > должны быть деньги, как на проезд в < 3252 ¾ ½ > так и обратно, а также рубля 2-3 на существование в городе. Если послать <3/1 ¼ ½ 2/1 4/1. Вашей семинарии не удастся, тогда пришлите хоть один наказ по следующему адресу: <3 2 52 ¾ ½ 8>с 2 ¼ ½ ¾ 6 3/3 23 у> Митрофану <3/1 у 2/6 23 ¾…> с <2/5 ½ 2/4 6 3/4/…>[816].

Ключ

1– т	3 – в	7 – щ	3/3 – к
2 – о	4 – ф	8 – б	¼ – л
2/1 – г	5 – р	½ – е	2/4 – н
3/1– д	6 – и	3/2 – р	¾ – у
2/2 – ж	2/6 – х	2/5 – с	

Дешифровальщики, быстро справившись со своей работой (семинаристы допустили нелепую ошибку: первое же закодированное слово было слово Воронеж. Вычислив его, разгадать оставшийся текст уже было делом техники), смогли понять, о чем идет речь. В письме говорилось: «В Воронеже на Рождественских каникулах 31 декабря состоится съезд делегатов от семинарий. Программа съезда такова: 1) доклады от мест, 2) организационный вопрос, 3) выборы ЦК... Желательно, чтобы по вопросам, подлежащим обсуждению съезда, у делегатов были наказы от местных организаций, если таковые есть, в противном случае хоть от группы товарищей. Приезжайте в Воронеж к 29 или 30 декабря, дабы успеть до открытия съезда отдохнуть. По приезде в Воронеж сейчас же, если это не будет время от 11 часов вечера до 9 часов утра (тогда придется до 7 часов утра просидеть на местном вокзале), поезжайте в духовную семинарию и здесь чрез швейцара (обязательно чрез швейцара) вызывайте Горск., а от Митрофана у него узнаете, где вам остановиться, где будет съезд и т. п. У делегатов должны быть деньги как

[816] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 382. Л. 6-6 об.

на проезд в Воронеж, так и обратно, а также рубля 2-3 на существование в городе. Если послать делегатов от вашей семинарии не удастся, тогда пришлите хоть один наказ по следующему адресу: Воронеж, Олейникову Митрофану, Духовная Семинария»[817].

Подобное письмо было отправлено из Воронежа в Петербург для того, чтобы пригласить тамошних семинаристов принять участие в съезде. Но столичные учащиеся в ответном послании[818] (естественно, перехваченном полицией) уведомляли о невозможности явиться на съезд ввиду недостатка средств и будут вынуждены обойтись отправкой программного наказа и списка семинарий, связанных с деятельностью Всероссийского общесеминарского союза. В итоге провести Воронежский съезд так и не удалось, так как полиция, задержав главного подозреваемого (Митрофана Олейникова, впоследствии отчисленного), раскрыла все планы учащихся.

Следующим серьезным эпизодом, имевшим место в Воронежской духовной семинарии, являлись волнения 1912 г. Воспитанники, недовольные режимом школы, под влиянием активно распространявшихся антиправительственных идей и толков решили путем проведения акций протеста выразить правлению учебного заведения недовольство строем ученической жизни. Основные претензии учащихся были связаны с отсутствием студенческого самоуправления, ограниченным доступом в библиотеки, запретом на посещения балов и вечеров, «негуманным» обращением с ними инспекции и т. д.[819] В ответ на требования начались новые обыски. 17 ноября 1912 жандармы произвели осмотр общежития. Во время ос-

[817] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 382. Л. 6-6 об.

[818] Текст послания гласил: «Товарищи! Письмо ваше с извещением о съезде получили. Вопрос о делегате с нашей организации еще не решен, т. к. наша организация очень небольшая, денежных средств столько нет, чтобы послать делегатов необходимо более 20 руб. Постараемся отыскать какие-нибудь источники; в противном случае придется ограничиться наказом. Просим немедленно же по получении письма известить о положении дел по созыву съезда, т. е. со многими ли семинариями заведены сношения, от многих ли получены ответы, каковы дела на местах и т. д., словом, обо всем, что касается вопроса момента. В заключение посылаем вам адреса имеющихся у нас семинарий 1) Тверь 2) Новочеркасск 3) Пермь (причем указывалось, что связываться нужно было через свящ. Иоанна Полонина) 4) Смоленск 5) Тифлис». ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 382. Л. 2.

[819] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1926. Л. 2.

мотра городовой Митрофан Бунин нашел на полу 2 листа, содержавших написанное карандашом воззвание «К товарищам!»[820]. Подозреваемых в организации очередного подпольного движения задержали, на что семинаристы ответили коллективной сходкой около Чернавского моста, недалеко от кузниц. В 16 час. 15 мин. группу в составе 80 человек обнаружила полиция, задержавшая, по приказу пристава дворянской части Рубинова, 15 человек. Их задержание подтолкнуло остальных воспитанников к началу беспорядков.

На следующей день, 28 ноября, в 9 час. 30 мин. утра администрация семинарии вызвала на помощь наряд полиции, так как справиться собственными силами уже не имела возможности. Губернатору о произошедшем докладывали: «Около 200 человек, собравшись в коридоре нижнего этажа семинарии, образовали сходку, кричали, вели себя демонстративно против своего начальства, не хотели идти на занятия и на требование администрации разойтись ответили отказом… все семинаристы были буйно настроены и взволнованы»[821]. Учащиеся выдвинули священноначалию очередные требования (сильно напоминающие требования 1905 г.), первым из которых было отпустить задержанных у Чернавского моста 27 ноября (текст требований см. в приложении 6).

Прибывшей на место полиции удалось водворить порядок, но продолжать обучение в такой атмосфере не представлялось целесообразным. Занятия в Воронежской семинарии проходили только в шестом классе, воспитанники же первых пяти классов в количестве около 500 человек уехали по домам, причем «все они правлением семинарии считаются из семинарии уволенными»[822]. Таким образом, в учебном заведении осталось лишь 65 воспитанников VI класса, не принимавших участия в беспорядках[823]. События 1912 г. получили широкое освещение в прессе того времени, о них писали «Русские ведомости» и «Русское слово»[824].

---

[820] ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1926. Л. 4.
[821] Там же. Л. 1.
[822] Там же. Л. 15.
[823] Там же.
[824] Там же.

После отчисления из семинарии наиболее активных «бунтовщиков» серьезные волнения в рассматриваемый период прекратились. Начальник ВГЖУ в 1913 г. отмечал : «В местной в Воронеже духовной семинарии ныне спокойно, и воздействия на семинарию со стороны местных революционных элементов не замечено»[825]. Однако поводы для пристального надзора за учащимися оставались. В октябре 1913 г. была зафиксирована попытка революционно настроенных воспитанников одной из наиболее неблагополучных в то время семинарий, Ставропольской, пробудить недовольство в воронежской духовной школе. Для этого подпольный актив Ставропольской семинарии в лице ее ученика Михаила Морозова пытался наладить переписку с кем-нибудь из неблагонадежных студентов Воронежской семинарии. Таким являлся Николай Петровский – «картежник, лентяй, замеченный ранее при прежних движениях в семинарии, как лицо, дурно влияющее на прежних воспитанников»[826].

Очевидно, в Ставрополе знали о его «бурной деятельности» во время беспорядков 1912 г., но допустили ошибку, позволившую следователям выйти на их след. На конверте с письмом к Петровскому неточно указали данные адресата: вместо – «воспитаннику II класса», написали – «воспитаннику III класса»[827]. В результате письмо пришло инспектору семинарии. Текст письма имел следующее содержание: «18 октября 1913 г. Дорогой товарищ! Согласны ли Вы прислать свой квартирный адрес для переписки по важному вопросу. Если Вы живете в пансионе, то найдите хорошего товарища, живущего на квартире и согласного переписываться. Пожалуйста, прошу Вас непременно и возможно скорее ответить. Если нет сейчас денег, то присылайте без марки. Лучше не показывайте и никому не говорите об этой переписке, если будете писать сами, а если передадите ведение переписки надежному квартирному товарищу, то скажите ему, чтоб он о переписке никому не говорил»[828]. Благодаря своевременно принятым мерам поли-

[825] ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1313. Л. 47.
[826] Там же. Л. 46 об.
[827] Там же. Л. 46.
[828] Там же.

ции удалось не допустить незаконной связи между семинариями и на этот раз предотвратить создание новой подпольной организации.

Таковы основные вехи в истории подпольного движения учащихся Воронежской духовной семинарии в рассматриваемое время. Невольно возникает вопрос, почему в учебных заведениях Российской православной церкви воспитанники, подавляющее большинство которых составляли выходцы из духовного сословия, организовывали группы недовольных, создавали кружки, нарушали дисциплину, стремясь разрушить существовавшие порядки? На него современные исследователи отвечают по-разному, как не было единства и у очевидцев тех событий.

Так, например, архиепископ Никанор (Бровкович) выделял две основные причины, по которым воспитанники духовных школ уклонялись от возложенного на них призвания, легко подпадая под влияние нигилизма. Первая из них, на его взгляд, заключалась во влиянии светской литературы, «которая вся повально поражена была болезнью, по меньшей мере, антирелигиозности»[829]. Учащиеся семинарий широко интересовались литературными новинками, особенно такими произведениями, где заострялись наиболее болезненные для России социальные вопросы. Неспроста практически во всех петициях воспитанников воронежской духовной школы встречается требование расширенного доступа в библиотеки.

Второй источник «тлетворного влияния», с точки зрения архиерея, следовало видеть в университетской среде. Профессора часто являлись носителями идей атеизма и нигилизма. «Я сам собственными ушами слышал, как заслуженный профессор на акте в огромном зале Казанского университета в присутствии двух архиереев при огромном стечении старых и малых проповедовал, что люди выдумали Бога за 500 лет до Р. Х., и будто это верно, как математика»[830]. Архиепископ Никанор обвинял студентов университетов в том, что они превратили церковь в «арену заявлений политических тенденций молодежи», устраивая поминальные

[829] Никанор (Бровкович), архиеп. О значении семинарского образования – URL: http: // www. mosjour.ru / index. php?id=475
[830] Там же.

панихиды с речами по жертвам царского режима[831]. Семинаристы, еще не достаточно укрепленные в вере и традиционных монархических убеждениях, легко поддавались любому намеку на несостоятельность классической системы ценностей. На чрезмерную либеральность во взглядах студентов Московского университета указывал в своих воспоминаниях и известный дореволюционный экономист И. И. Янжул, утверждавший, что большинство из тех, кто учился вместе с ним в университете были людьми «вовсе не проникнутыми… религиозным чувством»[832].

Другой известный церковный деятель изучаемой эпохи митрополит Евлогий (Георгиевский) указывал на тяжелую социальную атмосферу, в которой воспитывались учащиеся, как на одну из существенных причин распространения среди воспитанников духовных школ идей нигилизма, радикальных политических взглядов, антицерковных настроений. Все более возраставшее неуважение к духовному сословию, тяжелое материальное и правовое положение священно-церковнослужителей не могли не сказаться на мировоззрении их детей. Будучи сам выходцем из семьи священника, он вспоминал как его дяде (тоже священнослужителю) на святках крестьяне во время сбора пожертвований подсунули вместо курицы ворону. «Теперь это похоже на анекдот, а тогда подобный поступок был весьма характерным для взаимоотношений священника и прихожан»[833]. Митрополит Евлогий отмечал, что за годы его обучения во Владимирской семинарии ему также приходилось сталкиваться с проявлениями революционного духа учеников, выступавших с протестами, организовывавших подпольные группы. Многие семинаристы бравировали своими радикальными убеждениями, демонстративно выставляя напоказ атеистические взгляды.

По словам владыки Евлогия, ему удалось разгадать причину такого поведения семинаристов. «Тяжелые впечатления моего детства заставили меня понять,

---

[831] Никанор (Бровкович), архиеп. О значении семинарского образования – URL: http: // www. mosjour.ru / index. php?id=475

[832] Янжул И. И. Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864-1909 гг. Москва, 2006. С. 49.

[833] Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 13.

что такое социальная неправда. Впоследствии я понял, откуда в семинариях революционная настроенность молодежи: она развивалась из ощущения социальной несправедливости, воспринятых в детстве. Забитость, униженное положение отцов сказывались бунтарским протестом в детях»[834].

Безусловно, и те факторы, о которых говорил архиепископ Никанор (Бровкович), и истории, описанные митрополитом Евлогием (Георгиевским), помогают уяснить причины, заставлявшие учеников семинарий идти по непредназначенному для них пути. Однако, на наш взгляд, лучше всего проблемы духовных школ охарактеризовал епископ Арсений (Стадницкий), сам бывший ректором Московской духовной академии (с 1898 по 1903, как раз в то время, когда академия являлась одним из своеобразных центров студенческого недовольства) и не понаслышке знавший все трудности церковных учебных заведений. В феврале 1902 г. обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, выражая недовольство по поводу распространяемых студентами Московской академии прокламаций, написал письмо, в котором выражал недоумение по поводу событий в академии. «Крайне прискорбно, что именно Московская академия проявляет такое бессмыслие и погрузилась в мечтания о делах, в коих путаются умы государственные (имеются в виду политические вопросы, по которым студенты академии высказывали свои взгляды – С. И.)»[835].

Епископ Арсений незамедлительно ответил, написав Победоносцеву довольно эмоциональное письмо, где основную причину того, что «бунты в семинариях за последние годы такое, к прискорбию, постоянное явление», видел в общем нестабильном состоянии современной на тот момент политической системы. Неопределенность самого правительства по отношению к оппозиционным силам, «неправильный» взгляд властей на характер духовной школы, превративший ее в кузницу кадров для различного рода судебных и земских учреждений, но не для

[834] Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 73.
[835] Арсений (Стадницкий), митр. Указ. соч. Т. 2. С. 200.

служения церкви, все это вкупе сказалось и на положении дел внутри семинарий. «Удивительно ли, что в умах учащихся путаница?»[836]

Рассмотренные источники свидетельствуют, что нерешенность целого ряда политических и социальных проблем напрямую отражалась на учебных заведениях Российской православной церкви, внутренний климат которых, в свою очередь, оказывал непосредственное влияние на положение дел в духовном сословии в целом.

§4. Воронежское приходское духовенство и Государственная дума

Еще одним важным и вместе с тем не вполне изученным аспектом общественно-политической деятельности приходского духовенства Воронежской епархии является участие православных клириков в работе Государственной думы.

Бурные политические события начала XX века оказали огромное влияние на самые разнообразные стороны жизни Российской православной церкви. После возвещенных манифестом 17 октября 1905 г. свобод священно-церковнослужителям пришлось нести свое послушание в новых реалиях. Либеральная печать с неистовой силой набросилась на церковь, критикуя, порой совершенно безосновательно, традиционные основы русского православия. Многие понимали, что сложившаяся в результате начала революции 1905-1907 гг. ситуация должна быть каким-то образом преодолена. Среди воронежского духовенства высказывалась мысль о том, что постигшие государство в 1905 г. страшные беды (в частности, неудачи в русско-японской войне, революционные беспорядки, волнения в учебных заведениях и т. п.) ниспосланы народу в качестве наказания Божия за отступничество от веры, общее нерадение к церкви. Священник Павел Попов писал в 1906 г. «Бедная родина! В один год ты перенесла столько тяжких испытаний, что и незначительная часть их была бы в силах задушить менее живучий государственный организм»[837].

---

[836] Арсений (Стадницкий), митр. Указ. соч. Т. 2. С. 202.
[837] Попов П., свящ. Наследие старого года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 70.

Верующим христианам свойственно в трагических событиях обращаться за помощью к Богу, полагая на его волю дальнейшее разрешение той или иной проблемы. По мысли некоторых священнослужителей, церкви не стоило активно участвовать в общественно-политической жизни страны, а вместо этого все силы следовало устремить на исполнение молитвенного подвига и пастырское окормление прихожан. Иерей Павел Попов обращался к населению Воронежской губернии со страниц епархиальных ведомостей со словами: «Не социалистическое учение о братстве и равенстве, не учение Маркса о равном распределении материальных благ земли в силах разрешить трудную задачу жизни; ее разрешает простая евангельская истина: «мир во зле лежит; многими скорбями надлежит внити в царствие Божие»[838].

Однако в ходе широкой дискуссии внутри духовенства начал преобладать иной подход к вопросу о роли церкви в общественно-политической жизни страны. Так, например, члены IV отдела знаменитого Предсоборного присутствия во главе с епископом Могилевским и Мстиславским Стефаном (Архангельским) приняли на этот счет специальное определение, гласившее: «Участие духовенства в общественно-государственных учреждениях вызывается самим положением пастыря церкви в христианском обществе вообще и в наше время в особенности. Со дня объявления гражданской свободы враги церкви, прежде скрытые и связанные охранительною системою правительства, открыто возвысили свой голос против нее, против всего существующего строя ее, против неприкосновенных и священнейших ее прав, против святейших ее учреждений и, наконец, против служителей церкви – духовенства. Поэтому ныне, более чем когда-либо, необходимо предоставить православному духовенству самые широкие права на участие в разных общественных и государственных учреждениях, чтобы открыть ему поприще для проведения и в этой области чистых христианских начал»[839].

---

[838] Попов П., свящ. Наследие старого года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 75.

[839] Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. Т. 2. Санкт-Петербург, 1906. С. 73.

В приведенном отрывке из определения Предсоборного присутствия с богословской точки зрения объяснялась необходимость широкого участия духовенства в общественных и политических учреждениях империи. Ввиду того что противники церкви занимали все более значимые позиции во властных структурах, духовенство, обеспокоенное такой тенденцией, считало своим долгом создать своего рода противовес. По мнению большинства членов Предсоборного присутствия, верные чада православной церкви должны были использовать все возможности, для того чтобы заявлять о себе, в том числе и участвуя в выборах в представительные органы власти.

Воронежское приходское духовенство в лице наиболее известных и образованных своих представителей также высказывалось за самое активное участие в общественно-политической жизни Российской империи, и, конечно же, в деятельности Государственной думы. Священник Стефан Ширкевич в начале 1906 г. в Слове на Новый год, опубликованном на страницах местной периодической печати, говорил о необходимости быть не просто верующими, но и деятельными христианами, особенно когда дело касается таких важных вопросов, как выборы в представительные органы власти. «Вот пред нами в наступающем году новое дело выбора представителей в то учреждение, которое по воле нашего Государя предназначено направлять течение нашей общественно-политической жизни. Кого же мы должны выбирать? Выбираем должен быть тот… кто понимает истинное благо нашего отечества, а не тот, кто будет… выставляться какой-нибудь партией, преследующей свои партийные, а не служащие к общей пользе интересы»[840].

Выборы в Первую Государственную думу воспринимались духовенством Воронежской епархии как событие, призванное положить начало искоренению всех тех трудностей, которые давали о себе знать на протяжении целых десятилетий. По мнению священника Михаила Аполлосова, со всеми постигшими Россию в начале XX века бедами следовало бороться совместными усилиями. Государст-

[840] Ширкевич Стефан, свящ. Слово в день Нового Года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 62.

венная дума как раз и являла собой орган, где выбранные со всей страны «люди дела, неподкупной чести» должны были совместными действиями приступить к решению накопившихся проблем. Участие в той или иной степени в выборах и работе Думы мыслилось как священная обязанность каждого искренне верующего православного христианина. «Первая Государственная дума будет иметь решающее значение и на будущее время, может быть, навсегда даст направление для жизни нашего отечества; поэтому каждый любящий свое отечество, должен, по силе разумения, оказать свое участие в этой созидательной работе»[841].

Однако наладить эффективную работу, с точки зрения священника Михаила Аполлосова, можно было только в том случае, если бы в деятельности выборного учреждения принимали участие наиболее достойные и уважаемые представители. Поэтому свою первоочередную задачу священнослужители видели в содействии прозрачному, честному и объективному проведению выборов в Думу. Духовенство призывалось разъяснять населению всю важность участия в выборах, всю серьезность предстоящих политических перемен в стране. Об этом на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей» священник Михаил Аполлосов писал: «На духовенстве лежит самая неотложная и ответственная задача – разъяснить населению всю важность предстоящего дела, разбудить энергию в неподвижных членах общества, предостеречь увлекающихся партийной борьбой, поддержать колеблющихся и вообще всеми мерами посодействовать, чтобы в выборах приняли участие все граждане и чтобы избраны были в Государственную думу самые достойные люди»[842].

Государство призывало священнослужителей употребить весь свой духовный авторитет на формирование благоприятного политического климата в стране. В официальном правительственном обращении, изданном перед началом выборов во Вторую Государственную думу, прямо говорилось, что предпринятые при Николае II шаги к улучшению положения простого крестьянского населения (име-

[841] Аполлосов М., свящ. Участие духовенства Воронежской епархии в выборах в Государственную думу // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 5. С. 218.
[842] Там же.

лись в виду указ 12 декабря 1904 г. о предначертании к усовершенствованию государственного порядка, манифест от 3 ноября 1905 г. о снижении выкупных платежей и ряд других законодательных актов) не имели желаемого благотворного влияния на население. Причина этому виделась в активной деятельности агитаторов социалистических партий, которые, желая перед выборами во Вторую думу сбить людей с толку, подталкивали крестьян к проявлению недовольства, к голосованию за радикально настроенных кандидатов. В сложившейся ситуации духовенству, по мнению властей, следовало употребить все свое пастырское влияние на то, чтобы донести до населения мысль о богоугодности начинаний правительства Николай II. Работа священнослужителей среди крестьян по разъяснению реальной политической обстановки в империи должна была помочь населению выбрать во Вторую Государственную думу наиболее достойных кандидатов. «Да, конечно, и теперь окажется крестьянство во власти этих агитаторов, если только не ознакомить его во всей полноте и со всей возможной ясностью с теми указаниями, которые коренным образом изменяют к лучшему его положение»[843].

Особенно оживленно о необходимости деятельного участия в выборах в Думу всех слоев населения духовенство заговорило после роспуска представительного органа первого созыва. Как известно, большинство его членов исповедовало радикальные политические убеждения. Некоторые, наиболее видные и образованные воронежские клирики, считали, что причина столь неблагоприятного состава Первой думы заключалась в абсолютной индифферентности основной части умеренно настроенного населения к выборам. Священник Павел Попов прямо писал по этому поводу: «Только благодаря преступной инертности умеренных при выборах, нашему первому представительству удалось составиться исключительно из крайних элементов»[844]. По мнению иерея, если бы духовенство более активно себя вело перед выборами в Первую Думу, объясняло прихожанам,

---

[843] Вниманию духовенства и для ознакомления народа // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 24. С. 4.

[844] Попов П., свящ. Пред выборами в Государственную думу // Воронежские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 11.

за какие политические силы следует отдавать голос, то результат избирательной кампании был бы совсем другим.

Необходимо заметить, что состав Первой Государственной думы некоторыми воронежскими священнослужителями воспринимался как ненародный. Поистине народное представительство не разбирало бы чуждые интересам простого крестьянского населения вопросы, например, об амнистии или равноправии евреев. Истинно народные представители не это бы обсуждали в первую очередь. «Не об этом надлежало бы заговорить впервые нашим представителям в Думе!.. Нет! Русский народ, помолившись Богу и дав привет Батюшке-Царю, заговорил бы изначала не о евреях и амнистии… он стал бы рассказывать о своем собственном житье-бытье; как поослабла власть царская среди самих господ-начальников, как неправедно обирают народ слуги царские, как обманывают Царя-Батюшку люди приказные… »[845]. В конце рассуждения священник прямо называл членов Первой думы ненародными представителями. Их следовало считать ставленниками малочисленных политических партий[846]. Чтобы подобного не повторялось, силы общества, и особенно приходского духовенства, следовало направлять на привлечение к выборам представителей всего русского народа.

Духовенство Воронежской епархии (как и других епархий) считало своим прямым долгом не только содействовать проведению выборов в Думу и разъяснять населению важность активного участия в политической жизни страны, но и самому внести вклад в деятельность представительного органа в качестве депутатов. Законодательство Российской империи позволяло священнослужителям избираться, то есть, по сути, участвовать в политической борьбе (духовенству предоставлялось право участвовать в выборах от землевладельческой курии)[847]. Поэтому перед началом избирательных кампаний со страниц «Воронежских епархиальных ведомостей» духовенство призывалось не оставаться в стороне. Священ-

[845] Попов П., свящ. Пред выборами в Государственную думу // Воронежские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 14.
[846] Там же.
[847] Рожков В., прот. Указ. соч. С. 10.

ник Дмитрий Адамов перед выборами в Четвертую Государственную думу в своей статье «Кое-что (Предвыборное)» советовал клирикам энергичнее действовать не только в вопросах голосования, но и в плане выдвижения собственных кандидатур. «Пришел час… Восстаньте, пастыри! Объединимся и в силе и в правде, дадим отпор нашим гонителям, которые потому только кричат, что они в сущности слабы и ничтожны… Да здравствует гражданская доблесть пастырей-патриотов!»[848]

По мнению автора, рассуждения левой прессы о том, что священнослужителям не нужно заниматься политической деятельностью, следовало рассматривать как попытку сбить духовенство с правильного пути. В журнале «Речь», например, иерей с негодованием читал высказывания о недопустимости лицам, облеченным в священный сан, ввязываться в политическую борьбу, принимая участие в выборах, так как это, по версии журнала, противоречило основам христианского вероучения[849]. Клирик пытался показать несостоятельность подобных рассуждений. Каждый христианин, а в особенности православный пастырь, должен активно бороться за свои права и ценности. Поэтому к своим собратьям, воронежским священнослужителям, он обращался со словами: «Священники должны подать голоса за своих же достойнейших собратий, предварительно намеченных общим голосом»[850]. Конечно, как писал иерей Адамов, было бы замечательно, если бы Государственную думу формировали лишь достойные, любящие свое отечество миряне, ратовавшие за решение целого ряда церковных проблем, но гораздо лучше, если бы из 45 тысяч священнослужителей Российской православной церкви, выбрали 45 наиболее влиятельных духовных лиц и эти последние сами бы приступили к решению внутри церковных задач[851].

Архиепископ Воронежский Анастасий так же призывал свое духовенство серьезнее относиться к выборам в Государственную думу, ведь этот представи-

[848] Адамов Д., свящ. Кое-что (Предвыборное) // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 35. С. 945.
[849] Там же. С. 939.
[850] Там же. С. 944.
[851] Там же.

тельный орган власти во многом определял внутреннюю и внешнюю политику Российской империи[852]. Перед выборами в Государственную думу четвертого созыва общеепархиальное пастырское собрание приняло резолюцию, обязывавшую всех клириков самым серьезным образом отнестись к выборам: «Активное выступление духовенства епархии на предстоящих выборах в IV Государственную думу, безусловно, обязательно для духовенства всей епархии, так как от того или иного исхода выборов зависит благо народа, с которым духовенство живет общей жизнью»[853].

Но возникает вопрос, если священнослужителям следовало участвовать в избирательной кампании не только в качестве выборщиков, но и реальных кандидатов, то на стороне каких политических сил? Здесь, по мнению иерея Дмитрия Адамова, сомнений быть не могло. Православные пастыри должны следовать заветам Христа и апостолов, а значит, исповедовать монархические идеалы. «И было бы безумием для пастыря Церкви размышлять о том, к какой бы партии ему примкнуть на выборах? Ибо, как душа по природе – христианка, так и пастырь Церкви – охранительницы Царского Самодержавии, по самому положению и существу своего благодатного звания, есть исповедник богоучрежденного монархизма»[854].

Священник Дмитрий Адамов в своей статье (напечатанной в официальном церковном органе, естественно, не без ведома священноначалия) даже называл партии, за которые духовенству следовало отдавать свой голос. Из всех политических партий только программы Национального Союза и Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, по его мнению, отвечали духу православной веры. «Во всяком случае, все, стоящее явно левее правых октябристов, представляет собою незаконные сборища, часто весьма опасные для правильного развития государственной жизни»[855].

---

[852] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 3. Д. 209. Л. 1.
[853] Там же.
[854] Адамов Д., свящ. Указ. соч. С. 942.
[855] Там же. С. 943.

Клирики неохотно вступали в политические партии, тем более в партии либерального толка[856]. Хотя кадеты считали, что им следовало направить свою деятельность на привлечение «сельских священников, приказчиков и, главным образом, крестьян»[857]. Из либеральных партий самой представительной по количеству членов-священников являлся Союз 17 октября. В 1906 г. в ее состав входило пять воронежских клириков: Алферов Георгий, Аполлосов Александр, Белозеров Евгений, Княжев Александр и Спасский Алексий[858].

Воронежское приходское духовенство, несмотря на призывы священноначалия и своих же собратий-священнослужителей принять активное участие в избирательной компании, часто демонстрировало нежелание связываться с политически ангажированным предприятием. Клирики не имели опыта политической борьбы и участия в открытых политических дебатах. После революционной волны 1905-1907 гг. среди воронежского приходского духовенства начали проявляться чувства опасения в связи с утратой прежнего влияния на прихожан. Некоторые предпочитали замкнуться на исключительно богослужебной деятельности – совершать всенощные бдения и литургии, напутствовать верующих таинствами. Священник Дмитрий Адамов вспоминал о выборах в первые три созыва Государственной думы: «Духовенство в то время чувствовало себя очень скверно, было угнетено духом, морально прибито, запугано. Многие как-то съежились, ушли в себя, замкнулись в тесном кругу самых необходимых проявлений своего существования (обедня, вечерня, необходимые требы) и не были уверены уже в своей силе и влиянии на народ»[859].

Многие священники считали, что от их участия в выборах ничего не изменится. По словам иерея Павла Попова, ему нередко приходилось убеждаться в нескрываемом равнодушии воронежских священнослужителей по отношению к выборам. Некоторые клирики прямо говорили о готовности заплатить двадцатипя-

---

[856] ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 1589. Л. 3; Ф. 523. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.
[857] Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.
[858] Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.
[859] Адамов Д., свящ. Указ. соч. С. 940.

тирублевый штраф, если бы таковой полагался за неявку на избирательные участки, лишь бы только не являться на выборы[860].

Существовали и объективные причины, по которым духовенство не всегда и не везде с охотой голосовало на выборах. Так, например, при выборах в Первую Государственную думу, голосование проходило весной во время распутицы. На тот период приходился Великий пост с традиционно длинными и утомительными службами. Священно-церковнослужителям было тяжело, а порой и невозможно вовремя попасть к избирательным урнам.

Политическую активность приходского духовенства во время выборов (особенно в Думу первых двух созывов) следует оценить как незначительную. По воспоминанию священника Павла Попова, даже те из клириков, кто являлся на выборы, вели себя слишком пассивно, не интересуясь расстановкой политических сил, как бы стараясь по быстрее «отбыть тяжелую повинность»[861]. Этим во многом объяснялось явное преимущество левых партий на выборах в Думу первых двух созывов. В частности, в городе Богучаре в ходе кампании в Первую Государственную думу участвовало 24 левых и 33 умеренных выборщиков. Очевидно, что успех находился на стороне последних. Однако на деле победили левые, так как проявили сплоченность и гораздо большую заинтересованность в победе[862].

Всего в Государственную думу первого, третьего и четвертого созывов от воронежского духовенства было избрано пять депутатов-священников. В таблице 19 содержатся краткие сведения о народных представителях из числа церковного клира.

---

[860] Попов Павел, свящ. Пред выборами в Государственную думу // Воронежские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 15.
[861] Там же.
[862] Там же.

Таблица 19

Воронежские священники – депутаты Государственной думы[863]

Имя депутата	Созыв Государственной думы	Образование	Место служения на момент избрания	Политические убеждения
Поярков Алексей Владимирович	I	Воронежская духовная семинария	Священник слободы Попасной Валуйского уезда	«Убежденный демократ»
Белозоров Евгений Николаевич	III	Воронежская духовная семинария	Протоиерей, настоятель собора в городе Павловске	Националист
Спасский Алексей Михайлович	III	Киевская духовная академия	Протоиерей воронежского кафедрального собора	Правый октябрист
Алферов Георгий Тимофеевич	IV	Московская духовная академия	Протоиерей, ключарь Троицкого кафедрального собора	Правый
Попов Тихон Димитриевич	IV	Киевская духовная академия	Протоиерей, настоятель Спасской церкви в Воронеже. С 1911 г. благочинный церквей города Воронежа	Националист

Работа воронежского духовенства в Думе не всеми местными клириками оценивалась как достаточно эффективная. Значимые для церкви вопросы часто отходили на второй план. Поэтому воронежский иерей Н. Топорков опубликовал в 1907 г. статью, призывая отцов-депутатов предстоящей Третьей Государственной думы организоваться в единую политическую силу. Созданной группе духовенства следовало держаться независимо от политических партий, «самостоятельно рассматривать вопрос с евангельской точки зрения, и все то, что в вопросе – благо, от какой бы оно партии не исходило, – благословлять и голосовать, рекомендуя лишь мирное проведение дела в жизнь»[864]. Священнослужитель полагал,

[863] Первая Российская государственная дума: Биографические сведения об ее членах. Санкт-Петербург, 1906. С. 143; Боиович М. М. Члены Государственной думы: (Портреты и биографии) Первый созыв, 1906-1911 г. Москва, 1906. С. 54-64; Он же. Члены Государственной думы: (Портреты и биографии) Третий созыв, 1907-1912 г. Москва, 1913. С. 54-64; Он же. Члены Государственной думы: (Портреты и биографии) Четвертый созыв, 1912-1917 г. Москва, 1913. С. 54-64.

[864] Топорков Н., свящ. Перед третьей Думой. Мысли и пожелания… // Воронежские епархиальные ведомости. 1907. № 24. С. 868.

что такое положение группы духовенства непременно на должное место поставило бы идеалы православной церкви, а депутаты, даже самых крайних политических убеждений, волей-неволей прислушались бы к голосу пастырей. Думские священнослужители смогли бы оказать огромное влияние не только на своих оппонентов-депутатов, но и на весь ход исторического процесса в России. «Тогда духовенство опять бы явилось спасителем отечества, как оно было таковым и ранее, во все критические моменты исторической жизни России»[865].

Деятельность клириков-депутатов заключалась главным образом в произнесении речей, то есть в выражении собственной позиции по актуальным вопросам с ораторской трибуны, а также в выдвижении законодательных предположений. Всего воронежские священники подписали 65 таких предположений. Инициативы духовных лиц касались не только вопросов положения церкви и духовенства (хотя таковые составляли большую часть), но и вопросов внутренней и внешней политики: о необходимости устройства пожарных бригад в отдаленных селениях, об открытии Сибирской духовной академии, о необходимости принять меры к снижению цен на сахар, о введении протекционистских мер против товаров из США, об изменении системы здравоохранения в России и т. д. Список всех законодательных предположений, подписанных воронежскими клириками-депутатами, см. в приложении 7.

Сохранившиеся стенографические отчеты позволяют нам проследить темы и характер речей, с которыми депутаты выступали в ходе работы Думы. В Государственную думу первого созыва от воронежского духовенства избрали священника Алексея Пояркова, который говорил о себе, что является до конца своей жизни «убежденным демократом»[866]. Сам себя он считал представителем забитого крестьянства. Свою миссию видел в донесении до правительства нужд и чаяний простого бесправного населения. Иерей Поярков в числе других левых депутатов присоединился к ответному адресу на тронную речь императора Николая II.

---

[865] Топорков Н., свящ. Указ. соч. С. 868.

[866] Первая Российская Государственная дума: Биографические сведения об ее членах. Санкт-Петербург, 1906. С. 143.

Думцы, требовавшие кардинальных перемен, передачи казенных и монастырских земель крестьянству, ликвидации Госсовета и т. д., были, по мнению воронежского депутата, совершенно правы. Об этом 3 мая 1906 г. он говорил так: «Я считаю необходимым заявить от себя, приехавшего из глуши, из уголка заброшенного, забытого, что в ответе на тронную речь Государя нет ничего такого, что бы противоречило убеждениям, взглядам, понятиям, ожиданиям, упованиям нашего простого серого мужика»[867]. Со слов священнослужителя мужик-крестьянин уже не тот, что был раньше. Теперь он перестал считать «одних – низшими на земле, а других – высшими… крестьяне требуют свободы, требуют равноправия, просвещения, улучшения своего материального быта и это… возможно только при отчуждении земли тех категорий, которые намечены в ответном адресе»[868]. Отец Алексей Поярков считал, если правительство не пошло бы на предложенные депутатами меры, то страну ожидал бы целый ряд серьезных потрясений. По сути, угрожая представителям власти, священнослужитель говорил: «Крестьяне не успокоятся и проявят насилие; в России будет анархия, которой мир не видал»[869]. Тон речей священника Пояркова отличал высокий градус накала.

По вопросу об отмене смертной казни иерей выступил с призывом не предлагать правительству законопроект, а потребовать от него немедленной отмены смертной казни. Просить государство пойти на этот шаг, по мнению депутата, не имело смысла. Власть себя окончательно дискредитировала, а значит, доверять ей не стоило. Несмотря на то что Дума выступала с заявлением о необходимости отмены смертной казни, «правительство казнило восемь человек и показало этим самым, что оно не только игнорирует все наши заявления, но издевается, смеется над нами, как над ничего не понимающими»[870]. Произнося речь, клирик заявил, что раньше, «когда жил дома, в глуши» он не доверял либеральной прессе, считая

[867] Стенографические отчеты / Государственная дума, первый созыв, 1906 год, сессия первая. Т. 1. Санкт-Петербург, 1906. С. 130.
[868] Там же.
[869] Там же.
[870] Там же. С. 430.

ее проводником поклепов на властные органы. Но прожив три недели в Петербурге у священнослужителя, по его собственным словам, открылись глаза. Власть обманывала свой народ. Поэтому депутатам следовало решительно действовать. «Мы должны потребовать немедленной отмены смертной казни, и если наше требование не будет удовлетворено, то смею предложить Государственной думе уехать по домам»[871]. Таким образом, иерей Поярков призывал, по сути, к прямому неподчинению государственным законам как нелегитимным, то есть, в контексте его рассуждений, не отвечавшим народным интересам. Левым депутатам речь отца Алексея Пояркова пришлась по душе, ее встретили бурными овациями, особенно заключительные слова: «Я сочту бесчестным с вашей стороны сидеть и получать деньги, если смертная казнь не будет отменена».[872]

Иерей Алексей Поярков высказал свою точку зрения и по вопросу о так называемом «Заявлении 42-х»[873]. Воронежский избранник полагал, что формулировка, содержавшаяся в проекте партии кадетов, не вполне точно отражала реальные потребности крестьянского населения в земле. Предполагаемое наделение крестьян землей в размере, соответствующем потребительской норме, рассматривалось иереем лишь как полумера. Единственно правильным решением мог быть окончательный отъем земли у помещиков и наделение ею крестьян, а уж последние сами разобрались бы, кому и в каком размере дать земли. «Нужно отдать крестьянам все земли, какие имеются у частных владельцев. О других категориях земель не приходится говорить, потому что все они должны отойти к крестьянам»[874].

Последняя по времени речь, с которой выступил на заседании Государственной думы священник Алексей Поярков, посвящена национальному вопросу. На заседании 2 июня 1906 г. депутат высказал мысль о необходимости ввести

---

[871] Стенографические отчеты / Государственная дума, первый созыв, 1906 год, сессия первая. Т. 1. Санкт-Петербург, 1906. С. 130.
[872] Там же.
[873] Так неофициально назывался аграрный проект партии «Народной свободы», то есть кадетов.
[874] Стенографические отчеты / Государственная дума, первый созыв, 1906 год, сессия первая. Т. 1. Санкт-Петербург, 1906. С. 488.

уголовную ответственность для изданий, выпускавших статьи с материалами способными вызвать ненависть к представителям национальных меньшинств, в частности, к евреям. Вопиющим представлялся для воронежского депутата факт опубликования в одной из столичных газет сведений, согласно которым, Дума, идя на поводу у «жидов», приняла закон о перенесении праздничного дня с воскресенья на субботу. Иерей Алексей, с его же слов, неоднократно получал письма, в которых население жаловалось на чрезмерные симпатии думцев к евреям. «Сегодня я два письма получил, есть и еще… В конце одного письма говорится: «Зачем в угоду жидам отказались праздновать воскресенья и устроили субботний шабаш?» В другом письме сказано: «Посылаю и брошюру о жидах, поцелуйте их»[875]. Клирик призывал слушавших ужесточить законодательство к журналам, издававшим явную клевету на депутатов. Более ничем примечательным думская деятельность воронежского священника Пояркова не отличалась. Правительство, осознав настрой Первой думы, распустило ее через 72 дня после начала работы.

В Государственной думе третьего созыва воронежские депутаты-клирики заявили о себе при обсуждении целого ряда актуальных проблем. В третьем созыве работали два воронежских протоиерея: Алексий Спассий и Евгений Белозоров. С речами выступал, как правило, первый из них. Белозоров в большей степени проявил себя в качестве законотворца.

Протоиерей Алексий Спасский активно выражал свою позицию в ходе обсуждения законопроекта о дополнительных ассигнациях из средств государственного бюджета на жалованье православному духовенству. Обер-прокурор Святейшего Синода П. П. Извольский на заседании 20 мая 1908 г. предложил депутатам статистические данные, которые со всей очевидностью вскрывали необходимость финансовой поддержки приходских священно-церковнослужителей. Из более чем 41 000 причтов, жалованье получали лишь в 28 000, следовательно 13 000 вообще не получали никакого жалованья. Более того, сам размер жалованья представлял-

[875] Стенографические отчеты / Государственная дума, первый созыв, 1906 год, сессия первая. Т. 2. Санкт-Петербург, 1906. С. 960.

ся крайне незначительными. Священник получал 300 руб. в год, дьякон – 150 руб. в год, псаломщик – 100 руб. в год. Каждый год в империи открывалось около 200 новых приходов, а значит, необходимость увеличения субсидий была на лицо[876].

В качестве примера того, каким образом обеспечивалось духовенство других конфессий, Извольский привел следующие цифры (в приблизительном пересчете на русские рубли): священник Римско-Католической церкви получал жалованье в размере 600 руб. в год (при этом необходимо учитывать, что в католической церкви священники безбрачные, не обремененные заботой о многодетной семье); протестантский священник Австрийской Далмации имел жалованье от 400 до 720 руб. в год (не считая существовавшую систему поощрений – пятилетние прибавки за усердное служение); инославные священники Австрийской Буковины помимо платы за требы, наделения обязательными земельными участками, получали жалованье в размере от 400 до 720 руб. в год[877]. Согласно предложенному законопроекту, ежегодно отпускаемая на выплату духовенству жалованья сумма в 12 564 563 руб. возрастала к 1908 г. до 13 000 000 руб., то есть на 400 000 руб. больше[878].

Несмотря на все доводы обер-прокурора, некоторые депутаты считали, что выделение дополнительных сумм из бюджета на материальное обеспечение духовенства было бы неправильным. По мысли депутата от Вятской губернии Кропотова, увеличение жалованья никакого положительного эффекта не имело бы, так как духовенство все равно не удовлетворится своим материальным положением. Сколько жалованья клирикам не плати, никакого толку не будет. Тем более что большая часть крестьянского населения считало духовенство вполне обеспеченным сословием, а значит, оснований для дополнительной бюджетной нагрузки не было[879].

---

[876] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1908 год, сессия первая. Ч. 3. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 1065.
[877] Там же. Стб. 1066.
[878] Там же. Стб. 1090.
[879] Там же. Стб. 1094.

Депутат от Полтавской губернии крестьянин Удовицкий также считал безосновательным рассматривать вопрос о повышении жалованья клирикам: «Здесь многие священники высказывались, что они бедно живут, но я вполне уверен, что из нас, крестьян, не меньше также бедствующих, которые не имеют даже чем одеться, и нет у них дневного пропитания… но ни один священник здесь этого не сказал, чтобы улучшить положение крестьян раньше, чем своих собратий – духовенства»[880].

Протоиерей Алексей Спасский, наблюдая негативную реакцию части депутатов по важному для русского духовенства вопросу, взял слово и обратился к членам Государственной думы с речью, в которой попытался показать всю безосновательность нападок на православных клириков. По сути, обращение депутата Спасского сводилось к описанию проблем, напрямую связанных с неудобствами в материальном обеспечении причтов. Основной источник жизни духовных лиц – доброхотные подаяния за требы. Сам характер получения средств с данного источника доходов унижал священнослужителей, создавал конфликтные ситуации между причтами и прихожанами. Все это сказывалось на эффективной работе духовенства, выполнявшего в том числе ряд важных функций государственного значения. Не понравились протоиерею Спасскому и слова депутата Кропотова, призывавшего ничего не выделять на нужды духовенства из государственного бюджета, так как в Евангелии сам Христос заповедовал апостолам не брать никаких ценностей перед выходом на проповедь: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои… » (Мф. 10: 9). На этот счет воронежский депутат предложил Кропотову вспомнить другое место из Священного Писания, а именно 9 главу 1 Послания к Коринфянам апостола Павла, где подобный взгляд на духовенство наглядно опровергался: «Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования» (1 Кор. 9: 14) [881].

---

[880] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1908 год, сессия первая. Ч. 3. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 1098.
[881] Там же. Стб. 1094.

По мнению протоиерея, именно нерешенность материального вопроса составляла основную причину упадка авторитета Российской православной церкви среди населения империи. «Может быть, в этом именно тяжелом положении и лежит причина того, что дети духовенства стараются по окончании курса оставлять свое родное звание и переходят в светское ведомство»[882]. Выступление воронежского протоиерея отличалось мягким и предельно корректным тоном. Депутат Спасский в конце своей речи обратился к слушавшим со следующими словами: «Я обращаюсь к Государственной думе с покорнейшей просьбой войти в положение духовенства, вывести его из этого тяжелого зависимого положения, и оно будет тогда более стойко и мужественно стоять на страже дома Божия, чтобы вести вверенные ему души по евангельскому пути милости, истины и правды»[883]. Вопреки доводам священнослужителя, подавляющее большинство депутатов не желало вникать в трудности духовного сословия. К речам духовенства, как правило, относились с иронией, считая, что у государства и общества имелись проблемы и поважнее.

Достаточно определенную позицию протоиерей Алексей Спасский занял при обсуждении законопроекта о начальных училищах. В статью 1 проекта, определявшую цель начальных народных училищ, трудовая группа депутатов внесла поправку, которая содержала следующие слова: «Начальные училища суть учреждения общеобразовательные и имеют целью сообщить учащимся необходимые первоначальные знания и навыки»[884]. Трудовики[885] совместно с кадетами через данную поправку пытались внести в законопроект мысль о светском характере образования. Главное в училищах, по их мнению, это преподавание необходимых практических навыков и знаний. Протоиерей Спасский, обеспокоенный инициативой трудовиков, выступил с речью, в которой пытался вскрыть подоплеку вне-

[882] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1908 год, сессия первая. Ч. 3. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 1096.
[883] Там же.
[884] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1911 год, сессия четвертая. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1911. С. 752
[885] Иначе «Трудовая группа» – парламентская фракция Государственной Думы.

сенной поправки. Воронежскому депутату не понравилось выражение «сообщать навыки». Навыки, с точки зрения священнослужителя, не сообщаются, а прививаются. Да и само понятие «навыки» имело слишком много значений. Навыки бывают разного рода, «до хулиганских включительно»[886].

Необходимо, по словам протоиерея, говорить не столько о привитии навыков, сколько о необходимости работы над религиозно-нравственным воспитанием учащихся. «Нужно создать такую обстановку школ, где все от начала до конца, от прописи и картины до лампады и иконы располагало бы детей к благоговейной настроенности и христианской благовоспитанности»[887]. Самым важным в процессе обучения является не запоминание определенных фактов и овладение законами естественных наук, а формирование полноценной личности, патриота своей страны, способного в трудную минуту отдать, если понадобится, жизнь за монарха. Поэтому содействовать воспитанию молодежи, в том числе в религиозно-нравственном ключе, должны не только законоучители, но и весь педагогический персонал. Протоиерей Алексий Спасский настаивал на внесении в первую статью законопроекта предложения об обязательном содействии всего преподавательского состава школы (как учителей светских дисциплин, так и преподавателей Закона Божьего) достижению главной цели образования – воспитанию нравственно здорового поколения, ибо «Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur»[888]. Речь воронежского депутата с восторгом восприняли правые депутаты, отметившие выступление священника рукоплесканием.

На заседании 15 ноября 1910 г. протоиерей Алексий Спасский выступил категорическим противником внесенной своей же фракцией поправки по поводу 31 статьи законопроекта о начальных народных училищах. Поправка предполагала возможность трудоустройства в начальные школы не только лиц православного исповедания, но и представителей других христианских конфессий, при наличии

---

[886] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1911 год, сессия четвертая. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1911. С. 753.
[887] Там же.
[888] «Согласием малые государства укрепляются, от разногласия величайшие распадаются» – знаменитый афоризм, приписываемый античному историку 1 в. до н.э. Гаю Саллюстию Криспу.

у таковых необходимого образования. Суть поправки выразил депутат от фракции Союза 17 октября Леонов: «Фракция 17 октября… не может согласиться с тем, чтобы от учителя общественной школы непременно требовалось православное исповедание. В данном случае может быть проводимо лишь различие между христианской религией и религиями нехристианскими… Требование же от учителя, чтобы он был непременно православным, не оправдывается какой-либо необходимостью»[889].

Депутаты от духовенства проявили крайнюю обеспокоенность поправкой октябристов. Предоставление права преподавания в школе лицам разных христианских вероисповеданий могло поставить под удар начала православной веры в государстве. В тревожное время подобные изменения неминуемо вызвали бы серьезные негативные последствия. Нескрываемое возмущение по поводу поправки, инициированной своими политическими единомышленниками, выразил протоиерей Спасский. Предложенное изменение в законе являлось для него крайне неожиданным. «Признаюсь, я был удивлен, скажу больше, поражен был, когда прочитал поправку, внесенную фракцией Союза 17 октября»[890]. Для воронежского протоиерея инициатива октябристов – шаг в сторону, совершенно противоположную государственным интересам. «Фракция, как кажется, состоит в большинстве своем из лиц православного исповедания, и, тем не менее, она как будто бы не хочет считаться с интересами нашего русского населения, в большинстве православного»[891].

По глубокому убеждению воронежского депутата, образование в школе должно строиться таким образом, чтобы на религиозное воспитание учащихся влиял не только законоучитель в рамках выделенных ему программой часов, но и преподаватели других предметов. Учитель в неделю имел 24 урока, то есть в 4 раза больше чем у законоучителя. Следовательно, влиять на сознание детей свет-

---

[889] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1911 год, сессия четвертая. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1911. С. 1353.
[890] Там же. С. 1379.
[891] Там же.

ский преподаватель мог гораздо сильнее. Неправославный человек на столь ответственной должности школьного учителя не в состоянии был бы справиться с основной задачей школы – воспитывать патриотов. «Может ли такой учитель-католик… говорить о великих трудах святителей Гермогена и Арсения, призывавших Русь православную на защиту веры и отечества? Может ли он говорить от всей души о заслугах Троицко-Сергиевой лавры, о подвигах Минина и Пожарского … под знаменем Креста освободивших Русь православную от чужеземного ига и польского владычества?»[892] Протоиерей Алексей Спасский прямо призывал депутатов не голосовать за предложенную фракцией Союза 17 октября поправку как не соответствовавшую ни интересам православного населения Российской империи, ни общему курсу государственной политики. Большинство депутатов отклонило призыв воронежского священника, посчитав мнение думского духовенства попыткой не упустить школы из-под «клерикального влияния» церкви. Подавляющим большинством голосов инициативу октябристов приняли. В статью 31 законопроекта вместо слов «православного исповедания» вставили фразу «христианского исповедания»[893].

Протоиерей Спасский попросил слова и во время обсуждения вопроса о включении сети церковно-приходских школ в систему учебных заведений Министерства Народного Просвещения 26 ноября 1910 г. На обсуждение депутатов был поставлен законопроект, в котором предлагалось подчинить церковно-приходские школы ведению светского министерства. Многие депутаты считали, что церковно-приходские школы не являлись эффективными, не столько способствовали развитию просвещения в народе, сколько его торможению[894]. Спасский, не понаслышке зная пользу, которую для народа несли православные школы, вступил в полемику с антицерковно настроенными депутатами. Приходские школы имели ряд недостатков, но все-таки они способствовали воспитанию около 2 миллионов

[892] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1911 год, сессия четвертая. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1911. С. С. 1381.
[893] Там же. С. 1394.
[894] Там же. С. 2046.

детей по всей стране, предоставляли им возможность получения начал грамоты и элементарного образования. В ходе речи, когда протоиерей Алексий Спасский говорил о заслугах Российской церкви в деле народного просвещения, один из левых депутатов выкрикнул, что церковно-приходская школа «сшита белыми нитками»[895]. Дерзкую реплику депутата заметил священнослужитель. Не считая для себя возможным проигнорировать ее, отец Алексий ответил словами: «Нет, белыми нитками не сошьете вы такое учреждение, которое работает на благо России, которое сформировало в течение каких-нибудь двух десятков лет такой великолепный организм учебного дела, это не белыми нитками сшито, это крепкими золотыми нитками сшито»[896].

Недостаточно корректное поведение оппонентов, очевидно, возбудило у выступавшего гнев, который вылился не только на социалистически ориентированных членов Думы, но на ее центр. «Мы мирились, когда такие порицания шли слева, но вот в последнее время здесь, с этой трибуны, из центра раздавались гневные речи по отношению к православному духовенству»[897]. Протоиерей замечал, что, несмотря на все обвинения в пассивности церкви на поприще народного просвещения, 30000 священнослужителей продолжали заниматься в церковно-приходских школах совершенно безвозмездно. Разве можно после этого было говорить о стремлении священников затормозить развитие школьного дела?!

В ответ на эти доводы один из депутатов выкрикнул в сторону клирика: «Да там дьякона учат, а не вы – священники»[898]. Вопреки попыткам левых депутатов прервать речь, протоиерей Спасский продолжал аргументировано разъяснять необходимость предоставить церковно-приходским школам оставаться самостоятельными, не подчиняясь ведению светского министерства. «Дьякона или кто либо другой – дьякона тоже духовные лица, зачем так относиться?»[899] Левые депу-

---

[895] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1911 год, сессия четвертая. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1911. С. 2055.
[896] Там же.
[897] Там же. С. 2058.
[898] Там же. С. 2057.
[899] Там же.

таты не желали предоставлять церковным школам право на самостоятельное существование из-за страха перед их традиционным консерватизмом. Ни для кого не являлось секретом, что именно в этих школах проповедовались идеи православия, самодержавия, народности.

Представители фракции Союза 17 октября также боялись чрезмерной клерикализации общества[900]. Но им, по мнению Спасского, следовало обратить внимание на реальные факты. На протяжении всей российской истории священники служили своему народу, неся в него начала мира, света и евангельской любви. Во время трагических событий революции 1905-1907 гг. многие пастыри призывали своих прихожан не допускать разбоев и кровопролития. «Я знаю у себя пастыря, который с крестом в руке остановил надвигающуюся народную массу и своим словом – что вы только через мой труп пойдете на грабежи и насилия – отрезвил толпу»[901]. Воронежский депутат пытался донести до депутатов мысль о незаслуженности обвинений духовенства Российской церкви в равнодушии, лености и пассивности.

Протоиерей Алексий Спасский понимал, что его доводы не будут услышаны. Предвзятое и заранее ангажированное отношение к духовенству слишком заметно давало о себе знать. В конце своей речи выступающий заявил: «Я знаю, господа, мое личное мнение останется гласом вопиющего в пустыне»[902]. Тем не менее клирик считал необходимым для духовенства заявлять о своей позиции несмотря ни на что.

В работе Четвертой Государственной думы в качестве депутатов также принимали участие двое воронежских протоиереев: Георгий Алферов и Тихон Попов, по своим убеждениям – правые националисты. Произносили речи они крайне редко, лишь только в тех случаях, когда по их мнению, необходимо было отстаивать интересы православной церкви и духовенства. Так, например, во время об-

---

[900] Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1911 год, сессия четвертая. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1911. С. 2058.
[901] Там же. С. 2061.
[902] Там же. С. 2064.

суждения программного заявления Председателя Совета Министров В. Н. Коковцова протоиерей Алферов попросил слова, полагая, что в заявлении главы правительства, да и в ходе работы Думы, слишком мало внимания уделялось проблемам православного прихода. Воронежский священнослужитель прямо высказал обвинения в адрес части депутатов, негативно настроенных по отношении к православным клирикам. «Если в этом государственном учреждении, где раздаются такие пылкие речи о законности и порядке… в то же время слышатся глумления над пастырями церкви вплоть до названия «попы», то что говорить о тех отношениях, которые существуют вне этого учреждения?»[903]. Думе следовало обращать на нужды церкви большее внимание, так как от ее функционирования зависело нравственное состояние общества[904].

Неуважительное отношение светских депутатов к депутатам из духовенства проявлялось в том, что последних часто перебивали, не давая договорить до конца. О недостойном отношении к священнослужителям-депутатам говорил и протоиерей Тихон Попов. Последнего крайне возмущали обидные прозвища, присваиваемые членами Думы депутатам-священникам. Не успела еще начаться работа четвертого созыва представительного органа власти, как группу священников-депутатов прозвали «выборным стадом», «сеятелями лжи», «смазанными нежными частями государственного механизма»[905]. Возмущало клирика недостаточное внимание к церкви со стороны правительства, которое в проекте бюджета на 1913 г. заложило слишком незначительные расходы на нужды церковно-приходских школ, материального обеспечения духовенства и приходов и т. д.

Все это дало ему основание говорить о Государственной думе как о неэффективном, не отвечавшем своим первоначальным задачам учреждении. Священнослужитель не побоялся заявить перед депутатами, что его, как и других клириков, выбрали не в представительный орган власти, а «на позорище, где могут мно-

---

[903] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1912–1913 годы, сессия первая. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1913. Стб. 887.
[904] Там же. Стб. 886.
[905] Там же. Ч. 2. Стб. 1418.

го бранить, но мало давать, где могут и ничего не давать, но вместе с тем и много бранить»[906]. Духовенство, по глубокому убеждению протоиерея Тихона Попова, не заслуживало такого отношения, так как не протяжении столетий верой и правдой служило своему народу, находясь рядом с ним с крещенской купели вплоть до последнего дня. Русское духовенство – это своего рода «ангел-хранитель русской государственности»[907].

Основное содержание речей священника сводилось к нравственному обличению пороков современного ему общества. Беспокоило воронежского клирика нараставшие безнравственность и общественное недовольство по отношению к церкви и правительству, которые он именовал «хулиганством». Распространение «хулиганства» заставило протоиерея обратиться к депутатам с просьбой оставить партийные и прочие политические разногласия и направить совместные усилия на стабилизацию обстановки в стране. Для того чтобы нормализовать духовный климат, важно было, по мнению священнослужителя, предпринять ряд правительственных мер к изменению ситуации, в частности, ужесточить государственное законодательство по отношению к сектантству. Глубокое возмущение протоиерея вызвал запрос № 47 группы депутатов, жаловавшихся на притеснение со стороны властей сектантских общин в некоторых местностях империи. Протоиерея Тихона Попова крайне возмутило заявление депутатов, в котором сектантство характеризовалось как «свободная религиозная мысль»[908]. Ему казалось странным называть представителем свободной религиозной мысли такого известного в то время российского сектанта, как руководителя секты «Новый Израиль» Василия Семеновича Лубкова, называвшего себя «богом богов», «царем царей», «сыном великого и славного эфира», «царем XXI века», апостолом Петром и Павлом» и т. д.[909]

---

[906] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1913 год, сессия первая. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1913. Стб. 1414.
[907] Там же. Стб. 1410.
[908] Там же. Ч. 1. Стб. 760.
[909] Там же. Стб. 761.

Протоиереем Тихоном Поповым 15 февраля 1913 г. в одном из выступлений перед депутатами предлагалось отпраздновать трехсотлетие дома Романовых принятием нескольких жизненно важных для Российской церкви законодательных предположений: об изменении правового статуса православных приходов, об улучшении материального положения священно-церковнослужителей, о скорейшем созыве Всероссийского Поместного собора с целью проведения назревших реформ[910]. Однако православное духовенство в Думе серьезно никто не хотел воспринимать, и инициативы клирика так и остались неуслышанными. Впоследствии протоиерей Тихон Попов откажется от работы в Государственной Думе и вернется в Воронеж на должность профессора Сельскохозяйственного института[911].

Протоиерей Георгий Алферов в отличие от Тихона Попова выступал на заседаниях Четвертой Государственной думы реже и менее красноречиво. В процессе рассмотрения вопроса о дополнительном ассигновании средств на развитие обществ народной трезвости, в целях противодействия распространявшемуся пьянству разгорелись серьезные прения. Воронежский протоиерей Алферов предложил депутатам своим собственным примером показать пользу и необходимость трезвого образа жизни и перво-наперво принять решение об абсолютном исключении крепких спиртных напитков из думского буфета и только после этого перейти к обсуждению текущих законопроектов[912]. Предложение священнослужителя не восприняли всерьез.

В ходе заседаний Четвертой Государственной думы представителями воронежского духовенства поднимался немаловажный вопрос об участии священнослужителей в работе популярных в то время в России кредитных товариществ. Святейший Синод позволил духовенству участвовать в товариществах как в роли рядовых членов, так и учредителей и даже председателей. Некоторые священно-

[910] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1913 год, сессия первая. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1913. Стб. 1672.
[911] Акиньшин А. Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 2003. С. 56.
[912] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1913 год, сессия первая. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1913. Стб. 68.

служители принялись с неподдельным интересом и энтузиазмом организовывать кредитные товарищества с целью повышения материального благосостояния своих же прихожан. Но возможности новых финансовых учреждений наносили ущерб интересам мелких ростовщиков и местных богатеев, пользовавшихся отсутствием развитой ссудной системы и предоставлявших населению ссуды из своих сбережений под значительные, «бесчеловечные» проценты. Энергичная деятельность клириков, естественно, вызывала у такого рода людей чувство неприязни. В результате ростовщики чинили духовенству препятствия, а иногда и шли на явную клевету, лишь бы избавиться от ненавистных кредитных обществ и их организаторов – священнослужителей. Депутат от Воронежской губернии протоиерей Георгий Алферов в своем выступлении поднял вопрос о необходимости предоставления законодательной защиты священнослужителям, работавшим в кредитных товариществах и прочих финансовых учреждениях.

В качестве примера того, насколько пагубным для лишенного правовой поддержки духовенства могло оказаться противостояние с местными ростовщиками, протоиерей Георгий Алферов привел в своей речи случай из Воронежской епархии. Один знакомый ему энергичный священник (его имя не называлось) решил открыть в своем приходе кредитное товарищество. Дело шло успешно. В скором времени священник на доходы товарищества открыл потребительскую лавку, затем организовал склад сельскохозяйственных орудий. Но местные ростовщики, несшие от деятельности клирика значительные убытки, оклеветали его перед административной властью и полицией. Подговорив и подкупив крестьян, недруги составили на него коллективную жалобу от лица прихожан, «в числе которых числились даже умершие и перешедшие на жительство в другие приходы»[913]. Полиция обвинила бедного батюшку в политической неблагонадежности. Как выяснилось позже, раздувание скандала было на руку местным чиновникам, имевшим на священника обиду за то, что он отказался предоставить ссуду заин-

[913] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1914 год, сессия вторая. Ч. 4. Санкт-Петербург, 1914. Стб. 278.

тересованным в этом лицам. В итоге священника оправдали, но это многого ему стоило, вплоть до того, что он собирался подать прошение о сложении с себя сана[914]. Все это, по мнению протоиерей Георгия Алферова, говорило о необходимости совершенствования законодательства.

Еще одним недостатком в законодательстве Российской империи, затрагивавшим интересы приходского духовенства, являлось несовершенство лесного устава, а именно статьи 236. Эта статья звучала следующим образом: «Епархиальным начальствам предоставляется самим входить в сношение с местными управлениями земледелия и государственных имуществ о безденежном отпуске леса из казенных дач церквам… с объяснением действительной надобности в таком отпуске и с приложением сметного исчисления»[915]. Согласно данной статье закона, местные церковные власти, в случае если приходам нужен был лес на постройку церквей, должны были договариваться об этом с управляющим государственным имуществом. Последний по своему усмотрению решал целесообразно ли предоставлять лес на строительство церкви или нет. Так как закон не обязывал местных управляющих непременно выделять лес, последние часто не желали идти навстречу епархиальным нуждам и под разными предлогами не выделяли лес из казенных дач. На одном из заседаний Четвертой Государственной думы воронежский протоиерей Георгий Алферов предложил депутатам внести в закон определенные изменения. «Я лично около 20 лет принимал участие в делах епархиального управления в родной моей губернии. За это время сменилось в местном управлении государственными имуществами четыре управляющих, и каждый из них, несмотря на один общий закон, различно относился к ходатайствам епархиального начальства об отпуске казенного леса на постройку храма»[916].

Еще одной проблемой, обсуждаемой воронежскими священниками-депутатами, являлся вопрос о дьяконских должностях. По мнению протоиерея Георгия

---

[914] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1914 год, сессия вторая. Ч. 4. Санкт-Петербург, 1914. Стб. 278.
[915] Там же. Ч. 5. Стб. 106.
[916] Там же.

Алферова, священнические штаты 1885 г. следовало пересмотреть, снова упразднив штатную должность дьякона. Дьяконские вакансии делались штатными с тем, чтобы в церковно-приходских школах и начальных училищах было кому трудиться на должности учителей. Но в начале XX века ситуация стала меняться. Все большее число мест в школах занимали выходцы из светского звания, получая за свой труд вполне определенное материальное вознаграждение. Следовательно, под сомнением оказалась целесообразность содержания штатных дьяконских должностей. В 1916 г. протоиерей Алферов внес депутатам Государственной думы предложение об упразднении штатных должностей дьяконов, ввиду того что пользы от них, по его собственным словам, было мало, а причт, несмотря на это, тратил на их содержание одну треть своих доходов. «Да еще было бы полбеды, если бы на дьяконские вакансии назначались лица правоспособные, которые могли бы быть законоучителями и псаломщиками священников, или с хорошими голосами, но в действительности это в большинстве случаев не соблюдается»[917]. С точки зрения воронежского священнослужителя, дьяконов следовало оставить лишь в крупных городских церквях и кафедральных соборах для украшения богослужения. Однако какой бы то ни было серьезной реакции со стороны депутатов на предложение клирика так и не последовало.

Таким образом, материалы местной церковной периодической печати, а также сохранившиеся стенографические отчеты Думы свидетельствуют о достаточно активной позиции воронежского приходского духовенства касательно деятельности представительного органа власти. В числе 48 воронежских депутатов всех четырех созывов Государственной думы 5 являлись священнослужителями. Хорошее образование, как правило, проправительственная политическая позиция создавали определенный кредит доверия. Клирики избирались в Думу. В ходе заседаний воронежские священники проявили себя (за исключением радикально настроенного иерея Пояркова) ревностными борцами за идею возвышенного поло-

[917] Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, сессия четвертая. Петроград, 1915-1916. Стб. 2286.

жения духовного сословия в Российской империи. И хотя священники понимали, что подавляющее большинство депутатов не испытывало ни малейшего желания деятельно участвовать в решении проблем духовного сословия, тем не менее они считали своим долгом до конца отстаивать интересы православной церкви.

Выводы по главе. Приходское духовенство Воронежской епархии, являясь частью одного из наиболее образованных сословий Российской империи, принимало заметное участие в общественно-политической жизни страны. Несмотря на существование целого ряда канонических ограничений, клирики произносили проповеди на самые актуальные политические и социально значимые события рассматриваемого времени. С течением времени общественно-политическая тематика в проповедях местных клириков заметно усиливалась. Естественное духовное возвышение и авторитет православных пастырей заставляли прихожан прислушиваться к произнесенным с амвона словам. Священноначалие призывало духовных лиц не злоупотреблять далекими от исключительно церковных тем поучениями.

Участие местных священно-церковнослужителей в общественно-политической жизни страны не ограничивалось лишь произнесениями проповедей. События революции 1905-1907 гг. поначалу разделили духовенство на тех, кто занял промонархическую линию и тех, кто позиционировал себя противниками царской власти. Подавляющее большинство клириков являлись хранителями традиционных для православной церкви ценностей, призывая людей не поддаваться на провокации социалистических агитаторов и не участвовать в политических акциях. Однако были среди духовенства священнослужители, не только не запрещавшие своим прихожанам выступать против власти, но и сами активно участвовавшие в противоправительственных подпольных организациях, эсеровских союзах и братствах. Трудности в материальном положении и другие проблемы социального характера приводили к проявлению среди клириков недовольства, в том числе выраженного в антиправительственных выступлениях.

Не остались в стороне от политических процессов и обучавшиеся в семинарии сыновья воронежских священно-церковнослужителей. Духовная школа пере-

живала в конце XIX – начале XX века не самое спокойное время. Волнения учащейся молодежи, протестное движение явились неотъемлемой стороной жизни Воронежской семинарии. Большинство учащихся духовной школы происходили из духовного сословия. Забитость духовенства, отсутствие должного внимания со стороны государства по отношению к причтам в полной мере сказывались и на их детях. Проявления недовольства выражались и в антиправительственном подпольном движении воспитанников Воронежской духовной семинарии. Священноначалие пыталось бороться с протестным движением, но чувство социальной несправедливости, общий политический климат в стране и целый ряд других причин не способствовали нормализации ситуации.

Большую надежду местное священноначалие и клирики возлагали на деятельность представительного органа власти – Государственной думы. Многие священники полагали, что Дума будет в силах путем реального обсуждения проблем выработать способы их решения. Однако подобная точка зрения развеялась, после того как воронежские священники-депутаты на себе испытали далеко недружелюбный по отношению к церкви настрой нового органа власти. Светские депутаты рассматривали церковь как реакционный орган, функции которого следовало ограничивать просветительской работой. Реальные проблемы церкви были явно чужды для большинства народных избранников, проявлявших по отношению к духовенству абсолютное равнодушие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историю России невозможно представить без православия, оказавшего влияние на самые разные сферы общественной жизни и во многом определившего особый культурно-исторический облик нашей страны. Распространение в народе высоких христианских идеалов было возможно благодаря ежедневной работе православного духовенства, в том числе священно-церковнослужителей Воронежской епархии. Именно от их труда во многом зависело нравственное здоровье общества. Изучение прошлого духовного сословия имеет очень важное значение в связи с тем, что оно неотделимо от прошлого Российского государства.

В проведенном исследовании предпринималась попытка комплексного изучения социально-экономической и социокультурной истории православного приходского духовенства Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Данный период представляет собой особую страницу в жизни Российской церкви. Глубокие внутриполитические преобразования, осуществленные правительством императора Александра II, явились началом новой эпохи в истории государства. Православная церковь, будучи неотделимой частью Российской империи, в полной мере ощутила на себе бурные социально-политические процессы пореформенного времени. Власть, рассматривавшая церковь как верную идеологическую опору монархии, стремилась с помощью доступных административных рычагов поднять православных клириков на должную высоту священнического служения. Были реализованы шаги (получившие в отечественной историографии название «церковной реформы»), направленные на преодоление столетиями складывавшихся проблем в жизни духовного сословия. Определенное внимание уделялось урегулированию правового положения клириков, повышению образования священно-церковнослужителей, улучшению материального обеспечения. Однако, как показало проведенное исследование, в рассматриваемое время воронежское духовенство продолжало испытывать немало трудностей социально-экономического и правового характера.

Несмотря на попытки правительства изменить правовое положение православных причтов, духовенство так и осталось замкнутым сословием. Формально барьеры для вступления и выхода из него были сняты. Однако оно продолжало являться закрытым исторически и по характеру своей деятельности – служению алтарю.

Материальное положение духовенства изменилось за рассматриваемый период. Число приходов получаемых жалованье и другие независимые от прихожан доходы увеличивалось. Но основным источником материального благосостояния большинства священно-церковнослужителей продолжало оставаться требоисполнение, носившее преимущественно доброхотный характер. Клирикам приходилось порой унижаться, убеждая своих прихожан заплатить за совершенные обряды. Правительство знало о наличии в среде духовенства проблем, связанных с отсутствием стабильного источника дохода. Численность приходов, в которых клирикам выплачивалось жалованье, с течением времени увеличивалась. В 1863 г. из 843 приходских церквей жалованье выплачивалось лишь в двух соборных храма, в 1906 г. суммы из государственных средств получали уже причты 203 церквей (из 1043 имевшихся в том же году). Однако кардинальных изменений так и не произошло. К тому же размеры жалованья являлись крайне недостаточными для многодетных священнических семей (в среднем священник получал 300 руб., дьякон – 150 руб., причетник – 100 руб. в год.). Священно-церковнослужители вынуждены были заниматься земледелием, искать доходы из других, несвязанных напрямую со служением алтарю источников. Средний доход воронежского приходского священника со всех доступных источников по состоянию на 1891 г. составлял 450 руб. в год, дьякона – 300 руб. в год, псаломщика – 150 руб. в год. Данные суммы были явно недостаточными. Клирики со страниц церковной периодической печати обращались к власти и общественности с просьбами обратить внимание на всю плачевность положения духовного сословия. Тем не менее понимания и сочувствия ни со стороны властей, ни со стороны подавляющего большинства населения не проявлялось. В обществе существовал стереотип, представлявший

священника вполне обеспеченным и упитанным человеком, безбедно живущим за счет своих прихожан.

Конечно, царское правительство и церковное священноначалие предпринимали попытки улучшить положение, но они не привели к радикальному изменению ситуации. Об этом на одном из заседаний I сессии Четвертой Государственной думы красноречиво сказал знаменитый воронежский протоиерей Тихон Попов. В своей речи, посвященной вопросам материального обеспечения духовенства, он привел пример из книги пророка Иезекииля. Пророк однажды стоял среди поля, усеянного костями. И вот он услышал шум, появилось движение, кости задвигались, начали соединяться одна с другой. Резюмировал эту историю протоиерей Попов следующими словами: «...и у нас в Государственной думе слышно движение, движутся цифры; уже слышен шум от движения цифр, но появляется ли жизнь в этих цифрах?»

В Воронежской епархии рассматриваемого периода наблюдалась тенденция уменьшения численности духовного сословия, которое с 1862 по 1901 гг. сократилось с 19 228 до 17 491 человека. При этом следует обратить внимание на то, что духовное сословие уменьшилось за счет сокращения числа белого духовенства и его семейств. Подобное явление объясняется в том числе и тем, что провозглашенная в ходе преобразований 60-70-х гг. XIX века отмена сословной замкнутости на деле лишь облегчила выход из сословия тем молодым людям, которые не хотели связывать свою дальнейшую жизнь со служением церкви. Свободный выход из сословия повлек за собой настоящее бегство молодежи из ведомства православного исповедания. В «Воронежских епархиальных ведомостях» появились объявления, содержавшие список вакантных священнических мест.

Духовенство являлось одним из самых образованных сословий Российской империи. Почти все воронежские священники имели полное семинарское образование, некоторые – академическое. Архиереи внимательно следили за ходом образовательного процесса в Воронежской духовной семинарии, часто сами участвуя в проведении выпускных экзаменов. В епархии практиковался принцип распределения выпускников духовной школы по приходам в зависимости от их успе-

ваемости и прилежания. Царская власть обращалась к православному духовенству с призывом принять участие в деле повышения грамотности крестьянского населения. Клирики, порой не жалея собственных скудных средств, трудились на поприще народного образования. В епархии за рассматриваемый период времени трудами священников открылись сотни церковно-приходских школ и школ грамоты. С 1884 по 1910 г. количество церковно-приходских школ в Воронежской губернии выросло с 54 до 634. Число обучавшихся в них детей составляло 42 151. Несмотря на активное противостояние земств, видевших в церкви своего прямого соперника в деле просвещения, воронежские приходские клирики продолжали деятельно трудиться на ниве народного просвещения, не получая за это совершенно никакого жалованья.

Распространявшиеся социальные пороки, в частности пьянство, требовали особого внимания церкви. Воронежские священнослужители вели борьбу против усиливавшихся духовных пороков среди населения губернии. На добровольных началах, благодаря инициативам местных клириков, при приходских церквях епархии создавались общества трезвости. В 1913 году подобных обществ насчитывалось 51. Причты выписывали специальную противоалкогольную литературу, совершали богослужения и произносили проповеди, призывая людей вести достойный христианина образ жизни. По свидетельству современников, такого рода работа имела существенные позитивные результаты. В епархии были зафиксированы случаи, когда после проникновенных проповедей священнослужителей от пьянства отказывались целые села.

В пореформенное время в России, и в Воронежской губернии в частности, наблюдалось увеличение численности сект, ересей, различного рода антицерковных учений. Население, будучи в подавляющем своем большинстве совершенно необразованным, легко поддавалось влиянию суеверий и слухов. Сектантские лидеры пользовались всеобщей непросвещенностью и самым активным образом проповедовали свои учения. При отсутствии ясной государственной политики по отношении к сектантам единственной силой, способной остановить распространение среди населения религиозного невежества, являлось духовенство. Послед-

нее пыталось сберечь прихожан от пагубного влияния предрассудков путем создания просветительских курсов, организации бесед, диспутов, специальных миссионерских библиотек. В 1878 г. просветительские библиотеки, рассчитанные главным образом на крестьянское население, имелись при 712 приходских церквях Воронежской епархии, еще при 40 работали более расширенные благочинические библиотеки. Без должной правительственной поддержки клирики не были способны самостоятельно остановить усиливавшееся влияние нетрадиционных для России сект. Тем не менее деятельность приходского духовенства существенно препятствовала расколо-сектантам осуществлять свою проповедь.

Не могли не обратить на себя внимание духовенства и события общественно-политической жизни пореформенной России. Священнослужители произносили проповеди на актуальные и социально-значимые темы, выражали свою позицию по целому ряду вопросов. С течением времени общественно-политическая тематика в проповедях Воронежских клириков заметно усиливалась.

Социальная активность церкви выражалась и в участии клириков в деятельности Государственной думы. Священно-церковнослужители не имели опыта ведения открытой политической борьбы, участия в дебатах и избирательных кампаниях. Многие проявляли равнодушие к работе нового для страны представительного органа власти. Однако имелись среди воронежского духовенства и такие, кто призывал священников объединиться для создания влиятельной политической силы, способной решить назревшие проблемы церковной и государственной жизни. Всего от губернии в работе Государственной думы участвовало пятеро священнослужителей, представлявших воронежское духовенство в трех созывах из четырех. Все они (за исключением депутата Первой думы священника Пояркова) стояли на традиционных для православной церкви консервативных позициях. Клирики старались использовать трибуну представительного органа власти для защиты интересов всего российского православного духовенства.

В конце XIX и особенно в начале XX века под влиянием целого ряда причин, в том числе тяжелого материального положения, некоторые клирики Воронежской епархии участвовали в антиправительственном движении. Конечно, та-

ких было немного. Но, тем не менее, они имелись. Зараженные вольнодумством и радикальными социалистическими убеждениями священники создавали крестьянские братства, агитировали народ к гражданскому неповиновению, призывали участвовать в антиправительственных выступлениях. Власть, понимая силу влияния, которое оказывали такие духовные лица на своих прихожан, стремилась пресекать политическую деятельность пастырей. Большое внимание власти уделяли борьбе с распространением антиправительственных настроений в среде воспитанников Воронежской духовной семинарии. Семинаристы, большая часть которых являлась выходцами из духовного сословия, организовывали подпольные кружки, выступали с требованиями к администрации духовной школы, устраивали митинги и демонстрации. В начале XX века волнения учащейся молодежи достигли своего апогея. Воронежскую семинарию несколько раз приходилось закрывать, так как администрация попросту не могла наладить дисциплину. Дети священников испытывали чувство, которое знаменитый иерарх митрополит Евлогий (Георгиевский) называл «социальной несправедливостью». Забитость и бесправие клириков, естественно, влияли на их детей. Последние выплескивали накопившееся в виде ученических протестов.

Несмотря на проблемы в духовной школе и участие некоторых клириков в антиправительственном движении, подавляющее большинство приходского духовенства продолжало оставаться на консервативных позициях, уча население в своих проповедях любви к церкви и отечеству. Но появление среди воронежских клириков лиц, придерживавшихся радикальных позиций, исповедовавших социалистические взгляды, свидетельствовало о постепенном нарастании кризиса синодальной системы, превратившей Российскую православную церковь в искусственно подчиненное государству церковно-административное учреждение. Церковь воспринималась государством как часть общего политического организма, в задачу которого входило выполнение специфических функций. Правительственная политика по отношению к духовенству как к служащим ведомства православного исповедания постепенно приводила к затуханию подлинной религиозной жизни на приходах, к падению авторитета православного пастырства.

Православная церковь продолжает существовать, а значит и изучение вопросов, связанных с её прошлым имеет не только научный интерес, но и реальную актуальность, обоснованную необходимостью в разрешении конкретных современных задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

Фонд И-1. Воронежское губернское жандармское управление

Опись 1

Оп. 1. Д. 22. Политический обзор Воронежской губернии за 1886 год.

Оп. 1. Д. 27. Материалы о распространении в Воронежской губернии учений Л. Н. Толстого и переписка по наблюдению за последователями этого учения. 25 ноября 1894 – 7 мая 1902 г.

Оп. 1. Д. 46. Документы по обвинению псаломщиков села Рогачевки Воронежского уезда Попова Анатолия Ивановича и Рязанова Константина Михайловича в принадлежности их к партии социалистов-революционеров. 7 августа 1907 – 3 декабря 1909 г.

Оп. 1. Д. 60. По обвинению воспитанника Воронежской духовной семинарии Попова Н. И. 1905 г.

Оп. 1. Д. 137. Об установлении наблюдения за учеником Павловского духовного училища Н. Н. Васильевым за нахождение у него письма к священнику Автономову, в котором изложены его мысли, занятые революционной пропагандой и агитацией среди крестьян. 30 марта – 17 июня 1902 г.

Оп. 1. Д. 142. Дело о сыне священника Тихоне Ивановиче Попове, состоящим под негласным надзором полиции за антиправительственные выступления. 1902 г.

Оп. 1. Д. 182. По обвинению исправляющего должность псаломщика Иоанно-Богословской церкви хутора Богачевки Валуйского уезда Н. Н. Васильева за антиправительственные высказывания и за произнесение оскорбительных слов в адрес царя. 27 июля – 1 ноября 1902 г.

Оп. 1. Д. 266. По обвинению учителей слободы Александровка Острогожского уезда Николая Степановича и Ольги Степановны Трусовых в распространении учения Л. Н.Толстого. 1903-1905 г.

Оп. 1. Д. 468. По обвинению священника слободы Колодезной Острогожского уезда С. И. Лященко в хранении и распространении революционной литературы. 6 июля 1904 – 23 октября 1905 г.

Оп. 1. Д. 481. По обвинению учителя церковно-приходской школы села Абрамовка, Новохоперского уезда П.В. Пискунова в революционной пропаганде и агитации среди запасных нижних чинов. 1905 г.

Оп. 1. Д. 553. Материалы о забастовках воспитанников средних учебных заведений Воронежской губернии. 1905 г.

Оп. 1. Д. 714. Рапорты уездных исправников о деятельности различных религиозных сект. 6 ноября 1910 – 7 января 1911 г.

Оп. 1. Д. 1313. Материалы о наблюдении за учебными заведениями воронежской губернии. 10 февраля 1913 – 20 января 1914 г.

Опись 2

Оп. 2. Д. 2. Политический обзор Воронежской губернии за 1886 год.

Оп. 2. Д. 295. Документы об аграрном движении и политической пропаганде в Павловском уезде 15 января – 26 июля 1906 г.

Оп. 2. Д. 382. Документы о предполагавшемся проведении в городе Воронеже съезде Всероссийского общесеминарского союза. 31 декабря 1907 – 5 января 1908 г.

Фонд И-6. Канцелярия Воронежского губернатора

Опись 1

Оп. 1. Д. 64. Дело по обвинению священника Преображенской церкви села Бутурлиновка Бобровского уезда, Иоанна Игнатова в несвоевременном приводе новобранцев к присяге.

Оп. 1. Д. 141. Дело по обвинению псаломщика села Старая Тишанка Бобровского уезда Василия Лебедева в произнесении проповеди антирелигиозного содержания. 1894 г.

Оп. 1. Д. 142. Материалы о розыске лиц, распространяющих сочинение Л.Н. Толстого. 1894 г.

Оп. 1. Д. 190. Переписка с уездными исправниками по религиозным вопросам. 1895 г.

Оп. 1. Д. 766. Материалы об аресте псаломщика слободы Ютановка Бирюченского уезда Феофана Путилина за агитацию крестьян против землевладельцев. 4 марта 1906 – 9 июня 1907 г.

Оп. 1. Д. 838. Материалы об аресте псаломщика с. Старогольского Новохоперского уезда Павла Подгоренского, агитировавшего односельчан к неповиновению местным властям и захвату земли частновладельцев. 1906 г.

Оп. 1. Д. 979. Материалы по обвинению священника села Новой Меловатки Митрофана Авсенева в антиправительственной деятельности. 1906-1907 гг.

Оп. 1. Д. 981. Материалы и переписка по вопросу деятельности священника сл. Клеменковой Валуйского уезда Иоанна Мерецкого, подозреваемого в агитации крестьян и выступлении против местных властей. 6 августа 1906 – 20 сентября 1908 г.

Оп. 1. Д. 1250. Материалы об ограблении Александровского волостного правления Валуйского уезда, о нападении на дом священника Устиновского, на дом священника Поновского и др. 5 ноября 1907 – 16 ноября 1909 г.

Оп. 1. Д. 1320. Дело об ограблении 4 ноября 1907 г. настоятельницы Лысогорского Успенского женского монастыря игуменьи Серафимы. 7 ноября 1907 – 13 ноября 1907 г.

Оп. 1. Д. 1316. Дело о покушении на жизнь инспектора Воронежской духовной семинарии Михаила Романовского. Февраль 1907 – 27 января 1909 г.

Оп. 1. Д. 1373. Материалы об аресте священника слободы Лесковой Богучарского уезда Алексея Микулина, крестьянина той же слободы Василия Максимовича Вербинского, Павловского мещанина Ивана Степановича Олейникова и др. за принадлежность крестьянскому братству партии социалистов-революционеров. 8 февраля 1908 – 22 ноября 1908 г.

Оп. 1. Д. 1419. Материалы об аресте крестьян слободы Подгорной Богучарского уезда Михаила Антоновича Блющина и Петра Егоровича Талолина за агитацию к отобранию церковного луга от причта Преображенской церкви. 27 августа 1908 – 9 сентября 1908 г.

Оп. 1. Д. 1420. Материалы об аресте некоторых крестьян слободы Данцевой Богучарского уезда и самовольной потраве луга, принадлежащего церковному причту Твердохлебовской волости 23 июня 1908 – 13 августа 1908 г.

Оп. 1. Д. 1459. Дело по обвинению священников Тихона Никитина, Михаила Зоричева и Алексея Фирсова в том, что они на богослужениях не упоминают имени царя. 24 июня 1908 – 20 октября 1908 г.

Оп. 1. Д. 1568. Материалы по обвинению священника села Оскочного Задонского уезда Гермогена Лебедева в агитации против закона 9 ноября 1906 г. 19 ноября 1909 – 29 октября 1909 г.

Оп. 1. Д. 1652. Дело о нападении в хуторе Кумысном Бобровского уезда псаломщиками Валерианом Орловым и Валерианом Проскуряковым на мастера по изготовлению кумыса Ченышова. 18 августа 1909 – 14 сентября 1909 г.

Оп. 1. Д. 1664. Дело о поджоге в слободе Старая Криуша Богучарского уезда 8 стогов сена, принадлежащих священнику Михаилу Говорову. 16 августа 1909 – 26 августа 1909 г.

Оп. 1. Д. 1701. Дело по рассмотрению заявления священника села Клеповки Павловского уезда Тихона Быковского о переходе некоторых крестьян в Иудейскую секту. 8 сентября 1909 – 27 ноября 1909 г.

Оп. 1. Д. 1778. Материалы по обвинению священника села Шестакова Павловского уезда Семена Иванова в антиправительственной деятельности. 12 сентября 1910 – 10 января 1911 г.

Оп. 1. Д. 1926. Материалы о студенческих волнениях в Воронежской духовной семинарии. 28 ноября 1912 – 19 ноября 1914 г.

Фонд И-10. Павловское духовное правление

Опись 1

Оп. 1. Д. 4. Ведомости о церквях, послужные списки священнослужителей Павловского уезда за 1911 год. 1911 г.

Фонд И-21. Воронежское губернское по земским и городским делам присутствие

Опись 1

Оп. 1. Д. 108. Дело по жалобе воронежского купца Бухонова о запрещении производства и продажи свечей церковной формы не из чистого пчелиного воска 1877-1891.

Оп. 1. Д. 195. Постановление Богучарской городской думы о запрещении торговли в городе Богучаре парафиновыми свечами. 1888 г.

Оп. 1. Д. 208. Дело по жалобе воронежского купца Бухонова о свечах. 1888-1891 гг.

Оп. 1. Д. 244. Дело по ходатайству ремесленников города Воронежа о разрешении им приобрести на свои средства святые иконы в память событий 17 октября 1888 г. 1888 г.

Оп. 1. Д. 252. Дело по жалобе Воронежской Духовной Консистории о нарушении в проведении выборов церковного старосты в кладбищенскую Митрофановскую церковь города Бирюча. 1886 г.

Оп. 1. Д. 612. Дело об открытии при Острогожском приходском училище ремесленного отделения. 1893 г.

Оп. 1. Д. 1172. Дело об отпуске лесного материала для строительства церкви в с. Подсереднее Бирюченского уезда. 1873.

Оп. 1. Д. 1286. Дело об отводе земли священнослужителям слоб. Криницы Острогожского уезда. 1865-1866 гг.

Оп. 1. Д. 1289. Дело об отводе земли священнослужителям хутора Петренкова Острогожского уезда. 1866 г.

Оп. 1. Д. 1369. Дело по ходатайству Острогожского уездного земского собрания о предоставлении учителям земских школ права преподавать Закон Божий под наблюдением священников. 15 ноября 1904 – 24 мая 1905 г.

Оп. 1. Д. 1412. Дело об отводе служителям церкви села Урыв Коротоякского уезда земли из села Семидесятного 1868-1869 гг.

Оп. 1. Д. 1767. Дело об отпуске лесного материала крестьянам слободы Троицкого уезда для строительства церкви. 1873 г.

Оп. 1. Д. 1818. Дело по ходатайству Задонской городской Думы об оставлении духовного училища в городе Задонске. 26 августа 1911 – 10 марта 1913 г.

Оп. 1. Д. 1959. Дело по ходатайству Землянского уездного земского собрания о разрешении учителям земских школ преподавать Закон Божий. 1912 г.

Оп. 1. Д. 2242. Дело по прошению поверенного священника с. Калинина Петра Павлинова об отводе площади в Калининской лесной даче на починку и украшение церкви. 1883-1884 гг.

Оп. 1. Д. 2343. Дело об отпуске леса на постройку церкви крестьянам хутора Змунева Бирюченского уезда. 1884-1885 гг.

Оп. 1. Д. 2829. Документы о бесплатном отпуске леса на церковь в с. Ростошах. 1895 г.

Оп. 1. Д. 2877. Дело об отпуске леса на строительство церкви в хуторе Дядине Богучарского уезда. 1896 г.

Оп. 1. Д. 2878. Дело об отпуске леса на строительство Троицкой церкви г. Боброва. 1896 г.

Оп. 1. Д. 3399. Дело об отводе леса на строительство церквей. 1909 г.

Оп. 1. Д. 3442. Дело об отводе леса на постройку церквей. 1910 г.

Фонд И-24. Воронежское губернское управление земледелия и государственных имуществ Министерства земледелия

Опись 1

Оп. 1. Д. 1195. Дело об отводе земли священнослужителям слободы Криницы Острогожского уезда. 23 августа 1865 – 22 ноября 1866 г.

Оп. 1. Д. 1288. Дело об отводе земли священнослужителям хутора Коверье Землянского уезда. 8 июня 1866 – 20 декабря 1866 г.

Оп. 1. Д. 1290. Дело об отводе земли священнослужителям выселки Кирсановка Новохоперского уезда. 8 июня 1866 – 18 ноября 1867 г.

Оп. 1. Д. 1412. Дело об отводе служителям церкви сл. Урыв Коротоякского уезда земли из села Семидястного Нижнедевицкого уезда. 23 февраля 1868 – 23 июня 1869 г.

Оп. 1. Д. 1875. Дело об устройстве пасеки священником Романовским в Валуйском уезде. 1875-1877 гг.

Фонд И-44. Коллекция писем чиновников и частных лиц

Опись 1

Оп. 1. Д. 9. Переписка Спасского Алексея Михайловича с Гурьевым Вакхом Васильевичем.

Фонд И-64. Дирекция народных училищ Воронежской губернии

Опись 1

Оп. 1. Д. 353. Документы о состоянии учебно-воспитательной работы в училищах губернии. 1886 г.

Оп. 1. Д. 458. Документы о проведении народных чтений, об открытии библиотек. 1887 г.

Фонд И-70. Землянское уездное отделение Воронежского епархиального училищного Совета

Опись 1

Оп. 1. Д. 1. Переписка об обеспечении школ книгами, сведения о церковно-приходских школах и школах грамоты.1890-1893 гг.

Оп. 1. Д. 2. Переписка об обеспечении школ книгами, сведения о церковно-приходских школах и школах грамоты. 1894 г.

Оп. 1. Д. 3. Циркуляры и предписания на 1894 год. Сведения о школах. Требования об учебниках и о назначении учителей. 1894 г.

Оп. 1. Д. 4. Циркуляры и предписания на 1895 г. Сведения о состоянии школ. Требования о высылке учебных пособий и назначении и перемещении учителей. 1895 г.

Фонд И-73. Воронежское епархиальное женское училище

Опись 1

Оп. 1. Д. 2. Дело о проведении испытаний в выдаче свидетельств ученикам образцовой церковно-приходской школы при Воронежском епархиальном женском училище. 1898 г.

Фонд И-84. Воронежская духовная консистория

Опись 1

Оп. 1. Д. 1929. Переписка с Павловским уездным духовным правлением о священнослужителям и состоянии дел в уезде. 1851-1852 гг.

Оп. 1. Д. 1942. Переписка с протоиереями уездных духовных управлений. 1896 г.

Оп. 1. Д. 1945а. Приходно-расходные ведомости. 1892 г.

Оп. 1. Д. 1950. Документы о распределении приходов и расходов в церквях города Воронежа. 1910 г.

Оп. 1. Д. 1951а. 1. Церковные ведомости и послужные списки священнослужителей г. Воронежа за 1911 г. 1911 г.

Оп. 1. Д. 1951а. 2. Ведомости о церквях и послужные списки священнослужителей Воронежского уезда за 1911 год. 1911 г.

Оп. 1. Д. 1951б. Церковные ведомости и послужные списки священнослужителей по Богучарскому уезду за 1911 г. 1911 г.

Оп. 1. Д. 1951. 1. Ведомости о церквях, послужные списки священнослужителей г. Боброва и Бобровского уезда за 1911 г. 1911 г.

Оп. 1. Д. 1951. 2. Ведомости о церквях, послужные списки священнослужителей Бобровского уезда за 1911 г. 1911 г.

Оп. 1. Д. 1952. Церковные ведомости Валуйского уездного церковного управления за 1911 год. 1911 г.

Оп. 1. Д. 1953. Ведомости о церквях и послужные списки священнослужителей Задонского уезда за 1911 год. 1911 г.

Опись 3

Оп. 3. Д. 66. Прошение священников Воронежской губернии о зачислении их детей на учебу в Воронежские епархиальные училища. 1905-1916 гг.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО)

Фонд 5. Истпартотдел Воронежского обкома ВКП(б)

Опись 1

Оп. 1. Д. 8. Материалы по проведению XX годовщины первой русской революции 1905-1907 гг. (Протоколы юбилейной комиссии, отчеты Истпарта, заявления ветеранов революции и др.) 9 октября 1924 – 18 января 1926.

Оп. 1. Д. 200. Воспоминания участников революционных событий 1905-1907 гг. в Воронеже, Воронежском, Богучарском уездах. Обвинительный акт ВГЖУ на железнодорожников, участников всеобщей декабрьской забастовки. 25 апреля 1925 – 5 сентября 1930 г.

Оп. 1. Д. 271. Переписка Воронежского губернатора с департаментом полиции, рапорты уездных исправников о революционном движении в губернии. Выписки из документов. Т. 1. 2 января 1906 – 23 декабря 1906 г.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 796. Канцелярия Синода

Оп. 185

Д. 698. Дело о снятии сана с воронежского священника Иоанна Долгополова. 1904 г.

Опись 187

Оп. 187. Д. 1184. Дело по прошению заштатного священника Воронежской епархии Петра Федорова о снятии священного сана 1909 г.

Опись 442

Оп. 442. Д. 774. Отчет Воронежской епархии за 1878 год.

Оп. 442. Д. 923. Отчет Воронежской епархии за 1881 год.

Оп. 442. Д. 1374. Отчет Воронежской епархии за 1891 год.

Оп. 442. Д. 1384 Отчет Воронежской епархии за 1892 год.

Оп. 442. Д. 1714. Отчет Воронежской епархии за 1898 год.

Оп. 442. Д. 2019. Отчет Воронежской епархии за 1904 год.

Оп. 442. Д. 2082. Отчет Воронежской епархии за 1905 год.

Оп. 442. Д. 2139. Отчет Воронежской епархии за 1906 год.

Оп. 442. Д. 2445. Отчет Воронежской епархии за 1911 год.

Оп. 442. Д. 2510. Отчет Воронежской епархии за 1912 год.

Оп. 442. Д. 2572. Отчет Воронежской епархии за 1913 год.

Оп. 442. Д. 2631. Отчет Воронежской епархии за 1914 год.

Оп. 442. Д. 2751. Отчет Воронежской епархии за 1916 год.

Опись 440

Оп. 440. Д. 54. Статистические ведомости по Воронежской епархии. 1892–1909 гг.

Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода

Опись 51

Оп. 51. Д. 49. О некоторых воспитанниках Воронежской духовной семинарии, исключенных за беспорядки. 1883 г.

Оп. 51. Д. 52. О произошедшем 7 мая 1881 г. в здании Воронежской духовной семинарии взрыве. 1882 г.

Ф. 802. Учебный комитет при Синоде

Опись 10

Оп. 10. Д. 1. О беспорядках в Воронежской духовной семинарии в 1902 году.

Оп. 10. (Разд. I). Д. 9. Отчет Воронежской духовной семинарии за 1896-97 учебный год.

Оп. 10. (Разд. IV). Д. 9. Отчет Воронежской духовной семинарии и духовных училищ за 1899-1900 учебный год.

Оп. 10. (Разд. X). Д. 8. Отчет Воронежской духовной семинарии и духовных училищ за 1905-1906 учебный год.

Опись 15

Оп. 15. Д. 5. Отчет Воронежского епархиального женского училища за 1873-1874 учебный год.

Оп. 15. Д. 165. Отчет Воронежского епархиального женского училища за 1892-1893 учебный год.

Оп. 15. Д. 234. Отчет Воронежской духовной семинарии за 1910-1911 учебный год.

Оп. 15. Д. 235. Отчет о духовных училищах Воронежской епархии за 1910-11 учебный год.

Оп. 15. Д. 680. Отчет о духовных училищах Воронежской епархии за 1912-1913 учебный год.

Опись 16

Оп. 16. Д. 173. Мнения правлений семинарий об изменениях в уставе семинарий. 1906 г.

Фонд 804. Присутствие по делам православного духовенства при Синоде

Опись 1

Оп. 1. Д. 58. О соображениях и мнении на предмет улучшения быта духовенства Воронежской епархии. 1863 г.

Оп. 1. Д. 64. О соображениях и мнении на предмет улучшения быта духовенства Воронежской епархии. 1863 г.

Оп. 1. Д. 67. О соображениях и мнении на предмет улучшения быта духовенства Воронежской епархии. 1863 г.

Оп. 1. Д. 96. Сведения о доходах духовенства, составленные из донесений Преосвященных. 1865 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 115. Союз 17 октября

Опись 1

Оп. 1. Д. 62. Переписка Петербургского ЦК «Союза 17 октября» с Воронежским отделом Союза и Бобровским отделением, Воронежской губернии о деятельности отдела. 29 декабря 1905 - 30 марта 1906 г.

Фонд 1729. Святополк-Мирский П. Д.

Опись 1

Оп. 1. Д. 383. Письма С. Бондаря П.Д. Святополк-Мирскому - о секуляризации армяно-григорианских церковных и монастырских имуществ; о высылке ар-

мянского духовенства с Кавказа и заключении их в тюрьмы; о преобразовании управления армяно-григорианской церкви в России; о неспокойном настроении в Армении; о провале противоармянских проектов в Совете министров; о новых порядках в Департаменте; о праздновании в Полтаве 200-летие Полтавской битвы; о посещении им «хлыстовских сект» в Воронежской губернии и их обрядах; о своей работе; о желании навестить Гиевку. 1902 – 1912 гг.

Фонд 523. Партия Народной Свободы (Кадеты)

Опись 1

Оп. 1. Д. 198. Отчетный доклад Н.Дегтярева о деятельности Воронежской группы. Опросный лист членов группы. 16 ноября 1905 - 17 января 1908 г.

Ф. 579. Милюков П. Н.

Опись 3

Оп. 3. Д. 209. Постановление духовенства Воронежской епархии принять деятельное участие в выборах Государственной Думы. 1912 г.

Фонд 1463. Коллекция отдельных документов личного происхождения.

Опись 2

Оп. 2. Д. 1589. Рукопись за подписью «С.В.» «К истории возникновения партии социалистов-революционеров (Воронежская группа и первый партийный съезд в Воронеже)».

Официальные издания, сборники, статистические материалы

Анастасий (Добрадин), архиепископ. Соображения особого совещания по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви // Отзывы Епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 135–148.

Анастасий (Добрадин). Слова и речи Анастасия, епископа Воронежского и Задонского. 1853-1893 г. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1894. –295 с.

Барсов Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Т. В. Барсов. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1885. – 866 с.

Богословский А. М. Сборник статей судебных уставов 20 ноября 1864 года, имеющих отношение к Ведомству православного исповедания / А. М. Богословский. – Санкт-Петербург: Типография Министерства Внутренних Дел, 1872. – 96 с.

Боиович М. М. Члены Государственной думы: (Портреты и биографии) Первый созыв, 1906-1911 г. – Москва: Товарищество И. Д. Сытина, 1906. – 512 с.

Боиович М. М. Члены Государственной думы: (Портреты и биографии) Третий созыв, 1907-1912 г. – Москва: Товарищество И. Д. Сытина, 1913. – 456 с.

Боиович М. М. Члены Государственной думы: (Портреты и биографии) Четвертый созыв, 1912-1917 г. – Москва: Товарищество И. Д. Сытина, 1913. – 456 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1905. – 434 с.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. – Петроград: Синодальная типография, 1916. – 490 с.

Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. 9: Воронежская губерния. – Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет, 1896. – 23 с.

Доклад Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Воронежского и Борисоглебского, на епархиальном собрании Воронежской и Борисоглебской епархии 23 декабря 2013 года. – URL: http: //www.vob-eparhia.ru/ index.php?gr=50020 (дата обращения : 13. 03. 2014).

Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. Т. 2. – Санкт-Петербург, 1906. – 674 с.

Завьялов А. А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867-1900 гг. / А. А. Завьялов. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: И. Л. Тузов, 1901. – 444 с.

Ивановский Я. И. Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству / Я. И. Ивановский. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1883. – 365 с.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1873. – 347 с.

Кременецкий А., свящ. Глас пастыря. Собрание проповедей священника Александра Кременецкого / А. Кременецкий. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1895 – 158 с.

Лаврентий (Некрасов), епископ. Дневник священнослужителя. Ч. 1. - Тула, 1906. – 293 с.

Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи / Н. А. Любинецкий. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1900. – 102 с.

Материалы по оценке недвижимых имуществ уездных городов и пригородных слобод Воронежской губернии. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1902. – 161 с.

Никольский А. Е. Новые духовные законы: полное руководство для православных священно-церковнослужителей, монашествующих, настоятелей монастырей, благочинных, членов консисторий, архиереев и др. монашествующих лиц, с приложением подробных узаконений для церковных старост и попечительств. Ч. 1. / А. Е. Никольский. – Москва: Типография А. Д. Ступина, 1883. – 164 с.

Никольский П. В. Справочная книга для духовенства Воронежской епархии на 1900 год / П. В. Никольский. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1900. – 223 с.

Обзор Воронежской губернии за 1883 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1884. – 66 с.

Обзор... за 1902 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1903. – 64 с.

Обзор... за 1905 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1906. – 78 с.

Обзор... за 1907 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1908. – 119 с.

Обзор... за 1908 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1909. – 123 с.

Обзор... за 1909 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1910. – 129 с.

Обзор... за 1910 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1911. – 127 с.

Обзор... за 1911 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1912. – 84 с.

Обзор... за 1912 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1913. – 128 с.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1906. – 548 с.

Отчет Воронежского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Воронежской епархии за 1893-1894 учебный год. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1895. – 171 с.

Отчет Воронежского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Воронежской епархии за 1894–1895 учебный год. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1896. – 191 с.

Отчет о состоянии церковно-приходских школ Воронежской епархии за 1909-1910 уч. год. – Воронеж: Типолитография товарищества Кравцов и К., 1911. – 73 с.

Отчет о состоянии церковных школ Воронежской епархии за 1908-1909 уч. год. – Воронеж: Типолитография товарищества Кравцов и К., 1910. – 70 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 гг. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1864. – 239 с.

Памятная книжка... на 1875 г. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1875. – 317 с.

Памятная книжка... на 1903 г. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1903. – 602 с.

Памятная книжка... на 1905 г. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1905. – 492 с.

Памятная книжка... на 1913 г. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1913. – 707 с.

Первая Российская государственная дума: Биографические сведения об ее членах : Лит.-худож. изд. / Под ред. Н. Пружанского. – Санкт-Петербург: Андреев, 1906. – 155 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. Отделение первое. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1865. – № 41642–42509.

Правдин А. М. Алфавитный список церковных приходов Воронежской епархии / А. М. Правдин // Памятная книжка Воронежской губернии. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1893. – С. 97–116.

Правила поведения для воспитанников Воронежской Духовной Семинарии. – Воронеж: Типолитография товарищества Кравцов и К., 1913. – 31 с.

Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия первая. Т. 1: (№№ 1-350). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. – 2024 стб.

Приложения... Третий созыв. Сессия вторая. Т. 1: (№№ 1-219). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1909. – 2110 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия вторая. Т. 2: (№№ 220-469). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1909. – 1712 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия первая. Т. 2: (№№ 351-638). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. – 2446 стб.

Приложения... Третий созыв. Сессия пятая. Т. 1: (№№ 1-210). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. – 2698 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия пятая. Т. 2: (№№ 211-350). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1912. – 2283 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия пятая. Т. 3: (№№ 351-500). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1912. – 2473 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия пятая. Т. 4: (№№ 501-670). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1912. – 1826 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия пятая. Т. 5: (№№ 671-861). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1912. – 2019 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия третья. Т. 1: (№№ 1-289). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. – 2236 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия третья. Т. 3: (№№ 439-562). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. – 2512 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия четвертая. Т. 1: (№№ 1-143). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. – 1526 с.

Приложения... Третий созыв. Сессия четвертая. Т. 4: (№№ 285-439). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. – 1960 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. 1: (№№ 1-130). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 862 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. 2: (№№ 131-197). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – 774 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. 3: (№№ 198-311). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – 849 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. 4: (№№ 312-425). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – 871 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. 5: (№№ 426-555). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – 889 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия вторая. Вып. 9: (№№ 767-849). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – 892 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия первая. Вып. 1: (№№ 1-150). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 966 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия первая. Вып. 2: (№№ 151-270). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 812 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия первая. Вып. 3: (№№ 271-365). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 874 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия первая. Вып. 4: (№№ 366-435). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 936 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия первая. Вып. 5: (№№ 436-525). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 752 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия первая. Вып. 6: (№№ 526-637). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 825 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия четвертая. Вып. 1: (№№ 1-57). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1915. – 880 с.

Приложения... Четвертый созыв. Сессия четвертая. Вып. 3: (№№ 88-173). – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1916. – 684 с.

Сборник правил о средствах содержания духовенства и о разделе их между членами причтов / Сост. Д. Андреев. – Санкт-Петербург: Типография Л. И. Тузова, 1906. – 92 с.

Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства, объявленных циркулярно по епархии за 1883-1894 г. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1895. – 312 с.

Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Том II. Выпуск III. Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1887. – 150 с.

Свод Законов Российской империи. Т. IX. Ч. 1: Законы о состояниях. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1899 . – 412 с.

Серафим (Аретинский), архиеп. Слова и речи Серафима, архиепископа Воронежского и Задонского. Т. II. Санкт-Петербург: Типография журнала «Странник», 1876. – 216 с.

Советская военная энциклопедия в 8 т. / гл. ред. А. А. Гречко. – Москва: Воениздат, 1976. – Т. 1. А – Бюро военных комиссаров. – 414 с.

Статистика землевладения 1905 г. Выпуск 5. Воронежская губерния. – Санкт-Петербург: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906. – 59 с.

Статистика поземельной собственности населённых мест Европейской России. Губернии центральной земледельческой области. Вып. 1. – Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет, 1880. – 102 с.

Статистическое описание Воронежской епархии в настоящем её составе // Воронежские епархиальные ведомости. – 1866. – № 4. – С. 71 – 93.

Стенографические отчеты / Государственная дума, первый созыв, 1906 год, сессия первая. Т. 1. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1906. – 866 с.

Стенографические отчеты / Государственная дума, первый созыв, 1906 год, сессия первая Т. 2. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1906. – С. 867–2013.

Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1908 год, сессия первая. Ч. 3. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. – 4526 стб.

Стенографические отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1911 год, сессия четвертая. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1911. – 4521 стб.

Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1912–1913 годы, сессия первая. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 2438 стб.

Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1913 год, сессия первая. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 2253 стб.

Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1914 год, сессия вторая. Ч. 4. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – 1932 стб.

Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1914 год, сессия вторая. Ч. 5. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1914. – 1396 стб.

Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, сессия четвертая. – Петроград: Государственная типография, 1915-1916. – 3496 стб.

Устав духовных консисторий. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1883. – 200 с.

Устав епархиальных женских училищ. – Пенза: Губернская Типография, 1880. – 215 с.

Федеральный закон Российской Федерации от 2 декабря 2013 г. № 336-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»». – URL: http://www.rg.ru/2013/12/04/oplata-dok.html (дата обращения: 09.03.2014).

Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». – URL: http://www.rg.ru/2012/12/07/korzina-dok.html (дата обращения: 10.03.2014).

Материалы дореволюционной периодической печати

Адамов Д., дьякон. Язва церковной школы / Д. Адамов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 8. – С. 369–375.

Адамов Д., свящ. Кое-что (Предвыборное) / Д. Адамов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 35. – С. 938–945.

Алексеев, свящ. Поучение во время засухи и неурожая // Воронежские епархиальные ведомости. – 1892. – № 17. – С. 595–604.

Аполлосов М., свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества / М. Аполлосов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1908. – № 4. – С. 124–162.

Аполлосов М., свящ. Участие духовенства Воронежской епархии в выборах в Государственную думу / М. Аполлосов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 5. – С. 217–226.

Базилевский Е., свящ. Устав эмеритальной кассы духовенства Воронежской епархии / Е. Базилевский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1876. – № 11. – С. 458–471.

Белявская М. Воронежское училище девиц духовного звания / М. Белявская // Воронежские епархиальные ведомости. – 1869. – № 3. – С. 97–102.

Борисоглебский В., протоиерей. Слово в день восшествия на престол Государя Императора Николая Александровича 21 октября / В. Борисоглебский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 21. – С. 853–861.

Бучнев В., свящ. Слово в неделю 25 по Пятидесятнице / В. Бучнев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1892. – № 23. – С. 937–944.

Бучнев В., свящ. Слово на 17-е число Октября / В. Бучнев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1889. – № 21. – С. 889–895.

Вниманию духовенства и для ознакомления народа // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 24. – С. 1–5.

Воронежские письма // Православное Обозрение. – 1862. – Т. 9. – С. 121–126; 1863. – Т. 10. – С. 9–23; Т. 11. – С. 142–151; Т. 12. – С. 143–154; 1864. – Т. 13. – С. 19–28, 115–117.

Голубятников Ф. А., свящ. Брошюра о хлебном жуке-кузьке: отчего он бывает и радикальном способе к его уничтожению, с предложением желательной системы рационального крестьянского землепользования / Ф. А. Голубятников. – Воронеж: Типолитография товарищества Н. Кравцов и К., 1907. – 26 с.

Гражданский Я., свящ. По поводу неустройств и волнений в семинарии / Я. Гражданский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 15. – С. 684–691.

Григорий Богослов, свят. Слово 43. Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской. – URL: http://www.orthlib.ru/GregoryNazianzen/ basil.htm (дата обращения : 06. 07. 2012).

Донецкий Т., свящ. Протоиерей Иоанн Иоаннович Беляев / Т. Донецкий // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 16. – С. 731–748.

Дроздов В., свящ. Простое слово сельского пастыря / В. Дроздов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1890. – № 12. – С. 549–552.

Егоров Н., свящ. Слово в день памяти иже во святых отца нашего св. Тихона Задонского / Н. Егоров // Воронежские епархиальные ведомости. – 1891. – № 16. – С. 583–591.

Еще об Епархиальном женском училище (по поводу статьи дьякона Муравлянского) // Воронежские епархиальные ведомости. – 1870. – № 3. – С. 116–126.

Замечания по поводу суждения дьяконицы Белявской о Воронежском училище девиц духовного звания // Воронежские епархиальные ведомости. – 1869. – № 7. – С. 284–294.

Иванов И., свящ. Как трудно иногда сельскому священнику бороться с невежеством / И. Иванов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1891. – № 1. – С. 18–25.

Иванов И., свящ. Проэкт положений об эмеритальной кассе духовенства Воронежской епархии / И. Иванов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1887. – № 14. – С. 597–611; № 15. – С. 621–638.

Иванов И., протоиерей. Слово, сказанное за Божественной Литургией в присутствии дворян Воронежской губернии / И. Иванов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 337–348.

Иванов П., протоиерей. Слово в день 19 февраля / П. Иванов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1887. – № 7. – С. 180–186.

Из Воронежа // Церковно-общественный вестник. – 1883. – №8. – С.1– 4.

Из жизни преосвященного Иосифа, бывшего архиепископа Воронежского // Воронежские епархиальные ведомости. – 1896. – № 9. – С. 399–403.

Казьмин К., свящ. Воскресная школа в слободе Бутурлиновке / К. Казьмин // Воронежские епархиальные ведомости. – 1899. – № 12. – С. 543–545.

Катков М. Н. Церковно-приходские школы. – URL: http://dugward.ru/library / katkov/katkov_cerk_prih_shkol.html (дата обращения: 25.05.2014).

Климент, иеромонах. Памяти почившего воронежского архипастыря, преосвященнейшего Вениамина / Иеромонах Климент // Воронежские епархиальные ведомости. – 1890. – № 13. – С. 587–591.

Кузьмин Н., свящ. Печальное явление / Н. Кузьмин // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 38. – С. 1049–1053.

Лебедев Г., свящ. Жива ли вера в народе? Пребывание Чудотворной Иконы Божией Матери в с. Красном, Нижнедев. у. / Г. Лебедев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1909. – № 3. – С. 143–148.

Лебедев Г., свящ. На современные вопросы / Г. Лебедев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1908. – № 19. – С. 930–941.

Марков Н., свящ. Речь в 40-й день по мученической кончине Государя Императора Александра II / Н. Марков // Воронежские епархиальные ведомости. – 1881. – № 9. – С. 374–380.

Мишин А., свящ. Отчет об устройстве Общества Трезвости в селе Хвощеватом Землянского уезда / А. Мишин // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 18. – С. 823–827.

Мясищев С., свящ. Несколько слов к пастырям церкви по поводу современных событий на Дальнем Востоке / С. Мясищев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 348–352.

Некрасов М., протоирей. Слово в день св. благоверного в.к. Александра Невского и в день тезоименитства Благочестивейшего Государя нашего Императора Александра Николаевича всея России / М. Некрасов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1881. – № 18. – С. 557–565.

Несколько слов о чтениях для народа при Успенской церкви с. Козловки, Бобровского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. – 1888. – № 2. – С. 75–95.

Никитин Н. Село Конь-Колодезь. Историко-статистическое описание церкви и прихода / Н. Никитин // Воронежские епархиальные ведомости. – 1890. – № 1. – С. 23–33; № 2. – С. 64–75; № 5. – С. 207–213; № 8. – С. 357–379.

Никольский П. В. Записка по вопросу о церковных преобразованиях / П. В. Никольский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1908. – № 7. – С. 295–311.

Никольский П. В. О положении Епархиального женского училища / П. В. Никольский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1908. – № 3. – С. 143–149.

Носков Г., свящ. Беседа о Священном Предании и предании баптистов, веденная с баптистским лжепророком В. Степановым в с. Песках, Воронежской губернии / Г. Носков. – Воронеж : Типография Исаева, 1912. – 32 с.

Олейников Т. М. К борьбе с сектами / Т. М. Олейников // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 11. С. 411–413.

Олейников Т. М. На собрании у воронежских сектантов-баптистов / Т. М. Олейников // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 11. – С. 414–417.

От совета Воронежского епархиального женского училища // Воронежские епархиальные ведомости. – 1871. – № 15. – С. 655–661.

Открытие Воронежского Церковного Историко-археологического Комитета // Воронежская старина. – Воронеж, 1902. – Вып. 1. – С. 3–19.

Попов А., свящ. Поповское церковно-приходское попечительство / А. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1897. – №12. – С. 473–482.

Попов Е., свящ. Относительно способов содержания духовенства и желательных изменений в них / Е. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 7. – С. 320–326.

Попов Н., свящ. Заметка / Н. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 23. – С. 752–756.

Попов П., свящ. К вопросу об эмеритуре / П. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1897. – № 2. – С. 58–77.

Попов П., свящ. Наследие старого года / П. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. – С. 70–75.

Попов П., свящ. Пред выборами в Государственную думу / П. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1907. – № 1. – С. 9–19.

Попов П., свящ. Участие земств в содержании церковных школ / П. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1900. – № 12. – С. 521–531.

Попов Т., протоиерей. Слово на 30 июля 1913 г., в день рождения Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича / Т. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. 1913. – № 32. – С. 873–875.

Рождественский Т. Открытое письмо / Т. Рождественский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1901. – № 1. – С. 12–21.

Склобовский Д., протоиерей Церкви г. Острогожска / Д. Склобовский // Воронежская старина. – Воронеж, 1902. – Вып. 1. – С. 225–329.

Склобовский Д., протоиерей. Новый 1906 год / Д. Склобовский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. С. 65–69.

Склобовский Д., свящ. Заметка по поводу устава эмеритальной кассы духовенства Воронежской епархии (сост. свящ. Е. Базилевским) / Д. Склобовский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1876. – № 21. – С. 941–946.

Слово в день восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича // Воронежские епархиальные ведомости. – 1868. – № 6. – С. 155–163.

Слово в день рождения Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны и освящения храма для раненых воинов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1881. – № 16. – С. 489–494.

Спасский А., протоиерей. Милюковская выходка против Православной Церкви / А. Спасский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1909. – № 11. – С. 450–453.

Список вакантных священнических и псаломнических мест // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 40. – С. 631-634.

Статистические сведения о народных школах Воронежской губернии // Воронежские епархиальные ведомости. – 1871. – № 3. – С. 106–107.

Тимофеев И., свящ. К вопросу об электро-театрах / И. Тимофеев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 40. – С. 1124–1126.

Топорков Н., свящ. Перед Третьей думой. Мысли и пожелания / Н. Топорков // Воронежские епархиальные ведомости. – 1907. – № 24. – С. 867–874.

Устав псаломнических школ // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 17. – С. 184–187.

Устав эмеритальной кассы духовенства Воронежской епархии // Воронежские епархиальные ведомости. – 1899. – № 8. – С. 143–155.

Федоров П., свящ. Венок на могилу священника села Перлевки Землянского уезда Михаила Васильевича Попова / П. Федоров // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 52. – С. 1552–1563.

Хроника // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 8. – С. 304–305.

Церковно-общественный вестник. – 1883. – № 107. – С. 4–12.

Чуев М. К. Эмеритурный вопрос в нашей епархии / М. К. Чуев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1880. – № 24. – С. 963–973.

Ширкевич С., свящ. Слово в день Нового Года / С. Ширкевич // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. – С. 59–64.

Воспоминания, мемуары, письма

Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 1. 1880–1901 / Стадницкий Арсений. – Москва: ПСТГУ, 2006. – 740 с.

Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 2. 1902–1903 / Стадницкий Арсений. – Москва: ПСТГУ, 2012. – 532 с.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни / Евлогий Георгиевский. – Париж: YMCA-Press, 1947. – 676 с.

Кременецкий А., свящ. Знаменательные события. Из дневника сельского священника / А. Кременецкий. – Воронеж: Типолитография Товарищества Н. Кравцов и К., 1907. – 226 с.

Малыхин П. В. Описание происходивших в Воронеже молебствий и празднества по случаю сохранения жизни государя императора Александра Николаевича от руки убийцы / П. В. Малыхин. – Воронеж: Типография Гольдштейна, 1866. – 48 с.

Попов В. Г., свящ. Моя пасека в 1908 году / В. Г. Попов. – Санкт-Петербург: Типолитография М. П. Фроловой, 1909. – 10 с.

Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященненного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 2. (1851–1862) / Тихомиров Савва. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899. – 842 с.

Филарет (Дроздов), митрополит. Письма митрополита Филарета к преосвященному Иосифу, архиепископу Воронежскому. – Москва: Типография Русских Ведомостей, 1871. – 39 с.

Шавельский Г. И., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1 / Г. И. Шавельский. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. – 414 с.

Янжул И. И. Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864-1909 гг. / И. И. Янжул – Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2006. – 458 с.

Литература

Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III-го / И.Г. Айвазов. – Москва: Печ. А. И. Снегиревой, 1913. – 222 с.

Айвазов И. Г. Церковные вопросы в царствование императора Александра III-го / И. Г. Айвазов. – Москва: Печ. А. И. Снегиревой, 1914. – 83 с.

Акиньшин А. Н. Вениамин (Смирнов) еп. Воронежский и Задонский / А. Н. Акиньшин // Православная энциклопедия. – Москва, 2004. – Т. 7. – С. 647–648.

Акиньшин А. Н. Храмы Воронежа / А. Н. Акиньшин. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Кварта, 2003. – 239 с.

Акиньшин А. Н., Митрофан (Шкурин), иером. Анастасий (Добрадин) / А. Н. Акиньшин, Шкурин Митрофан // Православная энциклопедия. – Москва, 2001. – Т. 2. – С. 239–240.

Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М. А. Бабкин. – Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. – 530 с.

Бабкин М. А. Священство и царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.) : исследования и материалы / М. А. Бабкин. – Москва: Индрик, 2011. – 917 с.

Барсов Т. В. О собрании духовных законов / Т. В. Барсов // Христианское чтение. – 1897. – № 12. – С. 754–784.

Барсов Т. В. О судопроизводстве по проступкам и преступлениям, подвергающим духовных лиц светскому суду / Т. В. Барсов // Христианское чтение. – 1875. – №. 6. – С. 450–490.

Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства / И. С. Беллюстин. – Paris Berlin London : A. Franck A. Asher et C, 1858. – 168 с.

Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века / Ю. И. Белоногова. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2010. – 175 с.

Белявский Ф. О. О реформе средней школы. Краткий очерк прошлого средней духовной школы. / Ф. О. Белявский. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1907. – 230 с.

Бердников И. С. К вопросу о реформе епархиального управления и суда / И. С. Бердников. – Казань, 1906. – 243 с.

Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной Греко-Российской Церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права / И. С. Бердников. – Казань: Типография Императорского университета, 1888. – 468 с.

Благовидов Ф. В. Деятельность русского приходского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II / Ф. В. Благовидов. – Казань: Типография Императорского университета, 1891. – 374 с.

Васильев В., свящ. Сведения о церковных школах по Бобровскому уезду за 25-летний период времени их существования (1884–1909 г.) / В. Васильев. – Бобров: Типография И. И. Тягинцева, 1909. – 32 с.

Венедиктов Д. Г. Палачи в рясах / Д. Г. Венедиктов. – Ленинград: Лоиз, 1933. – 175 с.

Воробьев И. Митрополит Арсений (Стадницкий) и реформа среднего духовного образования / И. Воробьев // Богословский сборник. – 2001. – № 10. – С. 259–278;

Воробьев И. Реформы высшего духовного образования во второй половине XIX – начале XX веков / И. Воробьев // Богословский сборник. – 2001. – № 9. – С. 272–293;

Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней : Историко-биографические очерки / [Под общ. ред. митр. Воронежского и Липецкого Мефодия]. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2003. – 510 с.

Гайда Ф. А. Священство и царство в жанре фэнтези [Рецензия] / Ф. А. Гайда // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. – 2013. – № 5. – С. 131–144. – Рец. на кн.: Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы / М. А. Бабкин. – Москва: Индрик, 2011. – 917 с.

Глубоковский Н. Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде / Н. Н. Глубоковский. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1907. – 151 с.

Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии / Н. Н. Глубоковский. – Варшава: Свято-Владимирское Братство, 1928. – 115 с.

Гордиенко С. Н. Никольский и его «История Русской церкви» / С. Н. Гордиенко // Никольский Н. М. История Русской церкви. – 3-е изд. – Москва: Политиздат, 1985. – С. 5–17.

Григорович Н. И. Обзор общих законоположений о содержании православного духовенства в России, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764-1863) / Н. И. Григорович. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1867. – 114 с.

Димитрий (Самбикин), архим. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Вып. 4. / Димитрий Самбикин. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1886. – 361 с.

Дмитриева И. А. Краеведческая деятельность московских священнослужителей (конец XIX – начало XX века) / И. А. Дмитриева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. – 2003. – № 1. – С. 107–120.

Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. Вып. 4: Синодальный период. 1700-1890 / А. П. Доброклонский. – Москва, 1893. – 441 с.

Елагин Н. В. Белое духовенство и его интересы / Н. В. Елагин. – Берлин, 1859. – 181 с.

Елисеев Г. З. Бегство семинаристов: Причины этого бегства. Как можно устранить их и чем вообще можно поднять наше духовенство / Г. З. Елисеев. – Санкт-Петербург: Типография А. А. Краевского, 1876. – 30 с.

Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября / Л. И. Емелях. – Ленинград: Наука, 1976. – 182 с.

Забелин П. П. Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской Церкви и по церковно-гражданским постановлениям Русской Церкви. Часть 1 / П. П. Забелин. – Киев: Типография Корчак–Новицкого, 1884. – 485 с.

Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформ Петра / П. В. Знаменский. – Казань: Университетская типография, 1873. – 851 с.

Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / П. Н. Зырянов. – Москва: Наука, 1984. – 224 с.

История России. XX век: 1894-1939 / [отв. ред. А. Б. Зубов]. – Москва, 2009. – 1023 с.

Кандидов Б. П. Меньшевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции / Б. П. Кандидов. – Москва: Московский рабочий, 1931. – 109 с.

Кандидов Б. П. Церковь и Октябрьская революция / Б. П. Кандидов. – Москва: Безбожник, 1930. – 32 с.

Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1 / А. В. Карташев. – Париж: YMCA-PRESS, 1959. – 685 с.

Кедров В. И. О способах материального обеспечения духовенства / В. Кедров // Богословский Вестник. – 1908. – Т. 1. – С. 191–211.

Кильчевский В. А. Богатства и доходы духовенства / В. А. Кильчевский. – Москва: Тип. Ф. Я. Бурче, 1907. – 15 с.

Комолова Э. В. Воронежская епархия в конце XVII-XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения / Э. В. Комолова. – Воронеж : Издательский Дом Алейниковых, 2007. – 285 с.

Конюченко А. И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века) / А. И. Конюченко. – Челябинск: ЦНТИ, 2006. – 210 с.

Кострюков А. А. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология / А. А. Кострюков. – Москва : ФИВ, 2011. – 263 с.

Кузнецов Н. Д. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России: Доклад присяжного поверенного Н. Д. Кузнецова 4 Отделению Предсоборного присутствия / Н.Д. Кузнецов. – Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1907. – 142 с.

Кузнецов Н. Д. Преобразования в Русской церкви: рассмотрение вопроса по официальным документам в связи с потребностями времени / Н. Д. Кузнецов. – Москва, 1906. – 164 с.

Лавров-Платонов А. Ф., архиеп. Предполагаемая реформа церковного суда Вып. 1 / А. Е. Лавров-Платонов. – Санкт-Петербург: Типография Ф. С. Сущинского, 1873. – 121 с.

Левитов М., свящ. Народ и духовенство / М. Левитов. – Казань: Центральная типография, 1907. – 18 с.

Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. / Т. Г. Леонтьева. – Москва: Новый хронограф, 2002. – 253 с.

Леонтьева Т. Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России / Т. Г. Леоньева // Женщины. История. Общество. Сборник научных трудов. – Тверь, 1999. – Вып. 1. – С. 41–49.

Леонтьева Т. Г. Правовое положение приходского духовенства накануне и после Великих реформ / Т. Г. Леонтьева // Из архива тверских историков. Сборник статей. – Тверь, 2000. – Вып. 2. – С. 129–135.

Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 170–178.

Лотоцкий А. И. На повороте. Очерк о духовенстве / А. И. Лотоцкий. – Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1907. – 67 с.

Лукин Н. М. Революция и церковь / Н. М. Лукин. – Москва: Государственное издательство, 1923. – 40 с.

Любимов Г. М., свящ. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII-XVIII веков / Г. М. Любимов. – Санкт-Петербург: Типография Трусова, 1852. – 185 с.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Лори Манчестер; пер. с англ. А. Ю. Полунов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

Милованов И. О преступлениях и наказаниях церковных / И. Милованов // Христианское чтение. – 1888. – № 1-2. – С. 110-140.

Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр., доп. – Москва.: Весь Мир, 2012. – 848 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. / Б. Н. Миронов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 568 с.

Миротворцев В. В. Меры правительства к преобразованию быта православного белого духовенства, в царствование государя императора Александра II / В. В. Миротворцев. – Казань: Типография Императорского Университета, 1880. – 43 с.

Митрофан (Шкурин), иером. Воронежская и Борисоглебская епархия / Митрофан Шкурин // Православная энциклопедия. – Москва, 2005. – Т. 9. – С. 368–393.

Никанор (Бровкович), архиеп. О значении семинарского образования. – URL: http: // www.mosjour.ru/ index. php?id=475 (дата обращения : 25. 05. 2014).

Никодим (Милаш), епископ. Правила Православной Церкви с толкованиями. Т. 1 / Никодим Милаш. – Москва: Отчий дом, 2001. – 656 с.

Никольский Н. М. История Русской церкви / Н. М. Никольский – 3-е изд. – Москва: Политиздат, 1985. – 448 с.

Никольский П. В. Интересы и нужды епархиальной жизни / П. В. Никольский. – Воронеж: Типолитография В. И. Исаева, 1901. – 287 с.

Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии / П. В. Никольский. – новое изд., доп. – Воронеж : 2011. – 656 с.

Никольский П. В. Церковно-приходские школы Воронежской епархии с 1884 года / П. В. Никольский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 16. – С. 750–768; № 18. – С. 812–823; № 20. – С. 876–890; № 23. – С. 1006–1024; № 24. – 1072–1088; 1907. – № 5. –179–196; № 7. – С. 229–251; № 10. – С. 441–456; № 15. – С. 489–508.

Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1901. – 727 с.

Олейников Т. М. Архиепископ Анастасий как ученик семинарии, студент духовной академии и законоучитель Полоцкой военной гимназии / Т. М. Олейников // Воронежская старина. – Воронеж, 1914. – Вып. 13. – С. 3–25.

Олейников Т. М. Очерки по истории расколо-сектантства в Воронежской губ. / Т. М. Олейников. – Воронеж: Типолитография Н. Кравцов и К., 1914. – 87 с.

Ореханов Г., дьякон. Генезис русского церковного реформаторства (1905-1906) / Г. Ореханов // Богословский сборник. – 1999. –№ 4. – С. 294–302.

Ореханов Г., протоиерей. На пути к Собору: церковные реформы и первая русская революция / Г. Ореханов. – Москва: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2002. – 221 с.

Павлов А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1902. – 539 с.

Панкрат Т. В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы : вторая половина XIX - начало XX столетия / Т. В. Панкрат. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2011. – 190 с.

Попов И. В., свящ. Спиртные напитки по учению науки и церкви / И. В. Попов. – Богучар: Типография И. И. Иванова, 1901. – 27 с.

Попов И. К., свящ. Двадцатилетие церковно-приходских школ Воронежской епархии Нижнедевицкого уезда (1884-1909) / И. К. Попов. – Нижнедевицк, 1909. – 47 с.

Попов П., свящ. Пастырь-подвижник. Описание жизнедеятельности Богучарского протоиерея Александра Ивановича Бунина (1792-1871 гг.) / П. Попов. – Богучар: Типография И. И. Иванова, 1902. – 86 с.

Преображенский И. В. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. / И. В. Преображенский. – Санкт-Петербург: Типография Э. Арнгольда, 1897. – 236 с.

Рейснер М. А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону: Юридико-догматические очерки / М. А. Рейснер // Вестник права. – 1900. – № 3. – С. 1–18.

Религия и церковь в истории России. Современные историки о православной церкви в России / [Сост. и авт. примеч. Е. Ф. Грекулов. Предисл. д-ра ист. наук А. М. Сахарова]. – Москва: Мысль, 1975. – 255 с.

Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. Церковные реформы в России 1860-1870-х годов / С. В. Римский. – Москва: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – 567 с.

Рождественский А. К. Улучшение положения пастыря как одно из главнейших средств к оживлению приходской жизни / А. К. Рождественский // Богословский вестник. – 1908. – № 12. – С. 362–385.

Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной думе / В. Рожков. – Москва: Крутицкое подворье, 2004. – 560 с.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / Сост., предисл. и коммент. М. А. Бабкин. – Москва: Индрик, 2006. – 503 с.

Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России. Т. 1 / Д. И. Ростиславов. – Лейпциг: Ф. Вагнер, 1866. – 585 с.

Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX веке / С. Г. Рункевич. – Санкт-Петербург: Типография А. П. Лопухина, 1901. – 232 с.

Руновский Н. П. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II / Н. П. Руновский. – Казань : Типография Императорского Университета, 1898. – 345 с.

Священномученик Тихон (Никаноров), архиепископ Воронежский и Задонский – URL: http: // www.vob.ru/ saints/ shmc/tix_nikanor/ main.htm (дата обращения: 25.05.2014).

Сергий (Петров), архиеп. История Воронежской епархии от её учреждения и до 1960-х годов / Сергий Петров. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. – 644 с.

Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи / А. В. Скутнев. – Киров: Кировский филиал СПбГУП, 2009. – 234 с.

Смолич И. К. История Русской церкви. 1700-1917. Ч. 1 / И. К. Смолич. – Москва: Валаамский монастырь, 1996. – 801 с.

Столович Л. Н. История русской философии: очерки / Л. Н. Столович. – Москва: Республика, 2005. – 494 с.

Суворов Н. С. Курс церковного права. Т. 1 / Н. С. Суворов. – Ярославль: Типография Г. Фалеева, 1899. – 381 с.

Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884 гг.) / А. В. Сушко. – Санкт-Петербург: СПбГМА, 2010. – 254 с.

Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) / А. В. Сушко // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 107–114.

Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 2 / Б. В. Титлинов. – Вильно: Артель Печатного Дела, 1909. – 234 с.

Титлинов Б. В. Молодежь и революция: из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений / Б. В. Титлинов. – Ленинград: Государственное издательство, 1924. – 166 с.

Титлинов Б. В. Церковь во время революции / Б. В. Титлинов. – Петроград: Былое, 1924. – 195 с.

Титов Ф. И., свящ. Император Александр III и Русская православная церковь в его время (по поводу книги под заглавием: «Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III». Спб. 1901 г.). Реферат, читанный в Церковно-историческом и археологическом обществе при Киевской духовной академии, 18 марта 1902 года / Ф. И. Титов. – Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1902. – 22 с.

Троицкий А., свящ. Воронежские епархиальные ведомости / А. Троицкий // Православная энциклопедия. – Москва, 2005. – Т. 9. – С. 399–400.

Федоров В. А. Беллюстин Иоанн Степанович / В. А. Федоров // Православная энциклопедия. – Москва, 2002. – Т. 4. – С. 530–532.

Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917 / В. А. Федоров. – Москва: Русская панорама, 2003. – 479 с.

Федоров П., свящ. Религиозные обычаи, поверья и суеверия жителей слободы Ендовица, Землянского уезда и выделившихся из нее приходов с.с. Латнаго и Шумейки / П. Федоров. – Воронеж: Типолитография В. И. Исаева, 1903. – 37 с.

Филоненко Т. В., Шипилов А. В. Материальное положение учителей в дореволюционной России / Т. В. Филоненко, А. В. Шипилов // Педагогика. – № 7. – 2004. – С. 65–75.

Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С. Л. Фирсов. – Санкт-Петербург: Русский Христианский гуманитарный институт, 1996. – 660 с.

Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – Москва: Духовная библиотека, 2002. – 624 с.

Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II / С. Л. Фирсов. – Санкт-Петербург: Сатисъ, 2007. – 460 с.

Флоровский Г. В., протоиерей. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Минск: Белорусский Экзархат, 2006. – 609 с.

Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005) / В. Цыпин. – 2-е изд., перераб. – Москва: Сретенский монастырь, 2006. – 816 с.

Шадрина А. В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века / А. В. Шадрина. – Ростов-на-Дону: Антей, 2014. – 364 с.

Шадрина А. В. Приходское духовенство Донской епархии второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Шадрина. – Ростов-на-Дону, 2013. – 320 с.

Шкаровский М. В. Доклад на конференции «Парадоксы Православия» в Амстердаме 11–14 сентября 2011 г. / М. В. Шкаровский. – URL: http://spbda.ru/news/a-1546.html (дата обращения: 01.02.2014).

Freeze G. L. The parish clergy in nineteenth-century Russia : Crisis, reform, counter-reform / Gregory L. Freeze. – Princeton: Princeton university press, 1983. – 507 p.

Manchester L. Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia and the modern self in revolutionary Russia / Laurie Manchester. – DeKalb : Northern Illinois university press, 2008. – 288 p.

Авторефераты диссертаций

Бережная Е. А. Земская школа Воронежского уезда: 1866 – 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Бережная – URL: http:// www.dissercat.com

/content/ zemskaya-shkola-voronezhskogo-uezda-1866-1917-gg (дата обращения: 8. 11. 2014).

Богемская Н. Н. Реформа системы образования Русской православной церкви и ее влияние на последующую деятельность духовенства: 1860-1880 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Богемская. – Санкт-Петербург, 2004. – 22 с.

Васина С. В. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Васина. – Йошкар-Ола, 2003 – 21 с.

Гажва И. А. Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Владимирской и Костромской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Гажва. – Иваново, 2008. – 23 с.

Ершов Б. А. Русская Православная Церковь в системе государственных отношений в XIX – начале XX вв. (на материалах Центрально-Черноземных губерний). : автореф. дис. ... докт. ист. наук / Б. А. Ершов. – Воронеж, 2012. – 49 с.

Ершов Б. А. Церковь русской провинции в XIX веке (на материалах Воронежской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б. А. Ершов. – Воронеж, 2007. – 23 с.

Ключарева А. В. Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881-1917 гг. (по материалам Тульской епархии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Ключарева. – Тула, 2009. – 22 с.

Комолова Э. В. Воронежская епархия в конце XVII – XVIII вв.: Образование, церковная организация, социально-политические отношения: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Э. В. Комолова. – Воронеж, 2006. – 23 с.

Леонов Д. Е. Русская православная церковь в период революции 1905-1907 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Е. Леонов. – Ярославль, 2010. – 24 с.

Лисюнин В. Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Ф. Лисюнин. – Тамбов, 2006. – 23 с.

Подвигайло А. А. Церковное землевладение и землепользование в Центрально-Черноземном регионе в 60-90-е годы XIX века: на примере Курской и Воронежской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Подвигайло. – Воронеж, 2007. – 22 с.

Прокофьев А. В. Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание сельского приходского духовенства: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Прокофьев. – Москва, 2010. – 26 с.

Степанов К. С. Русская Православная Церковь в политической жизни Казанской губернии в первые десятилетия XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. С. Степанов. – Казань, 2000. – 22 с.

Шадрина А. В. Приходское духовенство Донской епархии второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Шадрина. – Ростов-на-Дону, 2013. – 33 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сравнительная характеристика Воронежской епархии за 1913 г. и Воронежской и Борисоглебской епархии за 2013 г.

Количество	**Воронежская епархия в 1913 г. (площадь епархии равнялась 65896 кв. км.)**	**Воронежская и Борисоглебская епархия в 2013 г. (площадь епархии равнялась 52216 кв.км.)**
Благочиний	62	19
Храмов	1084	354
Монастырей	18 (9 мужских, 9 женских)	6 (3 мужских, 3 женских)
Священников	1304	375
Дьяконов	239	38
Клириков, имеющих полное семинарское образование	1189 священников, 46 дьяконов	106 клириков
Монашествующих	791 монашествующий	128 насельников
Воспитанников Воронежской духовной семинарии	603	104 (на дневном отделении)
Преподавателей Воронежской духовной семинарии	33	56

Источники: РГИА. Ф 796. Оп. 442. Д. 2572. Л. 2, Л. 9; Памятная книжка Воронежской губернии на 1913 г. Воронеж, 1913. С. 38, 85; Доклад Высокопреосвященнейшего Сергия, митрополита Воронежского и Борисоглебского, на епархиальном собрании Воронежской и Борисоглебской епархии 23 декабря 2013 года. – URL: http: //www.vob-eparhia.ru/ index.php?gr=50020.

Приложение 2

Правила поведения для воспитанников Воронежской Духовной Семинарии за 1913 год

Так как Духовные Семинарии суть учебно-воспитательные заведения для приготовления юношества к служению Православной Церкви (§ I. Уст. Дух. Сем.), то ученики Семинарии, зная, что целью их воспитания в Семинарии служит правильное развитие их душевных сил, соответственно их назначению для священного служения Православной Церкви, должны постоянно развивать и укреплять в себе любовь и преданность к Православной Церкви, ее уставам, священнодействиям и обрядам, утверждать себя в добрых христианских навыках, приходить к живому сознанию важности священства и служения пастырского, а по возможности, возбуждать в себе ревность охотно и самоотверженно посвятить себя на это служение, когда кто промыслом Божьим будет призван к тому.

Ввиду столь высокой и священной цели, ученики Семинарии обязываются непременно руководствоваться следующими правилами.

I

Относительно религиозных обязанностей

§1. В воскресные и праздничные дни все воспитанники неопустительно присутствуют при Богослужении в Семинарской церкви. Уклонение же от Богослужения, без вполне уважительных причин на то, относится к числу грубых и нетерпимых проступков.

§2. К Храмам Божьим и вообще к священным местам они относятся с благоговением, выражаемым обыкновенно в снятии фуражки и крестном знаменовании себя при проходе мимо этих мест, а также в приличном внешнем облагоображении себя при посещении их.

§3. Как пред всенощной, так и пред литургией по звонку воспитанники собираются в классы, садятся на свои определенные места за парты, не позволяют себе ни стука, ни шума, ни крика, ни смеха и в таком положении, вполне целесообразном для святого и в высшей степени важного по своим последствиям дела церковной молитвы, ожидают приглашения идти в церковь.

§4. Входят в церковь пред началом Богослужения и выходят из оной по окончании службы воспитанники также с должным благоговением к святости храма, без толкотни, шума и смеха и стоят в церкви правильными рядами и на указанных местах.

§5. При Богослужении в церкви, а также во время общей утренней и вечерней молитвы, молитвы в классе и в столовой воспитанники не оставляют и не расставляют ног, не держат рук в карманах и не закладывают их назад, не опираются на стены и не облокачиваются на перила или парты, также не оборачиваются назад и не смотрят по сторонам, не переглядываются и не переходят с одного места на другое и вообще не внешне только или безучастно относятся к тому, что читается, поется и совершается; но, по предварительном уготовлении себя к тому, молятся с благоговением и полным вниманием к службе, или молитве, правильно и истово творя крестное знамение, поклоны и другие внешние действия Богопочтения, а также исполняя, относительно коленопреклонения в церкви, установленные в заведении обычаи.

§6. К Евангелию, или праздничной иконе на всенощной, также к св. Кресту после молебнов и в дни крестопоклонные воспитанники подходят чинно, в порядке, указанном Инспектором.

§7. Воспитанники во время Богослужения могут выходить из церкви только в силу безысходной необходимости, о которой предварительно заявляют Инспектору или его Помощнику; получив разрешение выйти из церкви, воспитанник выходит тихо и не развлекая молящихся.

§8. Все воспитанники по очереди читают в церкви при всех церковных службах, а также молитвы утренние и вечерние как в семинарском общежитии, так и в квартирах, до и после каждого урока в классе. Воспитанники же V и VI классов, по назначению Инспектора, исполняют кроме того и служебные обязанности в алтаре и на клиросе для практического ознакомления с порядком совершения Богослужения.

§9. Способные и знающие воспитанники, по выбору учителя пения, поют на правом и левом клиросах семинарской церкви, под управлением регента, избираемого Инспектором.

§10. Чтение в церкви, а также на молитве утренней и вечерней, пред и после каждого урока в классе, должно быть: а) правильное, то есть должно произносить верно, ясно и отчетливо каждый звук в слове, без смягчений, свойственных русскому языку, твердо, без запинок; б) свободное, умеренной быстроты, или, как говорят, беглое, однако, не сливающее звуков до нераздельности, неясности произношения их; в) сознательное до степени уразумения не только смысла отдельных слов и наречий, но и общей мысли и духа читаемого; г) с молитвенным настроением, и, наконец; д) в отношении интонации простое, безыскусственное, псалмодическое и запечатленное важностью.

§11. Поющие в церкви воспитанники должны быть живыми выразителями церковного взгляда на важное значение пения при Богослужении, оправдывая это значение не стройностью только пения, допускающей возможность равнодушного отношения к Богослужению, но своей при этом любовью и своей всецелой преданностью жизни церковной.

§12. В дни и часы, назначенные для спевок, они спеваются под надзором Инспекции, уклонение от спевок, а также пения вообще в церкви, без вполне уважительных причин на это, как несогласное с должным отношением к церкви, не имеет места в жизни воспитанников.

§13. Некоторые песнопения в церкви, а также некоторые утренние и вечерние молитвы, по указанию Семинарского Начальства, поются всеми воспитанниками.

§14. Соблюдая затем в точности посты, установленные Православной Церковью, все воспитанники в первую и последнюю седмицу Св. Четыредесятницы говеют и приобщаются Св. Тайн, – на первой неделе в Семинарской церкви, на последней – получившие отпуск в приходских церквах родителей, в удостоверение чего после Пасхи представляют Инспектору свидетельства от причтов церквей, в которых говели. Не исполнившие же христианского долга исповеди и Св.

Тайн причастия, по безусловно уважительным причинам, исполняют его в другое время того же года и представляют о том надлежащее свидетельство; однако, болезнь, удерживающая воспитанника от посещения церкви Божией, не только не может служить препятствием, но скорее должна располагать больного к достойному, соответственно важности Таинства, приготовлению себя к принятию Св. Тайн Божьих.

§15. При всех занятиях и во всех делах своих воспитанники имеют полную, безраздельно сосредоточенную преданность делу религиозного совершенствования, как своему родному делу, а потому каждый воспитанник считает своей священной обязанностью относиться к своим учебным занятиям вполне добросовестно и вообще быть в своей деятельности и по своей жизни истинным христианином, стараясь стоять на такой высоте религиозной жизни, на которой человек всем своим существом чувствует везде присутствие Бога, надзирающего за самыми сокровенными мыслями и желаниями его.

§16. Всякое также чувство, побуждающее человека выйти за пределы правильных отношений к другим, низшим, равным и высшим себя, должно быть пребеждаемо. Воспитанники украшаются *незлобием, кротостью и добротой.*

II

Относительно начальствующих и учащих

§17. При встрече с Епархиальным Преосвященным, Начальником Губернии и вообще с почетными лицами, как духовными, так и светскими, воспитанники отдают им должное почтение, снимая фуражки.

§18. По отношению к начальникам и наставникам своим они выполняют все принятые правила приличия и вежливости; при появлении начальников и наставников в классе ли, в столовой ли, в квартирах, они встают и не садятся, пока не получат на то позволения; при встрече на улице или в семинарском саду, вежливо снимают фуражку, не произнося при том никаких приветствий; при объяснении с ними не дозволяют горячности, слов необдуманных, тем более грубых. Заявление о нуждах и желаниях всего класса делают им не иначе, как через дежурных воспитанников класса, или комнаты.

§19. Воспитанники отличаются полным доверием и откровенностью, избегая всякого лицемерия, лжи и обмана в отношениях своих к Семинарскому Начальству и преподавателям.

§20. Приказания и распоряжения, как Семинарского правления, так и в частности Ректора, Инспектора и его Помощников, Наставников и Надзирателей исполняются ими со всей точностью.

§21. Замечания, внушения, выговоры и наказания от начальства и взыскания, налагаемые Наставниками в классе, принимаются с покорностью и благорасположением.

§22. Заявление же неудовольствия или протест в какой бы то ни было форме, по поводу принимаемых Семинарским Начальством педагогических, учебных или хозяйственных мер, или по поводу мер, принимаемых преподавателями для возвышения уровня знания по тому или другому предмету, равно как и ответ преподавателю при спросе урока «не готовил» без указания уважительной причины, составления прошений кому бы то ни было, кроме Семинарского Начальства, писание донесений, пасквилей, анонимных писем не имеют места в жизни воспитанника.

§23. Ко всем также без различия порядкам заведения воспитанники относятся с полным благорасположением и вообще при их посредстве заботятся только о своем соответствующем развитии.

III

Обязанности воспитанников относительно классного и занятного времени

§24. Общее ежедневное распределение времени для всех учеников семинарии полагается такое:

а) в 6 ½ часов утра воспитанники встают;

б) в 7 ½ часов читается утренняя молитва, после которой воспитанники в столовой могут пить чай до 8 ½часов; потом столовая закрывается;

в) в 1 час. 50 м. обед, а следующее затем время на отдых;

г) от 4 до 5 часов вечера чай; в 5 часов столовая закрывается;

д) от 5 до 8 ½ ч. домашние учебные занятия, с промежутком отдыха от 6 ½ до 7 час.;

е) в 9 часов ужин; от 9 до 10 отдых;

ж) в 10 часов молитва, после которой ученики ложатся спать.

Примечание 1-е. После 10 часов вечера, имеющие нужды закончить урочные занятия, могут оставаться в занятных комнатах до 11 часов, но каждый раз по особому дозволению Инспектора, или его Помощника.

Примечание 2-е. В воскресные и праздные дни распорядок времени бывает следующий: накануне праздника к 5 ¾ часам вечера воспитанники приходят ко всенощной; в праздник же утром к 8 ¾ ч. к литургии. После литургии, краткого отдыха и чаю воспитанники до обеда приготовляют уроки. Обед бывает в 1 час.

§25. В дни классных занятий воспитанники приходят в класс в назначенное время и занимают определенные места, назначенные каждому из них Инспектором Семинарии. Переменять места по произволу воспрещается.

§26. Воспитанники обязаны являться на уроки со всеми необходимыми для них книгами, тетрадями и прочими учебными и письменными принадлежностями и перед началом урока должны приготовить те из них, которые им понадобятся на уроке.

§27. При входе в класс преподавателя воспитанники встают и садятся после прочтения молитвы.

§28. Во время уроков воспитанники должны сидеть прямо, хотя бы и прислонясь к стенке скамьи, но не облокачиваясь на стол и не раскачиваясь на нем; должны внимательно слушать объяснения преподавателя и ответы товарищей, не препятствуя тому ни разговорами, ни шепотом, ни подсказыванием, ни чтением книг, ни шарканьем ногами, кашлем, смехом и т. п. действиями, нарушающими порядок в классе.

§29. Все ответы, даже самые короткие, воспитанники должны давать преподавателям не иначе, как вставая с мест и держась прямо. По усмотрению наставника, воспитанники могут быть вызываемы для ответа и на середину класса. Никто не должен отвечать без спроса, прерывать преподавателя вопросами или дру-

гими какими-либо замечаниями. Только по окончании урока воспитанники могут попросить разъяснение непонятного ими, когда преподаватель найдет к тому удобное время.

§30. Воспитанники не должны выходить из класса без крайней необходимости. Имеющий надобность выйти из класса спрашивает разрешение преподавателя.

§31. По окончании урока воспитанники не должны выходить из-за столов до окончания молитвы и выхода из класса преподавателя и не должны при выходе толкаться, шуметь или кричать.

§32. Воспитанники в урочное время не должны выходить из класса даже в отсутствие преподавателя, без особого на то разрешения лиц Инспекторского надзора.

§33. Промежутки между уроками, а также между вечерними занятиями воспитанники должны проводить чинно: шалости, шум, крикливое пение и всякое неблагоприличие воспрещаются.

§34. В промежутки между уроками ни корпусные, ни квартирные воспитанники не могут выходить из Семинарии без дозволения лиц Инспекторского надзора.

§35. Воспитанники, имеющие надобность по уважительным причинам пропустить один или несколько уроков, спрашивают на то дозволение Ректора Семинарии и записываются в особую книгу, находящуюся в дежурной инспекторской комнате.

§36. Воспитанники не должны быть в верхнем платье, в калошах и с шарфами на шее поверх галстука ни в церкви, ни в столовой, ни в классных комнатах, ни в дежурной Инспекторской комнате.

IV

Относительно внеклассного и незанятного времени

§37. В Воскресные и праздничные дни утренний чай ученики пьют после литургии.

§38. На обед и ужин корпусные воспитанники идут по особому звонку, не торопясь, без шума и шалостей, и при входе в столовую занимают каждый свое место, указанное Инспектором. Входить в столовую до звонка воспрещается.

§39. Перед обедом и ужином и по окончанию оных воспитанники поют положенные молитвы. До молитвы воспрещается начинать еду.

§40. За столом воспитанники должны сидеть прилично, то есть локтей не класть на стол и не разваливаться, не разговаривать, не смеяться, не шуметь и не стучать, и осторожно обращаться с посудой, бельем и столовыми приборами.

§41. Не дозволяется вставать из-за стола во время обеда и ужина, в случае же неотложной надобности выйти из столовой до окончания стола, воспитанники спрашивают изволения Инспектора и его Помощника, присутствующих в столовой.

§42. Посылать служителя за лишними порциями, или требовать пищи после срока, назначенного для выдачи, воспрещается.

§43. Послеобеденное время до занятных вечерних часов, а также время после ужина до вечерней молитвы предоставляется воспитанникам употреблять на отдых: они могут читать, заниматься ручными и механическими работами, рисовать, петь, заниматься музыкой, играть; но и среди игры должно соблюдаться приличие; резкий крик и шум и грубые шалости запрещаются.

§44. Отличные же по успехам и поведению воспитанники с особого на каждый учебный год разрешения Ректора Семинарии в послеобеденное время могут заниматься частными уроками и репетициями училищных учеников.

§45. В квартирах отлучки записываются в квартирный *журнальчик*, в семинарском же общежитии каждый воспитанник, имеющий надобность отлучиться из корпуса, получает от инспектора или дежурного помощника увольнительный билет или жетон.

§46. В часы, назначенные для вечерних занятий, корпусные воспитанники должны находиться в классных комнатах, а квартирные – в своих квартирах. *В летнее время корпусные воспитанники могут заниматься в семинарском саду, утром пред уроками и вечером до ужина.*

§47. Во время приготовления уроков воспитанники не должны мешать занятию товарищей; разговоры, шум и всякие занятия не имеют отношения к урокам, а также приготовление уроков вслух в это время воспрещается.

§48. В гардеробных, комодах, а также во всех ящиках и местах, назначенных для хранения воспитаннических вещей, соблюдается порядок и тишина.

§49. Вообще, как квартирные воспитанники, так и корпусные не допускают беспорядок в содержании помещений, а также всех вещей, служащих к их употреблению. Они *не позволяют себе рвать и бросать на пол бумаги*, обивать штукатурку, портить дверные, оконные, печные, ламповые, классные и спальные принадлежности, писать на стенах, столах, окнах, дверях, тушить лампы в классах, спальнях, коридорах и ватерклозетах; каждый воспитанник отвечает за порчу занимаемого им места на столе, скамье, в шкафе и вообще за порчу казенных вещей и если таковая порча произошла в его отсутствие, немедленно должен заявлять о том инспекции.

§50. В семинарском саду воспитанники не позволяют себе рвать цветов, портить ветки, делать вырезки на деревьях, лазать по деревьям и заборам, строить шалаши; напротив, во время послеобеденного отдыха заботятся о благоустройстве семинарского сада и принимают участие в садовых работах, в посадке и поливке цветов, деревьев, очистке дорожек и т. п.

§51. Воспитанники, окончившие приготовление своих уроков, пишут сочинения на данные им темы и читают рекомендованные им книги, чтение же книг, прежде чем приготовлены будут вполне назначенные к следующему дню уроки, воспрещается.

§52. Письменные упражнения должны быть самостоятельной работой каждого ученика, а не компиляцией или выпиской из печатных книг и учебников. На составление упражнений воспитанники должны употреблять все назначенное по расписанию время, а не один только день.

§53. Каждый воспитанник непременно сам должен переписывать свои упражнения и в назначенные сроки через классного дежурного предоставлять их Инспектору.

§54. Составлять упражнения другим и списывать черновые упражнения строго воспрещается.

§55. *Воспитанники должны переписывать свои упражнения на белой бумаге, старательно, четко, без росчерков, помарок и подчисток.*

Примечание. Упражнения с рецензиями преподавателей должны быть хранимы в течение всего учебного года и приносимы на экзамены для немедленного представления экзаменаторам, в случае их требования.

§56. От подачи письменных упражнений освобождаются только те воспитанники, которые были больны в продолжение всего или большей части срока, назначенного для упражнения и при том, если по роду болезни они не могли заниматься составлением письменных упражнений.

§57. Отлучки воспитанников как из общежития, так и квартир допускаются только по особо уважительным причинам и на сроки по возможности самые короткие, а также с особого каждый раз разрешения Инспекции (Определение Святейшего Синода 10 Декабря 1886 г.). При этом воспитанники, нуждающиеся в отлучке, прежде испрошения разрешения на это, обстоятельно и толково указывают место и время их отлучки. На ночь же никто из воспитанников не увольняется не иначе, как по личной просьбе их родителей и родственников, или *по письменному на каждый раз заявлению* известных инспекции лиц о желании их принять у себя воспитанника с обязательством доставить его в заведение к ½ 8 утра следующего дня.

§58. При отпуске на летние каникулы воспитанники могут получить увольнительные билеты только по предъявлению ими квитанций от заведующих библиотеками фундаментальною и ученическою о сдаче ими книг учебных и для чтения, а казеннокоштные сверх того *по предъявлении* ими *квитанций* экономa о принятии им от воспитанников казенных вещей.

§59. Состоя все время нахождения в отпуске на высоте своего звания и относясь с полным уважением и вниманием к порядкам заведения, все воспитанники как из краткосрочных, так и из каникулярных отпусков должны возвращаться непременно к назначенному сроку. *Не явившиеся из домов родителей спустя не-*

делю после назначенного срока и не представившие законного свидетельства о причине своей неявки, считаются выбывшими из заведения.

§60. Всякое увлечение, стоящее в противоречии с прямым назначением воспитанников Семинарии, должно быть чуждо жизни последних. Устройство лотерей, спектаклей, концертов, музыкальных и литературных вечеров и участие, как в них, так и в хорах любителей в приходских церквях, без особого на то разрешения Начальства, участие в чествованиях, носящих публичный характер как-то: совершение панихид по лицам, не принадлежащих по своей деятельности к составу Семинарии и складочные взносы и пожертвования на все, что не служит потребностям заведения, посещение трактиров, пивных, портерных, клубов, театров, городских садов и других мест общественных увеселений; употребление затем спиртных напитков, табаку, имение и хранение у себя как огнестрельного, так и вообще какого-либо оружия, будет ли то в виде их личной собственности или в виде чужой принадлежности, взятой под таким или иным предлогом от посторонних лиц, ношение длинных волос, бород, бакенбардов и усов, употребление нескромных причесок волос, ношение цветных сорочек, шляп, колец, перстней, очков, палок, тросточек и хлыстиков строго воспрещается, и виновные в нарушении правил, касающихся употребления спиртных напитков, участия в чествованиях, носящих публичных характер, а также держания у себя какого-либо оружия, на основании Циркулярного Указа Святейшего Синода, от 15 декабря 1886 года, за № 22 и от 29 декабря 1886 года за № 25, могут быть даже удаляемы из учебного заведения.

§61. Одежду как квартирные, так и корпусные воспитанники носят однообразную и приличную, соответственно временам года, причем своекоштные воспитанники относительно формы одежды применяются к форме одежды, выдаваемой казеннокоштным воспитанникам.

§62. В свободное от учебных занятий и удобное время предметом особенного внимания воспитанников должны быть занятия музыкой, живописью и другие подобные упражнения, развивающие эстетический вкус и отвлекающие от праздности и грубых удовольствий.

§63. Воспитанники заботятся далее о своем телесном здоровье, как весьма важном условии душевного благосостояния человека. Все общепринятые гигиенические правила касательно сохранения здоровья наблюдаются ими со всей аккуратностью.

§64. Пребывание на сквозном ветре, выход в потном состоянии на холодный воздух, также в холодную и сырую погоду во двор или сад без верхнего платья и особенно без фуражек, выход ночью из спален без обуви и т. п. не допускаются воспитанниками.

§65. В промежутки как между уроками, так и между часами вечерних занятий, а также на время обеда и ужина дежурные по классу и комнате воспитанники обязательно освежают комнатный воздух, открывая форточки.

§66. После обеда воспитанники не занимаются сразу приготовлением уроков, но приблизительно около часу употребляют на отдых от учебных занятий по преимуществу на свежем воздухе.

§67. Платье и белье свое воспитанники содержат в чистоте. Баню посещают обязательно не менее одного раза в две недели, а белье меняют еженедельно. Отправляясь же в баню, воспитанники должны брать с собой чистое белье, а при возвращении оттуда приносить с собой грязное и немедленно отдавать в стирку.

V

Относительно друг друга

§68. В своих взаимных отношениях воспитанники не допускают ни ссоры, ни брани, не обидных прозвищ, ни драк, ни злоупотребления силой против слабейших, ни неприличных слов и выражений и вообще ничего обидного, неучтивого, грубого и жестокого, но бывают дружественны, вежливы, обходительны, доброжелательны, честны и верны данному слову.

§69. Воспитанники удерживают также своих товарищей как в самом заведении, так и вне оного от всякого рода поступков несовместных с честью благовоспитанных юношей.

§70. Не дозволяется, однако, отдавать на суд товарищей или общих судебных учреждений какие-либо проступки товарищей.

§71. Разговоры и действия неблагопристойные, противные нравственной чистоте и могущие соблазнить товарищей, обман, ложь и подстрекательство к дурным поступкам не имеют места во взаимных отношениях воспитанников.

§72. Также не только присвоение себе чужих вещей, но даже пользование чужими вещами или книгами без дозволения тех, кому они принадлежат, не должны быть допускаемы воспитанниками.

Источник: Правила поведения для воспитанников Воронежской Духовной Семинарии. Воронеж, 1913. С. 1–31.

Приложение 3

Список тем письменных работ, предложенных воспитанникам Воронежской Духовной Семинарии в 1910-1911 учебном году

Предмет	Класс	Название темы
Священное Писание Ветхого Завета	IV	Пророчество Исайи о краеугольном камне
		Пророчества Иеремии о семидесятилетнем плене Вавилонском
	III	Главные мысли первой речи Господа (Иов. 34.)
		О чем пророчествуется во втором псалме?
	II	Кого можно считать писателем книг Иисуса Навина?
		Зачем Давид перенес Ковчег Завета в Иерусалим?
	I	Жизнь первых людей в раю
		Приготовление евреев к Синайскому законодательству
Догматическое богословие	VI	Учение Православной Церкви о частном суде
	V	Догмат о первородном грехе и учение о естественном совершенстве человека
		Как согласить с учением о Промысле Божием существование в мире так называемых «несправедливых страданий»?
Нравственное богословие	VI	Правильное понятие о свободе воли
Основное богословие	IV	Чудо и законы природы
		Предмет воли и чувства в религиозном познании
Православное руководство для пастырей	VI	Нравственные качества пастырей Церкви по апостольским правилам
		Взгляд святителя Григория Богослова на служение священника
		Значение идеи Церкви для пастыря Церкви
Литургика	V	Составные части общественного богослужения первых трех веков по свидетельству христианских писателей
Церковная история	VI	Религиозно-просветительская деятельность белого духовенства в период митрополичьего управления Русской Церковью
	V	Значение Вселенских соборов в последующей истории христианской церкви
		Реформы Папы Григория VII и значение их для Римо-Католической церкви
	IV	Почему учение Христово нашло для себя более подготовленную почву среди язычников, чем среди иудеев?
		Почему святые братья Кирилл и Мефодий почитаются апостолами славян?
Обличительное богословие	V	Разбор учения Римо-Католической церкви о чистилище с православной точки зрения
История и обличения русского раскола	VI	Разбор с православной точки зрения учения сектантов-раскольников о Втором Лице Пресвятой Троицы – Сыне Божьем
	V	Значение патриарха Никона в истории образования раскола
Философия	IV	Философия и религия в их взаимоотношении
		Философская деятельность Сократа и ее значение в истории развития человеческой мысли
		Какая разница между скептицизмом Пиррона и «сомнением» Давида?
		Значение слов Аристотеля «все люди по природе стремятся к

Предмет	Класс	Название темы
		познанию»
		Сходство и различие в учении стоиков, эпикурейцев и скептиков
Психология	III	Обзор главнейших источников психологии и выяснение их сравнительной важности
		Значение стоицизма для воспитания (психологический разбор в качестве примера рассказа Чехова «Лошадиная фамилия»)
		В чем заключается процесс ассоциаций представлений, и какие ассоциации я наблюдаю в своем сознании?
		Значение памяти для нашей духовной жизни
Теория словесности и русская литература	III	Карамзин как воспитатель человека вообще и русского в частности
		Какое значение для пастыря церкви имеет изучение литературы?
		Идеалы Фамусова и Чацкого по комедии Грибоедова «Горе от ума»
		Взгляд Пушкина на поэта и поэзию по стихотворениям: «Пророк», «Поэт», «Эхо», «Поэту», «Памятник», «Чернь»[918]
		В чем состоит идеал поэта по воззрениям В.А. Жуковского («Сельское кладбище»)
		Отношение помещиков и крестьян по рассказу Тургенева «Хорь и Калиныч»
		Картина украинской природы по поэме Пушкина «Полтава»
		Картина из жизни русского крестьянина эпохи крепостного права (по повестям Тургенева «Муму», «Малиновая вода»)
	II	Какие нравственные уроки мы можем извлечь из биографии Ломоносова?
		Крепостное право в комедии Фонвизина «Недоросль»
		Характеристика крестьянских детей по повести Тургенева «Бежин луг»
		Отличительные черты «балагурства» в драме Островского «Гроза»
		Как учились русские люди в старое время («Недоросль»)
		Труд – условие личного счастья человека (рассуждение)
		Отрицательные черты в характере Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны («Старосветские помещики» Гоголя)
	I	Весна – юность (сравнение)
		Не плюй в колодец, пригодится воды напиться (заключение)
		Митрополит Филипп пал жертвой за священный обычай печалования
		Язык мой – враг мой (рассуждение)
		Зима – старость (сравнение)
		Что телу любо – душе грубо
		С разбором выбирай друзей (рассуждение)
		Сенокос (описание)
Гражданская ис-	III	Реформы Фридриха Великого

[918] Сегодня известно под названием «Поэт и толпа».

Предмет	Класс	Название темы
тория		Религиозные верования русских славян-язычников
		Значение уничтожения местничества
		Деятельность патриарха Филарета на пользу русского государства
	II	Правительственная деятельность английского короля Альфреда Великого
		Положение низших классов населения в Западной Европе во время господства феодализма
		Причины возвышения Пруссии
		Церковная реформа Лютера
		Правительственная деятельность Генриха IV
	I	Древняя Месопотамия
		Государственное устройство в Древнем Египте
		Государственная деятельность Перикла
		Государственная деятельность Константина Великого
		Устройство римского войска

Источник: РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 234. Л. 42-45.

Приложение 4

Соображения Правления Воронежской Духовной Семинарии по вопросу об изменениях в строе духовных Семинарий

Специальные богословские классы должны существовать отдельно от общеобразовательной средней школы духовного ведомства, в отдельном помещении с особой администрацией и отдельными преподавателями, причем желательно, чтобы должность преподавателя соединялась с должностью воспитателя при особом окладе жалованья и при квартире в здании общежития, так чтоб учитель-воспитатель и жил вместе с учениками богословских классов.

2. Учебно-воспитательный режим должен быть строго церковным.

3. Школа богословская находится в ведении Епархиального Преосвященного и пользуется его особым попечением и вниманием.

4. В богословские классы имеют доступ все лица, получившие общее среднее образование и аттестованные с лучшей стороны по поведению; а также предоставляется право поступления в богословские классы по экзаменам лицам и не получившим полного среднего образования, но расположенным и способным к прохождению богословских наук.

5. Курс богословской школы должен быть двухгодичный, чтобы он по своей сравнительной непродолжительности выгодно отличался от курсов высших учебных заведений. При этом нужно иметь в виду, что при некотором увеличении числа недельных уроков курсы богословских наук свободно могут быть пройдены в два года по следующему расписанию:

Предмет	Первый год обучения	Второй год обучения
Священное Писание Ветхого Завета	6	2
Священное Писание Нового Завета	3	6
История Церкви общ. и русской	6	5
Догматическое богословие	3	3
Нравственное богословие		3
Литургика	2	2
Гомилетика	2	2
Каноническое право	2	1
Греческий язык	1	1

Предмет	Первый год обучения	Второй год обучения
Педагогика	1	1
Церковное пение	1	1
Итого	27	27

6. Все воспитанники богословских классов оканчивают курс с правом кандидата на священство и с правом поступления в духовные академии.

7. Выход по окончании богословской школы в светское ведомство возможен, но под условием уплаты всей суммы, затраченной на обучение и содержание воспитанника.

1. Первые 4 класса существующей семинарии должны равняться старшим четырем классам гимназии Министерства Народного Просвещения при отдельном существовании от духовных училищ, равняющихся первым четырем классам тех же гимназий.

2. В первых четырех классах преподаются следующие предметы и по такому расписанию:

Предмет	I класс семинарии/ 5 класс гимназии	II класс семинарии / 6 класс гимназии	III класс семинарии / 7 класс гимназии	IV класс семинарии / 8 класс гимназии
Чтение и объяснение Евангелия	2	2		
Введение в богословие			2	2
Словесность и история литературы	3	3	3	2
Логика, психология и история философии			5	6
Всеобщая и русская гражданская истории	3	4	3	3
Латинский язык	3	3	1	1
Греческий язык	2	2	1	2
Новые языки	6	6	2	2
Алгебра, геометрия и тригонометрия	5	4	3	2
Физика с космографией			4	4
Итого	24	24	24	24

3. Сроки для сочинений желательно увеличить.

4. Учебно-воспитательный режим должен соответствовать духовной школе; воспитателями должны быть учителя при квартире в общежитии.

5. Отношение Епархиального Архиерея к преобразованной семинарии такое же, какое определено уставом духовных семинарий 1867 г.

6. Педагогическое собрание Правления семинарии избирает кандидатов на должность Ректора и Инспектора, которые представляются на утверждение Святейшего Синода местным Архиереем на отдельный срок – на 6 лет.

7. Если Правление Семинарии будет иметь в виду кандидатов, то ему предоставляется право рекомендовать таковых и на должности учителей.

8. Оклад жалованья и пенсии учителям должны быть не ниже оклада учителей светских школ и при этом желательно, чтобы чрез каждое пятилетие оклад этот увеличивался, что может служить поощрением и поддержкою на службе. Младший оклад должен быть не меньше 1200 руб. за 12 и менее уроков. Назначить также особую плату за классное наставничество учителям – воспитателям и за чтение сочинений пропорционально количеству отделений в классах Семинарий.

9. Правлению Семинарии желательно предоставить автономное право в учебно-воспитательном отношении, причем дела по педагогическому собранию, решенные единогласно или большинством двух третей, предоставляются Епархиальному Архиерею только к сведению, прочия же дела на утверждение.

10 В распорядительном собрании Правления желательно увеличение из педагогического персонала числа членов не менее трех.

11. В семинарские классы поступают из духовных училищ без экзамена.

12. Школа должна быть всесословною без ограничения для иносословных.

Особое мнение у преподавателей Георгия Можарова, Петра Шарова, Ивана Филоновского

С проектом семинарии не согласны, так как предлагаемый проект стремится выделить или, вернее сказать, выбросить из учебной программы семинарии бого-

словский элемент и разрушить или уничтожить самый тип семинарии. Вместо ныне существующей семинарии проект предлагает два самостоятельных учебных заведения. Из первых четырех классов семинарии он создает гимназию, а последние два класса семинарии преобразуются в особую богословскую школу.

Такой проект явно порывает всякую связь со всеми традициями нашей духовной школы.

1) Тип нашей школы, то есть семинарии, испытан в течении целого столетия. Из семинарий выходили всегда, не говоря уже о блестящих и редких ее питомцах, рядовые замечательно трудолюбивые и полезные деятели, ценимые во всех ведомствах и на всех поприщах служения. В этом отношении никакая другая школа до сих пор не могла соперничать с нею. Прекрасной иллюстрацией к этому может служить замечательный факт из области судебного ведомства. Все мы знаем, как четыре года тому назад судебная палата и окружные суды вынуждены были признать неуменье кандидатов на судебные должности логически излагать свои мысли и правильно излагать их на бумаге. И это обнаружилось как раз после того, когда ученики семинарий в течение двух десятилетий не имели доступа в университет. Раньше же этого лучшими работниками в этом ведомстве были именно семинаристы.

Вот почему основной тип нашей школы мы считаем необходимым сохранить и на будущее время.

2) Проект не хочет считаться со специальной задачей семинарий – подготовлять достойных и вполне образованных пастырей церкви. Превратив четыре класса семинарии в совершенно светскую школу, в которой не будет преподаваться даже основной богословский предмет – Священное Писание, проект всех наших учащихся направляет к поступлению в высшие светские учебные заведения, а не к пастырству.

Для подготовки же пастырей церкви хочет создать какую-то специальную убогую школу, наполняя ее лицами, с одной стороны, неподготовленными к слушанию богословских наук, хотя и получивших светское среднее образование, с другой – простыми начетчиками, не получившими вообще правильного система-

тического образования. Такая постановка дела неизбежно поведет к снижению умственного уровня кандидатов священства.

3) Создавая взамен семинарии два учебных заведения с отдельной администрацией, с особым штатом преподавателей и вообще с особым строем, в отдельных даже помещениях, проект, во-первых, непроизводительно увеличивает расходы на содержание этих учебных заведений, а во-вторых, и это самое главное, ведет к тому, что общеобразовательные четырехклассные семинарии лишатся прав на получение местных церковных средств для своего содержания, так как они не будут отвечать своему прямому назначению – подготовлять пастырей Церкви.

По нашему мнению, основной тип семинарии не должен изменяться.

1) Семинария должна быть по преимуществу шестиклассной и главной своей задачей и целью должна ставить приготовление учащихся к пастырскому служению и к высшему богословскому образованию.

2) Средствами к достижению указанной цели должны служить: а) широко поставленный и значительно против нынешнего измененный общеобразовательный курс наук в первых четырех классах; б) тесно связанный с ним и на нем обоснованный курс богословских наук в последних двух классах, соответственно тому как это было по уставу семинарий 1867 г. Правильным мы считали бы дать более широкую постановку философским предметам, словесности и физике за счет уроков по древним языкам. Изучение новых языков желательно в четырех первых классах семинарии. Математика и гражданская история должны оставаться по расписанию устава 1867 г., из богословских предметов в первых четырех классах обязательно должно изучаться Священное Писание. Прочие богословские предметы изучаются в последних двух классах, как это было по уставу 1867 г. Но при этом практическое руководство для пастырей следует заменить двумя науками – пастырским богословием и каноническим правом.

3) Общеобразовательный курс первых четырех классов семинарии при такой постановке ничем не будет уступать гимназическому курсу, а по философской подготовке будет иметь даже всякое преимущество пред ним.

Такой общеобразовательный курс даст возможность ученикам, не желающим получать богословское образование, поступить в светские высшие учебные заведения из четвертого класса. И желательно, чтобы ученикам четвертого класса было предоставлено это право как это было при действии устава 1867 г.

Воронеж 10 февраля 1906 г. Преподаватели: Георгий Можаров, Петр Иванов, Иван Филоновский.

Источник: РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 173. Л. 29-32 об.

Приложение 5

Численность сектантов и старообрядцев в Воронежской губернии

Наименование города/уезда	1870 год		1889		1902		1904		1906		1908		1910		1912	
	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты
г. Воронеж	180		105	3	97	4	45		63		72		96		90	
у. Воронежский	991		3177		3562		4017		3658	28	3884	34	4125	16	4720	68
г. Бирюч																
у. Бирюченский	314		374		418		356		430		456		628		458	20
г. Бобров														1		
у. Бобровский	282		1112	457	861	654	898	728	965	549	952	467	1052	603	1506	622
г. Богучар						9	5		8		10		19		22	
у. Богучарский	401		718		776	184	887	337	715	612	910	566	781	526	894	553
г. Валуйки																
у. Валуйский	4616	43	5075		4426		4316		4609	1	4640	1	5049	6	4727	10
г. Задонск																
у. Задонский																
г. Землянск																
у. Землянский							3	11								
г. Коротояк																
у. Коротоякский	2055		2457		2378	75	2244	80	2647	731	2803	526	3285	586	2268	1398
г. Нижнедевицк																
у. Нижнедевицкий																
г. Новохоперск																

Наименование города/уезда	1870 год		1889		1902		1904		1906		1908		1910		1912	
	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты
у. Новохоперский	165	1279	64	2918	178	3666	676	2718	188	3973	207	3973	178	4727	216	4949
г. Острогожск								3								
у. Острогожский		1				6		26			6		13		27	59
г. Павловск										3						
у. Павловский				582		380		390				452		460		447
Всего в губернии	9004	1323	13082	3960	12696	4978	13447	4293	13283	5897	13940	6019	15226	6925	14928	8126

Примечание: Численность указана в лицах обоего пола.

Источник: Памятная книжка Воронежской губернии на 1870-1871 гг. Воронеж, 1871. С. 50-51; Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 г. Воронеж, 1892. С. 94; Обзор Воронежской губернии за 1902 г. Воронеж, 1903. С. 43; Обзор Воронежской губернии за 1904 г. Воронеж, 1905. С. 54; Обзор Воронежской губернии за 1906 г. Воронеж, 1907. С. 45; Обзор Воронежской губернии за 1908 г. Воронеж, 1909. С. 60; Обзор Воронежской губернии за 1910 г. Воронеж, 1911. С. 57; Обзор Воронежской губернии за 1912 г. Воронеж, 1913. С. 56.

Приложение 6

Устав «Бюро забастовавших семинаристов» и требования воспитанников Воронежской Духовной Семинарии в ходе волнений в учебном заведении в 1905 и 1912 гг.

УСТАВ «БЮРО ЗАБАСТОВАВШИХ СЕМИНАРИСТОВ»

Бюро забастовавших семинаристов является органом, объединяющим всех забастовавших семинаристов и направляющим общий ход академического движения в местной духовной семинарии.

Функции Бюро определяются следующие:

§1

Бюро с момента прекращения всяких сношений с семинарией, то есть с той минуты, когда забастовавшие товарищи покинут учебное заведение, немедленно приступает к агитации среди местной учащейся молодежи с целью привлечь последнюю к движению.

§2

Бюро выпускает к учащимся подписные листы в пользу наиболее нуждающихся забастовавших товарищей.

§3

Бюро устраивает ряд митингов и сходов, на которых его представители разъясняют цели и мотивы начавшейся забастовки.

§4

Бюро издает как возможно чаще листки, воззвания, а также извещения об общем ходе дел.

§5

Бюро изыскивает широкие материальные средства на свои собственные нужды, почтовые расходы и проч.

§6

Бюро регулярно извещает всех забастовавших товарищей о ходе дела.

§7

Бюро заводит отношения со всеми местными организациями учащихся с той или иной целью.

§8

Бюро имеет право приглашать к себе в бюро активных работников кого-либо из местной молодежи.

§9

Бюро ведет дальнейшую агитацию в среде примкнувших к забастовке товарищей.

§10

По созыву бюро все учащиеся забастовавшие семинаристы обязаны прибыть из их места на семинарскую сходку с целью выяснить дальнейшую тактику забастовавших.

§11

В особо важных случаях бюро имеет право выходить за пределы перечисленных параграфов.

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп.1. Д. 553. Л. 2-3.

ТРЕБОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В ХОДЕ ЗАБАСТОВКИ 1905 ГОДА

Требования ректору

Требования касательно режима школы:

1) Гуманное отношение ко всем воспитанникам.

2) Отмена дисциплинарных взысканий, как-то: карцера, оставление за голодным обедом без обеда и т.п.

3) Выставка баллов по поведению на основании одних только точно установленных данных независимо от баллов предыдущей четверти.

4) Расширение инициативы учащихся и их самоуправления, а именно:

а) позволения устанавливать кружки самообразования без контроля начальства;

б) устройство кассы взаимной помощи;

в) расширение каталога ученической библиотеки;

г) устройство читальни, в которую должны быть допущены все газеты и журналы;

5) уничтожение обысков;

6) неприкосновенность ученической корреспонденции;

7) расширение отпуска для всех воспитанников и уравнения его без различия класса;

8) позволение посещать театры и концерты;

9) свободный выход на квартиры и выбор их.

Требования, обусловленные местным чисто случайным порядком:

1) Улучшение гигиенических условий обоих общежитий, перемена зданий и освещения.

2) Полная обмундировка казенных воспитанников галошами, полный комплект белья.

3) Выдача по желанию на руки казенным воспитанникам денег, предназначенных для их обмундировки.

4) Утренний чай в праздник до обедни.

5) Завтрак утром между 2 и 3 уроками.

6) Вечерний чай с булками.

7) Расширение прав дежурного по кухне.

В Святейший Синод

Собрание представителей Воронежской Духовной Семинарии всех классов приняло следующую резолюцию касательно школьной программы:

1) Мы ставим своей целью добиться устройства семинарий по общему типу средней общеобразовательной школы и уничтожению бюрократизма в отношении начальства к ученикам.

2) На пути к этому идеалу общие требования таковы:

Касательно общего строя школы:

1) Соединение Духовного училища с семинарией в одну образовательную школу с прибавлением 2-х специальных богословских классов.

2) Право окончивших 9 классов школы поступать во все высшие учебные заведения без различия разряда, а окончивших богословские классы в духовную академию, тоже без различия разряда.

3) Введение лекционного способа преподавания в старших трех классах с полугодовыми репетициями.

4)Уничтожение сословных различий при поступлении в духовные школы.

Касательно режима школы:

1) Уничтожение обысков.

2) Свободный переход в квартиры и их выбор.

3) Гуманное отношение Начальства ко всем воспитанникам.

4) Выставка баллов поведения сообразно поведению воспитанника, а не от зависимости от баллов предыдущей четверти.

5) Расширение инициативы учащихся и самоуправления, а именно:

а) позволение устраивать кружки самообразования и собрания без контроля Начальства;

б) устройство кассы взаимопомощи;

в) заведывание учащихся библиотекой, каталог которой должен быть расширен до каталога публичной библиотеки;

г) устройство читальни, в которую должны быть допущены все газеты и журналы;

д) участие воспитанников в распределении пособий и в заведывании экономической частью.

Требования касательно программы образования:

1) Введение в курс наук естествоведения и новых языков обязательно от младших классов Духовного училища.

2) Расширение математики, физики, новейшей литературы, основного богословия, уничтожение греческого и латинских языков, как обязательных, пасхалий Библии и Священной Истории.

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп.1. Д. 553. Л. 11-14.

ТРЕБОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В ХОДЕ ВОЛНЕНИЙ 1912 ГОДА

1. Отнюдь не увольнять воспитанников, забранных полицией 27 ноября, не обращая внимание на балл по поведению за первую четверть.

Требования, касающиеся режима школы:

2. Гуманное отношение инспекции ко всем воспитанникам.

3. Выставка баллов по поведению на основании одних только точно установленных фактов, независимо от балла предыдущей четверти и аттестатов из училища.

4. Расширение инициативы учащихся и их самоуправления, а именно:

a) позволение устраивать кружки самообразования без контроля начальства;

b) свободный доступ в фундаментальную библиотеку;

c) заведывание учащимися библиотекой, каталог которой должен быть расширен по усмотрению учащихся.

5. Уничтожение обысков.

6. Неприкосновенность ученической корреспонденции.

7. Расширение отпуска и уравнение его для всех учащихся без различия классов.

8. Безусловное позволение посещать театры и концерт.

9. Возвращение отобранных книг из ученической библиотеки.

10. Право снимания помещений для балов и вечеров.

11. Отмена увольнений из семинарии по малоуспешности среди года и особенно после первой четверти.

12. Балл 2 ½ безусловно должен считаться переводным и допущение к экзаменам всех воспитанников, не принимая во внимание их годовых баллов.

13. Предупреждения, касающиеся новых постановлений Правления Семинарии или Святейшего Синода, делать в начале учебного года, а не в конце.

14. Вежливого отношения инспектора к воспитанникам, в противном же случае, его увольнения.

Источник: ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1926. Л. 2.

Приложение 7

Список законодательных предположений, подписанных воронежскими депутатами-клириками в ходе работы Государственной думы

Созыв Гос. думы / сессия	№ законопредположения	Дата выдвижения	Кол-во подписавших	Имя подписавшего	Краткое содержание законодательного предположения
III/I	68	15.12.1907	94	Белозоров	Об ассигновании на 1908 г. по смете Святейшего Синода 4003740 руб. на жалованье учащим в церковных школах и устройство, и открытие новых школ
	106	29.01.1908	35		О необходимости отпуска 6 000 000 руб. из средств государственного казначейства на ремонт школьных помещений
	141	15.02.1908	50		О необходимости ужесточения наказаний за похищение и повреждение чужого леса и самовольное пользование чужим имуществом
	173	07.04.1908	90		Об отпуске из государственного казначейства дополнительных средств на нужды начального образования
	268	03.04.1908	77		О необходимости возобновления приостановленного в 1882 г. действия земского положения 1875 г. и упразднении распорядительных комитетов по земским делам в области Войска Донского
	273	04.04.1908	192		О сосредоточии мест продажи крепких напитков исключительно в городах, так как пьянство распространялось главным образом среди сельского населения
	411	23.05.1908	34		Предлагалось изменить закон об открытии аптек, об упразднении аптечной монополии и разрешении желающим городам или земствам открывать аптеки
	412	23.05.1908	101		О введении в Сибирских губерниях и областях земского самоуправления
	486	09.06.1908	104		Об отмене некоторых статей Устава акцизных сборов, касающихся выдачи премий в видах содействия частной спиртовой промышленности. О необходимости отмены премий за развитие частной спиртовой промышленности
	626	17.06.1908	50		Предлагалось учителей и учительниц приходских училищ привлечь к обязательному участию в училищных пенсионных кассах
III/II	93	01.12. 1908	105	Белозоров,	Законопредположение об увеличении окладов работникам почтово-

Созыв Гос. думы / сессия	№ законопредположения	Дата выдвижения	Кол-во подписавших	Имя подписавшего	Краткое содержание законодательного предположения
				Спасский	телеграфной службы
III/II	116	17.12.1908	67	Белозоров	Проект введения в казачьих областях империи начал самоуправления, с целью ослабления участия военного элемента в вопросах управления
	197	03.02.1909	33	Спасский	О наследовании лицами женского пола во всех линиях и степенях родства имущества в равных долях с лицами мужского пола
	228	18.02.1909	30	Спасский	Согласно закону, городское управление получало право попудного налогового сбора с товаров, провозимых по водным путям, с тем чтобы на полученные деньги поддерживать пристани и коммуникации в должном порядке
	235	21.02 1909	36	Белозоров	О необходимости подвергать оценочному сбору в пользу города находящиеся в пределах городского поселения недвижимые имущества
	236	21.02. 1909	43	Белозоров	О повсеместном запрещении тотализатора, ужесточении наказания за запрещенные азартные игры с целью повышения нравственности населения
	240	21.02.1909	96	Спасский	О необходимости упорядочить систему выплаты пенсий раненым нижним чинам армии
	257	03.03.1909	83	Спасский	О необходимости сложить числящиеся выкупные платежи с: 1. единоверцев и старообрядцев, 2. бывших вольных людей второго разряда, 3. сельских вечных чиншевиков, 4. русских арендаторов православного исповедания в Западных губерниях империи
	428	05.05.1909	130	Белозоров, Спасский	Об учреждении в городе Полтава агрономического института имени императора Петра I в честь 200-летнего юбилея Полтавской победы
III/III	118	11.12.1909	41	Белозоров	О дополнительном ассигновании сверх занесенных в проект сметы Министерства Народного Просвещения на 1910 г. 4 млн. руб. на школьно-строительные надобности начальных училищ, 2 млн. руб. на развитие школьного дела
	119	11.12.1909	38	Белозоров	О допущении лиц женского пола к занятию должности инспектора народных училищ
III/III	129	11.12.1909	40	Белозоров	Об установлении вычетов из довольствия членов Государственной Думы в случае удаления из заседания или устранения на определенный срок от участия

Созыв Гос. думы / сессия	№ законопредположения	Дата выдвижения	Кол-во подписавших	Имя подписавшего	Краткое содержание законодательного предположения
					в собраниях Думы за нарушение порядка
	139	18.12.1909	54	Белозоров	О необходимости привлечения с 1 января 1911 г. к обязательному участию в высочайше утвержденной 12 июня 1900 г. пенсионной кассе народных учителей и учительниц евреев еврейских начальных училищ и учителей, преподающих в талмуд-торах общеобразовательные предметы
	186	08.02.1910	45	Белозоров	О необходимости изменения норм и правил о прогонных деньгах. Размер прогонных денег должен был стать таким, чтобы лишь возместить затраты на проезд и проч. нужды, но не делаться источником обогащения
	558	02.06.1910	147	Белозоров	О необходимости предоставления приходам Российской православной церкви прав юридического лица
III/IV	17	27.10.1910	83	Спасский	О необходимости изменений в системе здравоохранения Российской империи: учреждение Министерства Государственного Здравоохранения с целым рядом функций, в том числе по надзору за лечебными заведениями страны
	313	11.03.1911	164	Белозоров	О применении Положения о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. к Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской, Подольской губерниям
	347	11.03.1911	116	Спасский	Изменения в деятельности средней школы (более активное участие общественности в деятельности средней школы и начальной школы), новая схема образования: сначала 4 года начальной школы, затем четырехлетний курс высшей начальной школы, далее 4 года общеобразовательной средней школы и затем высшее учебное заведение
	358	30.03.1911	53	Белозоров	О пожарных мероприятиях, согласно которым каждое населенное место, насчитывающее не менее 100 домов должно обладать организованной пожарной помощью (должны прибыть не более чем за 10 минут). О необходимости учредить особый налоговый сбор на страхование имущества от пожаров

Созыв Гос. думы / сессия	№ законопредположения	Дата выдвижения	Кол-во подписавших	Имя подписавшего	Краткое содержание законодательного предположения
III/V	141	30.11.1911	52	Белозоров, Спасский	О дополнении ст. ст. 24 и 34 Городового положения 1892 г. в отношении городов 9 западных губерний (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Подольской). В ст. 24: расширить число избирателей лицами, владевшими имуществом в пределах города, обложенными сборами в пользу города, и лицами, выплачивавшими государственный квартирный налог. В ст. 34: дополнить положением о разделении избирательного собрания на 2 отделения (от русского населения и от прочих)
	204	09.12.1911	121	Белозоров	В ответ на прекращение со стороны США действия трактата о торговле 1 января 1839 г., предлагалось ввести ряд протекционистских мер, с тем чтобы защитить внутриэкономические интересы страны
	270	01.02.1912	101	Спасский	О необходимости улучшения материального обеспечения судей в Варшаве
	339	10.02.1912	150	Спасский Белозоров	О реформе учительских институтов, о необходимости увеличения количества учительских институтов, о расширении преподаваемого курса (внесение в курс педагогики большего числа часов по психологии)
	365	25.02.1912	45	Спасский	Об увеличении средств, отпускаемых на содержание учительских семинарий, и об улучшении материального положения служащих в них
	529	17.04.1912	44	Белозоров	О выделении дополнительных средств на скорейшее создание водного пути Рига-Херсон с целью улучшения судоходства в стране
	556	27.04.1912	90	Белозоров, Спасский	Об уравнении служебных прав и материального положения лиц, служивших в правительственных средних общеобразовательных женских учебных заведениях с правами и материальным положением персонала мужских средних общеобразовательных учебных заведений
	706	23.05.1912	45	Спасский	Об улучшении служебного положения учащих в начальных училищах. Преподаватели начальных училищ должны получать прибавку к основному окладу в

Созыв Гос. думы / сессия	№ законопредположения	Дата выдвижения	Кол-во подписавших	Имя подписавшего	Краткое содержание законодательного предположения
					размере 60 руб. в год за каждое пятилетие
IV/I	9	03.12.1912	58	Попов	О необходимости выделения из средств государственного казначейства с 1913 г. по 610 тысяч рублей в год на строительство и обновление православных храмов
	24	10.12.1912	42	Алферов	Об изменении порядка избрания земских гласных. Предоставление права участвовать в избрании земских гласных лицам, владевшим вдвое меньшим земельным наделом, чем по прежнему закону
	28	14.12.1912	123	Алферов, Попов	Предложение ряда мер, способствовавших в будущем введению всеобщего обязательного начального образования
	93	06.02.1913	140	Алферов	О необходимости выкупа государством Московско-Киево-Воронежской железной дороги
	94	06.02.1913	72	Алферов, Попов	О необходимости выделения 120 тысяч рублей на постройку в Лейпциге памятника на могиле 24 тысяч русских воинов, погибших во время Битвы народов при Лейпциге
	113	13.02.1913	174	Алферов, Попов	Об установлении пятилетних прибавок за выслугу лет учителям и учительницам народных училищ ведомства Министерства Народного Просвещения и о повышении окладов законоучителям названных училищ
	166	27.02.1913	133	Алферов, Попов	Об улучшении материального обеспечения православного духовенства: об увеличении доходов и о размерах пенсий
	208	13.03.1913	37	Попов	Предлагались меры к упорядочиванию хлебной торговли (в частности, введение государственной монополии на вывоз хлеба за границу и т.д.)
	215	15.03.1913	46	Попов	О выделении из государственного казначейства средств на постройку и ремонт зданий духовно-учебных заведений (2 639 527 руб. в течение двух лет: 1913 и 1914 гг.)
	245	02.04.1913	36	Алферов	Предлагался ряд дополнений к правилам о печати, в частности, введение уголовной ответственности за преступления в области печати (опубликование клеветы, запрещенных лозунгов и т.п.)

Созыв Гос. думы / сессия	№ законопредположения	Дата выдвижения	Кол-во подписавших	Имя подписавшего	Краткое содержание законодательного предположения
IV/I	258	02.04.1913	93	Алферов	Об изменении и дополнении устава пенсионной кассы народных учителей и учительниц и закона 1 июня 1910 г.
	346	20.05.1913	54	Алферов	О необходимости запретить открывать при каждом основном классе мужских гимназий, прогимназий и реальных училищ более одного параллельного отделения, в связи с тем, что за работу в них учителям доплачивали значительно меньше, чем в основных классах
	388	27.05.1913	82	Алферов, Попов	Об установлении особого налога на ввозимые из-за границы и выделываемые в России кинематографические ленты
	448	07.06.1913	31	Алферов, Попов	О необходимости принять меры к снижению цен на сахар (путем уменьшения акцизного сбора на сахар)
	633	22.06.1913	55	Алферов, Попов	О временном увеличении окладов содержания и пенсий доцентов и профессоров православных духовных академий
IV/II	41	25.10.1913	50	Алферов	О необходимости внесения изменения в устав Уголовного и Гражданского судопроизводства, согласно которому приглашать экспертов мог только суд. Всякое внесудебное вознаграждение строго запрещалось
	146	26.11.1913	66	Алферов	О необходимости законодательно запретить ритуальный убой скота у иудейских общин, разделение мяса на кошерное и некошерное и о запрете практиковавшегося у евреев налога на кошерное мясо – коробочного сбора
	184	03.12.1913	161	Алферов	О повышении пенсий православному духовенству
	263	04.02.1914	68	Алферов	Об учреждении высшего сельскохозяйственного института в городе Минске
	264	04.02.1914	67	Алферов	Об учреждении университета в Северо-Западном крае

Созыв Гос. думы / сессия	№ законопредположения	Дата выдвижения	Кол-во подписавших	Имя подписавшего	Краткое содержание законодательного предположения
IV/II	409	14.03.1914	82	Алферов	Об учреждении в городе Томске Сибирской духовной академии
	429	21.03.1914	39	Алферов	Об освобождении православной церкви от сборов на содержание духовно-учебных заведений и переносе их обеспечения на средства казны
	506	21.04.1914	40	Алферов	Об улучшении материального положения лиц, служащих в Императорских университетах по канцелярской и хозяйственной частям, и об увеличении числа этих лиц
	820	04.06.1914	45	Алферов	О распространении действия крестьянского поземельного банка на лиц всех сословий, проживающих в сельских местностях, прослуживших не менее пяти лет на государственной или общественной службе или в качестве священно- и церковнослужителей
IV/IV	15	01.08.1915	205	Алферов	Об отмене особых привилегий, присвоенных собственникам дворянских вотчин в губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской
	43	18.08.1915	88	Алферов	Об увеличении наказаний за проступки и преступления, связанные со снабжением армии и об ответственности за взятки, посулы и проч.
	44	21.08.1915	77	Алферов	О ликвидации немецкого землевладения в России
	97	04.03.1916	66	Алферов	О необходимости развития машиностроения в России

Источник: Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. – Санкт-Петербург: Государственная типография. Третий созыв. Сессия первая, 1908. Т. 1. – № 68, 106, 141, 173, 268, 273; Т. 2. –№ 411, 412, 486, 626; Сессия вторая, 1909. Т. 1. – № 93, 116, 197; Т. 2. – № 228, 235, 236, 240, 257, 428; Сессия третья, 1910. Т. 1. – № 94, 118, 119, 129, 139, 186; Т. 3. – № 558; Сессия четвертая, 1910. Т. 1. – № 17; Т. 4. – № 313, 347, 358; Сессия пятая, 1911. Т. 1. – №

141, 204; Т. 2. – № 270, 339; Т. 3. – № 365; Т. 4. – № 529, 556; Т. 5. – № 706; Четвертый созыв. Сессия первая, 1913. Вып. 1. – № 9, 24, 28, 93, 94, 113; Вып. 2. – № 166, 208, 215, 245, 258; Вып. 3. – № 346; Вып. 4. – № 388 ; Вып. 5. – № 448; Вып. 6. – № 633; Сессия вторая, 1913. Вып. 1. – № 41; 1914. Вып. 2. – № 146, 184; Вып. 3. – № 263, 264; Вып. 4. – № 409; Вып. 5. – № 429, 506; Вып. 9. – № 820; Сессия четвертая, 1915. Вып. 1. – № 15, 43, 44; 1916, Вып. 9. – № 97.